

ЩЁЛОКОВ

Сергей
Крегов

ЖИЗНЬ ЗАМЕЧАТЕЛЬНЫХ ЛЮДЕЙ

Annotation

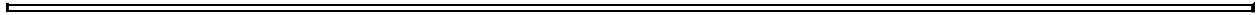
Сначала застрелилась любимая жена, а спустя некоторое время и сам он покончил с собой. Кто-то считает эту трагедию едва ли не закономерным итогом тех шестнадцати лет, в течение которых Н. А. Щёлоков возглавлял МВД СССР. По-другому расценивают случившееся люди, которые хорошо знали министра и его семью. Почему-то в наше время принято считать, что люди уходят из жизни добровольно, лишь чувствуя свою вину, избегая возмездия. И всё дальше от нас удаляется то время, когда человек решался на роковой шаг в отчаянной попытке сохранить честь и достоинство. Что же и как происходило в нашем случае? Об этом — книга, автор которой прорывает завесу многолетнего молчания, слухов и домыслов, окутавших судьбу ее героя.

- [Сергей Кредов](#)
 - [РЕФОРМАТОР ЭПОХИ ЗАСТОЯ](#)
 - [Глава первая](#)
 - [Глава вторая](#)
 - [Глава третья](#)
 - [Глава четвертая](#)
 - [Глава пятая](#)
 - [Глава шестая](#)
 - [Глава седьмая](#)
 - [Глава восьмая](#)
 - [Глава девятая](#)
 - [Глава десятая ЗАВЕДЕННЫЙ МЕХАНИЗМ](#)
 - [Глава одиннадцатая](#)
 - [Глава двенадцатая](#)
 - [Глава тринадцатая](#)
 - [Глава четырнадцатая](#)
 - [Глава пятнадцатая](#)
 - [Глава шестнадцатая](#)
 - [Глава семнадцатая](#)
 - [Глава восемнадцатая](#)
 - [Глава девятнадцатая](#)
 - [Глава двадцатая](#)

- [Глава двадцать первая](#)
- [Глава двадцать вторая](#)
- [Глава двадцать третья](#)
- [ПРИЛОЖЕНИЯ](#)
 - [ИЗ ДНЕВНИКОВЫХ ЗАПИСЕЙ Н. А. ЩЁЛОКОВА \(1969–1980\)](#)
 - [ИЗ ПРОТОКОЛА ДОПОЛНИТЕЛЬНОГО ДОПРОСА СВИДЕТЕЛЯ ОТ 3 ИЮЛЯ 1984 ГОДА](#)
 - [Н. А. ЩЁЛОКОВ В ВОСПОМИНАНИЯХ](#)
 - [ВЕХИ РЕФОРМЫ \(1966–1982\)](#)
 - [РУКОВОДИТЕЛИ ОРГАНОВ ВНУТРЕННИХ ДЕЛ РОССИИ — СССР](#)
- [ИЛЛЮСТРАЦИИ](#)
- [ОСНОВНЫЕ ДАТЫ ЖИЗНИ И ДЕЯТЕЛЬНОСТИ Н. А. ЩЁЛОКОВА](#)
- [КРАТКИЙ СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ](#)
- [СЛОВА БЛАГОДАРНОСТИ](#)
- [notes](#)
 - [1](#)
 - [2](#)
 - [3](#)
 - [4](#)
 - [5](#)
 - [6](#)
 - [7](#)
 - [8](#)
 - [9](#)
 - [10](#)
 - [11](#)
 - [12](#)
 - [13](#)
 - [14](#)
 - [15](#)
 - [16](#)
 - [17](#)
 - [18](#)
 - [19](#)
 - [20](#)
 - [21](#)

- [22](#)
- [23](#)
- [24](#)
- [25](#)
- [26](#)
- [27](#)
- [28](#)
- [29](#)
- [30](#)
- [31](#)
- [32](#)
- [33](#)
- [34](#)
- [35](#)
- [36](#)
- [37](#)
- [38](#)
- [39](#)
- [40](#)
- [41](#)
- [42](#)
- [43](#)
- [44](#)
- [45](#)
- [46](#)
- [47](#)
- [48](#)
- [49](#)
- [50](#)
- [51](#)
- [52](#)
- [53](#)
- [54](#)
- [55](#)
- [56](#)
- [57](#)
- [58](#)
- [59](#)
- [60](#)

- [61](#)
- [62](#)
- [63](#)
- [64](#)
- [65](#)
- [66](#)
- [67](#)
- [68](#)
- [69](#)
- [70](#)
- [71](#)
- [72](#)
- [73](#)
- [74](#)
- [75](#)

**Сергей Кредов
Щёлоков**

И. Щёлоков.

РЕФОРМАТОР ЭПОХИ ЗАСТОЯ

Эта книга — о Николае Анисимовиче Щёлокове, пятидесятом министре внутренних дел в истории ведомства и тринадцатом — в советской истории.

МВД называли в XIX веке «самым близким к населению правительственным органом». Щёлоков возглавлял его 16 лет — больше, чем кто-либо до и после него.

В бытность Николая Анисимовича министром врагов и недоброжелателей у него хватало. После его отставки и ухода из жизни число их только увеличилось. Однако даже самые яростные его критики, как правило, признавали заслуги Щёлокова-руководителя. Правда, задачу его часто упрощали, а успехи объясняли исключительно дружескими отношениями с тогдашним главой партии и государства Л. И. Брежневым. Между тем Николай Анисимович Щёлоков провел глубокие преобразования в возглавляемом им министерстве. Как бы сейчас сказали, он был «проектным» человеком. Проект, доверенный Щёлокову, по сложности превосходил проект преобразования едва ли не любой другой отрасли страны. Перед ним даже никто не ставил такой задачи — реформировать МВД. Он реагировал на требования жизни, испытывал давление незаурядной команды, которую сам же сформировал. В результате многолетнего кропотливого труда получилась *реформа* — настоящая, глубокая, о которой его наследники могли только мечтать.

Опыт «щёлоковского 16-летия» интересен вот еще чем. Министерство в 1966–1982 годах преобразовывалось *изнутри*, по рецептам, которые вырабатывались в нем самом. Плохо или хорошо получалось, но получалось в основном то, что предлагали лучшие ученые и практики того времени. Щёлоков умел сформулировать эти предложения в приемлемой для тогдашнего руководства страны форме и обладал достаточной энергией и настойчивостью, чтобы довести их до практического воплощения. Другого подобного периода в истории МВД просто не было. Руководителям этого ведомства всегда чего-то не хватало: либо желания, либо времени, либо политической поддержки. А тут все совпало: и желание, и запас времени, и поддержка... Хватило и умения. В команде пятидесятого министра подобрались профессионалы, максималисты и романтики. Как скажет один из экспертов на страницах книги, почти всё то новое, что впоследствии будет предлагаться для внедрения в МВД, либо уже

применялось, либо всерьез изучалось в ведомстве при Щёлокове.

Но ведь было и такое явление — «щёлоковщина»? Возможно. Мы об этом в книге поговорим. Но уже сейчас следует отметить, что представляла собой *борьба* со «щёлоковщиной», пик которой пришелся на 1983–1984 годы. Корчевание «щёлоковщины» выбивало из правоохранительной системы по 20–30 тысяч профессионалов в год. Мгновенно оказались разрушены многие институты и традиции, которые кропотливо создавались полтора десятилетия. От этого «очистительного» мероприятия Министерство внутренних дел по большому счету так и не оправилось. Фигуры борцов со «щёлоковщиной» вошли в летопись МВД как наиболее зловещие и разрушительные.

Кем был пятидесятый министр: человеком реформы или человеком застоя? Реформатором, испорченным нравами застоя?

Застой в той или иной форме раз за разом воспроизводится в России. Воспроизводятся клановость, избирательное правосудие. Воспроизводятся руководители, которые хорошо начинают, а через шесть — восемь лет их хоть сажай. Из рядов вчерашних неприкасаемых их наследники порой выдергивают одного, часто не самого одиозного, показательно карают, остальные, подлечив нервы после переживаний, наслаждаются добытыми благами жизни. Раз за разом. Потом имена их забывают. А пятидесятого министра в его ведомстве многие поминают добрым и сочувственным словом до сих пор и будут помнить еще долго.

Писать о личности Николая Анисимовича Щёлокова в наши дни — значит, заново исследовать буквально каждый эпизод его жизни. Его биографию писали победители. Дописывали... они же, но уже после своего краха, желая напомнить обществу о своих заслугах в борьбе со страшным явлением — «щёлоковщиной», которая, по их утверждению, была не более чем разновидностью «брежневщины». Ни сам Николай Анисимович, ни многие близко знавшие его люди по разным причинам не имели возможности высказаться. В результате память о Щёлокове существует как бы в двух преданиях — устном и письменном. И эти версии разительно отличаются одна от другой! Автор убедился в этом, работая над книгой. Можно сказать, что большего разброса мнений об одном и том же человеке автор в своей жизни не встречал. Неужели Николай Анисимович был таким сложным для постижения человеком? Нет, не был. Тогда в чем дело? Дело в особенностях исторического момента, когда создавался шаблон под названием «всесильный министр Щёлоков», и в том, что его соотечественники по-прежнему *ленивы и нелюбопытны*...

Молчавшие многие годы люди — сыщики, следователи, ученые,

деятели искусства, бывшие диссиденты, коллеги Щёлокова и далекие от проблем милиции люди выскажутся на страницах этой книги. Мы попробуем привести к общему знаменателю устное и письменное предания об этом человеке. При этом автор заверяет, что не обойдет вниманием ни одного острого поворота в биографии пятидесятого министра. Все обвинения, которые когда-либо высказывались в его адрес, будут в книге приведены и с максимально возможной объективностью разобраны. Со своей стороны читатель тоже должен быть готов к тому, что в ряде случаев ему придется пересмотреть свое отношение к личности и делам Николая Анисимовича Щёлокова. Лучше всего вообще отречься от всяких шаблонов.

Пятидесятый министр внутренних дел с его достоинствами и недостатками — современная фигура. Недостатки его многократно преувеличены и остались в памяти. Достоинства преуменьшены и забыты, а ведь его опыт «проектного» человека заслуживает изучения и, по убеждению автора, весьма и весьма востребован.

Глава первая

НЕТИПИЧНЫЙ «ДНЕПРОПЕТРОВЕЦ»

«Революция — это миллион новых вакансий», — говорил Наполеон Бонапарт.

Первые руководящие вакансии, появившиеся в России в октябре 1917 года, заняли В. И. Ленин и его соратники. Несмотря на кровавую междоусобицу в партии и практически поголовное уничтожение «ленинской гвардии», уцелевшие представители этой гвардии участвовали в управлении страной вплоть до начала 1960-х.

Н. С. Хрущев (родился в 1894 году) к деятельным участникам Октябрьской революции принадлежать уже не мог хотя бы в силу возраста. Тем более к ним не принадлежали Л. И. Брежнев и члены его Политбюро, все родившиеся в XX веке. Хотя в конце 1970-х и появится анекдот, что известная фраза «сегодня — рано, а завтра — поздно» принадлежит не Ленину, а маленькому бровастенькому мальчику, который подвернулся вождю на ступеньках Смольного...

Еще немного задержим внимание на цифрах. Возможно, эти размышления окажутся совсем не лишними, когда пойдет разговор о событиях 1960–1980-х годов, периоде взлета и заката поколения руководителей, к которому принадлежал и Николай Анисимович Щёлоков.

В 1902 году родился старейший из соратников Брежнева — М. А. Суслов. И дальше: в 1903 году — Н. В. Подгорный, в 1904-м — А. Н. Косыгин, в 1906-м — Л. И. Брежнев и А. П. Кириленко, в 1908-м — Д. Ф. Устинов, в 1909-м — А. А. Громыко, в 1914-м — Ю. В. Андропов и В. В. Гришин... Все эти люди практически ровесники. Их голодная и трудовая юность пришлась на 1920-е годы. Кем они стали бы, не случись революции? Путь вверх, наверное, не был закрыт ни для кого. Однако после революции молодых людей *правильного* социального происхождения наверху ждали, их тащили туда, на руководящие должности, создав четкие критерии отбора. Путь к жизненному успеху был трудным, полным опасностей, но зато верным. Рабочая специальность. Высшее образование — любым способом, как бы ни было тяжело. Членство в партии. И вот вчерашний паренек с рабочей окраины уже начальник доменного цеха или, скажем, железнодорожного депо, директор предприятия — в неполные 30 лет. Дальше — развилка. Молодой начальник (условно) цеха может либо продолжать свою деятельность на производстве, либо перейти на

освобожденную партийную должность и расти по этой линии. А там — как повезет. Если кто-то из его знакомых отправится на повышение в Москву, то и о нем не забудут, и — новый виток карьеры...

Дополнительное ускорение подобным перемещениям по службе придавали репрессии, война. Все это, говоря цинично, новые и новые вакансии... для тех, кто не погиб, не сломал шею на очередном историческом повороте. Правила игры суровые, но ясные. Поэтому в биографиях людей (практически ровесников), достигших в СССР политического Олимпа в 1960–1970-е годы, так много общего.

Теперь приглядимся к отличиям.

В когорте политиков, боровшихся за высшую власть в упомянутые годы, различимы три основные группы (условно): «рабочая кость», аппаратчики и технократы.

Первые начинали свою биографию на производстве, зачастую в раннем возрасте и тяжелейших условиях. Среди них выделился так называемый «днепропетровский клан». Земляки Брежнева, лично знакомые ему люди заполнили все слои управленческой структуры и были наиболее заметным кланом (причем именно кланом) вплоть до середины 1980-х. В большую политику их привел Хрущев, который с четырнадцати лет работал в шахтах Донбасса. За свою жизнь они наголодались, навоевались, наработались в экстремальном режиме при Сталине, перевели дух и слегка успокоились при Хрущеве, осмелев, привели себя к власти, пообвыклись в этой роли, а тут и старость, болезни... Корабль-то плывет, хоть управляй им, хоть нет. «Работяги» ни в коей мере не фанатики идеи. Они жизнелюбивы, расположены к землякам, довольно равнодушны к вопросам идеологии и снисходительны к «грешкам» друг друга, они уверены, что за годы лишений заслужили право на склоне лет предаться радостям жизни. Именно с «днепропетровцами» обычно ассоциируется представление о застое.

Аппаратчики, как правило, начинали свои биографии не с шахт, не с металлургических заводов, а с кабинетов в райкомах комсомола. Они и дальше продвигались по комсомольской и партийной линиям, причем эти линии особенно часто пересекались с линией органов государственной безопасности. Аппаратчиков в руководстве страны в середине 1960-х представляют «железный Шурик» — А. Н. Шелепин (член Политбюро до 1975 года), председатель КГБ В. С. Семичастный, министр охраны общественного порядка В. С. Тикунов, партийный руководитель Москвы Н. Г. Егорычев... Наиболее ярким представителем этого типа руководителей является, конечно, Юрий Владимирович Андропов. Он к группе

перечисленных товарищей не примыкает, совсем наоборот, но ментально к ним близок. Наиболее честные из аппаратчиков мечтают о возврате к «ленинским нормам» управления государством. Они честолюбивы, деятельны, «читали Маркса» (в отличие от большинства «работяг»), нетерпимы к инакомыслию. Среди них относительно мало фронтовиков (Шелепин воевал в Финскую). В быту они стараются вести себя скромно — это качество привлекает к ним людей. Как повернулась бы история страны, если бы «промежуточного» Брежнева в конце 1960-х сменил целеустремленный коммунист Шелепин? Не проверишь. В каком-то смысле ответ на этот вопрос был дан в 1983 году. Юрий Владимирович Андропов попытался обновить страну под флагом возврата к ленинизму. И только ускорил неизбежное...

Наконец, группу технократов в высших эшелонах власти представляли члены Политбюро предсовмина А. Н. Косыгин и министр обороны, руководитель оборонной отрасли Д. Ф. Устинов. В какой-то мере к ним можно причислить министра иностранных дел А. А. Громыко. Это очень влиятельные персоны, но на первую должность в стране они не претендуют, поэтому с ними никто особенно и не борется, хотя того же Косыгина в Политбюро многие не любят, и прежде всего сам Брежнев.

Николай Анисимович Щёлоков родился 26 ноября 1910 года в поселке у железнодорожной станции Алмазная, что в нескольких километрах от города Кадиевки (переименованной позднее в Стаханов) в Луганской области. В наши дни Луганская область, входящая в состав Украины, — единственное место, где без всяких «но» хранят память о многолетнем министре внутренних дел СССР. Здесь находятся не один, а даже несколько музеев и экспозиций, посвященных Щёлокову, а также большая коллекция картин, подаренных им землякам. Сегодня в городе Алмазная есть улица Щёлокова.

Таким образом, происхождение у Николая Анисимовича по тем временам, можно сказать, «аристократическое». И по месту рождения (Донбасс), и по возрасту он был *своим* для значительной части окружения Брежнева.

Фамилия Щёлоковых (Николай Анисимович постарался разобраться в этом вопросе) иногда проскальзывает в исторических летописях, например в повествованиях о древнем Новгороде. Происхождение ее связано, по-видимому, со словом «Щёлок», обозначающим отвар золы, то есть первые Щёлоковы, по всей вероятности, были людьми едкими, острыми на язык. В Новгородской, Нижегородской областях имеются села с названием

«Щёлоково». Фамилию Щёлоков носили поп-расстрига в войске Емельяна Пугачева и начальник штаба Первой конной армии Семена Буденного.

Отец будущего министра, Анисим Митрофанович, — металлург, кузнец, всю жизнь проработал на заводе. По воспоминаниям сына, «он был строгим, но добрым и стремился все сделать для своих детей». Находясь дома, он постоянно что-то мастерил. Одно из первых сильных впечатлений Николая — посещение доменного цеха. Через много лет он весьма красочно расскажет в своем дневнике, как ребенком зачарованно смотрел на «струи огненных дождей», «зареву чугунных леток» и на самих металлургов, которые стояли у печей, «как гуси, вытянув шеи, закрывая от жара лица руками».

Мария Ивановна Щёлокова, супруга Анисима Митрофановича, вела домашнее хозяйство и занималась врачеванием. По словам сына, природа наградила ее «народной мудростью, добротой и доброжелательностью». И еще: «Ласковая рука матери часто ложилась на наши головы, реже это делал отец».

У Марии Ивановны и Анисима Митрофановича было трое сыновей: старший Филипп, средний Сергей и младший Николай. В бараке, рассчитанном на восемь семей, Щёлоковы занимали комнату. Подобно другим рабочим семьям, они держали живность — корову, свинью, кур. В поселке имелась церковь, которую Мария Ивановна вместе с сыновьями до революции достаточно регулярно посещала.

Когда началась Гражданская война, металлургический завод остановился (производство на нем будет возобновлено только в 1932 году). Местное население по большей части разъехалось по селам, оставшиеся выживали за счет нескольких шахт, которые еще худо-бедно продолжали работать. За уголь и хлеб Донбасса шла яростная борьба между всеми противоборствующими силами. Кого только не повидали за эти годы жители станции Алмазная: белых, красных, зеленых, махновцев, петлюровцев, немцев, австрийцев... Тяжелее всего пришлось им в неурожайные 1920–1921 годы, когда привычным блюдом стали щи из крапивы, щавеля, лебеды. Всё мало-мальски ценное, имевшееся в доме Щёлоковых — часы, сапоги Анисима Митрофановича, швейную машинку, — пришлось обменять на продукты. Выручала и корова: «Нажав серпом мешок или сноп луговой или болотной травы осоки, несли ее домой кормилице нашей — буренке. Кормилицу мы все холили и жалели. Ведь это она спасла от голода в тяжелые неурожайные 20-е годы» (из дневника Н. А. Щёлокова).

В восемь лет Николай научился ездить верхом, а с десяти стал

работать коногоном на шахте. Анисим Митрофанович вместе с сыном Филиппом в начале 1920-х уезжали батрачить на Кубань. Вернувшись, Щёлоков-старший устроился на шахту, стал бригадиром. За минувшие годы население края сократилось, и семья получила возможность переехать в отдельную квартиру из двух комнат.

Трудное детство. Но тогда это не казалось чем-то необычным. Детство, юность, надежды на скорые перемены к лучшему... В своем дневнике семидесятилетний Щёлоков вспоминает, как в эти «беспечные годы» они с друзьями играли в городки, футбол, разводили голубей, ловили пескарей в пруду, весьма романтично замечает, что нет большей радости, чем проскакать галопом на быстром коне, «когда ветер шумит в ушах и дубовые ветки хлещут по лицу».

Из дневниковых записей министра внутренних дел Щёлокова (ноябрь 1975 года): «Те, кто не был в Донбассе, представляет, будто бы там всё в угле, копоти и в дыму. Какое заблуждение! К сожалению, не все знают, что Донбасс — не только уголь, это настоящая жемчужина природы. Сколько здесь лиственных и хвойных лесов, а сколько уток и другой дичи! И, кажется, нет краше рек Луганки и Северского Донца с берегами, утопающими в зелени».

Он был романтиком, Николай Анисимович...

Мальчик из рабочей семьи вступает в жизнь. Пока ничего необычного, всё — как у других его сверстников и земляков. А чем он отличается от других? О чем мечтает?

Он учится рисовать. Чтобы приобрести бумагу, карандаши и краски, собирает лекарственные травы, мел и несет их продавать на базар в Кадиевку. В 14 лет Николай пишет портрет Тараса Шевченко, который много позднее подарит музею поэта в Киеве. Еще несколько юношеских работ Щёлокова — пейзажи — находится в его музее в городе Стаханове. В зрелом возрасте Николай Анисимович оставит серьезные занятия живописью, но страсть к рисованию сохранит: нередко на долгих партийных совещаниях он будет коротать время за этим занятием.

Из дневника Щёлокова видно, насколько значительное место в его жизни занимает увлечение живописью. Мальчиком он мечтает познакомиться хоть с каким-нибудь «настоящим» художником. Пройдет время, и вот он уже наблюдает полотна знаменитых мастеров в музеях Рима, Берлина, Антверпена... И фиксирует свои переживания — для себя. А с кем ими поделиться? С товарищами по партии? Они бы, наверное, только насторожились, узнав, какие мысли занимают столь ответственного

работника.

Но прежде — случай из жизни одного из таких товарищей. В начале 1960-х официальная советская делегация впервые по приглашению папы римского отправилась в Ватикан. Ее возглавлял Н. В. Подгорный, будущий «президент» СССР. Рассказывают, что организаторы визита из советского дипкорпуса придумали «домашнюю заготовку»: в музее, который должен был посетить Подгорный, они заметили картину Ренуара. Высокому гостю полагалось в этом пункте маршрута блеснуть эрудицией: «О! Какой прекрасный Ренуар!» И вот они подходят к картине... Всё по плану. Николай Викторович останавливается и восклицает: «О! Какой прекрасный... Репин!» Переволновался человек, бывает.

Возвращаемся к записям Щёлокова.

«Старое полотно по тонам красок, по манере письма способен определить почти каждый грамотный человек (не каждый, как мы только что убедились. — С. К.). Именно по этим тонам, по манере письма хоть чуть-чуть походивший в художественные галереи человек сумеет отличить Рафаэля от Тициана, Ван Гога от Гогена, Рембрандта от Ван Дейка, Брюллова от Тропинина, Репина от Архипова, Васильева от Куинджи.

Когда я увидел в Италии картины Боттичелли, мне показалось, что ничего подобного я не видел... „Рождение Венеры“ действительно величайшая картина в мире. Я любовался Боттичелли, радовался красоте его полотен, но объяснить почему — я не мог. Это остается и сегодня для меня не прочитанной еще книгой.

Все мы с трепетом смотрим на великие полотна мировой живописи, говорим о них тихо, шепотом, будто бы как в храме, боясь потревожить или помешать кому-то священно молиться... Без конца хочется любоваться этими воистину великими произведениями искусства. Поэтому понимаешь, почему часами сидят люди, любуясь, отдыхая, наслаждаясь красотой композиции, рисунка и тонами красок. Эти картины воистину чаруют и волнуют людей и спустя четыреста лет».

Но пока до посещения музеев мира Николаю далеко. Надо окончить школу, получить специальность, выбиваться в люди. Выбор у паренька из Донбасса невелик: либо шахтер, либо металлург. Он будет металлургом.

...Где-то рядом живут многие из будущих руководителей страны.

В доме при металлургическом комбинате в одной комнате уютилась и семья Брежневых — в поселке Каменское (с 1936 года — Днепропетровск). Когда в Гражданскую завод остановился, Брежневые уехали в Курскую область. Вернулся сюда Леонид Ильич только в 1931 году. За время отсутствия он выучился в техникуме на землемера,

поработал по специальности в Свердловской области, женился, стал отцом дочери Галины, поступил было в Москве в Институт сельскохозяйственного машиностроения, но оставил его, не имея возможности жить с семьей в столице. В Каменском устроился слесарем в теплосиловой цех и стал учиться на вечернем отделении металлургического института. Тоже просматривается будущее металлурга. Хотя, кажется, Леонид Ильич уже понимает, что тяготеет к общественной работе. В возрасте двадцати пяти лет вступает в партию.

Илья Яковлевич Брежнев, Анисим Митрофанович Щёлоков и тысячи других рабочих Донбасса мечтали выучить детей, дать им путевку в иную, лучшую жизнь, благо для этого появились условия. «Для меня высшей наградой будет, если вы получите высшее образование», — говорил детям Брежнев-старший. Впоследствии интеллектуалы с университетскими дипломами, помощники и «спичрайтеры» генерального секретаря будут подшучивать над его познаниями в области тех или иных наук, да и сам он вполне добродушно будет воспринимать эти шутки. «Кто поверит, что Леня Брежнев читал Маркса!» — как-то воскликнул он, вычеркивая из речи слишком умную цитату. Но тут хочется проявить к нему снисхождение. Крохи познаний Леонид Ильич буквально вырывал в не юном уже возрасте, обремененный семейными заботами, после тяжелого труда в цехе. Его вдова Виктория Петровна много лет спустя вспоминала в беседе с писателем В. Карповым: «Получалось так: когда утром идет на работу, то вечером — в институт, а если вечером работает — утром учится. Бывало, придет, одни зубы белые: кочегар есть кочегар! Ванны не было. Воду на плите нагревали, кочегара отмывали, в студента превращали!.. Вот так четыре годика прокрутились».

Мучение, да и только. Отметим, что сам процесс обучения вряд ли доставлял Леониду Ильичу удовольствие. К книжной премудрости он не тяготел.

Кремлевские «днепропетровцы» во главе с Брежневым рубежа 1970–1980-х в упрощенном нынешнем восприятии — отчасти гоголевские персонажи. Люди малообразованные, любители выпить-закусить, поохотиться, сибариты и жизнелюбы... Это представление о них, верно оно или нет, во многом распространялось и на Щёлокова. Между тем и по стилю руководства — деловому, эмоциональному, с внимательным погружением в детали, и как личность с достаточно широким кругом интересов министр внутренних дел заметно отличался от своих земляков. Не всегда, видать, было ему с ними просто. Он грамотно пишет, хорошо без подготовки говорит, воздержан в еде и питье, избегает застолий, много

читает — с детства, любит играть в шахматы, его с молодой, элегантной супругой видят в театрах, картинных галереях и на концертах. В круг близких ему людей входят художники, писатели, ученые, актеры, музыканты и даже известные диссиденты — вне всякого сомнения, ему с ними интересно, он к ним тянется. Он станет доктором экономических наук, чем, между прочим, вызовет неудовольствие Леонида Ильича. «Днепропетровец»? Да, но совсем нетипичный. Об этом мы еще поговорим.

...Пока Николай Щёлоков стремится к производственной карьере. Именно здесь он намерен добиться успеха.

До перехода на партийную работу Брежнев — слесарь, Андропов — «волжский матрос»... Случайные повороты их биографий. Видно, что они были в поиске, только нащупывали свое будущее. Щёлоков же успел реализоваться в первой своей специальности.

Все-таки эти целеустремленные мальчишки не могут не вызывать симпатий, как бы ни сложились дальше их судьбы.

1926 год. Окончив школу-семилетку, шестнадцатилетний Коля Щёлоков устраивается работать на шахту в Кадиевке (которая вскоре станет родиной стахановского движения). После работы спешит на занятия в горнопромышленное училище. Поздно вечером отправляется домой в Алмазную, а это шесть километров пешком. Подъем у него в пятом часу — надо успеть на поезд до Кадиевки. Перевести дух в этой гонке за образованием можно только в воскресенье... Из развлечений — кино и танцы в клубе и еще молодежные диспуты на разные жгучие темы от «Есть ли Бог на небе?» до «Может ли комсомолец носить галстук, а комсомолка красить губы?» Коля мечтает стать лектором-международником, в дополнение к своей основной профессии.

В 1929–1933 годах Щёлоков учится в Днепропетровском металлургическом институте. Вуз он заканчивает уже членом партии. Отслужив срочную в артиллерийских частях под Черниговом, Николай в 1934 году приходит на Днепропетровский металлургический завод им. Г. И. Петровского («Петровку»), где вскоре становится начальником мартеновского цеха.

Середина 1930-х. Будущим руководителям Советского государства «эпохи застоя» около тридцати. Чего они добились?

Как будто не столь уж много. Их должности: слесарь-кочегар в теплосиловом цехе... инженер-конструктор на оборонном предприятии... руководитель областного комсомола... инженер-текстильщик... землемер... А ведь половина жизни позади! Через много лет не все из них будут

склонны вспоминать свое довоенное прошлое (а Юрий Андропов и вовсе станет его скрывать). Но в свои неполные тридцать Николай Анисимович Щёлоков гордится тем, чего он достиг. Его отец о такой карьере в металлургической отрасли и мечтать не мог. Быть молодому начальнику цеха директором крупного металлургического комбината, это как минимум. А скорее всего, выше взлетит. Пока же в цехе Щёлокова выпускают продукцию для всесоюзныхстроек и внедряют новые технологии. Например, под его руководством была проведена первая в стране доменная плавка «на кислородном дутье».

Репрессии — это тоже миллион новых вакансий. В конце 1930-х многие руководящие кресла в партийных и правительственных органах опустели. Туда, как в вакуумную трубу, и затянуло слесарей, сталеваров, землемеров, инженеров, железнодорожников, комсомольских активистов — членов партии с высшим образованием. В 1938 году начальник мартеновского цеха Щёлоков избирается на должность первого секретаря Красногвардейского райкома партии Днепропетровска. Еще через год он — председатель Днепропетровского городского совета, по-нынешнему «мэр» Днепропетровска — одного из наиболее промышленно развитых городов юга России.

Вклад области в металлургическую отрасль СССР перед войной: производство стали — 16,5 процента, чугуна — 20 процентов, проката — 18,2 процента.

При этом руководство страны намерено развивать отрасль и дальше, считая, что металлургия не обеспечивает всех потребностей оборонной промышленности. Последний предвоенный съезд партии (1939 год) ставит задачу увеличить выплавку металла.

Глава вторая

РОЖДЕНИЕ ПОЛИТРУКА

Началась война.

В биографии Николая Анисимовича Щёлокова появляется первая широко известная строка. Он был одним из тех, кто летом 1941 года руководил подготовкой Днепропетровска к обороне, а затем, когда падение города стало неизбежным, эвакуацией в более глубокий тыл жителей, материальных ценностей и объектов инфраструктуры.

С сентября 1941-го по май 1945-го Николай Анисимович — в действующей армии, куда ушел добровольно^[1].

Утром 22 июня в Днепропетровском обкоме партии проходит первое экстренное совещание областного руководства. Среди его участников мы обнаруживаем Л. И. Брежнева, Н. А. Щёлокова, К. С. Грушевого... Спустя годы (1977) Константин Степанович Грушевой выпустит книгу «Тогда, в сорок первом...», из которой можно почерпнуть сведения о том, чем занимались будущие кремлевские «днепропетровцы» в первые месяцы войны. Брежневу автор уделит, конечно, повышенное внимание. Леонид Ильич в этих воспоминаниях — деловит, неизменно доброжелателен, озабочен («темные круги под глазами»), осведомлен в планах высшего военного командования. Однако как будто и без слишком явной лести. Старый друг, опекавший Брежнева в начале его карьеры, мог себе такое позволить. Впоследствии Константин Степанович станет генерал-полковником, начальником политического управления Московского военного округа.

Ну, а пока Грушевой — второй секретарь Днепропетровского обкома. В те июньские дни он в области за главного, поскольку первый секретарь, С. Б. Задионченко, находится в командировке в Москве.

В Днепропетровске проходят гастролы труппы Малого театра и Аркадия Райкина. Концерты не отменяют. Они продолжают вплоть до начала бомбежек (через час после отъезда Райкина железнодорожный вокзал будет разрушен).

Из тогдашних хозяйственных забот руководителей области и города: получен небывалый урожай. Надо собрать, что возможно, самим и не дать собрать остальное врагу. В условиях сокращения парка тракторов и недостатка горючего мобилизационные планы предусматривают

использовать на полевых работах лошадей, волов и даже коров.

Через Днепропетровск железнодорожным и речным путем потоком идут грузы, спасаемые от немцев. Город — еще и крупный транспортный узел. Через него проходят тысячи беженцев, которых надо разместить, затем переправить в более глубокий тыл. На железнодорожном вокзале скопилось множество мешков, ящиков, бочек с разнообразными товарами. Вывозить их не на чем и не совсем понятно куда. И тут в книге Грушевого мы встречаем упоминание о конкретном действии «мэра» Щёлокова. Он предлагает нестандартное решение: продать эти товары населению по сниженным ценам. Звонок в Киев, там дают добро. Но когда началась распродажа, из Киева направилась комиссия Наркомата торговли — разбираться, что за благотворительную акцию затеяли в Днепропетровске. Пришлось опять звонить в столицу республики, напоминать. Комиссию отозвали. Часть товаров хозяйственники реализовали населению, остальное отдали военным. Водку и вино, утверждает мемуарист, вылили в канализацию.

До поры до времени никто в области и мысли не допускал, что фронт приблизится к Днепру. 9 июля город подвергся первому воздушному налету. Чуть раньше началась эвакуация предприятий моторного и машиностроительного производств. Но как эвакуировать, предположим, домны? Не позавидуешь хозяйственным руководителям того времени: им зачастую приходилось собственными руками уничтожать то, что они совсем недавно вводили в строй ударными темпами — объекты металлургии, энергетики, нефтепереработки. Еще вчера авария на производстве была ночным кошмаром директора завода, а сегодня он сам должен его грамотно заминировать, чтобы от предприятия камня на камне не осталось. И ему же, возможно, придется его восстанавливать.

В августе в городе подготовили к пуску новую подстанцию «Нагорная». И уже через несколько дней вывели ее из строя.

В последние дни лета части Советской армии оставили Днепропетровск. Щёлоков вместе с Грушевым и некоторыми другими руководителями области и города были зачислены в состав оперативной группы Военного совета Южного фронта. Николая Анисимовича направляют в Сталинград.

Анисим Митрофанович остался на оккупированной территории. Мария Ивановна уехала в эвакуацию вместе с семьей старшего сына Филиппа.

В Сталинграде уполномоченному Военного совета Южного фронта

Щёлокову пришлось заниматься уже «знакомым» ему делом — налаживать производства, которые вскоре при приближении врага придется сворачивать. Пока линия фронта далеко. Пока... На местном тракторном заводе организуют ремонт танковой техники и выпуск противотанковых гранат. На консервном заводе — сборку 82-мм минометов.

Как о большой заслуге лично Щёлокова Грушевой вспоминает такой эпизод. Выпуск минометов приостановился из-за отсутствия прицелов. Дефицитные детали надо выбивать в Совнарком, который находится в Куйбышеве. Кого делегировать в Куйбышев? Эту важную миссию и доверили Щёлокову, полагаясь на его настойчивость и умение аргументировать. Николай Анисимович не подкачал: вскоре после его поездки в Куйбышев сталинградские оборонщики получили целый вагон с прицелами. В воинские части Южного, а также Юго-Западного фронтов стали поступать из Сталинграда столь нужные им минометы.

В середине 1942 года Николай Анисимович назначается заместителем по политической части начальника тыла Северной группы войск, а затем — Северо-Кавказского фронта. Он занимается снабжением войск боеприпасами, горючим, обмундированием и всем необходимым в период сражений за Кавказ. На одной из фотографий того времени рядом с ним можно видеть мальчика в папаше. Это бывший беспризорник Витя, «сын полка», которого Николай Анисимович заботливо опекал (и папаху подарил). Когда Щёлоков получит новое назначение, они расстанутся. Дальнейшая судьба мальчика неизвестна.

Что дала война Николаю Анисимовичу Щёлокову как будущему руководителю мирного времени? Да, наверное, это — умение пробивать нужный вопрос *любой ценой*, не отчаиваясь, не опуская руки. Настойчиво доводить замысел до результата. В остальном — и по характеру, и по кругу увлечений — он не слишком вписывался в «железную» когорту руководителей сталинского типа. Он востребован, но не на самых первых ролях. Однако совсем рядом с ним — будущий руководитель СССР. И те, кто займет ключевые посты в партии, правительстве, правоохранительных структурах. Давнее знакомство с ними позволит Щёлокову чувствовать себя уверенно на чрезвычайно хлопотной государственной должности и многого на ней добиться. В этом смысле судьба продолжала оставаться к нему благосклонной...

Какие эпизоды из своего военного прошлого впоследствии вспоминал сам Николай Анисимович? Он ведь и непосредственно участвовал в боевых действиях.

«Дома отец редко говорил о войне, — рассказывает Игорь Николаевич Щёлоков. — Помню такой эпизод. Он рассказывал его не раз. Дело было в Белоруссии: их подразделение штурмовало одну высоту и несло большие потери. Погибшие бойцы лежали один на другом. Отец сказал полковнику из штаба: „Давайте обойдем эту высоту, смотрите, сколько людей полегло“. Тот: „Будете меня учить? А ну-ка, полковник Щёлоков, поднять батальон в атаку!“ Они пошли на минометы. Тогда отец чудом не погиб».

На фронте Николай Анисимович получил ранение и контузию.

Может быть, на встречах с коллегами-фронтовиками Щёлоков рассказывал больше? «Нет, не помню, — говорит заслуженный фронтовик, бывший начальник 5-го главка МВД генерал-лейтенант В. М. Соболев. — Он вообще был скромным человеком, о себе не любил распространяться». Уважением и доверием Николая Анисимовича пользовался генерал-майор П. Г. Мясоедов (доктор военных наук, создатель и первый руководитель структуры, ставшей впоследствии Главным информационным центром МВД), участник Парада Победы. Они не раз беседовали в кабинете министра по вечерам, после работы. Тема войны?.. Нет, Мясоедов не помнит, чтобы она в этих беседах возникала.

По каким-то причинам (генерал Соболев объясняет это скромностью) Николай Анисимович не слишком часто делился своими воспоминаниями о войне. Однако...

«У отца была старая, пожелтевшая папка, которую он часто открывал. Внутри — листы, исписанные карандашом. Синим, красным, простым. На фронте он каждый день делал подробные записи. Простая, толстая папка с завязочками. Куда она делась?!» — сокрушается Игорь Николаевич.

Вместе с тем сохранились дневниковые записи Щёлокова о войне более поздней поры. Например такая:

«Мне приходилось не раз в роте отражать танковые атаки, выдерживать бой, а в обороне непрерывно проверять боевые порядки. Здесь я доходил до передового охранения. Внутренне я был доволен, что служил для них личным примером. И я гордился этим, находя в себе как бы самоутверждение своего „я“ и вместе с тем убеждение в добросовестном, честном перед самим собой несении воинского долга.

Вот такие минуты внутреннего состояния, когда чувство достоинства, которое появляется у тебя на переднем крае, чувство гордости за свою честь перед Родиной, родными, товарищами, перед солдатами и офицерами, для которых ты и твои действия являются примером, — такие минуты особенно волнуют. Такие чувства толкают на подвиг, не думая о смерти. А если и умереть придется, то ты полон сознания воина, честно

исполнившего свой долг».

Так он писал — иногда просто, иногда сбиваясь на официально-приподнятый стиль, но, безусловно, искренне, а главное — собственной рукой, в отличие от того же Леонида Ильича Брежнева. Эти заметки автор не предполагал публиковать.

Примерно о том же — иначе:

«Судьба. Счастье! А каково нам было с комдивом Баклаковым с винтовками наперевес вместе с батальоном подниматься в атаку. Кто ходил в атаку, тот знает, что это такое. Но в порыве страсти, злости и поставленной перед тобой задачи ты забываешь все, кроме цели, к которой ты стремишься наперекор врагу.

Так мы побеждали. Победа шла вместе с нами. И в зимнюю стужу с 40-градусными морозами, и в пыльную жару, и в промозглую осеннюю стужу, в непролазную грязь и хлябь. Всё было! И какое счастье, что это позади. Не дай Бог, как говорится, это испытать нашим детям и внукам».

Фронтвик Щёлоков вспоминал любимого литературного героя своего детства — Павку Корчагина:

«Герой книги произвел на меня неизгладимое впечатление, хотелось быть на него похожим, ему подражать. И как я завидовал фразе: „А ты забыл, как под Новоградом-Волынским семнадцать раз в день в атаку ходили и взяли-таки наперекор всему“». Дивизия Щёлокова будет брать город с созвучным названием — Владимир-Волынский, тогда он и вспомнит слова персонажа книги «Как закалялась сталь».

Что же до упомянутого выше комдива Василия Ильича Баклакова, то он, Герой Советского Союза и генерал, через много лет после победы расскажет историю, о которой знакомые и близкие Николая Анисимовича даже и не знали. Оказывается, Щёлоков однажды вынес из огня тяжело раненного командира. Вынес и помог переправиться через реку. За это политрук был представлен к очередной награде, которая, однако, в тот раз с ним разминулась...

Вместе с тем в политруке Щёлокове далеко не всё нравилось его руководителям из Главного политического управления Рабоче-крестьянской Красной армии. В характеристиках Николая Анисимовича военной поры содержатся и критические отзывы. Например такие.

«Много мнит о себе — высказывает мнение о назначении на должность члена Военного Совета армии. Можно рекомендовать нач. политотдела стрелковой дивизии и не больше» (старший инструктор Управления кадров ГлавПУРККА Пахомов). Сердитый отзыв, как будто они только что беседовали и кадровик из центра, возмущенный амбициями

провинциального подполковника, спешит вылить свое раздражение на бумагу.

«Беседовал. Можно рекомендовать начальником ПО стрелковой дивизии. Сам больше склонен к работе в тылах. Работа в дивизии поможет отрешиться от некоторого поверхностного подхода к работе и переоценки своих сил» (начальник отдела Управления кадров ГлавПУРККА Гаврилов).

Гаврилов тоже критикует, но мягче, оставляя Щёлокову шанс избавиться от недостатков и расти дальше.

Через некоторое время, когда полковник Щёлоков станет начальником политотдела корпуса, в его аттестации появится такая фраза: «Нуждается в постоянном контроле». Тут, конечно, нет намек на «ловкость рук», за это бы сразу дали по шапке. Вероятно, по мнению кадровиков, политрук излишне инициативен, и некоторые его инициативы сомнительны. В той же аттестации отмечаются его личная храбрость и работоспособность.

Через много лет некоторые авторы биографических очерков о Николае Анисимовиче будут высказывать удивление, дескать, как же так, зная об отзывах представителей политического управления о Щёлокове в его личном деле, Леонид Ильич Брежнев будет доверять своему старому товарищу ответственные посты. Однако о самом Брежневе в его характеристике военной поры полковым комиссаром ПУРККА Верхорубовым написано: «Черновой работы чурается. Военные знания т. Брежнева — весьма слабые. Многие вопросы решает как хозяйственник, а не как политработник. К людям относится не одинаково ровно, склонен иметь любимчиков».

В 1943 году, после завершения битвы за Северный Кавказ, Щёлокова производят в полковники и назначают заместителем командира по политической части — начальником политотдела 218-й стрелковой дивизии 23-го стрелкового корпуса. По своим заслугам и предыдущей должности он мог рассчитывать на большее, но, по-видимому, сработал отзыв инструктора Главпура Пахомова: «нач. политотдела стрелковой дивизии и не больше». Кстати, и Брежнева в начале 1943-го несколько понизили, перевели из заместителей начальника политуправления фронтом в начальники политотдела армии.

218-я стрелковая дивизия носила название Ромодано-Киевская. Она отличилась при освобождении города Ромодан, а затем при форсировании Днепра и в боях за Киев. Военские заслуги Николая Анисимовича, о которых говорилось выше, связаны в основном с этим подразделением. В конце 1943-го было снято «заклятие инструктора Пахомова»: полковника Щёлокова назначили начальником политотдела 28-го стрелкового корпуса,

в составе которого он участвовал в освобождении правобережной Украины, Польши и Чехословакии. Война для Щёлокова и его однополчан закончилась в Праге в мае 1945 года.

Через много лет, подводя итоги пути, Николай Анисимович запишет в своем дневнике (10.05.1979):

«Жизнь прожита не так уж и плохо. Были удачи и неудачи, были и ошибки, сделанные тобой по молодости, а больше, безусловно, по незнанию. Самое же главное: ты не прятался за спины других, был впереди, на виду вместе с лучшими своими друзьями. Ты и на фронт ушел добровольцем, хотя имел и „броню“ от призыва, и командировочное предписание как специалист-металлург, которому предложено ехать на Урал вместе с эвакуированными заводами...»

Не подлежит сомнению, что Николай Анисимович Щёлоков в 1941–1945 годах достойно проявил себя и в тылу, и на передовой.

Политрук на фронте. Задержимся на этой теме.

Кем мог пойти на фронт гражданский руководитель достаточно высокого звена, скажем, городского или областного, без специальной военной подготовки? В политические органы, скорее всего.

Строевики с достаточным уважением отзываются о политруках, с которыми или под командованием которых им пришлось воевать. Разумеется, о тех, кто достойно выполнял свою работу.

Здесь уместно предоставить слово участникам войны — ветеранам МВД. Рассказывает П. Г. Мясоедов, генерал-майор внутренней службы, доктор военных наук. Павел Георгиевич больше десяти лет проработал под непосредственным руководством министра Щёлокова. Его оценки нам не раз понадобятся и в будущем. Представим его подробнее.

«Я ушел на фронт в 1941-м, лейтенантом. Наш выпуск военного училища весь отправился на передовую. До буквы „М“ — защищать Ленинград, остальные легли под Москвой. До января 1945-го я практически не вылезал из боев. Командир взвода, роты, батальона, замначполка. И только один раз был ранен снайпером! В землянке отлеживался? Нет, все время жизнь висела на волоске. Помню, какая-то неведомая сила вытащила меня из щели, и через несколько секунд туда попал 150-мм снаряд.

Так вот, о политруках. Их на фронте погибло не меньше, а то и больше, чем нас, командиров. Был у нас такой — Брыкин. Я командир взвода, а он — парторг роты, то есть надо мной. Потом я поднялся выше, заместителем командира батальона. Неважно. В 1942 году лежу в

госпитале. Он приходит. Мне 19 лет, а ему за 30. И вдруг говорит: „Завидую я тебе, Паша“. — „А чего мне завидовать?“ Мы ведь иной раз в атаку вместе шли, я с одного фланга бойцов поднимаю, он — с другого. „Да ты, Паша, не понял самого главного. Я потому тебе завидую, что ты окапываешься, как солдат. Бежишь быстро, знаешь, когда падать, когда подниматься. Я бежать так не могу. Стрелять, как ты, не могу. Народ зажигаю: давай, ребята, воюй! А сам в атаке мало на что годен...“ Я тогда подумал: а ведь действительно, его не учили воевать, он пришел после гражданского вуза, может быть, берданку от перданки отличить не мог. Назначили командиром. „За Родину! За Сталина!“ — иди и умирай.

Нет боеприпасов. Кого за ними послать? Зам по строю убит, самому нельзя. Значит — политрука. Я много комиссаров на фронте пережил. Все они были очень разными и в чем-то одинаковыми. Кокшаров — добрый человек, отменнейший. Куда ни пойду — везде Кокшаров на пенечке сидит с красноармейцами, улыбается, утешает. Разъяснительную работу ведет. Помню, пришло к одному из наших офицеров письмо от жены. Она просит его: сходи к командиру, может, поможет. Ее подруга пришла получать деньги за мужа, а ей отказали, потому что тот убит — не положено. Она не может понять — как такое возможно? Советуемся с комиссаром, что делать будем? Какие-то он шаги предпринимал, я не помню, чем история кончилась.

Но в семье не без уроды. Ближе к концу войны прислали нам комиссара Солнцева. Приходит раз паренек, который со мной с 1941 года воевал. Говорит: „Товарищ майор, я не клязник, вы меня знаете. Но вот капитан Солнцев... Каждую посылку, которую мы получаем, раскрывает, берет оттуда платки, кисеты. Нехорошо о нем стали говорить“. — „Молодец, спасибо. Только помалкивай о нашем разговоре“. Вот негодяй! Девчонка вышивает кисет, присылает бойцу на память, а этот тип его отнимает... Я тогда за голенищем сапога носил плетку — старшие товарищи научили. На лошадях ведь ездили. Кончики кожи на плетке зажаты пулями. Иного, если заслужил, можно и по сраке — это называлось „личное общение с командиром“. И я своего зама по политчасти этой плеткой протянул. После чего звоню полковому комиссару и прошу убрать от нас Солнцева. Тот всё понял, и на другой день Солнцева у нас уже не было.

Я больше скажу: командиром на войне мог стать почти любой, а вот комиссаром — нет, далеко не любой. Ближе к концу войны политработников стали очень внимательно подбирать. К суетному командиру направляли спокойного, стабильного политрука. Вообще был

очень простой признак: если командир и комиссар живут в одной землянке — значит, в части порядок. Я Щёлокова очень хорошо знал. И скажу о нем: я бы с ним в одной землянке жил».

Рассказывает Василий Иванович Малютин, участник войны и Парада Победы на Красной площади в Москве, в 1961–1967 годах — начальник милиции города Тулы. На фронте — с марта 1942 года, был начальником артиллерийского расчета, помощником командира минометной роты по политчасти, командиром роты тяжелых танков...

«Работа политрука на фронте, — говорит Василий Иванович, — не имела пределов „от“ и „до“. Политрук должен во время боя показать образец мужества, подняться в атаку: „За мной!“ Кончился бой — командиры могут отдохнуть, а он обязан проверить, покормили или нет солдат, посмотреть, какое у каждого моральное состояние. Ведь как бывало: приходит маршевая рота — пополнение. Потери у нас большие. Командир батальона распределяет, кому в какой взвод идти. И сразу в бой. Одного убили, другого ранили и повезли в госпиталь, третий подвиг совершил, а их фамилии еще не успели узнать. Не случайно после войны Верховный издал приказ наградить всех солдат, которые не имели наград. Политрук и должен знать, где боец, как его зовут, что с ним. Эта работа была не каждому по плечу».

А как обойтись без свидетельства Л. И. Брежнева? Как ни относиться к его литературному «творчеству» — он реально воевал, трусом не был и с людьми общаться умел. Полистаем некогда знаменитую «Малую Землю»:

«...Важно было, что люди знали: в трудный момент тот, кто призывал их выстоять, будет рядом с ними, останется вместе с ними, пойдет с оружием в руках впереди них».

Или вот примечательный эпизод, относящийся к сражению за Новороссийск. Ответственное боевое задание поручили политруку Пахомову.

«На вторую ночь в район электростанции высадился 1337-й полк. С ним высадился и полковник В. А. Вруцкий, командир 318-й стрелковой дивизии. Однако связь с ним нарушилась. По лицу командующего я видел, как он встревожен. Не рота, не батальон, а почти целая дивизия, да еще выведенная на направление главного удара, не подавала вестей. Леселидзе приказал послать ответственного офицера в район электростанции, найти Вруцкого, разобраться в обстановке и незамедлительно доложить. Я подумал и предложил командующему поручить это дело моему заместителю Пахомову. Командующий хорошо знал его и быстро согласился, но приказал начальнику оперативного отдела послать с ним из

отдела капитана Пушицкого.

— Возьмите мой „виллис“, — сказал он при этом.

Им предстояло пробраться в город через передний край, миновав сильно обстреливаемую зону, найти Вруцкого, опытным глазом все оценить, нанести на карту и как можно скорее возвратиться. К счастью, оба вернулись невредимыми, хотя машину командующего, оставленную ими в районе завода „Октябрь“, разбомбило. Преодолев множество препятствий, пробравшись по водосточной трубе, проложенной вдоль береговой кромки, они вышли на какую-то площадку, прямо против которой была электростанция, а справа — длинное здание, откуда фашисты вели непрерывный огонь. До электростанции оставалось метров семьдесят, но путь туда шел только через открытую площадку или вдоль здания за кучами угля. Решение приняли быстро. Пушицкий ползет позади угольных холмов, а Пахомов бешеным рывком проносится через опасный участок. Как он потом всерьез уверял, лучший спринтер мира не догнал бы его. Несмотря на опасность, тем же путем они вернулись обратно и не с одной, а с двумя картами и донесениями, чтобы гарантировать доставку Военному Совету армии данных об обстановке. Принесли они и печальную весть: полковник Вруцкий тяжело контужен, лишился глаза и ранен в руку. Тотчас были приняты меры по оказанию помощи частям дивизии, которые медленно, но настойчиво продвигались вперед. Временное исполнение обязанностей командира дивизии возложили на начальника штаба».

...Политрук — это не партийный аппаратчик. Это командир и воспитатель в одном лице. В Щёлокове-министре жилка воспитателя будет очень чувствоваться. Таким сделала его война. Ушел хозяйственником, вернулся — политруком.

В конце войны полковник Щёлоков женился. Его избранница — Светлана Попова, уроженка Краснодара. В этом городе их и свела судьба в 1943 году. В неполные 17 лет девушка ушла на фронт. Она стала медсестрой в санитарной части батальона, не раз участвовала в сражениях, выносила раненых с поля боя. Заслужила несколько боевых наград, в том числе две медали «За боевые заслуги». После войны Светлана Владимировна получит специальность врача-отоларинголога, станет преподавателем, кандидатом наук, не прекратит при этом практиковать. В Москве, куда Щёлоковы переберутся в 1966 году, местом ее работы будет кафедра отоларингологии Третьего медицинского института.

В июне молодые ненадолго приезжают в столицу. Предстоит Парад Победы на Красной площади. В нем участвует комиссар сводного полка 4-

го Украинского фронта Леонид Брежнев, а его друзья Константин Грушевой и Николай Щёлоков наблюдают за происходящим с трибуны. Семьи Брежневых, Грушевых, Щёлоковых живут в одной гостинице. В армейских частях идут структурные преобразования, формируются военные округа. Леонида Ильича назначают начальником политуправления вновь созданного Прикарпатского военного округа. И сразу он обращается к своему руководству в Главпур с просьбой «назначить тов. Щёлокова заместителем по политчасти окружного коменданта».

Запись в дневнике Щёлокова (9.05.78):

«Вернулись мы с женой в потертых шинелях, я — полковник с полевой сумкой, она — с баулом медсестры. Больше у нас ничего не было. Но ведь это как и у каждого военного человека: служба есть, а квартира, как и жилье солдатское — всегда будут».

Первенец в семье Щёлоковых — сын Игорь — появится на свет в 1946 году в Черновцах. Крестным отцом мальчика стал Леонид Ильич Брежнев. Как гласит семейное предание, два политрука добросовестно выполнили требования церковного обряда. Любопытно было бы понаблюдать эту картину.

Глава третья

ПЕРВОЕ ШЕСТНАДЦАТИЛЕТИЕ

Николай Анисимович демобилизовался в августе 1946 года. В последующие пять лет семья Щёлоковых живет в Киеве.

Должности Н. А. Щёлоков в руководстве Украинской ССР занимает не маленькие. Заместитель министра местной промышленности. Заведующий промышленным отделом, заместитель секретаря ЦК компартии Украины... Он получает орден Трудового Красного Знамени «за участие в восстановлении сельского хозяйства республики». Однако этот период как будто не оставил в судьбе Николая Анисимовича слишком заметного следа. Наверное, чисто аппаратная работа не по нему. Он *политрук*, а не аппаратчик. Далеко не одно и то же.

Светлана Владимировна учится в Киевском медицинском институте.

Тем временем Леонид Ильич Брежнев при поддержке Хрущева, а впоследствии и самого Сталина начинает взлет к вершине власти. К 1950 году Леонид Ильич успел поруководить Запорожской, Днепропетровской областями и был направлен в Молдавию первым секретарем ЦК компартии республики. Должность политическая, ответственная, ведь Молдавия только перед самой войной вошла в состав Советского Союза. Здесь нужно утверждать социалистический уклад жизни и, по сути, с нуля создавать промышленное производство. Однако масштабные чистки в республике уже позади, Леониду Ильичу не придется ими заниматься. Летом 1949 года, еще до приезда Брежнева, органы госбезопасности и милиции выселили из Молдавии более 35 тысяч человек — «бывших помещиков, крупных торговцев, активных пособников немецким оккупантам, лиц, сотрудничавших с немецкими органами полиции, участников профашистских партий и организаций, белогвардейцев, а также семей вышеперечисленных категорий». Так сообщалось в правительственном указе.

В 1951 году Брежнев приглашает Щёлокова на должность первого заместителя республиканского Совмина. Их пути снова пересекаются. И вскоре надолго расходятся: уже в октябре 1952-го Брежнева забирают в Москву секретарем ЦК.

Последующая биография Щёлокова-руководителя будет состоять из двух почти равных периодов по 16 лет каждый. Начинается первый, молдавский...

Что представляла собой экономика республики в начале 1950-х? Об этом рассказывает сам Николай Анисимович в брошюре «Экономика Молдавской ССР и перспективы ее развития», изданной в 1964 году.

В Молдавии производят меньше 1 процента валовой продукции СССР. Наиболее заметные позиции в структуре производства (в процентах от союзного показателя): виноматериалы (25 процентов), табак (20 процентов), виноградное вино (18 процентов), консервы (8 процентов), растительное масло (6 процентов), сахарный песок и сахарная свекла (5 процентов)... Маленькая, густонаселенная (около 10 человек на 1 квадратный километр), сельскохозяйственная, винодельческая республика.

Было бы странно, если бы такой деятельный человек, как Щёлоков, не сумел развернуться в Молдавии. Что оставил он после себя?

Начнем с малого, но зато зримого. Одна из визитных карточек Молдавии в советское время — коньяк «Белый аист». Напиток продавался в характерной удлинённой бутылке. Разливать коньяк в такую тару предложил именно Николай Анисимович. Эту бутылку он «подсмотрел» в 1957 году на выставке в Брюсселе. Привез оттуда образец, помог наладить производство.

Теперь о более серьезных достижениях молдавской экономики. В своей книге Щёлоков подводит итог завершающейся семилетки (берущей отсчет с 1958 года), то есть в основном — своей деятельности на посту первого заместителя главы правительства Молдавии по промышленности:

«Машиностроительная промышленность является подлинным детищем семилетки. Ныне она выпускает оборудование для механизации, лифтового производства, для пищевой промышленности, машины для механизации работ в сельском хозяйстве, металлорежущие станки, электропогружные насосы, взрывобезопасные электродвигатели, стиральные машины, осциллографы, силовые трансформаторы, трансформаторные подстанции...»

Количество промышленных предприятий в Молдавии «при Щёлокове» выросло с восемнадцати до шестисот. Первые предприятия создавались «в подвалах, сараях, железобетонных модулях, где осваивались новые виды продукции», свидетельствует многолетний руководитель ЦК компартии Молдавии (1961–1980) И. И. Бодюл.

Игорь Щёлоков помнит кабинет своего отца в Кишиневе. В огромном шкафу стоят образцы местной сельскохозяйственной продукции — помидоры, огурцы, яблоки, закатанные в банки. Николай Анисимович ведал промышленностью, но в аграрной республике. То, что в Днепропетровской области, возможно, не заслуживало бы упоминания, в

Молдавии воспринимается как достижение. В своей книге будущий силовой министр возлагает большие надежды на внедрение машины для отрыва плодоножек от вишни и черешни. Производство тракторов для работы в садах и виноградниках в его глазах — «крупнейшее достижение молдавских машиностроителей». Беспокоит автора, что в республике семечковые насаждения заметно преобладают над косточковыми, а ведь косточковые — более ценное сырье для переработки. Таковы его тогдашние заботы. Но главное всё-таки — промышленность. Бывая в Москве, Николай Анисимович обязательно наведывается в павильон, где демонстрируются образцы достижений западной промышленности. То, что его заинтересовало, «тащит» в Молдавию. В Кишиневе при его непосредственном участии создается своя Выставка достижений народного хозяйства. Вспомним: за послевоенные годы в республике создано около шестисот новых промышленных предприятий. А что такое создать новое производство в условиях СССР? Надо составить технико-экономическое обоснование проекта, доказать его целесообразность, наладить поставки, выбить финансирование, организовать приток специалистов и систему обучения кадров, построить общежития и т. д. и т. п. И наиболее важную часть этой работы перепоручить некому, ею надо заниматься самому, поскольку она предполагает, помимо прочего, наличие связей в Москве и других регионах страны, ясного представления, как взаимодействуют различные части государственного механизма. Только энергии и добрых намерений маловато. Бесценный опыт, конечно. В этом смысле работа в Молдавии много дала Щёлокову-руководителю.

Кстати — несколько слов о брошюре, цитаты из которой только что приводились. Автор этих строк внимательно просматривал ее, заказав в Москве в Румянцевской библиотеке. Вполне толковая книжка, написанная хорошим специалистом. Маленькая энциклопедия по экономике Молдавии — видно, что в свое время ею активно пользовались, возможно, студенты.

Каков Щёлоков в отношениях с людьми? Какое производит на них впечатление? Вот одно из немногих сохранившихся свидетельств о Щёлокове той поры. Открываем книгу П. Ф. Перевозника «О прошлом — для будущего» (М., 2007). В годы, о которых идет речь, Павел Филиппович работает в милиции Молдавии, возглавляет службу по борьбе с хищениями социалистической собственности (в 1966-м Щёлоков переведет его в центральный аппарат МВД и назначит начальником управления БХСС). Перевозник — из ближайших соратников, то есть пристрастный свидетель, но у нас будет возможность сопоставить его оценки с другими. Щёлоков, по его словам, «умел слушать собеседника», «не был злопамятным и

мелочным», «был очень чувствительным к чужому горю», «но в то же время это был очень волевой и напористый человек в решении государственных задач».

...В 1962 году Николай Анисимович становится кандидатом экономических наук. Его диссертация как раз и посвящена проблемам формирования промышленного комплекса Молдавии в послевоенные годы. Позднее, будучи министром внутренних дел, он подготовит к защите докторскую диссертацию, но столкнется с сопротивлением со стороны Брежнева. Зять генсека Юрий Чурбанов в пренебрежительной манере опишет эту историю:

«...Как-то раз Щёлоков заикнулся о защите докторской диссертации — доктора экономических наук. Защита должна была состояться в одном из институтов Госплана, и кто-то любезно, чуть ли не афишами на тумбах, оповестил об этом прохожих. Вот эту афишу, снятую с тумбы, доставили Леониду Ильичу, он вызвал к себе Щёлокова и сказал ему: „Если хочешь защищаться и читать лекции, то иди работать в МГУ!“ Крепко тогда получил Щёлоков от Леонида Ильича. И только позже, когда Леонид Ильич уже неважно себя чувствовал, Щёлоков сумел защитить свою диссертацию — а какая тема, меня совершенно не интересовало».

Придет время, когда многие именно в такой пренебрежительно-снисходительной манере будут отзываться о бывшем министре внутренних дел. И кто эти люди? В какой области себя проявили? Оставили ли они после себя новое производство, оригинальный проект или хотя бы бутылку из-под коньяка? «Секретарь по...», «руководитель аппарата при...» — всё, что останется после большинства из них. Люди дела, включая критиков Щёлокова, всегда с достаточным уважением отзывались о его организаторских способностях и признавали в нем компетентного специалиста в тех областях, которыми он занимался. Уровень доктора наук? Вне всякого сомнения. И не только в экономике. У нас еще будет возможность проверить справедливость этого суждения.

Даже если бы Чурбанов знал тему диссертации Щёлокова, он бы вряд ли многое в ней понял. В автобиографии Николай Анисимович поясняет, что ученая степень доктора экономических наук присуждена ему в 1978 году «за ряд работ по развитию экономики Молдавской ССР». Тема — именно та, в которой Щёлоков досконально разбирался. Он доказал это и как автор экономических монографий, и как практик. Непонятно, за что «крепко» отчитал своего министра Брежнев. Ордена и звезды собирать — нормально, а становиться доктором наук, имея на то все основания, — «не скромно»...

В марте 1966 года Щёлокова избирают вторым секретарем ЦК компартии Молдавии. Это промежуточная ступенька. Его явно готовят к переводу в Москву. С должности второго секретаря республиканского ЦК можно взлететь достаточно высоко. Действительно, спустя несколько месяцев он получает удивившее многих назначение.

С каким багажом подошел Николай Анисимович Щёлоков к главному делу своей жизни? Отметим плюсы и минусы в его положении с точки зрения задач, которые вскоре перед ним встанут.

Ему неполных 56 лет. Возраст достаточно солидный для дебюта на новом поприще (его предшественник на посту министра, Тикунов, на 11 лет моложе). Однако Щёлоков здоров, энергичен и будет оставаться таким до конца своей долгой карьеры. Его отец, Анисим Митрофанович, ушел из жизни на 82-м году (1958). Если сыну отпущен такой же ресурс долголетия, то у него треть жизни впереди. Ровесники Щёлокова занимают ключевые должности в государстве. Для них он человек свой, понятный, его инициативы во властных структурах, по-видимому, будут восприниматься с доверием (и потому вызывать беспокойство у конкурентов-силовиков). Возраст ему следует занести скорее в актив. Можно многое успеть и строить планы на пять — десять лет.

В правоохранительной сфере Щёлоков прежде никак себя не проявил. И неизвестно, сумеет ли проявить. Это аргумент тех, кто противится его назначению. Да, но он обладает разнообразным опытом организатора. Инициативен, обучаем и абсолютно надежен, с точки зрения Брежнева и его близкого окружения. Министерство внутренних дел является, помимо прочего, одним из крупнейших в стране промышленных ведомств с большим объемом собственного производства. Опытный, энергичный хозяйственник во главе такого ведомства не помешает. Собственно, так и объясняет свой выбор сам Брежнев в беседе с Тикуновым («Он инженер, а у вас, говорят, очень много промышленных предприятий, и это как раз будет кстати»).

Щёлоков — человек новый в Москве. Однако у него есть на кого опереться. Перечислим некоторых из его давних знакомых.

Георгий Цинев — однокашник Щёлокова еще по Днепропетровскому металлургическому институту. Оба они участвовали в памятном совещании в Днепропетровском обкоме в день начала войны. Георгий Карпович при Брежневе станет заместителем председателя КГБ СССР.

Семена Цвигуна Щёлоков знал по совместной работе в Молдавии, где Цвигун возглавлял Управление госбезопасности. В конце 1960-х Семен Кузьмич был назначен первым заместителем председателя КГБ.

Близким знакомым нашего героя с военной поры являлся и Игнатий Новиков, ставший впоследствии заместителем председателя Совета министров СССР. В окружении премьера А. Н. Косыгина было немало старых знакомых Щёлокова по Днепропетровску, а один из них, Николай Александрович Тихонов, сменил Косыгина на его посту.

Константин Черненко перебрался в Москву еще позже Щёлокова, причем именно Николай Анисимович помогал Константину Устиновичу обосноваться в столице. В Молдавии Черненко заведовал отделом агитации и пропаганды. Его дальнейший путь от «правой руки Брежнева» до руководителя государства хорошо известен.

Константин Грушевой, один из ближайших друзей и Брежнева, и Щёлокова с довоенных лет, к первым ролям в государстве не стремился и «удовлетворился» должностью начальника политического управления Московского военного округа. Но влияние и связи имел огромные.

Другой влиятельный товарищ Щёлокова — Николай Байбаков, многолетний председатель союзного Госплана. В начале 1960-х Байбаков возглавлял совнархоз в Краснодарском крае, тогда же близко познакомился со своим коллегой из Молдавии (Щёлоков короткое время также руководил в республике совнархозом). С тех пор дружат. Щёлоков неплохо знал многих региональных руководителей, это ему впоследствии помогало.

Наконец, Леонид Брежнев. Считается, что Брежнев и Щёлоков были закадычными друзьями. Трудно спорить и незачем. Но кое-какие моменты хочется прояснить.

В программных книгах Брежнева о Щёлокове — ни слова. Хотя Николай Анисимович был заметным персонажем событий, описываемых и в «Малой Земле», и в «Молдавской весне». Не странно ли? О Грушевом и многих других днепропетровцах в «Малой Земле» Брежнев упоминает. А о Щёлокове, руководившем эвакуацией Днепропетровска, — нет. Случайность? Сверхосведомленный Черненко однажды намекнул своему доверенному помощнику, что фамилия Щёлокова в этих книгах отсутствует неспроста. Читаем в воспоминаниях Виктора Прибыткова («Аппарат. 390 дней и вся жизнь генсека Черненко». М., 2002):

«Однажды... я задал неосторожный вопрос Константину Устиновичу:
— Не понимаю... Брежнев описывает молдавские годы, а про Щёлокова ни слова. Отчего так случилось?

Черненко, тоже работавший в те годы в Молдавии вместе с Брежневым и Щёлоковым и не только читавший указанные произведения Брежнева, но и принимавший самое активное участие в их публикации, внимательно посмотрел на меня и ушел от прямого ответа:

— Есть кое-какие обстоятельства...»

Уж эти уходы от прямого ответа! Намеки, недомолвки. Они будут преследовать нашего героя в последние месяцы его жизни. Что за страшная тайна? Знаешь — скажи. Теперь нам остается гадать на кофейной гуще, что имел в виду Черненко. Но факт как будто налицо: свои давние особые отношения с Николаем Анисимовичем Леонид Ильич не афишировал. В 1970-е годы, о которых идет речь, эти отношения ничто не омрачало. Но Щёлоков — силовик, протеже генерального, занимает горячее кресло, Брежнев не хочет брать на себя лишнюю ответственность. Возможно, объяснение находится где-то здесь.

И всё же правы те, кто определяет отношения между ними как теплые и доверительные. Не совсем равноправные, верно: генеральный обращается к своему министру «Коля» (при посторонних — «Николай»), а Щёлоков к нему — «Леонид Ильич». Их судьбы не раз причудливо пересекались.

В первые дни войны Леонид Ильич и Николай Анисимович вместе навестили Щёлокова-старшего, Анисима Митрофановича (отказавшегося от эвакуации, как мы помним). И даже посадили дерево у его дома.

Фронтвые фотографии... Щёлоков на них выглядит спокойным, бравым, уверенным в себе военным. На снимках весьма часто они сидят или стоят бок о бок с Брежневым. Товарищи. Что-то по-свойски обсудили, сели, сфотографировались.

Вот любопытный эпизод. В 1939 году в Днепропетровске «мэр» Щёлоков на стадионе во время футбольного матча познакомился с Тamarой Лаверченко. Молодые люди стали встречаться. В начале войны Лаверченко эвакуировалась в Кисловодск, затем ушла медсестрой на фронт и попала в часть, где служил Брежнев. И... стала фронтовой любовью Леонида Ильича. Начальник политотдела 18-й армии испытывал к спутнице своей фронтовой жизни очень сильные чувства, читаем в книге Любви Брежневой «Племянница генсека». Ну, а Николай Анисимович простить свою подругу не смог, о чем известил ее запиской. Получается, что в молодости Брежнев даже отбил у Щёлокова девушку!

После отъезда из Молдавии в 1952 году Брежнев долго не вспоминал о своем товарище. Но ведь и о Черненко — тоже не вспоминал. И о других «кишиневцах» и «днепропетровцах». Когда получил возможность выдвигать самых близких и проверенных, тут же их призвал. В Москве Щёлоковы поселились в том же подъезде, что и Брежневы, по адресу: Кутузовский проспект, 26. Занять пустовавшую квартиру на седьмом этаже министру предложил сам Леонид Ильич. Эту конфигурацию ехидные

вражеские «голоса» называли бутербродом: на пятом этаже живет генеральный секретарь, сверху и снизу его «прикрывают» два силовика, Щёлоков и Андропов.

Вспомним, что Леонид Ильич являлся крестным отцом Игоря Щёлокова. На тридцатилетие подарил своему крестнику «мерседес». Игорь был частым гостем в семье Брежневых, равно как и дочь генсека, Галина Леонидовна, — в доме Щёлоковых. Игорь познакомил Галину с ее будущим мужем — Чурбановым... Короче, семьи Брежневых и Щёлоковых были достаточно близки. Став министром внутренних дел, Николай Анисимович действительно редко бывал на даче у Брежнева, нечасто участвовал в совместных охотах, застольях. Оба они на людях не подчеркивали своих особых отношений. Один из ближайших помощников Николая Анисимовича полагает, что между ними имелась соответствующая договоренность. Может быть, и не было ее — по умолчанию. Все-таки Щёлоков занимал особую — и деликатную — должность, главного милиционера страны, и не должен был восприниматься окружающими как опора кого-то персонально.

Глава четвертая

НАЗНАЧЕНИЕ

Предшественником Щёлокова на посту руководителя органов внутренних дел был Вадим Степанович Тикунов.

Летом 1966 года мало кто сомневался, что Вадиму Степановичу министром еще работать и работать. У министра Тикунова было немало достоинств. «Умный человек с прекрасными организаторскими способностями, открытый и очень решительный», — характеризует его Игорь Иванович Карпец^[2]. Некоторые полезные начинания, реализованные впоследствии Щёлоковым, были намечены еще при Тикунове. Кроме того, Вадим Степанович имел безупречную аппаратную биографию: он работал на высоких постах и в комсомоле, и в партии, и в КГБ (был заместителем председателя КГБ СССР).

Вместе с тем давние, еще комсомольские узы связывали Тикунова с членом Политбюро А. Шелепиным, председателем КГБ В. Семичастным и другими представителями той же группы, которую «днепропетровцы» предполагали в ближайшем будущем оттеснить от власти. Это всё и определило. Министр внутренних дел — слишком важная фигура в государстве. Леонид Ильич посчитал, что он достаточно окреп, чтобы продавить на эту должность верного человека. Пошла хитрая закулисная борьба. Стороны еще не перешли к открытому соперничеству. Они вроде бы вместе, вроде бы входят в коллективное руководство с первым среди равных во главе, дружно приводят страну в чувство после экспериментов Хрущева. Поэтому в разговоре друг с другом, обсуждая ту или иную кандидатуру на важный пост, пользуются эзоповым языком, прекрасно при этом понимая, что каждый имеет в виду.

В июле 1966-го Указом Президиума Верховного Совета СССР создается союзно-республиканское Министерство охраны общественного порядка. Восстанавливается союзная структура управления органами, упраздненная при Хрущеве в январе 1960 года. Единственный (рядом близко никого нет) претендент на кресло главы МООП СССР — министр МООП РСФСР В. С. Тикунов. Совсем недавно его наградили орденом Ленина, избрали кандидатом в члены ЦК КПСС и депутатом Верховного Совета. В начале августа его готовятся утвердить. И вдруг — стоп. Начинаются странные разговоры: а кто еще? При этом Тикунову претензий

не предъявляется, просто Брежнев на заседании Политбюро говорит: давайте еще подумаем. Затем, к удивлению практически всех, называет имя второго секретаря ЦК компартии Молдавии Н. А. Щёлокова. Щёлоков мало известен в Москве. Вторым секретарем в Молдавии он всего несколько месяцев, а до того работал заместителем председателя республиканского правительства. Правда, знаком с Леонидом Ильичом с довоенной поры. Земляки.

Первая попытка утвердить Щёлокова на Политбюро у Брежнева не проходит. Генеральный сворачивает обсуждение. Однако лишь для того, чтобы лучше подготовиться и выиграть это кадровое сражение. Члены Политбюро Суслов и Кириленко встречаются с первым секретарем ЦК компартии Молдавии Бодюлом, интересуются его мнением о кандидате в министры-силовики. Бодюл отвечает уклончиво: подходит для поста союзного министра, например... промышленности бытовых приборов, то есть непонятно, то ли рекомендовал, то ли, наоборот, отговаривал. Но тоже, видно, был изумлен. Позже стало известно, что всем этим обсуждениям предшествовала личная встреча в Москве Брежнева и Щёлокова. За Николаем Анисимовичем якобы присылали военный самолет, в одном из фильмов о «всесильном министре» даже назывался номер борта — 113. Правда, Игорь Щёлоков не слышал об этом эпизоде и не помнит, чтобы о нем когда-либо в их семье упоминали.

С одной стороны — престижно. В Москву, под крылышко к вон куда забравшемуся Леониду Ильичу. С другой стороны — министерство уж больно специфическое. Из двенадцати предшественников Щёлокова пятеро признаны врагами народа и расстреляны. Из уцелевших тоже практически никто не дожил до спокойной старости. После Сталина убивать наркомов перестали, но увольняли обычно с позором как несправившихся. «Не справился с участком работы» Н. П. Стаханов (министр внутренних дел РСФСР в 1956–1961 годах), исключенным из партии изгоем, на нищенскую пенсию влачил существование «министр сталинских строек» С. Н. Круглов (нарком и министр внутренних дел СССР в 1945–1956 годах). Решение занять этот пост от провинциала требовало определенного мужества и, наверное, доли авантюризма. По воспоминаниям Игоря Щёлокова, особого энтузиазма в связи с переездом в Москву близкие будущего министра не испытывали. Он передает фразу матери: «Николай, тебя или убьют, или ты сам застрелишься». Николай Анисимович не раз впоследствии говорил: «Как в воду смотрела». Подобные опасения семью Щёлоковых, несомненно, посещали.

А что же «недоначиненный» Тикунов? Свои переживания в те дни

Вадим Степанович доверял бумаге. Он вел дневник. И вот что, в частности, писал:

«Я с ним (Щёлоковым. — С. К.) встретился в приемной Н. И. Савинкина (начальник отдела административных органов ЦК КПСС. — С. К.), к которому он шел. Мы остановились. Он спросил меня: „Какое тут намечено совещание?“ Я ответил: „Не знаю“. Щёлоков как-то помялся и спросил меня: „А вас уже утвердили министром?“ — „Если бы меня утвердили министром, то об этом опубликовали бы в печати“, — ответил я. „Ну, ладно, ну, ладно“, — последовало с обеих сторон, и мы разошлись. Чуть позднее я узнал, что именно ему предлагали быть министром. По рассказам да и по многочисленным его заявлениям он отказывался от этого предложения. А что же, это естественно. Дело-то очень тяжелое, а для него ко всему еще и малоизвестное».

В середине сентября Щёлоков вновь появляется в Москве. Решение о его назначении уже практически согласовано в Политбюро. Брежнев принимает Тикунова и предлагает ему занять пост первого заместителя министра. Как вспоминает Вадим Степанович, его беседы с Леонидом Ильичом носили «очень сердечный характер». Они еще долго будут носить такой характер. Только Тикунов всё ниже и ниже опускается в партийной иерархии. Опытный аппаратчик, он вдруг перестает понимать очевидные намеки. Точнее, ему трудно смириться с неизбежностью. Он выпал из команды.

Воспоминания Тикунова сохранили любопытные образцы аппаратной дипломатии, когда слова не имеют равным счетом никакого значения, важны интонации, важно, сколько человека держали в приемной, и т. д. Любопытный документ. Вадим Степанович записывает:

«15 сентября 1966 г. беседовал более часа с Генеральным секретарем ЦК КПСС тов. Брежневым. Беседа началась с общего положения в партии и государстве...»

Обсудили успехи в сельском хозяйстве и промышленности. Собран хороший урожай хлеба. Впервые за годы советской власти нет проблем с маслом. Серьезные недостатки сохраняются в таких отраслях, как строительство, производство одежды и обуви, и здесь предстоит много сделать. Полбеседы позади.

А как же основной вопрос?

«Тов. Брежнев сказал, что они в Политбюро обсудили вопрос о министре. Несомненно, им мог быть и тов. Тикунов (кто бы сомневался. — С. К.), но некоторые члены Политбюро высказали мнение о необходимости иметь „свежего“ человека».

Но и Вадим Степанович еще не успел «заплесневеть», ему 45 лет от роду, всего пять лет министром...

«После длительных обсуждений мы остановились на одном из вторых секретарей ЦК. Тов. Брежнев обратился ко мне и сказал, что, может быть, вы его знаете. Это второй секретарь ЦК Молдавии Н. А. Щёлоков. Я сказал, что с ним знаком... Генеральный секретарь дал Щёлокову исключительно лестную характеристику, отметил, что это очень порядочный человек, высокой культуры, грамотный и что с ним работать будет очень приятно». По словам Леонида Ильича, были и другие предложения, но Щёлоков «инженер, а у вас, говорят, очень много промышленных предприятий, и это как раз будет кстати».

Тикунову предлагается («если все сойдутся на этом мнении») пост первого заместителя главы МООП. Какая, в конце концов, разница для коммунистов, кто чей начальник? Работы много, ее всем хватит. Вадим Степанович согласен на первого зама. Обволок его своей любезностью и доверительностью Леонид Ильич, да и другого не предлагается.

Заговорили о проблемах министерства. Главе ведомства, кроме Тикунова, добавят еще четырех замов, решили на партийном Олимпе. Министерство расположено в Москве в семи зданиях? Это неудобно, соглашается Брежнев, Тикунову следует внести предложения о постройке нового добротного здания для МООП. «Он (Брежнев. — С. К.) сказал, что ему очень нравится здание КГБ на площади Дзержинского». Хитрец Леонид Ильич, и ведь знает, что реализовывать предложения придется уже не Тикунову.

Гоголя на них нет!

Но и Вадим Степанович начеку. Он благодарит за откровенную беседу и просит, коль скоро в головах членов Политбюро такая ясность, побыстрее принять решение. Леонид Ильич обещает: сегодня же на заседании Политбюро утвердим обоих.

Разумеется, бывший министр в качестве первого зама Щёлокову не нужен. Человек амбициозный, Вадим Степанович неизбежно стал бы вторым центром власти, с которым всё равно в ближайшем будущем пришлось бы разбираться. И Брежневу не требуется на этом посту «человек Шелепина». Однако Леонид Ильич не любил сообщать людям неприятные известия. Предпочитал, чтобы они сами догадывались. Но тут ему попался упрямец.

Итак, «сегодня» Тикунова утвердят.

Минуло два месяца. Вадим Степанович до сих пор «и. о.» (министр давно утвержден). Теперь Брежнев для Тикунова уже труднодоступен,

душеспасительные беседы ведет с ним Николай Анисимович, который заверяет, что генеральный экс-министра по-прежнему уважает и не оставляет надежды продавить на Политбюро обещанное решение.

Между тем Вадиму Степановичу начинают предлагать другие посты... Например — заместителя председателя Комитета народного контроля. Многоопытный М. А. Суслов при встрече журит Тикунова, что тот как-то серьезно все воспринимает. Не последнюю же ему в жизни должность предлагают! Сам Суслов, вон, десять лет отработал в народном контроле. Наконец 25 января уже 1967 года Тикунов вновь пробивается к Брежневу (тот хотел ограничиться телефонным разговором, но ловкий Вадим Степанович находился рядом с его кабинетом, и Леониду Ильичу ничего не оставалось, как сказать: «Заходите»).

Тикунов подробно записал и этот разговор. Тоже образец блестящей номенклатурной демагогии. Оба понимают, что экс-министр не кем иным, как самим Леонидом Ильичом, был поставлен в условия, в которых он не мог не проявлять нервозности, и эту нервозность Леонид Ильич поставил ему в вину. Кто же теперь будет назначать на должность влиятельного силовика нервного и неуравновешенного человека?

«Беседа началась с того, что тов. Брежнев немного стал меня журить. Он отметил, что я веду себя слишком нервно, что слишком много мнительности, что, несмотря на то, что Центральный Комитет думает обо мне, почему-то дело принимает особый характер. Даже известно, что вы выражаете недовольство мной...» и т. д. Леонид Ильич показал себя большим мастером таких разводов. В дальнейшем стороны согласились, что молодого экс-министра, ничем себя не скомпрометировавшего, давно можно было бы трудоустроить. «Разве вам не платят зарплату?» — удивляется Леонид Ильич. «Платят. Но есть ведь чувство человеческого достоинства. Оповестили, что назначат первым замом, но так и не назначили. Это тяжело физически и морально», — отвечает Вадим Степанович. Но теперь он уже согласен вернуться на партийную работу. Кончилось тем, что его назначили в ЦК первым замом в комиссии по выездам за границу. Уйди он раньше, добровольно, мог бы получить должность повыше. Спрашивается, зачем столько времени нервы мотал себе и другим?

Заключительные фразы из последней беседы Брежнева с Тикуновым, прежде чем последнего окончательно удалят с глаз долой.

«Брежнев: „Ты, Вадим, только не обижайся“.

Тикунов: „У меня нет обид“.

Брежнев: „Давай, чтобы у нас были отношения партийными. Уважай

меня на том посту, на котором я, а я буду уважать тебя на том посту, на котором ты. А служим мы партии и народу“».

Получив такое напутствие в 1969 году, Тикунов отправился на пять лет в Румынию в качестве чрезвычайного советника-посланника. В 1974–1980 годах он был послом, сначала в Верхней Вольте, затем в Камеруне. По-видимому, африканский климат совершенно не подходил этому тучному человеку. В возрасте пятидесяти девяти лет он ушел из жизни.

Жестокая штука — аппарат. Тяжело тем, кто вне номенклатуры себя уже не видит.

...В конце 1966 года уязвленного В. С. Тикунова потянуло на литературу. На сатиру. Он стал писать ернические заметки о... Н. А. Щёлокове. Они любопытны как одно из первых свидетельств того, что некоторые считали поведение министра небезупречным с точки зрения этики. Опус начинающего сатирика назывался «Закройщик из Кишинева»:

«У нас широко известна история с закройщиком из Торжка. Игорь Ильинский увековечил и придал особое значение этой обычной профессии. Можно было бы и не возвращаться к этой теме, если бы не новый и более важный закройщик. В Москву этот закройщик прибыл из Кишинева. Прибыл не в Управление бытового обслуживания г. Москвы или, скажем, в Министерство легкой промышленности РСФСР, а прямо в Министерство охраны общественного порядка СССР. Конечно, по различным причинам, но, в основном, по инициативе БХСС тут оказываются люди разных профессий. Но к закройщику Борису Ефимовичу Швехеру БХСС пока никакого отношения не имеет. Не надо впадать в ошибку. Аккуратный и галантный портной из Кишинева в Министерстве пользуется всеобщим вниманием и заботой. При срочных делах в широкой столице закройщика сопровождают военные люди. Для повышения оперативности выделена специальная машина. Как-то Борис Ефимович заметил: „На ‘Волге’ не слишком подготовленные шофера“. И к услугам закройщика подкатила более просторная и более комфортная машина, правда, старого выпуска Горьковского автомобильного завода...

Хозяйственное управление Министерства предлагает ему квартиру из трех комнат для четырех человек. И хотя не один год стоит очередь из нескольких сот человек, Борису Ефимовичу квартира вне очереди...» и т. д.

Где тут правда, а где художественный вымысел? Согласно альтернативной версии, портной Швехер был перевезен из Кишинева по совету хорошо его знавшего Л. И. Брежнева, который в молодости был франтоват. Через управление делами правительства «закройщику» помогли разменять квартиры в Кишиневе на жилье в Москве. Впоследствии Швехер

многие годы возглавлял в МВД пошивочный цех. А что до очереди на жилье в министерстве, то при Щёлокове она будет короткой^[3].

Глава пятая

ЗА ДВАДЦАТЬ ЛЕТ ДО КОММУНИЗМА

До Октября 1917 года на посту министра внутренних дел России сменилось 37 человек. В этом списке фигуры разного калибра, от случайных, промелькнувших в последние месяцы перед Октябрьской революцией, до *государственных деятелей* — В. П. Кочубея, М. Т. Лорис-Меликова, П. А. Столыпина.

В ряду советских министров (наркомов) внутренних дел Николай Анисимович Щёлоков — 13-й. Если считать с момента образования ведомства в 1802 году — 50-й. И был в этой должности рекордные 16 лет.

Кто они, 12 советских предшественников Щёлокова? Какое наследство ему оставили?

Среди них есть фигуры как известные, так и вовсе забытые, чьих фамилий не помнят даже специалисты. Первые обычно совмещали руководство наркоматом (министерством) с более важными для них обязанностями. И снискали себе известность отнюдь не на ниве охраны общественного порядка.

Алексей Иванович Рыков (пребывал в должности с 7 по 17 ноября 1917 года) за десять дней успевает подписать несколько документов (один из них — «Постановление НКВД об организации рабочей милиции»). После чего выходит из Совнаркома из-за политических разногласий с ЦК — «сбегает», по словам Ленина.

Григорий Иванович Петровский организует работу наркомата в центре и на местах, проводит первые коллегии. Тогда же наблюдаются первые сложности в отношениях между органами внутренних дел и госбезопасности (ВЧК).

Феликс Эдмундович Дзержинский (1917–1923) стал главой НКВД в дополнение к другим своим многочисленным обязанностям, фактически ведомством руководили его заместители М. Ф. Владимирский, затем — А. Г. Белобородов. При нем органы НКВД и ВЧК ненадолго объединяют (и вновь разъединяют при следующем наркоме).

Александр Георгиевич Белобородов (1923–1927) известен прежде всего как участник расстрела царской семьи в Екатеринбурге в бытность председателем исполкома Уральского облсовета. На посту наркома деятелен, однако реального политического веса не имеет. Работает в обстановке слухов, что НКВД упраздняют. К тому же оппозиционер,

сторонник Троцкого. Одновременно с увольнением его исключают из партии, ссылают, позже расстреливают.

Владимир Николаевич Толмачев (1928–1931) занимается совершенствованием стиля работы аппарата НКВД, на большее у него нет полномочий. Он с сожалением оценивает Наркомвнудел как «второстепенную организацию». Запомним эту характеристику. В конце 1930-го НКВД РСФСР просто расформировали. А личная судьба Толмачева покатила под откос и закончилась, как у предшественника.

В ближайшие три года страна обходится вообще без Наркомата внутренних дел! Затем создается мощный НКВД СССР, объединяющий, говоря нынешним языком, милицию и госбезопасность, и наступает период известных (печально известных) наркомов, в деятельности которых интересующая нас «милицейская» тематика — далеко не главная.

Генрих Григорьевич Ягода (1934–1936) удостоивается от Сталина звания генерального комиссара государственной безопасности, равносильного маршальскому. При нем расширяется система лагерей и колоний, которые быстро заполняются заключенными. Отсюда существенная часть забот наркома: силами НКВД возводятся важные хозяйственные объекты, например канал Москва — Волга, строятся шоссейные дороги. Справедливости ради следует отметить, что Ягода подписал ряд документов, осуждающих нарушения закона при производстве арестов и содержании лиц в местах лишения свободы.

Николай Иванович Ежов (1936–1938) ухитрился стать еще более одиозной фигурой, чем его предшественник. О милицейской составляющей в его деятельности говорить практически не приходится. Не до того ему было.

Лаврентий Павлович Берия (1938–1945, 1953)... В нескольких словах о нем как о наркome сказать особенно трудно. Деятельность Берии на посту главы НКВД чрезвычайно разнообразна, конкретных решений и мероприятий — много, однако организационным строительством органов охраны правопорядка он не занимался. В апреле 1943 года из НКВД выделяется Наркомат госбезопасности (в 1941-м аналогичное решение приняли и тут же отменили из-за войны). Наследие Берии, имеющее отношение к теме данной книги, — амнистия 1953 года, предоставившая свободу не только «политическим», но и массе уголовников, а также попытка вновь объединить органы госбезопасности и внутренних дел (в 1954 году они разделятся на МВД СССР и КГБ СССР). Ну, и репутация ведомства...

Как только МВД отправилось в самостоятельное плавание,

отцепившись от госбезопасности, оно опять становится «второстепенной организацией» в глазах руководства страны. Достаточно сказать, что очередной нарком Сергей Никифорович Круглов, по его словам, всего четыре раза удостоился аудиенции у Сталина, при котором он возглавлял ведомство семь лет. Задача министерства при Круглове — строить, строить и строить. Не случайно его называли «министром сталинских строек». Сергей Никифорович участвовал в переселении народов, создавал сеть особых лагерей и тюрем для «контрреволюционеров», но на фоне той плеяды силовиков считается человеком относительно приличным.

Николаю Павловичу Дудорову (1956–1960), выходцу из строительной отрасли, выпало испытание работать в период хрущевских преобразований. Он избавил министерство от некоторых непрофильных структур, в частности строительных главков. Немало сделал для реабилитации жертв политических репрессий в русле тогдашней политической линии. В итоге МВД СССР... упразднили. О Дудорове шутили: «Он отличается от Ивана Сусанина тем, что завел МВД в болото, где оно погибло, а сам он выжил и получил новое назначение». Ну, завел — не завел, но о ликвидации своего ведомства министр узнал едва ли не из газет, что достаточно характеризует отношение к нему со стороны руководства СССР.

Николай Павлович Стаханов считается одиннадцатым советским наркомом (министром) внутренних дел. Это некоторая натяжка: он возглавлял с 1955 года МВД РСФСР, поэтому после упразднения союзного министерства 1 мая 1960 года остался в милиции за «старшего». Достаточно опытный руководитель (десять лет был начальником погранвойск СССР, занимал и другие крупные посты), Стаханов в обстановке хрущевской неразберихи за год ничего не успел сделать. Отстранен от должности как несправившийся.

Вадим Степанович Тикунов (1961–1966), дипломированный юрист, имел все задатки стать хорошим министром внутренних дел. Некоторые важные решения, реализованные впоследствии, принимались при Тикунове. Он же подготовил воссоздание союзного министерства (тогда — охраны общественного порядка, МООП) и предполагал его возглавить. Пожалуй, Вадим Степанович не был крупным политиком и точно не обладал достаточным весом в команде Брежнева. Еще и не повезло...

Бегло просмотрев биографии двенадцати советских предшественников Щёлокова, мы можем сделать кое-какие выводы.

«Самый близкий к населению правительственный орган», как называли МВД до революции, в Советском государстве стал «второстепенной организацией» в глазах высшего руководства. Иное дело,

когда его соединяют с госбезопасностью, наделяют политическими и карательными функциями. В такие периоды это ведомство-монстр, возглавляют его фигуры влиятельные и зловещие. Но как только органы внутренних дел отцепляют от локомотива госбезопасности, их начинают перебрасывать, как мяч, туда-сюда, могут и выбросить за ненадобностью. Снова — «второстепенная организация». Министры и наркомы — люди, как правило, малоизвестные, к тому же обреченные. Максимум ответственности при минимуме возможностей. Из двенадцати советских наркомов-министров шестеро (Рыков, Белобородов, Толмачев, Ягода, Ежов, Берия) репрессированы и расстреляны. Петровский много лет балансирует на краю пропасти, теряя в репрессиях близких. Круглов исключен из партии и доживает в нищете. Дудоров унижен, Стаханов «не справился», Тикунов тоже унижен и убран из органов без объяснения причин. Только один из двенадцати — Дзержинский — ушел с поста без видимых последствий для себя. Через много лет отыграются на его статуе... Как вам такая статистика? Могла ли она вдохновлять Николая Анисимовича Щёлокова?

Какая судьба выпадет ему?

Теперь нам проще оценить то, что удастся тринадцатому советскому министру внутренних дел. Его ведомство — не политическое, не репрессивное, чисто правоохранительное — станет одним из самых влиятельных в стране. С долей преувеличения Щёлокова назовут «всесильным министром». В течение многих лет он будет почти равноправным аппаратным конкурентом председателя КГБ Андропова, будущего руководителя СССР.

Он споткнется только на последней ступени...

«Другие стремились делать зло, он же просто плохо делал добро». Эти слова, сказанные об императоре Павле I, могут быть приложимы и к Никите Сергеевичу Хрущеву. Стремясь к добру, как они это понимали, оба наломали немало дров.

О Павле, например, читаем в исторических хрониках: прекратив войну с Персией, он отозвал с берегов Каспия войска, которыми командовал генерал-аншеф Валериан Зубов, брат екатерининского фаворита. При этом полкам было велено покинуть театр военных действий... втайне от командующего. Зубов вдруг обнаружил, что со своим маленьким штабом остался без армии и может стать добычей шайки бродяг. Спас генерал-аншефа донской атаман Платов, за что удостоился немилости императора. Горемычный командующий (потерявший ногу в сражениях) своим ходом

добирался из Астрахани в Петербург. Движение же полков во все концы России очевидцы уподобляли нашествию татар, поскольку провианта и фуража частям не выдавалось. Тяжелее других пришлось Сибирскому драгунскому полку, два года добиравшемуся до Тобольска. В пути кавалеристы питались кониной и прибыли в место назначения, навьюченные амуницией, с седлами в руках.

Поскольку Павел поступал по простому алгоритму — делать противоположное тому, что делала его державная матушка, то иногда получалось удачно и гуманно: он вернул из ссылки Радищева, выпустил из крепости просветителя Новикова, отменил рекрутский набор (в связи с окончанием войны с Персией)...

Никита Сергеевич Хрущев тоже делал глупости не со зла. Он был по-своему последователен. Мы же наметили построить через 20 лет коммунизм? Наметили. Значит, преступность должна отмирать. И борьбу с ней следует постепенно перекладывать на общественность. В конце 1958 года в Ленинграде создаются первые добровольные народные дружины, через год дружинников в стране — уже около двух миллионов. Профессиональная милиция, по мнению Хрущева, становится лишней. Министры Дудоров, Стаханов рапортуют о сокращениях в рядах сотрудников МВД: уволили 7 тысяч, затем еще более пятнадцати тысяч. В ЦК КПСС из министерства отправляются оптимистичные отчеты, как будто подтверждающие, что милиция только мешает бороться с преступностью: в 1959 году по сравнению с 1958-м количество возбужденных уголовных дел сократилось на четверть, а число лиц, привлеченных к уголовной ответственности, уменьшилось на треть. Благодаря сокращению штатов сэкономлено 163 миллиона народных рублей. Всё идет по плану. В 1960 году упраздняют за ненужностью союзное министерство, распределив его функции между республиканскими МВД.

И — немедленно получают ответ от уголовного мира: количество наиболее опасных преступлений (их не скроешь) за полугодие подскочило почти на треть! Разгневанный Хрущев требует принять более решительные меры в борьбе с преступностью. Ужесточен Уголовный кодекс, смертная казнь теперь признается допустимой даже в отношении несовершеннолетних. Плохо делаемое добро, как и следовало ожидать, оборачивается злом.

Николай Анисимович Щёлоков стал министром охраны общественного порядка СССР в середине сентября 1966 года. Менее чем через год в Политбюро за его подписью уйдет записка, в которой будут

сформулированы первые развернутые предложения по укреплению (не будем до поры употреблять слово «реформа») органов правопорядка.

А пока на дворе осень 1966-го. Новому министру не позавидуешь. Дело для него абсолютно новое, в Москве он чувствует себя пока неуютно, своей команды нет. На вчерашнего провинциала свалилась огромная ответственность. От навещающих его друзей по прежней работе он не скрывает, что ему очень тяжело.

С чего начать?

Щёлоков отправляется в поездки по стране. Не нужно было быть семи пядей во лбу, чтобы увидеть, что требуется милиции в первую очередь. Вот одно из свидетельств очевидца.

...Александр Турицын начал службу в начале 1960-х оперативником в Щекинском районе Тульской области. На территории этого района находится Музей-усадьба графа Льва Толстого, но это — островок спокойствия. А вокруг — предприятия, куда десятилетиями отправляли бывших судимых. Так называемый «101-й километр». 50–60 убийств в год, не считая других опасных преступлений, для Щекина — среднестатистический показатель.

Турицын начал службу в поселковом отделении милиции. Из транспорта у местных милиционеров — мотоцикл и три лошади с повозками. В районном центре у коллег база побогаче: несколько мотоциклов, лошади и одна линейная машина на выезды, без рации. Бывало, выезжают на драку в отдаленную деревню, пока доковыляют — там уже помирились, выпивают. Пока в поселковом Совете не выделили молодому оперу жилье, тот ночевал в кабинете, спал, положив под голову папки с уголовными делами. Отчитываться Турицын ходил в Щекино: десять километров в один конец, десять в другой. Бывало, и впустую прогуляется, если начальство куда-то отъехало.

Закончил службу полковник Турицын в 1990-е. Возглавлял в Тульском УВД управление по борьбе с оргпреступностью, в течение ряда лет был первым заместителем начальника областного угро. О 1960-х годах он вспоминает:

«Мы смеялись над названием министерства: МООП. Для чего Хрущев это изобрел? Просветов не видели. Зарплата мизерная. Оперуполномоченным — уже в Туле, после повышения — я получал 110 рублей, меньше, чем жена. Хватало только на самое основное. До смешного доходило. Однажды допрашиваю бабку. Подо мной старый стул, наверное, дореволюционного изготовления. Только что купил новые штаны. Бабка мне говорит: чтоб ты провалился! И в этот момент подо мной

стул разваливается, и я, крупный мужчина, с грохотом падаю на пол. Новые штаны порвал, ходил потом в ателье чинить.

А форма была — под грудью бляха, два ряда пуговиц, красные канты, кубанка красная, обшлага красные. Стоишь, как пугало. На ремне свисток. Когда министром стал Щёлоков, мы это сразу на себе ощутили. Милиция стала подниматься. Форму нам нормальную сделали. За звания стали получать доплаты — 30, 40, 50 рублей, тоже деньги». Это лишь одна картинка, а их можно было бы нарисовать множество^[4].

Нищая, плохо обмундированная, безлошадная и, добавим, малограмотная милиция — такой ее увидел новый министр в поездках по стране. Одна из самых насущных проблем обозначилась, и на решение ее потребуются огромные средства. Вряд ли в Политбюро ожидают от брежневского протеза именно такого начала. Но что делать?!

Любопытно, что за 160 лет до описываемых событий первый министр внутренних дел России князь Виктор Павлович Кочубей начал ровно с того же. Как полагали тогда, мизерные оклады служащих полиции провоцировали их на получение «небезгрешных доходов». По настоянию Кочубея в сметы городских расходов стали включать специальные статьи на содержание полиции, «на провиант и обмундирование, на фураж, содержание пожарного инвентаря, на дрова, свечи».

Минуло после Кочубея почти три десятилетия. Теперь уже министр Закревский под впечатлением поездки по провинциям представляет записку императору Николаю I. Граф Закревский пишет о своих подчиненных: «Нельзя без соболезнования смотреть на сих людей, сидящих в присутственных местах перед зеркалом законов в рубищах, с печатью нищеты и уныния на лицах. Надобно представить ту бедность, в которой пресмыкаются они, будучи многие мужьями и отцами семейств, без прочной одежды и обуви и, вероятно, без пищи. Какого же можно ожидать усердия от человека, решившегося служить за 5 и даже за 1 рубль (ассигнациями) в месяц... Кто может льститься надеждою удержать руку истаивающего от нужды человека принять предлагаемых, а может быть, втайне и требуемых от просителя денег. Это есть корень лихоимства и разврата чиновников...» Резолюция императора на предложение графа увеличить бюджет министерства на 3 миллиона рублей: «В необходимости сих мер я давно убежден, но убежден и в совершенной невозможности ныне же со стороны Министерства финансов сему помочь...»

Дополнительные деньги на содержание органов правопорядка находятся, только когда припекает.

Щёлокову отчасти «помогло» то, что по стране прокатились погромы

милицейских участков. Они начались еще при Хрущеве. Например, в апреле 1964 года в подмосковном городе Бронницы толпа разгромила отделение милиции, в котором ранее от побоев умер задержанный. В 1967-м подобные беспорядки приобретают еще больший размах. Во Фрунзе (май) и Чимкенте (июнь) в нападении на райотделы милиции участвует до тысячи человек. Толпы убивают и избивают милиционеров, поджигают здания, транспорт, уничтожают документацию, «освобождают» заключенных из изоляторов. Порой в огонь летят и портреты руководителей страны. Беспорядки такого рода произошли более чем в десяти городах Советского Союза за несколько лет.

Пугачевщина — только этого команде Брежнева не хватало. Зачинщики погромов, разумеется, строго наказаны, к некоторым из них применена высшая мера. Однако в Политбюро понимают, что львиная доля ответственности за происшедшее лежит на самих органах внутренних дел. От Щёлокова затребовали предложений: что делать?

В августе 1967 года министр охраны общественного порядка направляет записку на имя Л. И. Брежнева. В ней дается, как сейчас понимаем, честный анализ ситуации в органах. Чувствуется свежий взгляд руководителя, пришедшего в милицию с «гражданки». Например, читаем: «В стране за три года сменяется почти половина всего рядового и младшего начальствующего состава милиции». Или: «В милицию идут преимущественно люди, которые не могут устроиться в других местах, с низким образовательным и культурным уровнем...» Более подробно с этим примечательным документом читатель еще сможет познакомиться в книге. Пока же хочется отметить такую особенность предложений автора записки: их комплексность. Комплексность — главная примета любых глубоких преобразований. Министр предлагает не только повысить зарплату рядовым милиционерам, ввести надбавки за офицерские звания, выделить органам правопорядка такую-то технику в таком-то количестве, но и, скажем, создать в ведомстве академию и Высшее военно-политическое училище, разработать новые образцы милицейской формы, переименовать МООП в МВД, учредить печатный орган, ввести генеральские звания для высшего командного состава и т. д.

Мы давно привыкли, что в милиции работают генералы, а не «комиссары», что в правоохранительном ведомстве имеется академия, издаются СМИ, и само ведомство называется МВД. Но тогда казалось, что Щёлоков замахивается на слишком многое. Он еще себя ничем не проявил в Москве, и к его предложениям нет доверия! Денег милиционерам можно подкинуть, какие вопросы. Тем более что грядет пятидесятилетний юбилей

советской милиции. Что же до остального... Слишком ответственно. Для рассмотрения записки силового министра создается комиссия Политбюро ЦК КПСС. В ней главным оппонентом Щёлокова выступает министр обороны СССР А. А. Гречко. Он решительно против введения генеральских званий для командного состава МООП, против академии, против уравнивания норм денежного довольствия милиционеров и военных. В итоге многие из предложений министра охраны общественного порядка с первой попытки не проходят. Часть из них Николай Анисимович «продавит» уже через год. С некоторыми придется потерпеть дольше. Думается, из этой истории он усвоил важные уроки, о которых еще поговорим.

Однако первый важный шаг Щёлокову удалось сделать, что сразу подняло его авторитет в ведомстве. В конце 1967 года в органах внутренних дел повышают, и значительно, зарплаты рядовому и младшему начальствующему составу, офицерам устанавливают доплаты за звания. В какой-то момент сложилась уникальная ситуация: в милиции стало работать выгоднее, чем в прокуратуре. И некоторые сотрудники прокуратуры стали переходить в МВД. Раньше такого нельзя было себе представить (позже — тоже).

1967 год — юбилейный для страны. Отмечается 50-летие Октябрьской революции и основания Советского государства. Советской милиции тоже исполняется полвека. 10 ноября с большим размахом празднуется День милиции (учрежденный с подачи В. С. Тикунова в 1962 году).

Пройдут без малого два десятилетия, и наступит период, когда Николаю Анисимовичу Щёлокову каждое лыко будут ставить в строку. Его обвинят, помимо прочего, в склонности к показухе и помпезным празднованиям, которые он проводил якобы из желания оказаться в центре внимания, из саморекламы. Вроде бы эти качества проявились уже в 1967 году. Вот один из образчиков: «Уже первый праздник при Н. А. Щёлокове, 50-летие советской милиции, отмечался с большой помпезностью. По предложению МООП СССР была изготовлена медаль „50 лет советской милиции“. Ближайшие помощники разработали список, кому она вручается министром или по его поручению. Открывали список члены Политбюро ЦК КПСС, затем идут секретари ЦК КПСС (перечисляются категории руководителей по нисходящей. — С. К.). Всего предлагалось вручить 1500 медалей. Таким образом, медаль вручалась не лучшим работникам милиции, а по должностному признаку, нужным людям, и так далее».

Не хочется указывать автора цитаты. Это серьезный, глубокий

исследователь. В данном случае он перечислил набор расхожих претензий к «показушнику» Щёлокову. Они могли казаться убедительными в середине 1980-х. Но сегодня?!

Эти строки пишутся примерно на двадцатом году существования капитализма в России. С какой стороны ни посмотри на шаги, предпринятые министром по случаю юбилея милиции, — это нормальная пиар-акция в интересах ведомства. То, чем занимается в наши дни любая крупная корпорация. Положим, медаль «50 лет советской милиции» раздавалась «нужным» людям (едва ли только им). Но разве боевая награда раздавалась? Кто из нас, получая памятные медаль или знак по случаю юбилея ведомства, воспринимал это как взятку? Скорее — напоминание: мы — есть, помни о нас, помогай нам при необходимости. Там еще были сувениры стоимостью от 15 коп. до 9 руб. 65 коп. (в зависимости от статуса одариваемого, не унимаются оппоненты). Хочется сказать: если закон не нарушался, а, по-видимому, это так, то Щёлоков все делал правильно. Он поступал как дальновидный руководитель, который прекрасно понимал, что ему еще много раз доведется обратиться к «нужным людям» в интересах своего министерства.

В истории с «помпезным» празднованием 50-летия советской милиции Николай Анисимович Щёлоков выглядит умнее своих критиков из 1980-х. Не стоит этому удивляться.

Опыт первого, полуудачного обращения к руководству страны Щёлоков усвоил. Штурмом эту твердыню не возьмешь. Нужно запастись терпением и быть готовым к длительной осаде.

В ближайшие годы министр предпримет много усилий для укрепления связей МВД с другими государственными органами. Примечательны приемы, которые при этом используются. Их полезно отметить.

На работу в министерство Щёлоков охотно принимает людей со стороны: из партийных и советских органов, прокуратуры, Комитета государственной безопасности, вооруженных сил, с производства. Такая практика при умелом ее применении позволяет убить множество зайцев. МВД постепенно перестает восприниматься как замкнутая, вызывающая подозрения структура, как это было во времена ежовско-бериевского НКВД. Обычное ведомство. Часть государственного механизма. Часть общества. Пришельцев со стороны не всегда приветливо принимают в МВД, но зато они сильно облегчают контакты министерства с другими государственными органами. Примеров удачных назначений такого рода было достаточно много, читатель в свое время с ними познакомится.

Проводятся совместные заседания коллегии МВД и других ведомств. Например, В. Ф. Некрасов сообщает, что в 1968 году такие заседания проводились совместно с коллегией Прокуратуры СССР, а также с бюро ЦК комсомола. В первом случае обсуждались, в частности, причины роста правонарушений в рядах милиционеров, а во втором — меры по профилактике преступлений в молодежной среде. Да, это шаги в том же направлении.

К сказанному следует добавить, что Щёлоков вообще стремился назначать на руководящие должности в своем министерстве людей ярких, авторитетных, с заслугами и научными степенями, по возможности с аппаратным весом, которые могли бы достойно представлять интересы МВД на совещаниях в Совете министров, в отделе административных органов ЦК КПСС и т. д. Эта черта — одна из самых заметных в нем как в управленце.

Не случайно Юрий Чурбанов в книжке своих воспоминаний пишет: «Заслуга Щёлокова, которую никак нельзя сбросить со счетов, — это установление тесных контактов с партийными, советскими и другими государственными органами». Тут с ним трудно не согласиться. За свою карьеру Николай Анисимович пробьет в интересах МВД чрезвычайно много принципиальных и отнюдь не простых решений. Он практически постоянно что-то пробивал. И ведь при этом не обладал достаточно высоким формальным статусом: член ЦК КПСС, министр, чиновник из первой сотни. Да, «друг Брежнева». Но только на дружбе с Брежневым он бы далеко не уехал. Не менее важно, что он умел хорошо ориентироваться в сложнейшем лабиринте под названием «система принятия решений в СССР». Щёлоков знал, как подготовить документ, как его обосновать, какими союзниками заручиться, с участием каких структур обсудить, в какой момент вынести на обсуждение и т. п. Нельзя сбрасывать со счетов, что действовал он обычно с полной убежденностью в своей правоте, и проекты, исходящие от МВД, были предварительно всесторонне проработаны с участием ученых и практиков.

«Всесильный министр»... Так будут называть Щёлокова через много лет. Имеется в виду: пошел к Брежневу и решил любой вопрос. Так представляется дело неглубоким газетчикам и киношникам. Если бы все было так просто! Спрашивается, почему же многие вопросы «всесильный министр» протаскивал через советский лабиринт годами? И очень многое оказывалось ему не под силу.

19 ноября 1968 года выходит постановление ЦК партии и Совета

министров СССР «О серьезных недостатках в деятельности милиции и мерах по дальнейшему ее укреплению». В названии документа ключевое слово — «меры». Фактически постановление признает, что новый министр — на правильном пути, основные направления «дальнейшего укрепления» (не употреблять же слово «реформирование») милиции, подготовленные в самом ведомстве, получают официальное одобрение. Стало легче...

На реализацию «мер» государство согласно потратить круглую сумму — 220 миллионов рублей.

25 ноября Указом Президиума Верховного Совета СССР МООП преобразуется в МВД — Министерство внутренних дел СССР.

7 февраля 1969 года Совет министров СССР утверждает новую структуру министерства. В МВД появляются специализированные управления и главные управления по различным направлениям правоохранительной деятельности (уголовный розыск, борьба с хищениями собственности, Госавтоинспекция и др.). Раньше все милицмейские службы входили в один главк — Главное управление милиции. ГУМ прекратил существование как слишком громоздкое и архаичное образование. Кроме того, в состав МВД на правах управлений и главных управлений входят следствие, система исправительно-трудовых учреждений, пожарная охрана, вневедомственная охрана, внутренние войска и другие службы. Эта структура министерства в общих чертах сохранилась и по сей день.

...Идет всего лишь третий год работы Николая Анисимовича Щёлокова в должности министра. Что сделано?

Милиционеры уравниены по зарплате с другими государственными служащими, переодеты в новую форму. В министерстве введены генеральские звания. Создаются новые учебные заведения. В органы внутренних дел поступают техника, транспорт. Так и не прижившееся «МООП» заменено на «МВД». Утверждена на десятилетия вперед новая структура министерства...

К концу 1968 года получает окончательное признание и сам министр Н. А. Щёлоков. Это уже не просто «фаворит», однодневка, а инициативный руководитель, серьезная фигура, с которой приходится считаться. Тогда же появляются и первые опасения: а не широко ли он шагает, не захочет ли прибрать к рукам слишком много полномочий? Провинциал как будто достаточно уверенно чувствует себя в аппаратной борьбе. Надо держать с ним ухо востро.

Глава шестая

ЗВЕЗДЫ ЗАЖИГАЮТСЯ

Уже из записки, отправленной Щёлоковым в Политбюро в августе 1967-го, видно, что в руководстве министерства появились новые люди. Складывается команда.

Среди назначений того времени выделяются два.

Заместителем министра по милиции становится Борис Тихонович Шумилин. Более удачную кандидатуру на этот ключевой пост трудно было подобрать. Шумилин — человек *с биографией*, большим опытом. Бывший партизан, воевавший в соединении Ковпака и переживший тяжелое ранение в ногу, он после войны занимал ответственные посты в Белоруссии, возглавлял в республике Министерство охраны общественного порядка. Борис Тихонович завоюет в союзной милиции, в курируемых им оперативных службах непререкаемый авторитет. Шумилин никогда не повышал голоса, не позволял себе унижать, оскорблять подчиненных, однако, вспоминает известный сыщик Дмитрий Медведев, «генералы выскакивали из его кабинета, как из бани». Уходящий тип милицейского руководителя-интеллигента: подчиненные боялись не его лично — не хотели оказаться непрофессионалами в его глазах. Однажды Шумилин участвовал в совещании, проходившем в Министерстве культуры. Потом минкультовцы, по словам Медведева, вздыхали: «Нам бы такого министра!» О нем говорили: «Он больше Тихонович, чем Шумилин». В МВД гулял посвященный Борису Тихоновичу стишок: «Генерал наш крепко правит, левой пишет, правой правит» (намек на то, что Шумилин был левшой). Он удивлял коллег фотографической памятью и способностью мгновенно прочитывать деловые бумаги, просто перелистывая их. Борис Тихонович будет занимать должность заместителя министра все 16 «щёлоковских» лет. После ухода в отставку он станет председателем Совета ветеранов МВД и будет возглавлять его до конца жизни.

Реформаторский блок в Министерстве охраны общественного порядка весной 1967 года возглавил другой яркий человек — Сергей Михайлович Крылов. Это, пожалуй, самый известный соратник Щёлокова. Проекты структурных реформ, документов, отправляемых на утверждение в высокие инстанции, рождались в основном в подразделении, которым руководил Крылов. Их тесное и плодотворное сотрудничество продлится

около семи лет, потом личные отношения Крылова и Щёлокова начнут ухудшаться или, лучше сказать, осложняться, но в главном они останутся единомышленниками до конца. Трагический финал одного во многом предвосхитит финал другого... Ну, а пока они вместе, полны планов; в аппарате МВД многие считают, что Крылов оказывает на министра слишком большое и не вполне здоровое влияние. Сергей Михайлович обладает многими способностями и не в последнюю очередь — способностью наживать себе врагов.

В наши дни можно только удивляться, как много ярких личностей, настоящих звезд оказалось в руководстве МВД, его подразделений при министре Щёлокове. Обратимся к конкретным судьбам.

Уже знакомый нам Павел Георгиевич Мясоедов, генерал-майор внутренней службы, доктор военных наук, создал и возглавил в МВД структуру, которая впоследствии получила название ГИД — Главный информационный центр.

Павел Георгиевич называет себя счастливым. На фронте он был только однажды ранен, а ведь воевал с 1941-го по 1945-й, всё время на передовой. Командир взвода, роты, батальона, замкомандира полка. Сразу после войны Мясоедова направляют на учебу в Военную академию имени М. В. Фрунзе. Он остается здесь преподавателем, довольно быстро становится кандидатом, а затем и доктором военных наук. На защите Мясоедовым докторской диссертации присутствовало около тысячи специалистов из разных ведомств и городов. Отбивался от своих оппонентов Павел Георгиевич два дня и проявил себя не только специалистом, но и нестигаемым бойцом. Тема его докторской: «Автоматизированные системы управления войсками». Мясоедов тогда являлся первопроходцем в этой области. На защите присутствовал и С. М. Крылов. Сергей Михайлович в свое время проходил адъюнктуру на кафедре, где самым молодым преподавателем был Павел Георгиевич. Они знали друг друга. Крылов стал свидетелем триумфа своего старого знакомого.

С Мясоедовым пожелал встретиться начальник Генерального штаба маршал С. С. Бирюзов. Разговор протекал так. «Ты что-то там написал?» — «Да, об автоматизированных системах управления войсками». — «Молодец. Теперь это надо делать. Назначаешься в Генштаб начальником отдела. Ты мне понравился».

Вскоре Бирюзов погиб в авиакатастрофе, однако сменивший его в должности начальника Генерального штаба маршал М. В. Захаров также ценил и поддерживал Павла Георгиевича. Мясоедов создает научно-

исследовательский институт и завод экспериментальной техники по своему направлению в Пензе (где, в частности, в сжатые сроки выпустили первую для нужд обороны электронно-вычислительную машину — передвижную, на колесах). Его прекрасно знают начальники всех родов войск и руководители оборонной промышленности. Лучший в стране специалист по одному из перспективнейших направлений. Не за горами генеральские эполеты.

Как же Павел Георгиевич Мясоедов оказался в Министерстве внутренних дел?

Однажды звонит ему Крылов: «Паша, я знаю, что ты до предела занят. Но попробуй найти время. У нас проводятся сборы для руководства МВД. Сделай доклад на полчаса. Расскажи, что делается в мире нового по автоматизации управления».

Мясоедов получает добро от маршала. Запрашивает фактуру по международному опыту. И отправляется на Огарева, 6, делать доклад. «Выходило у меня так: там, где полиция, жандармерия и армия все делают вместе, больше всего успеха», — вспоминает Павел Георгиевич. Через неделю начальнику Генштаба приходит благодарность от министра внутренних дел. И тут же — звонок Крылова: «Щёлоков просит зайти». В назначенное время Павел Георгиевич заезжает к Сергею Михайловичу. «Пойдем, он ждет». Первая встреча Мясоедова со Щёлоковым произошла осенью 1970 года.

Чем «зацепил» министр элитного армейского полковника, который вовсе не предполагал становиться милиционером? Слово — Павлу Георгиевичу.

«Я обратил внимание, что у министра на столе лежат журналы с моими статьями, с закладками на нужных страницах. Видимо, их подготовил Сережа. Николай Анисимович вышел из-за стола, поздоровался. Отвечаю по-военному: „Здравия желаю, товарищ министр“. Он доброжелательно: „Почему министр, а не генерал-полковник?“ — „Так в Генеральном штабе научили. Генерал-полковников много, а министр один“. — „У нас, Павел Георгиевич, появилась одна мысль. Поправите, если ошибусь. Вы занимаетесь своей работой в Министерстве обороны уже пять лет. Наверное, есть кому ее продолжать, замену себе подготовили. Как отнесетесь к предложению перейти в МВД?“».

И Мясоедов... согласился. Почему согласился? «Я видел перед собой не большого генерала, а большого человека, который разговаривал со мной на равных. Он мне доверял, хотя я еще ничем перед ним не отличился. Этого я не мог не оценить. Мне доводилось близко наблюдать больших

полководцев — Рокоссовского, Мерецкова. У каждого из них было это умение доверять — но не людям вообще, а конкретному человеку. Он поручает тебе дело и не вмешивается, не подстегивает. Но при этом всё видит. И у Щёлокова было такое качество. Допустим, докладываешь ему. Он не отвлекается, на столе бумаги не перебирает. Вникает в существо. Подумает, потом скажет: „Делайте“. Он понял, что вы сможете это сделать. Да, дорого, да, хлопотно, но надо — значит, надо».

Материально Павел Георгиевич от перехода в МВД не выигрывал, в конечном счете даже проиграл. От немедленного присвоения генеральского звания отказался сам, полагая, что должен еще его заслужить. Но на встрече с министром он увидел руководителя, искренне заинтересованного в его работе, готового предоставить ему свободу действий, пригласить необходимых специалистов, создать условия, о которых можно только мечтать. И министерство действительно нуждалось в его услугах. По словам Павла Георгиевича, за годы предшествующих реорганизаций МВД потеряло вертикаль управления, было рыхлым по структуре, не имело современной системы связи и надежных каналов передачи информации. «Я принимаю ваше приглашение, — по-военному прямо ответил Мясоедов, — но согласие на перевод должен дать министр обороны Гречко». Щёлоков потянулся к трубке ВЧ. «Он сейчас на учениях». — «Хорошо, я позвоню ему позже».

А маршал Захаров лишаться ценного сотрудника не собирался. На письмо из МВД с просьбой о переводе Мясоедова он наложил резолюцию: «Отказать». Всё, вопрос закрыт. Так же поступил и с другим письмом. Тогда Павел Георгиевич пошел на военную хитрость. Третье письмо вручил знакомому порученцу министра обороны и попросил, чтобы Гречко сам дал положительный ответ, не отписывая начальнику Генерального штаба. Так и вышло. В результате уволили Мясоедова из Министерства обороны, не объявив благодарности за сделанное. Напоследок Павел Георгиевич зашел к Захарову проститься: «Спасибо, товарищ маршал, многому у вас научился. До свидания». — «До свидания». Но руки Матвей Васильевич на прощание не подал, обиделся.

Щёлоков не ошибся в Мясоедове. Тот оказался человеком не только честным, профессиональным и энергичным, но и мудрым. Примерно месяц полковник входил в курс дела, а потом предложил интересную схему работы. Подразделению Павла Георгиевича, по его расчетам, требовалось около ста штатных сотрудников, причем не «мальчиков и девочек», а серьезных ученых. Такие на работу в милицию, скорее всего, не пойдут. Как быть? Мясоедов предлагает министру: «Позвоните сейчас

председателю госкомитета по науке и технике. Если он на месте, мы с вами к нему подъедем. Численность надо брать по их статье. Мы же решаем масштабную государственную задачу в интересах не только милиции, но и всех силовых структур». Министр созванивается, и в тот же день председатель госкомитета их принимает. Щёлоков представляет: «Это товарищ Мясоедов, наш новый сотрудник». — «Николай Анисимович, мы его знаем лучше вас». Вопрос быстро решается. Оказалось, что подразделение Мясоедова почти ничего и не стоит министерству! Туда удастся пригласить гражданских специалистов, ученых.

Название новому подразделению помог придумать Крылов. Он раскритиковал первоначальное предложение своего товарища — «Главный научно-исследовательский центр информации»:

— Паша, ты хитрый, а я хитрее. Почему ты не включил в название букву «У» — управление? Ты пришел сюда ради буквы «У»!

Поэтому в окончательном варианте главк назывался ГНИЦУИ — «... управления и информации».

«Умный был человек, — вспоминает о Крылове Мясоедов. — Быть бы Сереже поосмотрительнее, а он напролом шел».

В итоге Павел Георгиевич (он проработает в МВД до 1984 года, 14 лет) оказался в довольно выгодном положении. Он говорит: «У меня не было животного страха, что снимут. Не нужен — ухожу в Госкомитет по науке и технике или преподавать. Чувствовал себя достаточно независимо».

Пройдут годы, в МВД наберет силу первый заместитель министра Ю. М. Чурбанов, конфликт с которым во многом подтолкнет С. М. Крылова к трагическому решению уйти из жизни. Проверяющие от Чурбанова станут всё чаще наведываться в главк к Мясоедову. Один из них скажет, как бы в шутку: «Ты следующий...» Павел Георгиевич ответит, зная, что его слова будут переданы: «Следующим будет тот, кто захочет меня убрать, как Крылова». И Чурбанов отыграл назад. Струсил. Действительно, заслуженный фронтовик, пистолет при нем — шмальнет, потом разбирайся...

Павел Георгиевич Мясоедов не станет полностью «своим» в Министерстве внутренних дел. Для профессиональных милиционеров он — военный, специалист в понятной далеко не каждому области «автоматизированных систем управления». Но Щёлоков ценит своего подчиненного за независимость характера, прямоту суждений и принадлежность к большой науке (Павел Георгиевич еще и художник-любитель, пишет картины — у них с министром общее увлечение). Часто вечерами Николай Анисимович приглашает начальника главка в кабинет, и

они беседуют час, а то и два. Павел Георгиевич вспоминает: «У нас с Николаем Анисимовичем была разница в возрасте 13 лет, но он мне казался человеком одного со мной поколения. Каким он был? Умным, дальновидным, собранным. И добрым — совершенно точно. Требовательным? Да, но не в смысле „мог накричать“. Опять вспоминаю маршала Захарова. Матвей Васильевич говорил: „Голубчик, а ведь месяц назад я давал вам поручение...“ И если ты его не выполнил, то готов был провалиться сквозь землю. Вот и свою ответственность перед Щёлоковым я чувствовал, прежде всего, своей совестью».

Десять лет (1969–1979) возглавлял уголовный розыск страны Игорь Иванович Карпец. Участник Великой Отечественной войны, доктор юридических наук, профессор, лауреат Государственной премии, вице-президент Международной ассоциации уголовного права, ученый-криминолог мирового уровня и пр. и пр. Без особого преувеличения можно сказать: более авторитетного руководителя уголовного розыска в двухвековой истории МВД не было. Игорь Иванович Карпец и поныне — олицетворение высшего мастерства и достоинства своей профессии.

Однако в начале 1969 года Карпец еще не столь известная фигура. Он возглавляет Всесоюзный институт по изучению проблем преступности. Борется в основном за научные истины: так, в 1966 году ему с боем удалось отстоять тезис, что преступность — закономерное для социализма явление. И сколько еще впереди таких боев! При социализме «нет» организованной преступности, «нет» профессиональной преступности, «нет» наркомании, проституции и т. д., само собой, «нет» и коррупции. Научная поляна засижена идеологами, за каждую пядь правды надо с ними биться. До ухода в чистую науку и переезда в Москву Карпец возглавлял уголовный розыск Ленинграда, недолго был заместителем начальника городского УВД. Но теперь все его мысли сосредоточены на науке, тем более что с ней, кажется, начинают считаться. Только что на высшем уровне обсуждался секретный доклад о состоянии преступности в СССР в середине 1960-х. Доклад в Президиум Верховного Совета ушел с тремя подписями: генерального прокурора Р. А. Руденко, председателя Верховного суда А. Ф. Горкина и директора института по изучению проблем преступности И. И. Карпеца.

Вернул Игоря Ивановича к практической работе Щёлоков. Игорь Иванович подробно описывает, как это произошло.

«Где-то в конце февраля 1969 года в моем кабинете директора института раздался телефонный звонок. Звонил адъютант министра

внутренних дел Н. А. Щёлокова и сказал, что соединит меня с ним».

В разговоре министр предлагает полковнику Карпецу занять пост начальника уголовного розыска страны, обещает ввести в состав коллегии министерства, присвоить генеральское звание (тогда еще — звание комиссара милиции).

«Я сказал, что предложение это для меня неожиданно, что не собирался вновь возвращаться на практическую работу. Министр настаивал. Я отговаривался. Он просил меня подумать. Я сказал, что подумаю».

Проходит месяц. Ученый находится в Австрии на заседании Международной ассоциации юристов. И вдруг его срочно вызывают в советское посольство. На проводе Москва.

«В телефонной трубке раздался голос Н. А. Щёлокова:

— Игорь Иванович! Здравствуйте. Так вы согласны с моим предложением пойти на работу в министерство, принять уголовный розыск? У вас было достаточно времени подумать. Да и я об этом уже поговорил с Леонидом Ильичом и Алексеем Николаевичем! (имелись в виду Брежнев и Косыгин). Отвечайте, — да или нет?»

Легко представить ощущения Игоря Ивановича — его персону обсуждали с Брежневым и Косыгиным! А потребовалось Щёлокову их согласие потому, что институт по изучению преступности — межведомственный, административно Карпец подчинялся Руденко и Горкину. Разговор Москвы с Веной закончился так: Игорь Иванович обещал дать окончательный ответ по возвращении домой.

— Хорошо. Но как только вернетесь, прошу сразу же зайти ко мне.

Свидетель этих переговоров советский посол в Австрии Б. Ф. Подцероб удивлен:

«— Ну, Игорь Иванович! Много уже лет я на свете живу, много повидал, но чтобы звонили за границу, агитируя идти на работу в Союзе, вижу и слышу впервые. Тем более что через два дня вы возвращаетесь в Москву. Вот нетерпение! Впрочем, я слышал, что быстрота и натиск — стиль Н. А. Щёлокова. Ну, и что вы думаете?

— Не знаю, — сказал я. — Чтобы очень хотелось, — так нет, но и сопротивляться оснований нет: ведь это моя работа. Потом я действительно не знаю, как к этому отнесутся Р. А. Руденко и А. Ф. Горкин».

Генеральный прокурор и председатель Верховного суда — достаточно влиятельные фигуры, они могли директора института и не «отдавать». Но что для них ученый? Одним ученым больше, одним меньше. Скоро криминологическую науку на государственном уровне (но не в МВД) опять

прижмут. Бороться за Карпеца ни тот ни другой не стали.

«Когда я вернулся в Москву, зашел к тому и другому, понял, что они уже „подготовлены“. Руденко лишь спросил, откуда я знаю Щёлокова? На что ответил, что я его совсем не знаю. А милый человек А. Ф. Горкин мне посочувствовал после того, как я сказал, что мне жаль уходить из института, в который вложено столько сил».

Разумеется, для министра не составляло никакого труда найти другого достойного кандидата на должность начальника союзного угро. Были практики на тот момент и более заслуженные, чем Игорь Иванович. Тем не менее Щёлоков упорно «охотится» именно за Карпцом, с которым, кстати, даже незнаком. Не очевидное решение. Но объяснимое. Николай Анисимович набирает в свою команду не просто профессионалов, а по возможности «звезд». Его не останавливает, а может быть, даже «заводит» то обстоятельство, что Игорь Иванович человек независимого характера, с норовом. Таковы Мясоедов, Крылов и многие другие. Между собой они будут, кстати, в сложных отношениях и самому министру создадут немало проблем. Но Щёлоков на это идет. Он не без оснований полагает, что наличие в МВД самодостаточных, авторитетных фигур работает на авторитет всего ведомства. Такова кадровая политика Щёлокова, по крайней мере до конца 1970-х.

Первая встреча начальника уголовного розыска с министром. Уже знакомая картина: на столе у Николая Анисимовича книги — по праву, криминологии, управлению. В том числе и недавно вышедшая книга Карпеца «Проблема преступности», которую хозяин кабинета, по его словам, изучает. Щёлоков начинает с того, что он хочет поднять значение уголовного розыска, поставить всю работу в МВД на научную основу. Из дальнейшего понятно, что в 1969 году Николай Анисимович уже достаточно ясно представлял программу дальнейших действий.

«Он подробно стал говорить о своих планах совершенствования министерства. Дошел до соображений о возможности создания штаба министерства. Стал говорить о его предполагаемых функциях, роли, о том, что нельзя руководить процессом борьбы с преступностью и определять направления деятельности главков, министерств республик, управлений краев и областей без научного анализа состояния преступности, форм и методов борьбы с ней. Увлёкся изложением вопросов об организации профилактики преступлений. Все это было в принципе достаточно обоснованно и правильно. Говорил он и о профессионализме — неотъемлемой характеристике сотрудников любой службы, об их специализации. Сказал и о намерении развернуть сеть высших и средних

учебных заведений... Посередине разговора неожиданно спросил:

— А Вы, Игорь Иванович, разговаривали с Сергеем Михайловичем Крыловым?

— Нет, — ответил я.

Он несколько удивленно посмотрел на меня, но ничего не сказал».

Между прочим, в разговоре Николай Анисимович намекнул, что со временем может выдвинуть Карпеца (полковника на тот момент!) и в заместители министра. Игорь Иванович вновь удивлен: такое предлагается «не своему» человеку!

«Ох, сколько куда более близких министру людей хотели сесть в кресло замминистра, какая вокруг этого шла борьба! Мечтал об этом и упоминавшийся С. М. Крылов. Очень мечтал. Все делал для этого... Сразу скажу, что никогда более эта фраза министром не повторялась. Отношения наши складывались по принципу качелей: вверх — вниз, вверх — вниз. Но первый период был периодом эйфории. Я чувствовал поддержку министра и работал достаточно самостоятельно. Однако через некоторое время стал чувствовать себя как в известной игре „холодно — жарко“».

Тем не менее Игорь Иванович возглавлял уголовный розыск страны целых десять лет. Он был абсолютно на своем месте.

Из замечаний Карпеца нетрудно понять, что отношения с Крыловым у него не сложились. Да, так и есть. «Звезды».

Впечатления Игоря Ивановича от первого знакомства с Щёлоковым:

«Я слушал его и удивлялся: ведь он был не юрист по образованию, не профессионал в той системе, в которую пришел, но говорил дельно, знал, о чем говорил и чего хотел».

В коридорах министерства начальник уголовного розыска встретил немало знакомых лиц. «Здесь были и молодые ученые, ставшие потом докторами юридических наук, например, Ю. М. Антонян, Г. А. Аванесов, С. Е. Вичин, и ветераны — Д. В. Гребельский, А. Г. Лекарь и другие. И все они работали или в Высшей школе милиции, или в будущем Штабе. Узнав это, я понял, почему Н. А. Щёлоков говорит профессиональным языком и рассуждает грамотно о проблеме преступности». Карпец назовет «еще одним источником министерских идей» и Крылова.

Многие соратники Николая Анисимовича, и прежде всего Сергей Михайлович Крылов, будут с большим или меньшим основанием считаться «источниками министерских идей». Однако это были идеи, в том числе и Щёлокова. Мы в этом еще не раз убедимся. Пока же имеем два авторитетных свидетельства того, что Николай Анисимович не был простым транслятором чьих-то задумок. В 1969 году он уже глубоко

разбирался в сложных научных областях и говорил со специалистами на их языке. Причем со специалистами уровня Мясоедова и Карпеца.

...Анатолий Иванович Алексеев — доктор юридических наук, профессор, заслуженный деятель науки РФ. Автор почти тридцати книг — учебников, монографий, некоторые из которых переведены на иностранные языки. Имя Алексеева знают криминологи всего мира. В 1990–1994 годах Анатолий Иванович возглавлял Академию МВД. А в начале 1970-х он всего-навсего — молодой ученый, даже не кандидат наук. Его назначают на относительно скромную должность начальника агентурно-оперативного отдела НИИ МВД. Тем не менее перед утверждением Алексеева министр хочет с ним встретиться. Этот факт говорит о том, насколько серьезное значение Николай Анисимович придавал науке.

Немаловажная деталь: в 1973 году А. И. Алексеев и Г. К. Синилов издали первую в СССР монографию, посвященную основам оперативно-розыскной деятельности. Анатолий Иванович как ученый стоял у истоков создания теории ОРД. Возможно, это одна из причин, по которой с ним захотел познакомиться министр, интересовавшийся всем новым.

Алексеев ждет приема четыре дня. Наконец они встречаются и разговаривают минут пятнадцать. Анатолий Иванович хорошо помнит бытовые детали. На министре — безупречный костюм, в галстук — булавка с переливающимся камнем, от которой Алексеев, только что приехавший из псковской глубинки, не может отвести глаз. Щёлоков, в частности, говорит: «Мы нашу науку бережем, стараемся создать ученым неплохие условия». И добавляет, что его сын — тоже научный сотрудник, получает 105 рублей. Алексееву этот момент кажется курьезным: ему известно, что Игорь Щёлоков ездит на иномарке. Отметив это про себя, он отвечает: «Да, товарищ министр, мы знаем, что наука в МВД пользуется поддержкой». В напутственном слове Николая Анисимовича Алексееву запомнились два момента. «Вам надо, — говорил Щёлоков, — больше внимания уделять профилактической проблематике, хотя ОРД больше нацелена на раскрытие преступлений и розыск преступников. Но за наиболее запущенными категориями преступников, рецидивистов нужно устанавливать оперативное наблюдение, только увещеваниями ничего не добьешься. И еще важная сторона дела: техническое оснащение ОРД».

Был ли знаком министр с работами Алексеева? Анатолию Ивановичу показалось: да, знаком. Он вспоминает: «Меня поразило его владение тонкой агентурно-оперативной тематикой. Мы разговаривали как два профессионала, и он ни разу не ошибся в каком-нибудь термине»^[5]. Свою практическую карьеру Алексеев после окончания Ленинградского

университета начинал старшим следователем Псковской областной прокуратуры, вел довольно крупные хозяйственные дела. Потом перевелся в систему внутренних дел — на более высокооплачиваемую должность. Как уже отмечалось, при Щёлокове немало сотрудников прокуратуры предпочли работать в милиции. Анатолий Иванович говорит: «Следственный аппарат в МВД очень сильно укрепили выходцы из прокуратуры. В первую очередь такие фигуры, как Владимир Петрович Илларионов, Владимир Францевич Статкус... Я бы сказал, что во многом благодаря им Щёлоков создал культурный слой в МВД».

Оскиан Аршакович Галустьян, генерал-майор в отставке, доктор юридических наук, на рубеже 1970–1980-х работал заместителем начальника Главного управления кадров МВД. Перед ним телефонные справочники Министерства внутренних дел тех лет. Он листает их и перечисляет руководителей, которых можно отнести к «звездам». Хозяйственные и вспомогательные службы мы не берем. И вообще на оценках конкретных людей автор этих строк не настаивает — главное, понять общую картину, кадровую политику МВД при министре Щёлокове.

«Шумилин Борис Тихонович — заместитель министра внутренних дел по милиции. Разносторонне развитый, ярчайший человек. (Шумилин уже представлен читателю, следуем дальше. — С. К.).

Елисов Борис Кузьмич, заместитель министра. Курировал блок охраны общественного порядка. Выдвинулся с самых низов, с „земли“. Был министром внутренних дел Чечено-Ингушетии. Практически ликвидировал бандитизм в республике, действуя отнюдь не репрессиями. Потом возглавлял УВД Ростовской области, оттуда Щёлоков взял его в аппарат. Сильная личность. Я с ним близко познакомился, когда проводил сборы сотрудников внутренних дел перед отправкой в Афганистан, а он курировал эту работу. Месяцами сидели с ним в Ташкенте, готовили бойцов отряда „Кобальт“.

Олейник Петр Александрович, другой заместитель министра, к которому перешла часть функций Шумилина; он курировал и следствие после ухода Бориса Алексеевича Викторова. Олейник был большим специалистом по оперативной работе. В аппарат его взяли с должности заместителя министра внутренних дел Украины. В министерстве поговаривали, что именно Олейника Щёлоков видел своим преемником в МВД. Кстати, Викторов был очень яркой личностью. При Хрущеве участвовал в реабилитации жертв политических репрессий. Борис Алексеевич пришел в МВД с должности заместителя главного военного прокурора СССР. Консультировал знаменитый сериал „Следствие ведут

знатоки“. Юрист высочайшей марки.

Штаб МВД. Тут была целая плеяда „звезд“: Крылов Сергей Михайлович, Лекарь Антон Григорьевич — доктор юридических наук, крупный ученый, один из разработчиков темы профилактики преступлений. На меня сильное впечатление производил Каро Игорь Сигизмундович, которого взяли в центральный аппарат из УВД Курганской области. Умница, аналитик, организатор. Очень жесткий по отношению к подчиненным, но справедливый. Начальником штаба он стал уже после Щёлокова.

Богатырев Иван Тимофеевич. Заместитель министра, курировавший систему исправительно-трудовых учреждений, до того пять лет руководил главком. Фронтовик, долго работал в партийных органах. Как секретарь Волгоградского обкома был одним из инициаторов сооружения мемориального комплекса на Мамаевом кургане. Очень авторитетная фигура в системе МВД.

Яковлев Иван Кириллович, командующий Внутренними войсками МВД, генерал армии. Пользовался огромным авторитетом и в министерстве, и у руководства страны. Эпоха в истории Внутренних войск —18 лет ими командовал.

Дальше идет Главное следственное управление. Мурашов Сергей Васильевич — профессионал, вне всякого сомнения. Первым заместителем у него Илларионов Владимир Петрович. Вот действительно уникальная личность. Консультировал Высоцкого во время съемок фильма „Место встречи изменить нельзя“. Мой друг, коллега и соавтор, мы с ним немало книг написали в разных жанрах. Илларионов занимал должность первого заместителя начальника ГСУ 17 лет. Потом, уже при Федорчуке, его назначили начальником филиала Академии МВД по заочному обучению, он сделал из него юридический институт и стал его ректором. Щёлоков очень уважал Владимира Петровича и всегда приглашал, когда обсуждались сложные юридические вопросы. В МВД Илларионов пришел из Московской областной прокуратуры...»

Это далеко не полный список ярких личностей в руководстве МВД того периода, говорит О. А. Галустян. Но есть кого вспомнить и на уровне областей, краев, республик.

«УВД Иркутской области. Иванов Владимир Дмитриевич. Высочайший профессионал, при нем управление было одним из лучших в Союзе.

УВД Омской области. Алексеев Иван Романович. Светлая личность. „Звезда“ во многих отношениях. Он ко всем своим сотрудникам обращался:

„Сынок“. Его именем названа одна из улиц Омска...»^[6] Галустьян: «Эти люди были личностями, полностью держали оперативную обстановку в своих областях, краях и республиках. Некоторые позже входили в руководство МВД. Например, Демидов стал замминистра, Шилов — первым заместителем министра (позднее он сменил Шумилина на посту председателя Совета ветеранов МВД). Это — кадры Щёлокова, он их ценил и относился к ним, я бы сказал, по-отечески. А в регионах, где они работали, о них до сих пор помнят».

На уголовном розыске, который при И. И. Карпеце, несомненно, переживал расцвет, стоит остановиться подробнее. Сам Игорь Иванович оставил примечательные характеристики своих коллег. Хочется их привести. Характеры ушедших людей, некогда известных сыщиков, посвятивших жизнь своей профессии.

«Волков Анатолий Иванович (первый заместитель начальника главка, генерал-майор милиции. — С. К.). Кадровый сотрудник уголовного розыска высочайшей квалификации. Прошел через испытания Великой Отечественной войны. Имеет много государственных наград. После окончания войны — в уголовном розыске, прошел путь от рядового сотрудника до начальника Московского уголовного розыска, а затем и начальника Главного управления внутренних дел Москвы. В 1968 году... был назначен первым заместителем начальника главка. По характеру очень оперативный, открытый, взрывной, решительный, внимательный к людям. Правда, этому назначению предшествовали трения, возникшие у А. И. Волкова в связи с недостойным поведением сына одного из высокопоставленных чинов Совета Министров и не понравившейся реакции А. И. Волкова на это поведение. После чего он был с самостоятельной работы в Москве „выдвинут“ по службе... На большее — не рискнули из-за возможного скандала...

Болдырев Владимир Иванович (заместитель начальника главка. — С. К.). Как и А. И. Волков — сыщик высочайшей квалификации. Ветеран Великой Отечественной войны, участвовал в партизанском движении, награжден государственными наградами. После окончания войны — в уголовном розыске, от рядового сотрудника до заместителя, а потом — начальника уголовного розыска Ленинграда и замначальника УВД Ленинграда и области. В противоположность А. И. Волкову молчалив, сдержан, как бы внутри сжигаемый огнем, который, вырываясь наружу, выливается в решительные действия. Никогда не гнушался черновой работы, за что его уважали все сотрудники. Всегда имел свое мнение, отстаивая его, как показала жизнь, себе во вред. Мне пришлось взять его

под защиту, когда его „пути“ разошлись с видением этих путей тогдашним начальником УВД Ленинграда и области А. И. Соколовым. Дважды мне удалось отбить стремление куда-нибудь перевести В. И. Болдырева, ибо я был глубоко убежден в том, что это нанесет ущерб делу, но на третий раз — нет, поскольку А. И. Соколов договорился об этом с Н. А. Щёлоковым, сказав, что мешаю ему проводить кадровую политику! В. И. Болдырев был переведен на Сахалин начальником УВД. Однако через три, примерно, года я уговорил назначить его ко мне заместителем. Должен сказать, что на Сахалине с ним расставались с сожалением...

Муравьев Алексей Сергеевич. Один из самых квалифицированных сыщиков в стране в тот период времени. Он как будто родился для этой работы. Хваткий, решительный, умелый организатор. В главке возглавлял группу старших инспекторов по особо важным делам. Еще в МВД РСФСР выполнял наиболее трудные задания... Прошел Великую Отечественную. У него была примета, по которой его знали все в стране: и сотрудники, и преступники — шрам через всё лицо, значительно портивший его внешность. Его за глаза звали „Скорцени“ из-за этого шрама. Хотя прозвище — грозное, отношение же — самое уважительное. Жизнь его прервалась трагически. Но об этом — позже».

О трагедиях — позже.

Где «друзья детства» министра? Земляки? Можно ли представить руководителя без такого рода людей в его окружении? Естественный вопрос не только для «эпохи застоя», но едва ли не в большей степени для того времени, когда пишутся эти строки.

Из «земляков» наиболее заметную должность (до 1980 года) в МВД занимал приглашенный Щёлоковым из Молдавии П. Ф. Перевозник — начальник главка по борьбе с хищениями социалистической собственности (ГУБХСС). «Личность, мягко говоря, неоднозначная, хотя и неглупая», — характеризует его И. И. Карпец. Павла Филипповича в МВД воспринимали как «человека министра». Однако погоды в министерстве он не делал. Поэтому мы не удивляемся, узнавая, что на коллегиях МВД хватало принципиальных споров и самому министру нередко доставалось. Ю. М. Чурбанов, не пожалевший критических стрел против своего бывшего шефа, тем не менее отмечает: «Щёлоков всегда достаточно спокойно относился к критике в свой адрес. Точнее — с пониманием». И далее — о том, какая атмосфера была на совещаниях в министерстве: «Генералы, приехавшие с мест, свободно критиковали Щёлокова и членов коллегии, заместителей министра, ставили перед нами вопросы, прямо говорили, что требуется для укрепления органов в различных регионах страны. Всё это

происходило на здоровой основе, глаза в глаза, без каких-либо интриг и кулуарных смакований».

Вместе с тем в целом ряде воспоминаний можно прочесть, что в окружение Щёлокова с конца 1970-х проникло немало подхалимов — без имен. То же автор слышал и от очевидцев тех событий — тоже без имен. Трудно в этом сомневаться, учитывая, сколько времени Николай Анисимович занимал пост министра. Однако не известны случаи, в том числе в конце его карьеры, чтобы кого-то из профессионалов в министерстве «задвинули» за независимость характера, резкое суждение, «недостаточно выраженное почитание» персоны министра или что-то в таком духе. Любоначалия, змеи сокрытой сей, Щёлоков от своих подчиненных не требовал, а многих, напротив, выдвигал за отсутствие такого качества. А уж дальше каждый выбирал свою дорогу.

Глава седьмая

ЕДИНОМЫШЛЕННИК

Щёлоков и Крылов — эти фамилии особенно часто ставят рядом, когда речь идет о преобразованиях в МВД в рассматриваемый нами период.

Сергей Михайлович Крылов заслуживает того, чтобы о нем написали отдельную книгу, и не одну.

В течение почти семи лет, начиная с весны 1967 года, создатель и первый начальник штаба МВД имел на министра очень большое влияние. Нередко именно Крылову отводилась роль «мотора реформ». Впрочем, многие из соратников министра решительно это отвергают, говоря, что Крылов, при всех его несомненных заслугах, действовал в рамках заданной ему программы. Однако все без исключения знавшие Сергея Михайловича Крылова отзываются в превосходной степени о его уме, энергии, пробивных способностях, редком умении находить и привлекать к сотрудничеству ярких людей. И мало кто говорит о его достоинствах, не добавив: «Но...» И дальше — широчайший спектр оценок, от признания огромных заслуг до их полного отрицания.

Но — ближайший по духу соратник, вне всякого сомнения. И даже в тот момент, когда они как будто окончательно разойдутся.

Мечта любого реформатора — собрать группу единомышленников. На армейском языке это называется «штабом» (не случайно с 1967 года — около пяти лет! — Щёлоков и Крылов будут «пробивать» в МВД структуру именно с таким названием). Вот как это происходило два века назад, на заре существования Министерства внутренних дел.

«Большим штабом» на государственном уровне, в первые годы царствования Александра I, являлся так называемый «негласный комитет» — группа из четырех его ближайших друзей, куда входил и граф Виктор Павлович Кочубей (правнук знаменитого соратника Петра I, героя пушкинской «Полтавы» Василия Леонтьевича Кочубея). Усилиями этих людей в России появляются новые органы управления, призванные заменить существовавшие со времен Петра коллегии. Манифест от 8 сентября 1802 года учреждает восемь министерств: военно-сухопутных сил, военно-морских сил, иностранных дел, внутренних дел, юстиции, коммерции, народного просвещения, финансов. Крупнейшее из них — Министерство внутренних дел и возглавляет граф Кочубей — наиболее одаренный администратор среди друзей императора. Полицейскому

подразделению в МВД уделено относительно скромное место (в 1810–1819 годах органы правопорядка и вовсе передаются в недолго существовавшее Министерство полиции).

«Маленьким штабом», разрабатывавшим и осуществлявшим реформы в самом МВД, в те годы руководил начальник Департамента внутренних дел Михаил Михайлович Сперанский — будущее «светило российской бюрократии».

Заманчиво провести параллели между двумя периодами существования Министерства внутренних дел — при его становлении в 1802–1807 годах и воссоздании в новом качестве 160–170 лет спустя. Немало общего находим и в стоящих перед ведомством задачах, и в способах их решения, и даже, как ни странно, в характерах первого и пятидесятого министров внутренних дел — графа Кочубея и члена ЦК КПСС Щёлокова.

Виктор Павлович Кочубей умен, широко образован, обладает организаторскими способностями и опытом государственного деятеля (в качестве дипломата), к тому же он — племянник вице-канцлера империи А. А. Безбородко. В тандеме со Сперанским Кочубей отлаживает механизм своего громоздкого ведомства. И вот такая, казалось бы, мелочь: они учреждают первый в России официальный печатный орган — «Санкт-Петербургский журнал», где начинают публиковать многие сведения о положении в империи, данные о состоянии преступности, количестве несчастных случаев, пожаров и т. д. Это — своего рода попытка привлечь общественное внимание к деятельности МВД. Читатель уже знает, что первый министр в первую очередь озаботился тем, чтобы улучшить материальное обеспечение служащих полиции. Здесь он не оригинален: многие из его преемников-министров к этому стремились, только мало кому удавалось. Однако Кочубей — личный друг главы государства, его предложения до поры до времени встречают безоговорочную поддержку.

Много схожих черт. При этом, конечно, следует учесть, что МВД в Российской империи выполняло специфический и чрезвычайно широкий спектр функций, среди которых полицейские порой были даже второстепенными. Министерство курировало промышленность, почту, телеграф (когда он появился), вопросы отправления религиозных культов, воинской повинности, снабжения армии, занималось сбором статистики, охраной правопорядка... Губернаторы являлись чиновниками МВД. Каждый шестой министр внутренних дел Российской империи становился главой кабинета министров.

Личные впечатление о характере первого министра оставил, например,

владимирский губернатор князь И. М. Долгоруков. Их встречи происходили в 1805 году.

«Холодная его учтивость с подчиненными... не имела, однако, той суровости, которая свойственна одному надменному вельможе... Он не обнимался с подчиненными и не шутил с ними, как, например, князь Лопухин, но почитал звание каждого, отдавал всякому должное, вникал в представления словесные, уважал письменные, выслушивал терпеливо возражения. Ему можно было без страха противуречить, с ним беседа была не пуста и не бесполезна. Он разбирал дело. После всякого с ним разговора я выходил от него совершенно доволен и разрешен во всем... Он не любил за все про все выпрашивать подчиненным чины и ленты, но обращение его с ними, вес, который он давал прямым талантам, вознаграждало щедрость в отличиях». Показательно и такое наблюдение мемуариста: «Канцелярия его наполнена была лучшими людьми в приказном разряде. Начальники столов и департаментов отличались дарованиями природы и навычным познанием своей обязанности. Сперанский, превосходный человек в гражданской работе, имел сотрудников замечательных в особах Серебрякова, Лубяновского и Магницкого».

И Ф. Ф. Вигель в «Записках» отмечает в первом министре «удивительную способность выбирать людей, уметь их употреблять и знать им цену». Написано будто и о пятидесятом министре тоже. При этом пятидесятый министр не перекладывает свои обязанности на талантливых «столоначальников» и продолжает непосредственно, в ручном режиме, руководить ведомством, а первый? Тут, кажется, было не совсем так. О деловых качествах членов «негласного комитета», включая Кочубея, Вигель невысокого мнения: «Никто из пяти преобразователей не умел ничего написать. Сперанский предложил им искусное перо свое и, принимая вид, как будто собирает их мнения, соглашает их, приводит в порядок, действительно один составил проект учреждения министров». С осторожностью примем эту оценку. На более близких примерах мы знаем, что не всегда можно определить: помощник является источником идей руководителя или, наоборот, руководитель позволяет помощнику проявить свои таланты в заданном направлении.

В 1807 году первый министр подает в отставку из-за несогласия с политикой Александра на сближение с наполеоновской Францией. Однако историческая роль его на этом не заканчивается. В 1812 году Кочубей в числе пяти наиболее влиятельных сановников участвует в назначении М. И. Кутузова главнокомандующим российскими армиями. В 1819 году после упразднения Министерства полиции он вновь назначается министром

внутренних дел. Однако реформаторский пыл угас, да и команды Сперанского нет под рукой. Через четыре года Виктор Павлович подает в отставку из-за разногласий с царским фаворитом А. А. Аракчеевым. В последние семь лет своей жизни Кочубей (уже князь) возглавляет Комитет министров и Государственный совет. В эту пору с ним знакомится А. С. Пушкин. Александр Сергеевич считает правнука героя своей «Полтавы» человеком воспитанным, но не более того. Узнав о смерти Кочубея в 1834 году, поэт оставляет в дневнике не слишком почтительные строки:

«Тому недели две получено здесь известие о смерти Кн. Кочубея. Оно произвело сильное действие. Государь был неутешен. Новые министры повесили голову. Казалось, смерть такого ничтожного человека не должна была сделать никакого переворота в течении дел. Но такова бедность России в Государственных людях, что и Кочубея нечем заменить! Вот суждение о нем (суждение здесь дается в переводе с французского. — С. К.) — Это был ум в высшей степени примирительный; никто так превосходно не решал трудных вопросов, не приводил мнений к согласию и т. д. Без него Совет иногда превращался только что не в драку, так что принуждены были посылать за ним больным, чтоб его присутствием усмирить волнение. Дело в том, что он был человек хорошо воспитанный, — и это у нас редко, и за то спасибо. О Кочубее сказано:

Под камнем сим лежит Граф Виктор Кочубей.
Что в жизни доброго он сделал для людей,
Не знаю, черт меня убей.

Согласен, но эпиграмму припишут мне, и правительство опять на меня надуется».

В «примирительном уме», каким стал Кочубей при Николае I, Пушкин не распознает одного из «пяти преобразователей» начала XIX века. В современных очерках и учебниках по истории МВД о первом министре говорится с большим почтением. Иногда в них можно прочитать, что Пушкин отозвался на его смерть словами: «Нечем заменить». Вспомним всю цитату — и улыбнемся. Однако молодой Виктор Павлович Кочубей был преобразователем без кавычек. Излишне повторяться. На памятнике «Тысячелетие России» в Великом Новгороде первый министр внутренних дел увековечен как один из наиболее заметных государственных деятелей России при императоре Александре I.

Своего рода «Сперанским» в команде пятидесятого министра внутренних дел стал Сергей Михайлович Крылов.

Создатель штабной структуры в МВД, основоположник и первый начальник Академии МВД... Это вкратце. А финал жизни трагический: выстрел в сердце. Самоубийца в стране победившего социализма предпочитают предавать забвению, поскольку считается, что социальных причин для подобных трагических решений не существует. В течение десятилетия фамилия Крылова практически не упоминается — ни в каком контексте.

В 1990-е фигура генерала Крылова начинает возвращаться, сначала в научный, потом в более широкий обиход. В этом смысле он опережает Щёлокова, над которым до сих пор довлеют обвинения (юридически так ему и не предъявленные). Поэтому есть соблазн именно Крылову приписать основные заслуги в реформировании МВД при пятидесятом министре. Например, в газете Академии управления МВД РФ за 2009 год в статье, посвященной памяти Сергея Михайловича, читаем:

«На базе научных исследований по инициативе С. М. Крылова были подготовлены и осуществлены крупнейшие реформы в системе МВД СССР... Проведена огромная работа по повышению престижа милиции, установлению контактов со средствами массовой информации, творческими союзами журналистов, художников, работников кино и театра. Благодаря С. М. Крылову, назначенному к тому времени начальником Штаба МВД СССР, Министерство, его подразделения на местах стали постепенно терять облик репрессивно-карательных органов...» И так далее. В статье отмечаются и заслуги министра Щёлокова, который поддерживал Крылова, видел в нем «не только генератора идей, но и человека, способного обосновать реализацию поставленных целей». Тем не менее распределение ролей таково: начальник штаба — генерирует и реализует реформаторские идеи, министр — его поддерживает. Причины, по которым Сергей Михайлович оставил высокую должность в министерстве, объясняются слишком уж просто: «Имя С. М. Крылова стало часто появляться в прессе, творческой среде, среди ученых и практиков, а публичность в то время воспринималась не всегда однозначно. И, как следствие, в январе 1974 года Сергей Михайлович был вынужден уйти из центрального аппарата».

У Сергея Михайловича достаточно своих собственных заслуг, чужие ему приписывать не нужно.

«Творец», «талант», «государственный ум», «человек, опередивший время», даже «гений». Это с одной стороны. С другой — «бюрократ»,

«догматик», «формалист». Это всё о нем. Трудно представить, что так говорят об одном человеке.

...В начале 1967 года Сергей Михайлович Крылов — доцент Высшей школы КГБ в Москве, подполковник, кандидат военных наук. Ему идет 38-й год. Позади немало передряг и по службе, и на личном фронте (первая семья распалась...). Карьера развивается не слишком стремительно. Однако у него репутация человека чрезвычайно одаренного, энергичного, для которого пока нет достойного поля деятельности. Таким его знает Георгий Карпович Цинев. Он и рекомендует Крылова Николаю Анисимовичу, занятому поиском новых людей. Чтобы оценить возможности кандидата в соратники, Щёлоков предлагает ему написать концепцию реформирования министерства. Крылов составляет ее в форме выступления министра перед руководителями ведомства. Николай Анисимович сразу понял, какого ценного сотрудника порекомендовал ему Цинев. Думается, он угадал в нем главное: способность ставить крупные задачи, подавать их в достаточно эффектной форме, которая будет выглядеть убедительной в глазах и политического руководства, и общественности. Он угадал в Крылове «проектного» человека — несомненно. В этом, собственно, основное отличие Сергея Михайловича от других прекрасных специалистов и ученых, привлекавшихся в то время к работе в МВД. Сам он не был ученым (так и остался кандидатом военных наук), не являлся крупным специалистом и в милицейской тематике. Однако Сергей Михайлович, как никто, умел найти, оценить новую идею и довести ее «до ума», то есть до проекта, а затем и практического воплощения.

Согласитесь, ценнейший кадр в команде любого реформатора. Но у таких людей часто возникают проблемы, когда этап наиболее радикальных преобразований заканчивается и наступает период систематической работы «в команде», в рамках созданной с их же участием системы. Как получится в случае с Крыловым?

Одна из ключевых идей, с которыми приходит Сергей Михайлович к Щёлокову, — создать в МВД штаб. Такая служба есть в полиции дружественной ГДР. На этот опыт можно опереться. Службу следует назвать по-военному — «штабом», а не как-то иначе, чтобы сразу обозначить ее ведущее положение в ведомстве. Он ведь военный специалист, Крылов. Какую роль играют штабные подразделения в вооруженных силах, объяснять излишне.

Министр предлагает Сергею Михайловичу возглавить в МВД контрольно-инспекторский отдел, на базе которого и будет выращиваться

новая служба. С марта 1967-го Крылов — начальник КИО, с августа — член коллегии МВД. В 1969 году КИО преобразуют в организационно-инспекторское управление. Двумя годами позже управление, наконец, переименуют в Штаб МВД СССР. Появление в МВД структуры с таким «заговорщицким» названием вызовет настороженность у политического руководства страны, не в последнюю очередь у Брежнева. Что собирается разрабатывать этот штаб? Щёлокову придется проталкивать и это решение. Наконец возражения сняты. «Под твою ответственность», — говорит Брежнев. 7 декабря 1972 года министр своим приказом утверждает Положение «О Штабе МВД СССР», в котором определяются задачи и структура нового органа. Первым начальником штаба становится С. М. Крылов. Он же впоследствии — первый начальник милицейской академии. Много раз в своей жизни — первый...

За первые семь лет службы в МВД при Щёлокове Сергей Михайлович пройдет путь от подполковника до генерал-лейтенанта внутренней службы.

В начале 1967 года главный редактор журнала «Советская милиция» вызывает своего сотрудника Вениамина Полубинского и протягивает ему объемистую рукопись: «Подготовь к печати». Из двадцати восьми страниц надо сделать 12. Полубинский удивлен названием статьи: «Действия советской контрразведки против фашистской разведки в годы Великой Отечественной войны». Какое это имеет отношение к журналу «Советская милиция»? Редактор поясняет: этот автор — ого-го! Очень перспективен. Под статьей стояла подпись: подполковник С. М. Крылов, старший редактор издательского отдела Высшей школы КГБ СССР. Тогда Вениамин Иванович впервые услышал эту фамилию.

По-видимому, Крылову понравилось, как отредактировали его материал. Через некоторое время майор Полубинский получает от него приглашение перейти в контрольно-инспекторский отдел МВД, возглавить группу из пяти журналистов. В их задачи входило писать доклады для руководства и править официальные бумаги. Майор становится также секретарем партийной организации КИО.

«Очень хороший организатор. Настойчивый. Умел добиваться своего», — вспоминает о Крылове Полубинский, впоследствии кандидат юридических наук, автор книг, один из редакторов энциклопедии «МВД России». Сергей Михайлович привлекал ярких людей из других ведомств, подразделений МВД. Особо ценному специалисту он мог предложить высокую зарплату, жилье — благодаря поддержке министра. Поэтому шли к нему охотно. Но работать приходилось на износ. Несколько раз

Полубинский готовил доклады Щёлокову. Как это происходило? Однажды министру предстояло выступить перед писателями в Доме литераторов. Он вызывает Вениамина Ивановича, сообщает, что примерно ему хотелось бы сказать. Просит обыграть тему: «Писатели — инженеры человеческих душ, а милиционеры — хирурги человеческих душ». Полубинский с коллегами придумали фразу, понравившуюся Щёлокову: «Мы за союз Фемиды с музами». Сам Крылов докладов, как правило, не писал, он редактировал варианты, подготовленные его сотрудниками, и редактором был великолепным, вспоминает Вениамин Иванович. Своих спичрайтеров Николай Анисимович называет «архимедами». Иногда он мог заглянуть в их кабинет поздно вечером, уходя с работы (кабинет министра находился этажом выше, на третьем этаже): «Еще трудитесь, архимеды?» Бывало, если засидятся до глубокой ночи, то из буфета по поручению Щёлокова им приносили бутылку коньяку.

Как секретарь парторганизации Полубинский с Крыловым не конфликтовал. «Из-за его отношения к людям, — поясняет Вениамин Иванович. — Доходило до бурных объяснений, так что даже секретарши заглядывали в кабинет: вы тут не деретесь?» Однажды, рассказывает Полубинский, Крылов с группой сотрудников отправились с инспекцией в Куйбышев. В их группу входил бывший сыщик МУРа Тихоненко, заслуженный оперативник, впоследствии генерал. Переработали — как обычно. Дня через три после их возвращения секретарю парторганизации звонит жена Тихоненко: «Где мой муж?» И только тут Полубинский узнает от Крылова, что Тихоненко с сердечным приступом отправили в местную больницу. «А что такого? — удивился Сергей Михайлович. — Пусть им врачи занимаются». Парторг подключает руководство медицинской службы МВД, и больного перевозят в милицейский госпиталь в Москву... Начальник КИО просто забыл о Тихоненко — так показалось Вениамину Ивановичу.

Что это: черствость? Многие соратники и ученики Крылова не согласятся с такой оценкой и приведут примеры чуткого к ним отношения. Но учтем, что Сергей Михайлович был человеком идеи, максималистом. Он себя не жалел и из своих сотрудников выжимал все соки, оценивая их прежде всего с точки зрения полезности «общему делу». Скажем так: к людям он относился по-разному. И они к нему — тоже.

Полубинский завершает свой рассказ: «Мне предложили перейти в Главное управление кадров, возглавить оргметодический отдел. Я согласился. Вызывает Сергей Михайлович:

— Что же ты делаешь? Я же тебе был как отец родной!

Не любил, когда от него уходили по собственному желанию. А такое нередко случалось. Все-таки постоянные стрессы, переработки. И перспектив никаких — наемкнул ему. Он подскочил:

— А, так ты за званиями сюда пришел? Хочешь, я тебя сделаю полковником?

Отвечаю, что я уже дал слово в управлении кадров. Сергей Михайлович, возмущенный, выскочил из кабинета. В очередной раз заглянула секретарша: „Вы что тут, подрались?“ Не сомневаюсь, он бы сделал меня полковником. Ему это было просто: зашел в кабинет министра — и вышел с подписанной бумагой...»

Случаев, когда работать под руководством Крылова отказывались из-за сложностей его характера или увольнялись по той же причине, известно предостаточно.

Профессор В. З. Весёлый, много лет работавший и друживший с Сергеем Михайловичем, пишет: «Он появился в министерстве в 1967 году, и с этого времени спокойная жизнь в аппарате закончилась. Ворон новых идей, проектов — реальных и заведомо неосуществимых — обрушился на привыкших к безмятежному стилю руководства сотрудников».

Тут тоже многое упрощено. Ведь пишет товарищ, многолетний соратник. Сомнительно, чтобы Министерство внутренних дел в конце 1960-х представляло собой такое уж болото. Среди критиков Крылова мы находим авторитетных практиков, вполне восприимчивых к новым идеям. Например, И. И. Карпец делится первыми впечатлениями от знакомства с Сергеем Михайловичем в своей книге «Сыск. Записки начальника уголовного розыска» (М., 1994).

Крылов в 1969 году — важная фигура в министерстве. Он входит в кабинет Щёлокова, *не спросив разрешения* у дежурных. В присутствии Крылова дежурные адъютанты не садятся. «Это кое-что значит», — делает вывод начальник уголовного розыска. Через некоторое время они встречаются с Сергеем Михайловичем и обстоятельно беседуют. Оба с трудом скрывают недовольство. Карпец — тем, что начальник оргинспекторского управления пытается поставить себя над другими главками, а Крылов — тем, что начальник угро штабную структуру, по-видимому, ни в грош не ставит. Мы знаем об этом разговоре в изложении Карпеца. Его впечатления от собеседника:

«Он обладал энергией, фантазией, но имел смутное представление о праве, к тому же, беря на работу квалифицированных юристов, довольно пренебрежительно отзывался о них, считая, что они могут „помешать“

преобразованиям из-за своей приверженности к „букве закона“, а не к его „духу“ (действительно, об одном своем соратнике Сергей Михайлович в шутку говорил: „Хороший человек, но юрист“. — С. К.). Естественно, мы расстались спокойно. Собственно, спокойным ушел я, но чувствовал, что хозяин кабинета был недоволен. Тем более что я уклонился от разговора, содержавшего оценки тех или иных руководителей главков и отделов, включая и заместителей министра, сославшись на то, что я их недостаточно хорошо знаю. Однако понял, что он — если выразаться сегодняшним языком — „борец с консерваторами“, коими он считал работавших „до него“, отнюдь не считаясь с тем, профессионалы они или нет. К сожалению, часто „новые люди“, мало знающие систему, в которую их забросила судьба, оперируют по отношению к тем, кто знает дело лучше их, понятием „консерватор“ или чем-нибудь в этом роде».

Начальник союзного угро консерватором себя, разумеется, не считал и не горел желанием подчиняться будущему начальнику штаба^[7].

Через некоторое время между Карпцом и Крыловым произошло почти открытое столкновение. Специалисты из сыскного главка подготовили проект приказа, определявшего основные направления работы их службы, в частности, в области организации оперативно-розыскной и агентурной работы. Начальник оргинспекторского управления был уязвлен, что проект не согласован с ним. Тем не менее Игорь Иванович, заручившись визой Б. Т. Шумилина, приносит документ на подпись министру. Щёлоков внимательно изучает текст, задает несколько вопросов и ставит свою подпись. Искушенный начальник секретариата министра многозначительно говорит Карпцу: «Ну, Игорь Иванович, теперь спокойной жизни у вас не будет».

Он был прав.

Щёлоков — политик, государственный человек. В приказе, только что им завизированном, он видит нечто большее, чем просто документ, регламентирующий деятельность одной из милицеских служб. Министр чувствует, что они принимают решение государственного значения, поэтому говорит начальнику главка: надо готовить по этому поводу проект совместного постановления ЦК КПСС и Совета министров. Подчиненный отвечает: будем работать. Игорь Иванович не сообщает, был ли в итоге подготовлен упомянутый выше проект, скорее всего — да. Но Крылову об этом и говорить было бы излишне. Он — тут нельзя не отдать ему должное — сам стремился доводить ведомственные решения до более высокого уровня. Сергей Михайлович Крылов, при всех его справедливо или несправедливо отмечаемых недостатках, обладал государственным умом.

Думается, это главная причина «магического влияния» Крылова на Щёлокова в тот период.

О причинах конфликтов Крылова и Карпеца мы знаем только в изложении последнего. В свою очередь, Сергей Михайлович мог бы сказать, что уголовный розыск, пользуясь армейской терминологией, всего лишь один из родов войск; начальник этого важнейшего подразделения, сколь бы грамотным профессионалом в своей области он ни был, все же смотрит на происходящее в вооруженных силах со своей, не самой высокой колокольни. У начальника штаба «колокольня» повыше. Начальник армейского штаба не обязан разбираться, скажем, в артиллерии лучше, чем маршал артиллерии, однако последний ему подчиняется и должен согласовывать с ним свои действия.

Маршал Советского Союза С. С. Бирюзов в книге «Суровые годы» пишет: «Начальник штаба — это не просто исполнитель. Он — один из самых близких помощников командующего, и непременно с творческим складом ума и характера. Штаб можно сравнить с центральной нервной системой человека».

Николай Анисимович Щёлоков занес эти слова в свой дневник. Можно предположить, кто обратил его внимание на эту цитату.

В сентябре 1971 года ведомственным приказом № 257 оргинспекторское управление переименовывается в Штаб МВД СССР. Решение по тем временам ответственное. Потребовалось некоторое время, чтобы к наличию в милицеском ведомстве новой службы и к самому ее названию привыкло политическое руководство. 16 июня 1972 года Совет министров утверждает соответствующие изменения в Положении об МВД СССР. 7 декабря того же года министр внутренних дел своим приказом утверждает Положение «О Штабе МВД СССР».

Пятилетняя эпопея с созданием Штаба МВД завершается.

С. М. Крылов назначен его первым начальником.

Он на пике своей карьеры. Однако пройдет год с небольшим, и Сергей Михайлович вынужден будет уйти из центрального аппарата. К тому времени он испортит отношения практически со всеми руководителями министерства. Отчасти и с Николаем Анисимовичем Щёлоковым, хотя министр будет поддерживать своего единомышленника и в последующие годы.

Но прежде — о том, чем стали штабные подразделения за семь «крыловских» лет. Что полезного для милиции сделано при непосредственном участии Сергея Михайловича? Дополним уже сказанное.

«Он стремился поставить работу управленческих звеньев МВД на научную основу», — отмечают его соратники в упоминавшейся статье в газете Академии управления МВД РФ. — Собрал вокруг себя широко мыслящих научных работников, профессионалов, Сергей Михайлович Крылов организовал серьезные научные исследования. В частности, он, «несмотря на активное противодействие и иронические насмешки многих», всерьез занялся прогнозированием развития преступности в СССР, его регионах. Такой прогноз, составленный на 1971–1975 годы, к сожалению, «повсеместно подтвердился с потрясающей точностью». В 1973 году при штабе был создан организационно-методический центр МВД СССР по передовому опыту. МВД в 1970-е стало в Союзе одним из лидеров по части внедрения управленческих и технологических новаций. Так, с конца 1960-х в министерстве стали внедряться электронно-вычислительные комплексы, чему немало способствовало личное тесное знакомство Крылова и Щёлокова с президентом Академии наук Украины академиком Глушковым. Начинали с компьютеризации систем регулирования дорожным движением, затем стали создавать информационно-поисковые, экспертно-криминалистические системы, средства связи и т. д....

Важная новация того времени: в территориальном органе внутренних дел появилась дежурная часть (ДЧ). В чем тут новшество? ДЧ пришла на смену оперативному дежурному — обычному регистратору, который принимал информацию о правонарушениях и передавал ее «выше», не имея никаких иных полномочий. Статус и значение этой службы в начале 1970-х кардинально меняются. Сотрудники ДЧ не только «регистрируют», они обязаны принимать неотложные меры по раскрытию или предотвращению преступления. С точки зрения обычного гражданина, дежурная часть — это «люди за стеклом»; на стене у них карта территории, на которой горящими точками или флажками отмечено положение патрульных машин. Эти люди постоянно в эфире, дают указания, кому из милицейских нарядов куда выдвигаться. Знакомая многим картина. Однако так было не всегда. В масштабе СССР ДЧ стала, помимо прочего, службой по сбору информации обо всех чрезвычайных происшествиях (не только криминального характера), имевших место в стране. Структурно дежурная служба входила в состав Штаба МВД. Нередко информация, поступавшая к министру по линии штаба, заметно отличалась от той, которую он получал от профильных главков, что тоже создавало почву для столкновений между Крыловым и другими руководителями МВД.

Нетрудно заметить: штаб в его тогдашнем виде Крылов создавал «под себя», под свою энергию, свои способности и страсть к преобразованиям.

Это вполне отвечало потребностям «крыловского семилетия», когда действительно МВД нуждалось в кардинальных переменах. Однако пора серьезных реформ прошла, наступило время рутинной, повседневной работы. Сергей Михайлович мыслил, что и в такой работе штаб должен стоять *над* другими подразделениями министерства. И вот тут у него возникли главные проблемы. Вспомним, что оперативные службы в МВД при Щёлокове возглавляли, как правило, крупные специалисты в своих областях, для которых Крылов — не авторитет; они не горели желанием ему подчиняться. Для таких руководителей штаб, который постоянно запрашивает у них отчеты, статистику, дает свои рекомендации — не двигатель реформ, а бюрократический орган, отрывающий их от работы (отсюда отзыв Д. Медведева о С. Крылове: «Формалист»).

С точки зрения начальника Главного управления уголовного розыска, это выглядело так: «В системе МВД появились штабы, требовавшие от всех служб отчетов и статистических данных сверху и донизу и снизу доверху, якобы для того, чтобы руководить подчиненными органами и подразделениями „со знанием обстановки“ и с „полным использованием сил и средств“. Намерения благие, к сожалению, выродившиеся в большой бюрократизм, в стремление штаба стать над отраслевыми главками, диктовать им, что делать, в бесконечные проверки, часто лишь для того, чтобы приструнить (или снять) неугодного или непокорного руководителя, что и привело его (штаб), в конечном счете, к краху. Погубило штабы и некритичное перенесение функций армейских штабов в систему МВД. Хотя, если быть объективным, то надо сказать, что аналитическое подразделение, которое бы не подсиживало главки, а помогало им подсказками об узких местах, которых главки нередко не видели (эффект привыкания), было бы полезным. Тем более что в Штаб набрали весьма квалифицированных людей, как практиков, так и ученых — кандидатов и докторов наук. Штаб же пошел по другому пути: не помогать, а интриговать и властвовать, стал мощным оружием в руках министра, получавшего любые данные о ситуации в стране раньше руководителей главков, что часто делало их в глазах министра людьми, якобы, не знающими „обстановки“. Для главков он стал тормозом в работе, фискальным органом, которого боялись и не любили. Отношение со штабом и его руководством для многих, даже заместителей министра, стали своего рода „вторым фронтом“».

Таков взгляд авторитетного практика на структуру, созданную Сергеем Михайловичем Крыловым.

За истекшие десятилетия штабная служба в МВД не раз

переименовывалась и перекраивалась, и в наши дни скромно определяется как орган «анализа, контроля и планирования». Думается, чем-то большим в Министерстве внутренних дел она вряд ли может стать. Но если однажды в МВД затеют действительно серьезные преобразования, то для идеолога реформы, «Сперанского», есть должность: начальник штаба.

...Осенью 1971 года Павел Георгиевич Мясоедов встретил Крылова в коридоре министерства. Сергей Михайлович был радостно возбужден.

— Поздравь меня, — сказал он. — Вышел приказ о создании штаба. Я назначен его начальником.

— А ты в ранге первого зама министра? Нет? Тогда нечему радоваться. У тебя ефрейторские погоны и маршальские задачи, — ответил специалист по управлению Мясоедов.

Павел Георгиевич предрек своему другу, что в ближайшее время его выживут из министерства. На фронте Мясоедов был одно время начальником штаба батальона в ранге первого заместителя командира батальона. В этом сочетании штабная должность работает. Но не иначе.

Сам Сергей Михайлович Крылов считал себя «первым заместителем министра без портфеля». В его положении тоже имелись свои козыри. Пожалуй, важнейший из них — служба инспекторов в составе штаба. В ходе проверки, как известно, можно накопать на проверяемого руководителя что угодно. Например, один из подчиненных Крылова прославился тем, что его инспекции заканчивались — в лучшем случае — диагнозом: «Подразделение находится на грани развала». Сергей Михайлович активно пользовался в аппаратной борьбе этим инструментом, на что намекает в приведенной выше цитате генерал Карпец. Симпатий со стороны коллег-руководителей это начальнику штаба не прибавляло.

В январе 1974 года генерал-лейтенанта Крылова назначат начальником Академии МВД. Выполнять маршальские задачи в ефрейторских погонах ему оказалось не под силу — результат ожидаемый. Понижение, почти опала (хотя он остается членом коллегии МВД). И вместе с тем — новая яркая страница, новый виток его биографии.

Думается, именно в должности начальника милицейской академии Сергей Михайлович сумел найти себя. И тут уже почти без «но». За пять лет на этом посту он сделает достаточно, чтобы прочно войти в историю Министерства внутренних дел России.

Глава восьмая

НА ГЛАВНОМ НАПРАВЛЕНИИ

В России «реформа» — магическое слово.

Первый вопрос к вновь назначенному руководителю ведомства будет: как вы собираетесь его реформировать (даже если предшественник «дореформировал» ведомство до ручки). Ответ в духе: «Приглашу честных профессионалов и дам им возможность работать» сочтут несерьезным. Искушенный в политике человек так никогда и не ответит, у него уже припасено, что надо переименовать, а что — ликвидировать; такой его настрой общественность обычно успокаивает.

В истории МВД бывали периоды бурных ломок, доходивших до того, что на здании министерства впору было повесить табличку: «Закрито на ремонт». Однако эти периоды не воспринимались впоследствии как реформаторские, поскольку ничего, кроме духа суеты и неуверенности, ведомству не приносили.

Но ведь бывали же периоды и глубоких преобразований, только их часто не замечали. Почему? Потому, наверное, что настоящая реформа, как правило, вещь скучная, монотонная, для наблюдения неудобная, вроде ухода за посадками многолетних растений. Но только такой подход к преобразованиям способен дать долгосрочный результат.

Система профилактики преступлений — это то, чем министр Щёлоков занимался день за днем, лично, практически весь срок своего пребывания на посту главы МВД. Его детище. Наверное, ничто так не характеризует Щёлокова-руководителя, как эта его повседневная, многолетняя работа по созданию системы профилактики преступлений.

«Главное — предупредить». Это утверждение, авторство которого приписывается Бекарио, встречается и в трудах А. Н. Радищева. С тех пор кто только в России и СССР не говорил о пользе профилактики правонарушений. Много, конечно, и делалось, особенно в СССР, под девизом ликвидации социальных основ преступности (борьба с беспризорностью, бродяжничеством и т. д. — шаги в этом направлении). Однако практическое построение системы профилактики, глубокая научная разработка этой темы начались в МВД при министре Щёлокове.

Дело, повторимся, скучное. Наград и восхищения общественности не сулящее. Достижения в области профилактики даже трудно *подать*: если сыщик раскрывает громкое преступление, его награждают, он приобретает

известность; если тот же сыщик преступление предотвратит, об этом, скорее всего, никто и не узнает. Хотя вроде бы все согласны: предотвратить — главное. Короче, этим делом можно было и не заниматься. Но ведь профилактика преступлений — одно из самых эффективных направлений правоохраны? Это государственной важности задача? Без сомнения. И ею стали целенаправленно заниматься.

У Николая Анисимовича Щёлокова какое-то очень личное отношение к теме профилактики преступлений. Он без усталости пишет об этом в своем дневнике. Записи помечены: «дача», «санаторий в Барвихе», «Карловы Вары»... С конца 1960-х до 1980-го — вновь и вновь о профилактике. О том, как уберечь, прежде всего молодых, от совершения преступления, как сделать так, чтобы случайно оступившийся человек не стал рецидивистом.

В 1978 году он принимает только что назначенного начальника УВД Тульской области А. И. Сафонова. Сафонов в милиции новичок, пришел из партийных органов (назначение окажется удачным). Щёлоков наставляет младшего коллегу. О чем был разговор? В основном о важности профилактики, вспоминает Алексей Иванович. «Начните с профилактики, — говорил Щёлоков, — остальное приложится».

Начальник Калининградского УВД В. М. Соболев приехал к министру доложить, как у них в области разворачивается работа по предотвращению правонарушений. Тогда в Калининграде по инициативе Соболева проводился эксперимент, и результаты обнадеживали. В конце доклада обычно сдержанный министр просиял и даже приобнял начальника УВД за плечи: «Но ведь это же победа, Валерий Михайлович!» Щёлоков распорядился распространить калининградский опыт на другие регионы, но прежде отправил в Калининград группу специалистов во главе с С. М. Крыловым, чтобы тщательно всё проверить.

Профессор А. И. Алексеев вспоминает, что в конце 1960-х «главным по профилактике» среди ученых был доктор юридических наук Антон Григорьевич Лекарь (сменивший в 1974 году С. М. Крылова в должности начальника Штаба МВД СССР).

Научные интересы самого Алексеева тоже тесно связаны с этой темой. («Криминология — это прежде всего наука о предупреждении преступлений», — говорит он.) Различным аспектам профилактики посвящены кандидатская и докторская диссертации Анатолия Ивановича. Изданный им учебник назывался: «Криминология и профилактика преступлений». Специалист с мировым именем, он имел возможность глубоко изучить зарубежный опыт.

Алексеев:

«На Западе тогда от нас многое брали. ООН проводила и проводит до сих пор международные конгрессы по предупреждению преступности. Это не специфически советская тема, как некоторые полагают. За рубежом смелее идут на многие вещи. Надо предписать человеку не появляться ближе 500 метров от района аэропорта — примут это решение, кому надо, наденут электронный браслет на ногу, невзирая на неотъемлемые права человека. У них очень активно ведется профилактическая работа в общинах — микрорайонах, селах, небольших городках. Развита виктимологическая профилактика (то есть обучение основам безопасности граждан из групп повышенного риска. — С. К.). В полицейских участках можно видеть столы, заваленные красочными буклетами, брошюрами, „виктимологическими памятками“ — как защитить ребенка, старика, обезопасить жилище, автомобиль и так далее».

Но возвращаемся на отечественную почву.

«Щёлоков, — продолжает профессор Алексеев, — внес в процесс противодействия преступности, я бы сказал, сильное гуманистическое начало. Привожу пример. В своей кандидатской диссертации я разработал памятку: „О беседе работника милиции с лицом, освобожденным из мест лишения свободы“. В ней перечислялись требования педагогического такта в обращении даже с бандитами и рецидивистами. Эти люди столько видели зла в жизни, столько раз им руки выламывали, что насилием от них ничего не добиться. Зато бывает, что человеческое отношение, гуманный подход способны зажечь свет в их замутненных душах. Представьте, Щёлоков обратил на эту памятку внимание. Другой бы сказал: да что с ними церемониться! Какой еще педагогический такт! В наручники — и пошел! Однако Николай Анисимович настоял, чтобы моя памятка была издана как документ министерства и распространена среди оперативных сотрудников с требованием пользоваться этими методами при обращении с рецидивистами. Гуманистическое начало в профилактике, повторяю. Его заслуга.

При Щёлокове начали заниматься так называемой общей профилактикой, то есть устранением в повседневной жизни условий и причин, способствующих совершению преступлений. Раньше не особенно задумывались, что между освещением улиц и преступностью есть связь. До 1970-х годов двери квартир в типовых домах открывались внутрь. Множество квартирных краж происходило простым выдавливанием двери плечом. МВД добилось, чтобы в типовые проекты строители внесли изменения — двери стали открываться наружу. Не один год шла борьба,

писалась масса бумаг. Проводились профилактические рейды. Брался конкретный вопрос, скажем, уличная преступность несовершеннолетних, и все милицейские службы, включая уголовный розыск, БХСС, проверяли дворы, беседовали с родителями и педагогами. Это и есть профилактика...»

Да, это и была профилактика. Ею милиция могла бы и не заниматься. Но она стала ею заниматься.

Между прочим, пожарным было как раз удобно, что двери квартир открывались внутрь (тут их интересы с квартирными ворами совпадали). Специалистам по профилактике из МВД пришлось преодолевать сопротивление и в своем собственном ведомстве.

Структуры по предотвращению преступности терпеливо *выращивались* (возвращаемся к разговору о подлинных реформах). Велась научная проработка, но были и поиски, эксперименты, споры, ошибки.

Рассказывает генерал-лейтенант внутренней службы, доктор юридических наук В. М. Соболев. В 1969–1975 годах Валерий Михайлович возглавлял УВД Калининградской области.

«Пионерами профилактической службы выступили у нас Москва и Ленинград. Там стали создавать опорные пункты охраны общественного порядка по месту жительства, при жэках. Брали на контроль лиц, освободившихся из мест лишения свободы или склонных к совершению преступлений. Я познакомился с опытом столиц. Убедился, что дело стоящее, нужно внедрять у себя. Кое-что при этом мы решили усовершенствовать. Калининградская область — необычная, пограничная. После войны здесь было много брошенных квартир, домов, скот гулял по полям, поэтому приехавшему сюда на постоянное место жительства зачастую сразу давали дом, корову, лошадь. Прибыло много случайных людей и ранее судимых. Своя специфика, в общем.

Собрали в УВД штаб, стали думать, на кого опереться. Директора завода сложно заставить заниматься воспитанием человека. Освободившихся из колоний на заводы, как правило, и не брали. У меня родилась мысль создать советы по профилактике при партийных органах и чтобы возглавляли их секретари по идеологии. Областью тогда руководил мудрый человек Николай Семенович Коновалов, он был „первым“ в Калининграде более 20 лет. Коновалов меня поддержал. Провели эксперимент на уровне города — уже через полгода-год почувствовали результаты. Помню, преступность среди несовершеннолетних снизилась сразу на 35 процентов. Тогда опыт распространили на все города и районы. Я сам объездил всю область и могу сказать: никакой туфты, действительно,

рецидивная преступность резко шла вниз, раскрываемость росла. Допустим, совет по профилактике в городе Советске. Ежемесячно подводит итоги работы. Держит на контроле по месту жительства и на предприятиях ранее судимых, пьяниц, правонарушителей. Этих людей не только контролируют, им и помогают, скажем, с устройством на работу. Кроме того, по согласованию с командованием флота и 11-й гвардейской армии мы наладили совместное с военными патрулирование улиц, особенно в праздничные и выходные дни. На Калининградском машиностроительном заводе сделали электронную карту для дежурной части, на которой отслеживались перемещения патрульных машин — первую в стране. Больше стали задерживать преступников по горячим следам. Наконец, когда мы проанализировали результаты и получили полное одобрение руководства области, я приехал с докладом к Николаю Анисимовичу. Министр очень любил, когда ему сообщают что-то новое. Слушал очень внимательно, беседа длилась часа два. Говорит: „Это же победа, Валерий Михайлович! Надо сделать так, чтобы ваш опыт пошел по стране. Постараемся получить одобрение в ЦК“. Но при этом у него оставались сомнения, все ли обстоит так, как я доложил. Он послал в Калининград бригаду Штаба во главе с Крыловым. Крылова на мякине не проведешь, он со своими инспекторами облазил у нас всю область и подготовил благоприятный доклад. По Центральному телевидению показали получасовой фильм о нашем опыте. Ко мне по указанию министра поехали начальники из других УВД. Я уже не рад был, что оказался в центре внимания».

В 1975 году генерала Соболева переведут в Москву, правда, не сразу на достаточно высокую должность. Около года он будет заместителем начальника Академии МВД, курировать возведение новых объектов. Валерия Михайловича давно знал и уважал заместитель председателя Совета министров СССР И. Т. Новиков, возглавлявший в то время оргкомитет по подготовке летней Олимпиады в Москве. «Под Олимпиаду» у академии появилась возможность построить несколько зданий. Однако министр не забыл, что Соболев хорошо проявил себя на другом направлении...

На этот раз речь пойдет о профилактике рецидивной преступности.

«Вдруг звонок по „кремлевке“ — Николай Анисимович приглашает меня на совещание. Оно проходит в Академии. Приезжаю. В зале — несколько министров, руководители ведомств, начальник отдела административных органов ЦК Савинкин. Такой уровень. Щёлоков говорит о том, что тюрьма — не лучшее место перевоспитания правонарушителей;

те, кто совершил малозначительные преступления, в зонах только набираются негатива, поэтому рецидивная преступность у нас растет. По словам министра, пришло время создавать службу по исполнению наказаний, не связанных с лишением свободы. После совещания собрались в кабинете у Крылова. Савинкин говорит: „Готовьте записку в Политбюро о создании главка, я поддержу. А кого назначите начальником?“ Щёлоков: „Да вот, Валерия Михайловича. У него на всех участках хорошо получалось“. Так появилось решение о создании в МВД 5-го главка со мной во главе. Щёлоков потом шутил: „Я не имею права вас уволить, вы назначены решением Политбюро, как и министр“».

Так в системе исполнения наказаний появилась небезызвестная «химия».

Не будем наивными, создание «химии» преследовало и вполне прагматичную цель. Промышленность получала дешевую и неприхотливую рабочую силу. Руками «химиков» будут построены тысячи километров газо-и нефтепроводов в стране. Численность этой категории осужденных доходила до полумиллиона человек. Однако не подлежит сомнению, что «химия» не ломала людей так, как зона, «приговоренные к обязательному труду» не оказывались вне общества. Жили они на полусвободном положении, в основном на территории спецкомендатур, то есть городков, которые обязаны были построить предприятия, получавшие рабочую силу. Спецкомендатуры находились под надзором (контрольно-пропускной пункт с дежурным), но не охранялись.

Начальник 5-го главка вскоре стал чрезвычайно важной персоной в стране. Строек в Союзе много, всем нужны рабочие руки. Секретари обкомов встречали его у трапа самолета, со смехом вспоминает Соболев. Не раз звонил Горбачев: «Валерий Михайлович, помощи, нужны люди в Невинномыск, Буденновск, стройки на учете в Политбюро». Некоторые регионы, впрочем, гордо отказывались от помощи условников. Например, руководители комсомольского штаба строительства Байкало-Амурской магистрали в 1975 году специально ездили на прием к министру с просьбой отозвать прибывший в Тынду «контингент», присутствие которого, по их словам, дискредитировало стройку.

Становление надзорно-профилактической службы в министерстве проходило сложно, пишет Игорь Иванович Карпец.

При этом возникло очередное обострение отношений между начальником уголовного розыска, с одной стороны, и начальником Штаба МВД Крыловым — с другой. Кажется, на сей раз уважаемый Игорь

Иванович уж слишком пристрастен...

Эта полемика сегодня интересна не только по существу. Она показывает, что атмосфера, сложившаяся в МВД в начале 1970-х, располагала к принципиальным спорам и в довольно сильных выражениях.

Начальник главка — фигура по статусу не сопоставимая не только с министром, но и с начальником штаба (особенно когда им был Крылов). Тем не менее Карпец позволил себе открыто раскритиковать предложение начальника штаба, уже поддержанное министром. Более того, руководитель угро составляет записку с возражениями и распространяет ее среди членов коллегии... Можно такое представить в сегодняшнем МВД?! В любом другом ведомстве? С большим трудом. В МВД при Щёлокове такое возможно. Споры заканчиваются, решение принято, все продолжают работать как ни в чем не бывало.

Амбиций и интриг хватало, как в любом большом ведомстве, но интересы дела обычно побеждали.

Вкратце (интересующихся всеми подробностями полемики отсылаем к книге И. И. Карпеца «Сыск»): в том, что надзорно-профилактическую службу следует создавать, все стороны согласны. Вопрос: должна ли она стать самостоятельным управлением? Или ее следует включить в состав другого главка? Этот вопрос выносится на коллегию МВД. Перед обсуждением среди руководителей ведомства рассылается письмо за подписью министра, в котором предлагается одно решение: создать профилактическую службу при уголовном розыске. Игорь Иванович категорически не согласен. Он пишет записку на имя Щёлокова, однако знакомит с ней и других руководителей. В записке используются выражения: «неверное утверждение», «грубейшая ошибка», «несостоятельный аргумент», «где же тут логика» и т. п. Ничего себе! Один из основных аргументов Карпеца сводится к тому, что профилактика преступлений — удел всего МВД (и не только МВД), поэтому ее не следует замыкать в рамки только уголовного розыска, освобождая другие подразделения милиции от этой задачи. Возражение основательное, многие соглашались. Заместитель министра Б. А. Виктор (сам натерпевшийся от не признававшего преград С. М. Крылова) сообщает, что согласен с каждым аргументом Игоря Ивановича. Однако профилактическую службу все-таки решено создать в составе уголовного розыска.

Профессор А. И. Алексеев говорит: «Как ученый Игорь Иванович Карпец всячески поддерживал идею профилактики, но как практик очень не хотел брать в свое управление этот довесок».

Практика показала, что правы были, скорее, Щёлоков и Крылов, а не

Карпец. Принятая схема оказалась вполне работоспособной. Косвенно Игорь Иванович это признал. Службу профилактики в угро возглавил Александр Петрович Флягин, приглашенный из Московского горкома партии. Это еще один партийный аппаратчик, у которого в милиции *получилось*. Карпец отзывается о нем с уважением: энергичный, опытный в вопросах профилактики, Флягин быстро понял «нужды уголовного розыска и стал его патриотом».

Свой рассказ об этой истории Игорь Иванович заканчивает так: «С созданием надзорно-профилактической службы и передачей в нее участковых инспекторов армия уголовного розыска достигла внушительной цифры, перешагнув сто тысяч... После ухода Щёлокова участковых вернули туда, откуда они пришли, — в наружную службу, где они и продолжали выполнять свои профилактические функции. Угрозыск остался угрозыском, как я и настаивал».

Видно, сильно ударило по самолюбию этого незаурядного человека аппаратное поражение от «заклятого друга» — Крылова. Игорь Иванович забывает упомянуть, что и профилактические функции участковые тоже перестали выполнять. Кстати сказать, свелось к минимуму их участие в раскрытии преступлений. Уголовный розыск лишился очень важного подспорья. Вот как это работало. Приведем один пример. Рассказывает сыщик с 35-летним стажем Сергей Александрович Букелев (перед выходом на пенсию занимавший должность начальника отдела ГУУР):

«Я тогда возглавлял одно из районных отделений милиции на севере Москвы. На моей территории прошла серия краж: кто-то залезал в помещения организаций и воровал деньги. Раньше ведь профсоюзные деньги зачастую хранили в столах. Решеток на окнах не было. Набирается около 40 эпизодов. Я их все добросовестно регистрирую, как учили. Найти преступника не можем. Наконец у начальника лопнуло терпение, звонит:

— Сергей! Я думал, ты мне друг, а ты наш район в крови утопил... Мы в отстающих.

Пошли на крайние меры. Оценили, в какие организации еще может наведаться злоумышленник. И там в столы заложили коробочки с родамином — это красящее вещество, которое чем больше трешь, тем больше оно горит на коже. Наконец одна из ловушек срабатывает. Но вор скрылся, как его найти? И тут сказала свое слово участковая служба. Узнаем от нашего „Анискина“, что в одной из квартир при обходе он обнаружил перебинтованного поднадзорника. Уверяет, что обжегся газом. „Газом, говорит? Тащи его сюда!“ Наш. Сразу раскрываем 40 краж и выходим в лучшие по управлению».

Для многих сыщиков заниматься профилактикой преступлений было не таким уж скучным делом. Есть что вспомнить.

Перенесемся в Тульскую область. Речь пойдет о профилактике преступлений в среде несовершеннолетних. Этим в советское время занималось множество структур (берем уровень области): обкомы партии и комсомола, областные комиссии по делам несовершеннолетних, отдел народного образования, управление профтехобразования, соответствующие подразделения в милиции... Организующую роль нередко брала на себя именно милиция.

В Тульском уголовном розыске отделение по делам несовершеннолетних предложили возглавить Валерию Ужекину (он закончит службу заместителем начальника областного угро). В отделение тогда входили оперативное подразделение и областная инспекция по делам несовершеннолетних. Ужекин:

«На долю несовершеннолетних приходилось немалое количество преступлений, в том числе кошмарных. И постоянно шло выяснение отношений между ведомствами, кто больше всего в этом виноват? Милиция, комсомол, школа? Все старались снять вину с себя и сделать крайними нас. Мы, в свою очередь, доказывали, что надо уменьшать влияние милиции на семью и школу».

Большая проблема для сельских районов области: пацаны угоняли лошадей, покатаются. Загонят их до мыла, привяжут в лесу, и животные гибнут. Хозяйства несли огромные убытки. Привлечь малолетних угонщиков к уголовной ответственности не позволял закон. В Куркинском районе начальник местного отделения милиции Сергей Житник нашел оригинальный выход: создал конный клуб, в котором дети ухаживали за животными, а хозяйства платили за это клубу деньги — по рублю в сутки за лошадь. Всем оказалось выгодно. Клуб зарабатывал деньги, местные хулиганы оказались при деле, угоны лошадей в районе прекратились. В газете «Известия» появилась большая статья с фотографией на первой полосе. Крупным планом: лошадь, капитан милиции и несколько мальчишек и девочек. О куркинском опыте писали в газетах и снимали документальные фильмы. Много причастных и не причастных к этой акции руководителей областной милиции получили поощрения. Клуб существовал до середины 1980-х годов, по инерции. Капитан Житник не собирался останавливаться на достигнутом: он планировал конный пробег из Куркина в ГДР, разработал маршрут, получил необходимые согласования...

Еще одно начинание тогда поддерживала тульская милиция,

вспоминает Ужекин. В профессионально-техническом училище Киреевского района объявился мастер с творческой жилкой и талантом педагога. Он придумал вывозить неблагополучных ребят в трудовой лагерь, где они жили в условиях самоуправления. Бригады, звеньевые сельскохозяйственных бригад выбирались из числа подростков. Бригадир мог состоять на учете в милиции за кражу или более серьезное правонарушение, но начальник лагеря уважал выбор ребят. Подростки учились руководить и подчиняться, зарабатывать и справедливо распределять заработанные деньги. От желающих попасть летом в этот лагерь отбоя не было. Даже некоторые руководители районов просили: «Возьмите моего балбеса в лагерь, может, научится у вас уму-разуму». Преступность в ПТУ практически сошла на нет. Инициатор идеи получил орден «Знак Почета».

И куркинское, и киреевское начинания прекратили свое существование почти одновременно, во второй половине 1980-х. Перед страной встали большие задачи. Слишком большие, чтобы на их фоне могла кого-то интересовать профилактика малолетней преступности. Ужекин: «Инспекцию по делам несовершеннолетних вывели из уголовного розыска. Женщины в детских комнатах милиции остались без поддержки оперативников. Наша работа во многом потеряла смысл».

...Летом 1983 года экс-министр внутренних дел Николай Анисимович Щёлоков пригласит прогуляться своего старого соратника Валерия Михайловича Соболева. Тот уже тоже в отставке — «по собственному». Долго молчали. Наконец Щёлоков сказал: «Обидно, Валерий Михайлович, что пришел в министерство новый человек и все изгадил. Не знаю, что плохого я ему сделал. Допустим, у него есть претензии ко мне. Но при чем тут МВД? При чем тут то, что мы с вами создавали?»

Система профилактики правонарушений, которую кропотливо выращивали в МВД полтора десятилетия, будет практически полностью разрушена в рамках борьбы со «щёлоковщиной». Но сама идея жива, опыт сохранился, и к нему непременно обратятся, если профилактикой преступлений вновь займутся всерьез. Хочется добавить: а это неизбежно.

Глава девятая

СОЮЗ ФЕМИДЫ С МУЗАМИ

В 1935 году в американском кинематографе родился новый положительный герой — федеральный полицейский агент. На экраны вышел фильм режиссера Уильяма Кейли «G-Men».

Голливуд, может быть, и дальше штамповал бы ленты про благородных гангстеров, но на него надели, с одной стороны, Федеральное бюро расследований в лице директора ФБР Джона Эдгара Гувера, а с другой — законодатели. В американских нормативных актах о цензуре появились поправки, позволяющие изображать гангстеров лишь в тех случаях, когда в финале их настигает возмездие. Почти по Чехову: если в первом акте на сцене появляется мафиози, то к пятому его должны либо арестовать, либо убить.

И в реальной жизни джи-мены стали звездами. Сначала это — глава чикагского отделения ФБР Мелвин Первис, который провел операции по устранению Джона Диллинджера и других одиозных бандитов. Растущая слава Первиса вызвала ревность у директора ФБР. Недавнюю историю пересмотрели, на роль устранителя Диллинджера «назначили» гуверовского фаворита. А самым известным и авторитетным джи-меном на многие годы стал сам Джон Эдгар Гувер, который любил эффектно появляться в финале операций по захвату бандитов с пистолетом в руке и со словами: «Вы арестованы!» После смерти в 1972 году шефа ФБР (занимавшего эту должность 48 лет) доберутся до его архива. И появится другая точка зрения, что самый известный полицейский в истории США был, возможно, в этой истории одним из самых грязных персонажей...

Так или иначе, в середине 1930-х, во многом благодаря ФБР и его шефу Гуверу, в Америке произошла переоценка ценностей. Фильмы и книги о благородных полицейских пошли чередой. «Дети стали носить игрушечные значки агентов Бюро, играть такими же, как у настоящих федеральных агентов, игрушечными пистолетами, и даже спать в пижамах с фирменной эмблемой „G-Men“», — отмечает Киви Берд в книге «Гигабайты власти».

В СССР аналогичные процессы проходили в 1970-е годы.

С началом глубоких преобразований в милиции у кинематографистов, литераторов, художников, композиторов сам Бог велел спросить: с кем вы,

мастера культуры? С милиционерами или с преступниками? А они в данном случае были ни с кем. По каким-то причинам тема борьбы с преступностью считалась полузакрытой, и мастера культуры ее практически не касались. Лучшим достижением в кино на тот момент был пронзительный фильм режиссера С. Туманова «Ко мне, Мухтар!» (1964 год). Однако ни одного яркого, живого образа — сыщика, следователя, участкового...

В начале 1970-х МВД становится главным заказчиком фильмов о милиции. И такие ленты появляются — от просто добротных для тех лет картин до значительных художественных произведений, переживших свое время, вроде шедевра, снятого режиссером Станиславом Говорухиным по сценарию Аркадия и Георгия Вайнеров с Владимиром Высоцким в главной роли. Премьера шестисерийного телефильма «Место встречи изменить нельзя» состоялась в ноябре 1979 года.

Малоизвестный факт: Владимир Высоцкий, который уже неотделим в нашем сознании от образа капитана МУРа Глеба Жеглова (точнее, наши представления о настоящем борце с уголовной преступностью неотделимы от созданного им образа), поначалу отказывался появляться в кадре в милицмейской форме. И сделал это один раз, как говорят, по личной просьбе министра внутренних дел.

Владимир Петрович Илларионов, бывший первый заместитель начальника Главного следственного управления МВД СССР, вспоминает, как он помогал актеру готовиться к роли.

«Началу нашего знакомства положил звонок по „кремлевке“ ныне покойного Константина Ивановича Никитина, заместителя министра внутренних дел, интереснейшего человека, великолепного рассказчика и остролова, главного консультанта фильма „Место встречи изменить нельзя“»^[8].

Илларионов считался большим знатоком криминальной субкультуры, собирал образцы творчества заключенных, уголовный фольклор. Никитин попросил Владимира Петровича оказать актеру необходимую помощь. Илларионов снабдил Высоцкого альбомами из своей коллекции, не раз они беседовали в его кабинете в здании следственного управления по адресу улица Дзержинского, 11.

«Кажется, Высоцкий был удивлен, узнав, что есть серьезные исследования воровского жаргона. Книжку известного языковеда Бодуэна де Куртенэ „Блатная музыка (жаргон тюрьмы)“, изданную в 1908 году в Санкт-Петербурге, он буквально схватил с полки, сожалея потом, что в ней недостает многих страниц. Изучал и маленький словарь уголовного

жаргона. Его удивляла живописность некоторых выражений, стойкость и преемственность традиций блатного языка, неожиданность заимствований иностранных слов. Название одной из группировок преступного мира — „Один на льдине“ — иллюстрировал мимической сценкой: сгибался, засовывая кисти рук под мышки, изображая замерзшего человека, смешно вытаращивал глаза, одновременно наглые и испуганные».

Илларионов подметил, что у актера есть и свой немалый опыт общения с уголовной средой, «блатными» и «полублатными». Биография Владимира Семеновича Высоцкого сейчас хорошо известна. Он рос в послевоенной Москве, «как вся дворовая шпана». Кто авторитеты для мальчишек из этих дворов, не только столичных? Да, фронтовики. Но также и — «блатные». Друг Высоцкого, литератор Артур Макаров, вспоминал: «Мы были знакомы со знаменитой компанией „урки с Даниловской слободы“, профессиональными „щипачами“. Хотя Володя никогда в „блатных“ делах „замазан“ не был, он знал довольно серьезно и крепко людей из этого мира, хорошо знал. Некоторые из них очень любили его, и он их тоже, надо сказать. Практически все из нас владели жаргоном — „ботали по фене“, многие тогда даже одевались под блатных». Не случайно первая известная песня Высоцкого — про Нинку-наводчицу. Он напишет десятки блатных стилизаций и только одну песню про МУР: «Побудьте день вы в милицейской шкуре — *Вам жизнь покажется наоборот*. Давайте выпьем за тех, кто в МУРе, / За тех, кто в МУРе, никто не пьет».

Штрих к картине нравов военных и послевоенных дворов добавляет ветеран системы исполнения наказаний Василий Сныцеров, в 1980-е возглавлявший знаменитую «правилку» для уголовных авторитетов — колонию «Белый лебедь» в Соликамске. В ФЗУ, где он учился, появился некто Витя по кличке Пахан, который стал приобщать ребят к воровству. Сныцеров уехал из города, стал милиционером. А через несколько лет узнал, что все 50 его бывших однокашников имели те или иные проблемы с законом, большинство отсидело.

В 1960-е влияние уголовной среды, прежде всего на молодежь, «дворовую шпану», оставалось очень сильным. Кроме того, органы внутренних дел не освободились от шлейфа ежовских и бериевских времен. Существовало на уровне подсознания: от этой закрытой организации лучше держаться подальше. Сотрудничать с милицией, тем более служить в ней, приличному человеку — «западло». Поэтому-то даже в 1978 году Высоцкий не горел желанием появляться на экране в милицейском мундире.

После грандиозного успеха сериала исполнитель главной роли мечтал о его продолжении. У него возникла идея: рассказать историю ордена Красной Звезды, который носит на лацкане пиджака Жеглов. Актер вновь появился в кабинете у Илларионова. Владимир Петрович подобрал в архиве дело. «Зимой 1942 года из Свердловска в голодную Москву шел эшелон с продуктами. Его охраняла группа работников НКВД во главе с капитаном. Были получены оперативные данные, что на эшелон, прибывший на станцию Лихоборы, возможно нападение вооруженной банды. Решили при маневрировании вывести вагоны с продуктами, а на их место поставить состав с усиленной охраной. Но произошла какая-то накладка. Небольшой группе пришлось принять неравный бой с бандитами. Впоследствии раненного в перестрелке капитана наградили тем же орденом, что и Жеглова».

Продолжения сериала, как известно, не последует. Исполнитель главной роли уйдет из жизни в дни московской Олимпиады, 25 июля 1980 года. А образ начальника отдела Московского уголовного розыска по борьбе с бандитизмом Глеба Жеглова переживет своего создателя, Советский Союз и на многие десятилетия останется самым живым образом отечественного сыщика. Не раз в обществе будет вспыхивать дискуссия: а точно ли Жеглов с его категорическим убеждением: «Вор должен сидеть в тюрьме» — положительный герой? Он ведь способен засадить вора любой ценой, подбросив ему кошелек, которого тот не брал. Слишком знакомы впоследствии станут такие трюки. Трюки — да. Но не жегловские мужество, бескорыстие и преданность делу. Не его, обращенное к вору: «Глеб Жеглов не будет брать твои поганые деньги!» Жеглов-Высоцкий не просто лучше, не просто «правильнее» тоже достаточно колоритных уголовников во главе с Горбатым. Он их выше как личность, красивее, мощнее. Именно он в гораздо большей степени, чем они, вызывает желание себе подражать.

Сыщик Жеглов. Сельский участковый Анискин. Не такие яркие, но тоже живые — следователь Пал Палыч Знаменский, оперативник Томин, эксперт-криминалист Кибрит. Эти образы родились в 1970-е годы.

МВД открывает архивы. В 1971 году на экраны выходит первая серия телеспектакля (впоследствии ставшего телесериалом) «Следствие ведут знатоки». Сценаристы — Ольга и Александр Лавровы, в главных ролях — Георгий Мартынюк, Леонид Каневский, Эльза Леждей. *ЗнаТоКи*. Большим энтузиастом этого проекта является сам министр Щёлоков. Сериалы одна за другой (всего 17) выходят до его отставки в 1982 году, затем — перерыв, в

1985 году проект возобновляется, а последняя, 24-я серия «Знатоков» выйдет на экраны в 2003 году!

Музыкальной заставкой к телеспектаклю стала песня «Незримый бой» на слова Анатолия Горохова и музыку Марка Минкова. В 1985 году «Знатоков» возобновили с другой заставкой — «Наша служба» (если уж бороться со «щёлоковщиной», то по всему фронту). Замена оказалась неравноценной. Несмотря на звездные имена ее создателей (композитора Давида Тухманова и автора слов Роберта Рождественского), «Наша служба» справедливо забыта, а «Незримый бой» стал гимном и российской милиции, как некогда был гимном советской.

С 1969-го по 1978-й выходят три фильма о деревенском детективе Федоре Ивановиче Анискине по сценарию Виля Липатова. В образе, созданном Михаилом Жаровым, уже не одно поколение людей узнает настоящего участкового. Он и милиционер, и власть, и советчик, и задушевный собеседник, и просто односельчанин, житель нашего района. Это эталон. Когда заходит разговор, что надо восстанавливать значимость службы участковых, обязательно на всех уровнях звучит фамилия: Анискин. «Нужно привлекать в эту службу Анискиных». Что тут добавить?

Мы вспомнили произведения, прошедшие проверку временем. В ноябре 1974 года вышел на отечественный телеэкран своего рода аналог американского «G-Мен» сериал «Рожденная революцией» (режиссер Григорий Кохан, сценаристы Гелий Рябов и Алексей Нагорный). Собственно, этот проект и был первым крупным проектом МВД в области киноискусства. Руководство министерства пробивало сценарий Рябова и Нагорного на Центральном телевидении, оказывало помощь при съемках. Консультантами выступали замминистра Борис Тихонович Шумилин и начальник уголовного розыска страны Игорь Иванович Карпец. По тем временам — событие. Во время показа «Рожденной революцией» все взрослое население страны находилось у телевизоров, уличная преступность снижалась в разы. Однако главный герой картины сыщик Кондратьев (Евгений Жариков) в «народ» не пошел. К шедеврам советского киноискусства этот фильм с плакатными характерами и заурядной литературной основой, конечно, не отнесешь.

...Интересно было бы оценить, какой совокупный вклад в борьбу с преступностью внесли Глеб Жеглов, Федор Анискин, троица «знатоков»? Сколько преступлений смогли предотвратить? Сколько уголовных дел благодаря этим персонажам было раскрыто не мордобоем, а умной, профессиональной работой сыщиков, следователей, участковых, экспертов-криминалистов? Не подсчитать, но их вклад очень значителен. Главное, что

они продолжают свою воспитательно-правоохранительную деятельность, независимо оттого, насколько эффективно их коллеги действуют в жизни. И если какая-то часть милиционеров приходит и будет приходить в профессию по призванию, то во многом, конечно, — благодаря им.

«Союз Фемиды с музами» — выражение из доклада Николая Анисимовича Щёлокова.

Фемида, то есть в данном случае МВД, заключает этот союз по всем возможным направлениям.

Дмитрий Шостакович создает «Марш Советской милиции»^[9].

С начала 1970-х произведение композитора звучит на всех официальных мероприятиях МВД — при принятии присяги, на парадах, смотрах и т. д. Вслед за Шостаковичем Арам Хачатурян пишет «Марш Московской Краснознаменной милиции». Оба произведения достойны имен своих создателей, но... неофициальным гимном для милиционеров всё равно остается «Незримый бой». Не загадка ли?!

А как же живопись (вспомним юношеское увлечение самого министра)? Уже в 1969 году при МВД создается студия художников, ее по просьбе Щёлокова возглавляет президент Академии художеств СССР скульптор Евгений Вучетич...

Каждый год 10 ноября по Центральному телевидению транслируется посвященный Дню милиции «главный концерт страны». Обратите внимание на репертуар. Это не «полегче и попроще». В концерте (открывает его, разумеется, исполнение марша Шостаковича), который смотрит вся страна и, конечно, вся милиция, выступают исполнители мирового уровня: пианист Святослав Рихтер, виолончелист Мстислав Ростропович, скрипач Давид Ойстрах (однажды они составили трио), не говоря уже о популярных эстрадных артистах. Кстати, один из известнейших в стране композиторов Алексей Экимян (автор «Не надо печалиться» и других хитов советской эстрады) — профессиональный сыщик, дослужившийся до звания генерала милиции и должности заместителя начальника ГУВД Московской области.

Благодаря тому, что МВД «открывается», допускает журналистов на свою «кухню», в советской журналистике фактически появляются новые жанры — криминальный очерк и даже криминальное расследование. В каждом номере «Литературной газеты», любимой газете советской интеллигенции, читателю гарантированы рассказ о резонансном уголовном деле (оно станет резонансным после публикации), а то и проблемная статья. Переживают расцвет и специализированные издания. С журналом

«Советская милиция» сотрудничают лучшие детективные перья страны, тираж издания приближается к миллиону экземпляров.

В Академии МВД СССР создается университет культуры. Его ректор — Арам Хачатурян, кафедры возглавляют кинорежиссер Лев Кулиджанов, художник Илья Глазунов, среди преподавателей и лекторов, частных гостей академии — композитор Никита Богословский, певица Людмила Зыкина, актеры Юрий Яковлев, Михаил Ульянов, Алексей Баталов, Василий Лановой, Юрий Никулин, режиссер Марк Захаров... Как видим, и тут ориентация на цвет отечественной культуры, никаких «полегче и попроще».

По всей стране заключаются соглашения о культурном шефстве творческих коллективов над органами милиции. Открываются ведомственные дома культуры (а также санатории, профилактории, дома отдыха — отдельная тема), в управлениях внутренних дел создаются ансамбли песни, пляски, оркестры.

Смысл происходящего понятен. Теперь — иллюстрация.

Милицейская семья Харитоновых в Туле. Лев Серафимович, полковник в отставке^[10], возглавлял районный уголовный розыск, завершил службу заместителем начальника областного управления по борьбе с организованной преступностью, то есть большую часть биографии работал на «жегловских» должностях. Ираида Сергеевна — начальник экспертно-криминалистической службы областного УВД, награждена орденом «За заслуги перед Отечеством» II степени. Он — сыщик, она — криминалист. Еще бы им в семью следователя, и получилась бы классическая тройка «знатоков». Но их дочь стала экспертом-криминалистом. Лев Серафимович только убийств в своей практике раскрыл несколько сотен. Ираида Сергеевна вспоминает, как после окончания вуза, девчонкой, ездила «на трупы». Три года жила вегетарианкой, на мясо смотреть не могла. Харитоновы — интеллигентные, приветливые люди, из тех, на ком их экстремальные профессии как будто не оставили заметного следа. Как им это удалось? Объясняют:

— Надо чаще общаться с нормальными людьми.

Для Харитонова, как, впрочем, для многих из его поколения, 1970-е — золотые годы милиции. Он поясняет почему. «Сижу я над делами, голову поднять не могу. Начальство: „Давай, давай!“ С утра до ночи перед тобой — воры, убийцы, бандиты, насильники. И вдруг — звонок. На проводе директор кинотеатра. У них вечером показывают „Трактир на Пятницкой“, приглашает приехать и выступить перед зрителями. Едешь и выступаешь. Понятно? Ты — человек».

Понятно.

Предположим, что руководителя среднего милицейского звена решают повысить по службе. Его направляют в Академию МВД. Теперь слово земляку Харитонову, самому титулованному тульскому сыщику Александру Владимировичу Сенопальникову, генерал-майору и доктору юридических наук. Он учился в академии в 1991–1993 годах, но традиции, заложенные в 1970-е ее первым начальником С. М. Крыловым, еще были сильны, или о них хорошо помнили.

«Солисту-скрипачу дирижер не нужен, но оркестру нужен дирижер. Вот смысл академии: она, по замыслу, готовит дирижеров милицейской деятельности. Скептики часто говорили: а нужна ли вообще милицейскому руководителю такая капитальная подготовка? Не полководца же готовят. Не полководца, но — организатора сложных операций, в которой бывают задействованы большие силы. Допустим, что такое организация охраны общественного порядка на футбольном матче? Надо спланировать расстановку сил, обеспечить людей связью, питанием, теплой одеждой, продумать, как правильно зайти и выйти со стадиона, а в случае чрезвычайного происшествия обеспечить эвакуацию болельщиков. Все, что связано с организацией, требует хорошей подготовки.

Нас учили не только прикладным дисциплинам. Но и, например, современному русскому языку — мы писали диктанты высокой сложности. Учили правильно разговаривать и с подчиненными, и с представителями общественности. Нам преподавали вопросы социологии, философию, теорию государства и права. При академии продолжал работать университет культуры. Каждый четверг, даже в тяжелые 1990-е, к нам приезжали известные деятели культуры. Где еще человек из провинции мог встретиться с художником Ильей Глазуновым? А Глазунов перед нами выступал, долго отвечал на вопросы. Слушали мы и оперную певицу Елену Образцову. Бесплатно распространялись билеты на концерты. Мы шли в Центральный музей МВД и видели там уникальные экспонаты, вещественные доказательства по самым известным преступлениям, совершавшимся в России и СССР. А по средам к нам приезжали руководители МВД — начальники главков, следственного управления, финансисты, кадровики, отвечали на наши вопросы. Всё это традиции Щёлокова — Крылова».

Следует сказать несколько слов и о реформе системы ведомственного образования в исследуемые нами годы. Помимо академии — элитного учебного заведения, где готовят будущих руководителей милиции (да и сами обучающиеся — уже начальники, вплоть до республиканских

министров), при Щёлокове в системе МВД появилось 17 высших учебных заведений, десятки школ первоначальной подготовки и повышения квалификации. Милицию не только обмундировали, «подкормили», но и образовали. Она ведь была полуграмотная в начале 1960-х. Например, тогда только половина участковых имели за плечами образование выше начального, среди рядовых, сержантов — и того меньше. В уголовном розыске редко можно было встретить сотрудника с очных высшим, на иную область таких приходилось один-два человека. К началу 1980-х большинство сыщиков в стране имели высшее или незаконченное высшее; так, в МУРе все начальники отделений и выше имели вузовские дипломы.

Из дневника Щёлокова видно, что он прекрасно понимает, какие опасности таит профессия милиционера для того, кто ее выбрал. Читаем (21.12.1973, Барвиха):

«Возиться с накипью, человеческими отбросами, мешающими жить другим, несомненно, труд тяжелый, малоприятный в личном плане, хотя и заслуживающий всяческого уважения. Удовольствия от постоянного общения с пьяницами, хулиганами, ворюгами, со всеми разновидностями уголовного элемента мало, и себя не обогатишь тем, что постоянно находишься в этаким „чистилище“. И какое надо иметь мужество, чтобы выработать в себе особый иммунитет от всех этих бацилл, постоянно оскверняющих, разъедающих тебя, чтобы оставаться на высоте, быть бойцом против всей этой скверны, оставаясь человеком в лучшем понимании и значении этого слова».

Союз Фемиды с музами... Что давал этот союз молодому человеку, который хотел стать, предположим, сыщиком?

В уголовный розыск сразу, скорее всего, не поступить (мы говорим о 1970-х, сейчас-то проще, ищут желающих днем с огнем). «Молодого» направляют на работу в медвытрезвитель. Несколько месяцев он учится умению быстро раздевать подобранных на улице алкоголиков. Потом он — в патрульно-постовой службе. Могут участковым предложить. Наконец, если упорно стремится в сыщики, отправляют в милицейскую школу, потом — долгожданный уголовный розыск. И начинается с утра до вечера — воров, убийцы, мошенники, слезы потерпевших, выезды на трупы. В принципе самому сыщику уже нужна психологическая помощь. Он в плену самых мрачных представлений о жизни. От него требуют раскрытия, «палок в отчетности», начальство на него орет, и сам он ловит себя на том, что так же обращается с младшими по должности. Но он не безнадёжен. Это поправимо. «Надо чаще общаться с нормальными людьми». Шефствующий над подразделением милиции местный театр присылает

билеты на спектакль. На Новый год приглашают с детьми на елку — он не сможет, но дети с мамой сходят. Его отправляют учиться дальше, повышают по службе, направляют в академию... Если у него есть голова на плечах и он действительно предан своей профессии, то вполне может избежать болезни, которая называется «профессиональная деформация». Деформация сознания людей, вынужденных с утра до ночи иметь дело с худшими представителями рода человеческого.

Не панацея. Но другого пути, по-видимому, нет.

Сергей Михайлович Крылов (и тут единомышленник!) прекрасно сформулирует цель, которую ставили перед собой инициаторы этой не всем понятной, порой наивной, странной, с точки зрения партийных чиновников, но такой нужной «культурной революции»: воспитать милиционера, *внутренне* не способного совершить преступление.

А между тем за контактами руководства МВД с интеллигенцией старшие партийные товарищи наблюдали с большой подозрительностью. Придет время, когда эти контакты начнут объяснять исключительно тщеславием министра, который, дескать, «любил окружать себя представителями творческой интеллигенции». Наверное, любил. Что ж в этом зазорного? Лучше, чем общество «авторитетных предпринимателей». Происходившее тогда в МВД слишком значительно, чтобы объяснять это конъюнктурными соображениями. Все обстояло гораздо глубже и серьезнее.

Не только Николая Анисимовича Щёлокова тянуло к мастерам искусств. Но и их к нему — тоже. Они чувствовали уважительное, серьезное к себе отношение, свою востребованность. В МВД тогда вообще было к кому тянуться. Известен и уважаем в среде творческой интеллигенции был Игорь Иванович Карпец (еще со времен его работы в Ленинграде). Совещания в своем главке интеллигентнейший Игорь Иванович нередко начинал словами: «Вы что думаете, я ругаться не могу? Могу!» После чего... не ругался. Он просто в этом не нуждался, таков был его авторитет в среде сотрудников угро. Культурным и талантливым в разных областях человеком, как отмечалось, был заместитель министра Борис Тихонович Шумилин. Владимир Петрович Илларионов... А уж насколько популярен в среде актеров, журналистов, ученых, космонавтов был Сергей Михайлович Крылов, и говорить не приходится. Да многие, многие... Это было, несомненно, самое образованное и интеллигентное руководство органов внутренних дел в их, по крайней мере, советской истории.

Глава десятая ЗАВЕДЕННЫЙ МЕХАНИЗМ

Как строился рабочий день министра внутренних дел Николая Анисимовича Щёлокова?

...Каждое утро в девятом часу служебная «Чайка» с государственным номером «11–04» прибывает на дачу министра в Горки-10 или (зимой) к его дому на Кутузовском проспекте. В машине вместе с водителем — один из помощников Щёлокова, который к тому времени успел подготовить сводку происшествий, материалы к предстоящим заседаниям в МВД или, предположим, в Совмине, ЦК КПСС, в зависимости от того, куда министр направляется. В пути Николай Анисимович эти бумаги изучает.

В начале десятого Щёлоков появляется в своем служебном кабинете, на третьем этаже в здании на Огарева, 6. Разумеется, он часто в министерстве отсутствует, поскольку обязан значительное время проводить в инстанциях, много ездит по стране и за рубеж, однако у подчиненных ощущение, что он либо на месте, либо «скоро будет».

На рабочем столе у министра два аппарата прямой связи — с генеральным секретарем ЦК КПСС и председателем правительства. В отсутствие хозяина кабинета эти трубки могут снимать только два руководящих сотрудника его секретариата — Б. К. Голиков и И. С. Осипов. Борис Константинович Голиков возглавляет приемную министра, Игорь Сергеевич Осипов отвечает за, так сказать, творческую часть: готовит для министра тексты докладов, служебных записок, выступлений перед различными аудиториями.

В приемной на табло несколько лампочек. Когда горит большая красная лампа, это означает, что министр разговаривает с генеральным секретарем. Как часто она загоралась? Бывало, что и несколько раз в день, вспоминает В. В. Сорокин^[11]. Но кто из них кому звонил и кто с той стороны на проводе — сам Брежнев или его помощник, дежурные знать не могли. Сорокин вспоминает, когда красная лампа загоралась особенно часто. Вспыхнул межнациональный конфликт в Чечено-Ингушетии... В Пермской области паника — бежал из-под стражи опасный преступник... Попытки захвата самолетов... В этих случаях Щёлоков докладывал о проводимых мероприятиях непосредственно Брежневу либо его помощникам.

Суточную оперативную сводку готовит для министра дежурная часть Штаба МВД. В нее обязательно включают: чрезвычайные происшествия

(стихийные бедствия, катастрофы на транспорте, лесные пожары...); хищения в особо крупных размерах; особо опасные преступления против личности (убийства двух и более человек, убийства с особой жестокостью, при разбойных нападениях...); ДТП с большим количеством пострадавших; выявленные факты изготовления фальшивых денег; крупные изъятия фальсифицированного алкоголя (в этом почему-то особенно отличался Ставропольский край, а крупным считалось изъятие более двухсот бутылок); ЧП в исправительно-трудовых учреждениях; происшествия по личному составу. Случаи гибели и ранений сотрудников МВД при исполнении служебных обязанностей обязательно включались в суточную оперативную сводку для министра. Он реагировал: «представить к награде», «оказать семье материальную помощь», «выйти на местные органы власти с предложением назвать одну из улиц именем погибшего». Николай Анисимович очень внимательно просматривал эти сообщения. «Он ведь был *политработник*», — напоминает Сорокин.

Еще ненадолго задержимся в приемной. Здесь служат старшие офицеры, от майора и выше. Это не паркетные офицеры, а сотрудники с большой оперативной или следственной практикой, ведь им нередко приходится разбираться в сложнейших ситуациях и докладывать министру, его заместителям, руководителям других ведомств, а то и помощникам генерального секретаря или председателя правительства, которые (помощники) запросто могли позвонить ночью или в выходной день.

«Больше всего мы боялись оказаться не подготовленными к звонку самого Щёлокова», — говорит Сорокин. Он вспоминает такой случай. Как-то ночью во время его дежурства произошло серьезное происшествие в психиатрической спецлечебнице в Калининградской области. «Пациенты» этого учреждения (отправленные на лечение преступники) захватили в заложники 15 человек персонала и пообещали расправиться с ними, если утром в больницу не прибудет главный психиатр медицинского управления МВД. В 3 часа ночи в приемную звонит министр. Взмолнованно: «Как у нас дела?» Дежурный сообщает о происшедшем в Калининградской области. Щёлоков: «Когда получили информацию?» — «Около 20 минут назад, товарищ министр». — «Почему сразу мне не доложили?» — «Доложено Юрию Михайловичу Чурбанову, товарищ министр». Чурбанов курировал внутренние войска и исправительно-трудовые учреждения, поэтому его и подключили к принятию решений. Необходимые распоряжения отданы. Психиатр, поясняет Сорокин, поднят по тревоге, готовится к вылету. Правда, ближайший рейс до Калининграда в 7 утра, и погода нелетная, поэтому он может задержаться. Узнав об этом. Щёлоков предлагает: «А вы

возьмите мой борт. Я позвоню военным, попрошу, чтобы они посадили его на свой аэродром, поближе к ИТУ». Так и поступили.

Подобные ситуации возникали и раньше, с ними удавалось справиться местными силами, говорит Владимир Васильевич. Сыр-бор разгорелся из-за того, что ночью Щёлокову позвонил Георгий Карпович Цинев, заместитель председателя КГБ. Возможно, с тем, чтобы сказать: «Спишь? И не знаешь, что у тебя происходит в Калининграде?» Николай Анисимович убедился: дежурные его министерства полностью в курсе происходящего. Вероятно, у руководителей МВД и КГБ иногда возникало желание посоревноваться, кто из них быстрее получает информацию о происходящем в стране^[12].

У министра внутренних дел чрезвычайно сложное хозяйство. А Щёлоков к тому же стремится во всё вникать.

Владимир Филиппович Некрасов в 1971–1982 годах участвовал в работе более тридцати коллегий МВД^[13]. Он вспоминает, насколько интенсивно проходили эти заседания. Можно составить представление и о широте охвата тем.

«Например, на заседании коллегии 17 февраля 1975 г. было дано 14 поручений сроком от 1 до 3 месяцев. Среди них такие, как подготовка предложений по совершенствованию всей деятельности ИТУ; внедрение в порядке эксперимента в одной НТК технического устройства, применяемого с целью производства досмотра в аэропортах; подготовка записки в инстанции о выделении средств на строительство необходимого количества лечебно-трудовых профилакториев и создание в них собственной производственной базы; направление предложений в Президиум Верховного Совета СССР по вопросам борьбы с преступностью несовершеннолетних, имея в виду расширение применения к ним мер наказания, не связанных с лишением свободы; координация с Прокуратурой РСФСР плана выезда работников Главной инспекции штаба МВД СССР на текущий год для комплексных проверок в республиках, краях и областях РСФСР; подготовка предложений о более широком применении в патрульно-постовой службе милиции служебных собак; изучение вопроса о подготовке следователей для горрайорганов внутренних дел в средних специальных заведениях МВД СССР..»

Стенограмма этого заседания коллегии МВД (обычного, ежемесячного), отмечает автор, занимала 393 страницы. Нетрудно заметить, что в списке тем текучка соседствует с вопросами

государственной важности. Щёлоков-руководитель стремится ставить крупные задачи.

После 1982 года сложится упрощенный, до карикатуры, образ «всесильного министра» Николая Анисимовича Щёлокова. «Всесильный» — в смысле знаток всех изгибов цековских и правительственных коридоров, из которых этот брежневский фаворит, по-видимому, не выводился, выбивая преференции для своего ведомства. Этот портрет очень далек от оригинала. Основная работа проходила в министерстве на Огарева, 6. Ее этапы уже отчасти описывались в предыдущих главах. Эти этапы — научная проработка (еще в 1968 году были определены и одобрены коллегией 216 проблем по всему спектру деятельности МВД, заслуживающих глубокого научного осмысления). Широкие обсуждения различных вариантов применения рекомендаций ученых. Эксперименты в регионах. Вновь обсуждения. И только потом, имея достаточно продуманные, опробованные предложения, Щёлоков выходил с ними «наверх», пытался использовать свои аппаратные возможности.

Далеко не всегда этим занимался лично он. Действовали по ситуации. Например, создание в МВД 5-го главка («химия»), сулившее государству ощутимую экономическую выгоду, не обещало больших сложностей, поэтому пошли нормальным путем: заручились поддержкой отдела административных органов ЦК КПСС, промышленных ведомств, составили записку в Политбюро, получили «добро». Решение более спорных вопросов могло проходить «по верху», то есть в обход кураторов из отдела адморганов ЦК. Могучего лоббиста с почти стопроцентной результативностью МВД приобрело в лице зятя Брежнева — Юрия Чурбанова. Щёлоков охотно приглашает в МВД выходцев из партийных органов. Эти люди говорят с кураторами из партийных структур на одном языке, способны обосновать и пробить полезное для милиции решение. Другое дело, что многие из них не ограничиваются такой ролью, они считают себя вправе всё больше влиять и на внутреннюю жизнь МВД, вмешиваться в деятельность оперативных подразделений.

В конце 1970-х «старая гвардия» Щёлокова начинает ворчать: в министерстве появляются случайные люди. Ясно, кого они имеют в виду. Прежде всего бывших партийных аппаратчиков (хотя многие назначения, как мы знаем, оказались удачными). Например, так и не стал вполне своим в МВД первый заместитель министра В. С. Папутин, пришедший из Московского обкома партии (в декабре 1979 года Виктор Семенович застрелился после возвращения из командировки в Афганистан; его решение вызвано, по-видимому, личными причинами). Тот же Ю. М.

Чурбанов... Однако пока Николай Анисимович у руля, он старается сохранить баланс, не дать в обиду «старую гвардию». В целом ему это удается. Но приходится все труднее и труднее.

Известная беда: в мирное время тыл всегда берет верх над фронтом. Победить тыл в собственной армии не удавалось пока ни одному полководцу.

У аппаратчиков из ЦК свое отношение к министру внутренних дел. Они его постоянно подозревают в стремлении решить вопрос «по верху» и не прочь осадить, когда есть такая возможность. Ревниво посматривают, из какого кабинета он к ним пришел, куда направится потом...

В книге «Мой XX век. Записки бывшего секретаря ЦК КПСС» (М., 2000) Я. П. Рябов рассказывает, как в 1978 году они с Савинкиным и его замами три часа учили министра уму-разуму. Рябова недавно назначили секретарем ЦК, он вживается в эту приятную роль знатока всего на свете. Цековцы открывают зашедшему к ним Щёлокову глаза на недостатки в работе его ведомства, на положение дел на местах, дают рекомендации, как снизить преступность и повысить раскрываемость. (Такие попытки приходилось выдерживать Николаю Анисимовичу! Что знали о них его коллеги в министерстве?) Но и не на новичка напали. Многоопытный Щёлоков избрал единственно верную в подобных случаях тактику. Он особенно не спорил, поблагодарил Рябова за «ценные замечания», согласился с ними, обещал навести порядок в министерстве. (Про себя, наверное, решил, что в следующий раз отправит на такую проработку кого-нибудь из бывших партаппаратчиков, того же В. С. Папутина.) Самодовольному секретарю ЦК не приходило в голову, что перед ним человек, который каждый день обсуждает эти проблемы со специалистами мирового класса. Далее, по воспоминаниям Рябова, произошло следующее^[14]:

«Как сказал потом Н. Савинкин, Щёлоков прямо от меня пошел к Брежневу и там устроил истерику: „Что это такое, почему меня приглашает Рябов и воспитывает, как мне надо работать. Леонид Ильич, уйми его“. Хорошо, что в это время у Брежнева хватило ума, и он не позвонил мне, я бы его проинформировал не по-щёлоковски».

Министр устраивает истерику в кабинете генерального... Брежневу «хватает ума» не позвонить Рябову... Сложно комментировать такие воспоминания. Откуда их автору знать, о чем разговаривали наедине Брежнев и Щёлоков? Бывший партийный руководитель, коммунист Щёлоков, конечно, не ставит под сомнение право ЦК направлять

деятельность Министерства внутренних дел. Он вынужден считаться с мнением даже завсектором отдела административных органов ЦК КПСС Альберта Иванова, непосредственно курирующего МВД. Генарий Попов^[15] приводит такой эпизод. В тексте одного из выступлений министра по случаю очередного Дня милиции Иванов порекомендовал убрать фразу: «Исследования показывают, что две трети преступлений совершается в состоянии опьянения, следовательно, успех борьбы с преступностью в большой мере зависит от нашей борьбы с пьянством и алкоголизмом». Это что же, возмутился завсектором, Советский Союз — страна алкоголиков? Щёлоков с такой логикой не согласен, но фразу из доклада вычеркивает. По частным поводам с цекистами лучше не спорить. Самые важные вопросы решаются не на трибунах.

«Отношения с высшей партийной инстанцией у Н. А. Щёлокова были сложные, случалась и конфронтация, — пишет Г. Попов, работавший в те годы в Штабе МВД. — Да, он мог пойти напрямик к Генеральному секретарю и доложить документ, решить какой-то вопрос. Но по каждой проблеме не находишься. К тому же после каждого такого визита увеличивалась неприязнь со стороны „обойденных“ чиновников к нарушителю партийной субординации. Поэтому чаще приходилось смирять гордость и подчиняться „партийной дисциплине“».

Достаточно искушенный аппаратчик, знающий, *как решать вопросы*, Николай Анисимович отнюдь не был интриганом, пронырой, ловкачом. Когда придет время, себя он не сможет защитить, будет действовать наивно, по мнению многих...

В своих мемуарах, наговорив о бывшем шефе много разного, посокрушавшись, что они с Ю. В. Андроповым не уберегли его от ошибок, Юрий Чурбанов (на момент написания книги — заключенный в колонии в Нижнем Тагиле) замечает: «И всё-таки это был министр». Любопытны отзывы этого крайне субъективного, но осведомленного очевидца об особенностях Щёлокова-руководителя:

«Щёлоков — человек самостоятельного мышления, очень энергичный, с хорошей политической смекалкой, которую, правда, сейчас возводят в степень политического авантюризма (где-то, наверное, это так), но все-таки определенная взвешенность и продуманность принимаемых решений у Щёлокова была всегда. Он колоссально много работал, особенно в первые годы, когда он действительно глубоко изучал корни преступности в стране... Меня и других членов коллегии всегда подкупали энергичность, моторность министра, его умение „пробить“ интересные вопросы. Кстати, именно Щёлоков не раз протестовал, ссылаясь на зарубежный опыт, против

больших сроков наказания для женщин и для подростков^[16]... В аппарате Щёлокова любили. Он всегда хорошо выступал. Не только, как говорится, со знанием дела, но и с большой ответственностью за свои слова: если, скажем, он давал обещание решить вопрос по улучшению жилищных условий, санаторно-курортного и медицинского обслуживания, то он обязательно решал эти проблемы. Кроме того, Щёлоков всегда достаточно спокойно относился к критике в свой адрес».

В самом Николае Анисимовиче подчиненные не замечают тона партийного всезнайства. Общась с профессионалами, он не забывает, что пришел в МВД «со стороны». Постоянно учится. Вникает. Очень дотошен. Щёлоков положил себе за правило (он пишет об этом в своем дневнике), давая какое-либо поручение, обязательно заслушивать непосредственного исполнителя этого поручения, а не только его начальника.

Оскиан Галустьян^[17], в ту пору главный инспектор Штаба МВД, вернулся после инспекторской проверки Омского УВД. Министр вызвал его на доклад. «Он меня замучил, — вспоминает Галустьян. — Часа два с половиной задавал мне вопросы. Вышел от него мокрый. Николай Анисимович имел привычку докапываться до истины, это помогло ему быстро войти в курс дела в МВД».

«Щёлоков никогда не вещал. Сидел и слушал профессионалов, когда что-то было непонятно, вызывал еще кого-нибудь. За крупными уголовными делами следил, знал их во всех деталях. Очень четкий в этом плане» (Э. Е. Айрапетов, начальник оперативно-поискового управления в 1979–1982 годах).

...Сказанного выше достаточно, чтобы представить, насколько напряженно обычно складывался рабочий день Щёлокова. «Заведенный механизм» — таким запомнил его Сорокин. А ведь Владимир Васильевич стал дежурным приемной в 1980-м, Щёлокову в этот год исполнилось 70. Потом Владимир Васильевич еще четыре месяца проработает в этой должности у следующего министра. Сорокин будет изумлен, узнав, что В. В. Федорчук любит разгадывать кроссворды. Каждое утро Федорчуку будут класть вместе с деловыми бумагами издания с кроссвордами. Расправлялся с ними Виталий Васильевич действительно виртуозно, не задумываясь. Сразу заполнял клеточки. Чувствовалась огромная практика. Сорокин раньше не сталкивался с тем, чтобы в МВД на работе кто-то разгадывал кроссворды...

Человек организованный, Н. А. Щёлоков и отдых свой пытался планировать. Если не было экстренных встреч и ситуаций, покидал он

министерство обычно около 19 часов. Засиживался министр на работе и до полуночи. По субботам он приезжал на работу не часто, но и это бывало. П. Г. Мясоедов вспоминает, что многие его встречи с Щёлоковым — без повестки, за чашкой чая — происходили именно по субботам. Нередко они с супругой направлялись в театр — оба были занятыми театрами. Студенты Светланы Владимировны знали, что если они что-то не сделали, то лучшее объяснение — «были в театре».

Глава одиннадцатая

МАЛОИЗВЕСТНЫЙ ЩЁЛОКОВ

Вспоминая о пятидесятом министре внутренних дел, его бывшие подчиненные вольно или невольно сравнивают его со следующим — пятьдесят первым министром, направленным в МВД выжигать наследие предшественника.

Щёлоков вежлив, приветлив, с подчиненными — на «вы». Федорчук подчеркнуто груб, часто переходит на крик и нецензурную брань ^[18].

Щёлоков — «заведенный механизм», ни секунды без дела. Федорчук разгадывает по утрам кроссворды, точит карандаши лезвием «Балтика» (будучи виртуозом в обоих занятиях). В кабинете у него двухпудовые гири. Однажды Виталий Васильевич сообщил, что эти гири у него со времен войны. Дежурный приемной Сорокин призадумался: «Война — это же голод, ранения. Не доводилось слышать, чтобы солдаты на фронте качались и возили за собой гири».

«Звонят как-то из комендатуры, — вспоминает Владимир Васильевич. — Говорят, что пришел человек, который утверждает, что на фронте был водителем Николая Анисимовича. Передал в подтверждение фотографию. Действительно, на старой карточке — рядовой в пилотке рядом с Щёлоковым. Докладываю министру. Тот: „Немедленно пригласите его ко мне“. Приходит мужик в зипуне, в сетке рыбные консервы, апельсины. Живет под Архангельском, в Москве в первый раз. Министр распорядился принести из буфета обед, спиртное. Час проходит, два, они всё разговаривают. Захожу по вызову — окно открыто, на столе в пепельнице гора окурков (хотя Щёлоков не курил и с трудом переносил дым папирос). Перед расставанием Николай Анисимович подарил однополчанину военную куртку для охоты».

И к Федорчуку придет посетитель, который представится другом детства. Пятьдесят первый министр сухо отрежет: «Меня нет. И в ближайший год не будет».

Вскоре после смены министров подполковника Сорокина убрали из центрального аппарата без объяснения причин. Направили личным приказом Федорчука («удостоился такой чести») в ГУВД Москвы, где ему предложили стать участковым. «Было обидно. В 25 лет я уже был начальником отделения розыска в спецслужбе, в подчинении 26 офицеров.

На работу бежал — был влюблен в нее. В секретариат министерства не рвался, меня сюда пригласили. В личном деле одни поощрения. За что?! Дайте хоть обоснование. Двое детей на руках. Отец — фронтовик, старой закалки, не мог поверить: „Такого не бывает, ты виноват в чем-то“. В ГУВД ушел инспектором БХСС в отделе по борьбе со спекуляцией, чтобы в кабинете не сидеть, хотел отвлечься...»

Но после отставки Щёлокова с его кадрами в МВД будут обходиться куда круче. Продолжаем.

«В аппарате Щёлокова любили», — пишет Чурбанов.

Министр, что называется, «добрая душа». Подчиненные знают, что если пробиться к нему с вопросом, который надо решить *по-человечески*, то ответ почти наверняка будет положительным.

В Калининградском УВД под началом В. М. Соболева работает подполковник Александр Исаакович Лекцер, фронтовик, кавалер многих боевых орденов, воевавший в дивизии генерала Доватора. Должность у Лекцера не полковничья — начальник инспекторского отдела, в звании его не повышают. Александр Исаакович полагает (не знаем, основательно или нет), что причина тому — «пятый пункт». Видимо, вопрос обрел достаточную остроту. После очередного отказа кадровиков Соболев обращается к министру с ходатайством за своего подчиненного. Выслушав историю Лекцера, Николай Анисимович ставит на бумаге резолюцию: «Полковника!» Соболев: «В Калининград я вернулся с приказом, зачитал его на общем собрании по случаю Дня Победы. Лекцер заплакал».

Положим, оказать услугу старому соратнику — Соболеву, тем более когда речь шла о помощи фронтовику, министру особого труда не составляло. Поздравить подчиненного с днем рождения, новым назначением или прибавлением в семье; снимая с должности, избегать резких формулировок, похвалить за сделанное, а потом общаться как ни в чем не бывало... Это норма. Щёлоков ведь *политрук*. Он положил себе за правило знать, что у подчиненных на душе и за душой, быть к ним внимательным. В. М. Соболев прекрасно помнит тот день, когда министр позвонил ему и поздравил с присвоением генеральского звания и рождением сына. А скромному П. Г. Мясоедову министр однажды сказал: «Почему вы не просите у меня квартиру? Вы же тесно живете, девять человек в трехкомнатной...» И выбил для супругов Мясоедовых дополнительно «двушку». Скептики могут увидеть в этих жестах нечто барское, дескать, время было доброе, распоряжались ведь они не своим, а общим, социалистическим. Можно и так рассудить. Только у многих ли было такое в жизни, чтобы руководитель вызвал и предложил какие-то

блага — сам?

О. А. Галустьян вспоминает: в Главном управлении охраны общественного порядка не ответили вовремя на запрос из ЦК КПСС. На Старой площади раздули из этого историю. Поднялся шум. Министр вызывает начальника секретариата главка, полковника в годах, и начинает его распекать. Но тут Николай Анисимович замечает на руках у полковника красные пятна. «Что у вас с руками?» — «Экзема, товарищ министр». И вдруг провинившийся полковник, который был готов к худшему, слышит: «А вы знаете, что есть эффективное лекарство против экземы? Ладно, идите, наводите у себя порядок, лекарство я вам достану». Николай Анисимович никогда ничего не забывал. Через некоторое время он раздобыл это лекарство и передал полковнику. Экзема на руках у того прошла.

К сказанному следует добавить: мама Николая Анисимовича была знахаркой, и это лекарство наверняка изготовила она из трав (уверен Игорь Щёлоков).

Барское отношение?

А вот какая деталь запала в душу дежурного приемной министра.

Щёлоков отправляется на заседание в Совмин. От кабинета до машины его провожает дежурный Сорокин, докладывает о последних происшествиях. Одно из сообщений Николая Анисимовича встревожило (речь шла о беспорядках в местах лишения свободы, вспоминает Владимир Васильевич). Министр хочет переговорить со своим помощником Осиповым. Он возвращается по коридору к кабинету Осипова и *стучит в дверь*. Услышав: «Да-да?», входит. Сорокин удивлен: министр просит у своего помощника разрешения войти.

«А ведь Николай Анисимович спешил, — говорит Владимир Васильевич. — Он очень уважительно относился практически ко всем в министерстве. Казалось бы, я — пацан, не исполнилось и 30 лет, но он и ко мне обращался только на „вы“».

На помощников Щёлоков никогда не повышал голос. Вот пример того, как он мог дать «втык». Однажды на прием к Николаю Анисимовичу пришел бас Большого театра Огнивцев. Один из дежурных, Борисов, славившийся своей непосредственностью, завел с артистом разговор, особенно интересуясь, сколько тот зарабатывает. После беседы с министром посетитель ушел. Из кабинета выглянул Щёлоков: «Скажите, Борисов, сколько у балалайки струн?» — «Три, товарищ министр». — «Хорошо, это вы знаете. А у виолончели?» — «Не помню». — «Так кто же вас тянет за язык? Почему вы, дежурный приемной, интересуетесь у

народного артиста, какая у него зарплата?»^[19]

В министерстве много лет работала уборщицей баба Аня, как ее называли. Фронтовичка. Приходила баба Аня обычно в полшестого утра и уходила задолго до появления Николая Анисимовича. Щёлоков ее никогда не видел, только знал о ее существовании, на 8 Марта обычно передавал ей подарок. Однажды баба Аня пришла грустная, дежурные узнали, что ее донимает сосед по коммунальной квартире, пьяница. Б. К. Голиков рассказал об этом факте Щёлокову. Через некоторое время министр выделил бабе Ане однокомнатную квартиру. «А ведь он ее даже не знал. Разве это не характеризует человека?» — задается риторическим вопросом Сорокин^[20].

Сохранилось немало свидетельств о том, как Щёлоков устраивал разносы подчиненным. Но, кажется, некоторые авторы воспоминаний слегка преувеличивали силу репрессий, обрушившихся на них.

Николай Анисимович — человек импульсивный и подчас скорый на решения, правда, на решения *предварительные*. Самодуром его не считали. Его подчиненным не возбранялось высказывать — в том числе публично — иную точку зрения, и министр ее *слышал*.

Рассказывает А. Е. Шварцман, начальник уголовного розыска Тульской области в 1969–1975 годах^[21]:

«В тот год у нас остались нераскрытыми пять убийств. Смешно по нынешним временам. Но тогда мы раскрывали практически все убийства, за исключением одного-двух в год, а тут — пять. Меня и начальника УВД Василия Александровича Кулямзина вызвали на коллегию в министерство. Первым отчитывался Василий Александрович — он умел выступать. Тут Щёлоков говорит: „А сыщик есть из Тулы? Хотим его послушать“. Толком мне высказаться не дали, видимо, министру я не понравился, он резюмировал: „Больше вам в угрозыске делать нечего, надо найти вам работу попроще“».

Всё, уволили Шварцмана? Слово министра — закон? Анатолий Ефимович продолжает:

«И тут слово берет Борис Тихонович Шумилин. Он пару раз приезжал к нам в Тулу и „долбил“ меня безжалостно. Шумилин неожиданно меня поддержал: „Я знаю Шварцмана, сыщик он настоящий и организатор хороший“. И это Борис Тихонович, которого я боялся больше остальных! Щёлоков: „Ну, что ж, мы не можем не учитывать мнения заместителя министра. Пусть Шварцмана накажет на месте начальник УВД. Идите“.

Возвращаемся с Кулямзиным из Москвы, полдороги молчим. Проезжаем Серпухов. Василий Александрович останавливает машину, дает шоферу деньги и поручает купить бутылку коньяка...»

Как видим, Щёлоков мог принять импульсивное решение, но не считал для себя зазорным его изменить, если сталкивался с аргументированным возражением.

В. А. Кулямзин был фигурой незаурядной. В начальники Тульского УВД он выдвинулся из оперативников. После войны внедрялся в банды, не раз рисковал жизнью, задерживая опасных преступников. Уже будучи руководителем милиции города Тулы, получил огнестрельное ранение, когда лично преследовал вооруженного бандита. Высокопрофессиональный и мужественный человек. Однажды и он вызвал недовольствие Щёлокова — по более серьезному поводу, чем Шварцман.

В Туле жил вор по кличке Шестерка. И был он ни больше ни меньше как сыном первого заместителя председателя КГБ СССР Семена Цвигуна! По пустякам тульские сыщики старались Шестерку, то есть Валерия Цвигуна, не задерживать. Но тот вконец обнаглел и однажды ранил ножом женщину в трамвае. Терпение у тульских сыщиков кончилось (угро тогда возглавлял тот же Шварцман). Шестерку арестовали и предъявили ему серьезное обвинение. В этот момент министр позвонил начальнику УВД и спросил, что можно сделать для Валерия Цвигуна. Кулямзин (к изумлению Шварцмана, присутствовавшего при этом разговоре) мужественно отвечал, что выпустить Валерия Цвигуна не может, тот совершил слишком серьезное преступление.

Щёлоков вызывает Кулямзина в Москву. Начальник УВД заходит в кабинет министра, где в этот момент находится еще один человек. Якобы Николай Анисимович говорит: «Вот несчастный отец, мы должны что-то для него сделать». О дальнейшем мы можем судить только по рассказу дочери Василия Александровича — Ольги Кулямзиной, полковника милиции. Семейное предание Кулямзиных гласит, что Василий Александрович продолжал говорить Щёлокову: «Нет». Вряд ли полковник Кулямзин при всей его принципиальности мог быть столь категоричен. По-видимому, он излагал факты и пытался доказать, что если отпустить Валерия сегодня, завтра он совершит еще более опасное преступление. Когда-то его деятельности на криминальной ниве нужно положить конец. К тому же он не сдержан на язык, хвастается на каждом углу, что его отца «знают все разведки мира». Так или иначе, начальник УВД не выполнил просьбу своего министра и заместителя председателя КГБ. Случай неслыханный.

Шестерку освободили без участия Кулямзина, через прокуратуру. Единственное, что могли сделать тульские сыщики при встрече с Валерием Цвигуном — убедительно порекомендовали ему в 24 часа убраться из области. Тот так и поступил, уехал на жительство в Среднюю Азию.

Этот случай, если судить по гамбургскому счету, не украшает Щёлокова — главу правоохранительного ведомства. С другой стороны, мог ли он не оказать услугу одному из руководителей КГБ, своему товарищу и союзнику? В рамках заявленной темы поинтересуемся, как сложилась дальше карьера строптивого начальника Тульского УВД. Его стали отстранять от должности? В Тульское управление внутренних дел прислали проверяющих? Нет, не было этого. Кулямзин продолжил работать, хотя генеральского звания так и не получил («за генералом» ему Николай Анисимович предлагал поехать в северный регион, но Василий Александрович отказался). Через некоторое время он вышел в отставку по состоянию здоровья и умер в 52 года от инсульта.

Испытал на себе гнев министра Щёлокова молоденький лейтенант милиции Александр Гуров, впоследствии — генерал-лейтенант, доктор юридических наук, известный ученый-криминолог, политик. Свою встречу с Николаем Анисимовичем он описывает в книге «Красная мафия», изданной в начале 1990-х. Произошло следующее. В семье бакинцев Берберовых жил звездный лев Кинг. Это был знаменитый в советское время эксперимент, закончившийся в итоге трагически: через несколько лет уже другой лев убьет своих хозяев. Но тогда Берберовы купались в лучах славы. Они привезли Кинга в Москву на съемки фильма и поселили его в здании детского сада. Зверь выскочил в окно и напал на студента Маркова. Проходивший мимо милиционер Гуров, спасая жизнь юноши, Кинга застрелил. В принципе лейтенанта следовало бы наградить, но Берберовы, поддержанные режиссером Театра кукол Сергеем Образцовым, потребовали его наказать. Продолжение истории узнаём от И. И. Карпеца:

«Однажды утром, в один из летних дней семидесятого года, позвонил по телефону адъютант Щёлокова и сказал, что министр просит меня срочно зайти к нему. Спустившись с четвертого этажа на третий и зайдя в кабинет министра, я увидел там народного артиста С. В. Образцова, а также неизвестных мне мужчину и женщину южного типа, страшно возбужденных и буквально наступавших на министра... В кабинете же, буквально забившись в угол, сидел на стуле, сгорбившись, опустив голову, неизвестный мне лейтенант милиции».

(Видимо, описанная в «Красной мафии» сцена начальственного разноса произошла несколькими минутами раньше.)

«— Ну, что будем делать, Игорь Иванович, с лейтенантом? — спросил министр. — Ведь это ваш подчиненный, из угрозыска. Вместо того, чтобы бороться с преступниками, он убивает львов. Да еще каких львов! Таким не место в милиции.

Я взглянул на Гурова. На нем не было лица. Он обреченно ждал „приговора“. И тут во мне закипело чувство возмущения. Берберовы, да и Образцов, сконцентрировали внимание Щёлокова на льве, зная к тому же его слабость к „творческой интеллигенции“, которой он всегда хотел потрафить к месту и не к месту, наживая „капитал признания“. О возможной же гибели человека молчали.

Я слушал, долго слушал их слова возмущения. Видел, что Щёлоков целиком на их стороне (Игорь Иванович иногда был очень наивен. — С. К.). Не выдержав, наконец, этого, обращаясь к Образцову, сказал:

— Сергей Владимирович, а почему вы молчите о человеке, который остался жив только благодаря этому лейтенанту?..»

Карпец выдал монолог в защиту лейтенанта. Высказав мнение, как он предполагал, полностью противоречащее мнению министра. Что само по себе кое о чем говорит. А может, он не знал мнения министра? Если бы Щёлоков хотел уволить Гурова, он обошелся бы без приглашения Карпеца. Логичнее предположить, что Николай Анисимович, предполагая реакцию Игоря Ивановича, хотел опереться на его авторитет, чтобы мягко отказать в просьбе такому популярному и достойному человеку, как С. В. Образцов. Поэтому он разыграл этот маленький спектакль. Дальнейшие события подкрепляют наше предположение.

«Наступило молчание. Почувствовав, что должен уйти, оставив министра наедине с его посетителями, я сказал:

— Разрешите идти, товарищ министр?

Задумавшийся Щёлоков не сразу сказал: „Идите!“

Через некоторое время министр снова позвал меня. Он был уже один.

— Вы знаете, Игорь Иванович, Образцов растерялся после ваших слов. Да и Берберовы поспешили закончить разговор, требуя все-таки наказания лейтенанта.

— Ни в коем случае этого делать нельзя, товарищ министр. Более того, лейтенант — молодец. Решителен. Быстро и точно сориентировался.

— Ну, хорошо, не будем его травмировать, — подвел итог министр».

Мало того что Карпец (как ему казалось) отвел удар от лейтенанта Гурова, он его повысил по службе, взял в главк и в дальнейшем покровительствовал. А что Щёлоков?

«Через месяц меня пригласил к себе министр и спросил:

— Вы что, взяли к себе на работу Гурова?

— Да, — ответил я.

— Вы уверены, что он толковый человек, что подходит для министерства, может быть, сыроват?

— Мне кажется, что он вдумчивый человек, ну, а в смелости, как Вы знаете, ему не откажешь.

— Ну, смотрите, — сказал министр».

Карьера Александра Ивановича Гурова после случая со львом пошла в гору. Неприятные минуты, которые он пережил в кабинете министра, не кажутся чрезмерной платой за его заслуженный жизненный успех.

Показательный конфликт произошел у Щёлокова с самим Карпцом. О нем Игорь Иванович очень подробно рассказывает в своей книге, в главе с красноречивым названием: «Гимн мастерству и торжество подлости». При всем уважении к автору, осторожно отнесемся к некоторым его оценкам.

Краткая предыстория.

В 1977 году в Ереване произошло дерзкое ограбление банка. Неизвестные, проявив недюжинную изобретательность, похитили из хранилища финансового учреждения 1,5 миллиона рублей. Преступление около восьми месяцев оставалось нераскрытым. И вот гигантская работа, прежде всего уголовного розыска, начала давать плоды. Грабителей вычислили, но еще не задержали. Щёлоков поспешил доложить о раскрытии громкого преступления «наверх», возможно, самому Л. И. Брежневу, причем основную заслугу в раскрытии приписал службе БХСС. Героем дня, таким образом, стал начальник управления по борьбе с хищениями генерал-майор П. Ф. Перевозник.

Игоря Ивановича, разумеется, эта несправедливость задела за живое. Начальника ГУУР легко понять: он оскорбился не только за себя, но и за подчиненных, которые могли остаться без заслуженных ими наград. Однако обратите внимание, что делает Карпец. Заручившись по телефону согласием своего непосредственного шефа Б. Т. Шумилина (тот был в отъезде и, по-видимому, не совсем «в теме»), Игорь Иванович звонит заведующему сектором административного отдела ЦК А. И. Иванову и докладывает иначе. Более того, просит доложить «правду» выше! Иванов справедливо изумлен:

— А ты понимаешь, на что идешь?

— Да, понимаю.

В аппарате ЦК Щёлокова «любят» за его особые отношения с Брежневым, подставить ножку всегда готовы. Дважды Иванова просить не

пришлось.

— Ну, что ж, я доложу так, как ты просишь...

Любой руководитель на месте Щёлокова, разумеется, сразу бы постарался избавиться от подчиненного, который так поступил, невзирая на его заслуги. Дальнейшее ожидаемо.

Вскоре состоялся телефонный разговор министра с начальником уголовного розыска. Карпец всё еще кипит, в нем говорит обида:

— Работу вели мы. Задержание проведено сотрудниками МУРа, по их данным. Еще раз подчеркиваю, что БХСС никакого отношения ни к делу, ни к задержанию преступников не имеет. А те, кто ввел вас в заблуждение, должны отвечать за эти недостойные поступки. Я должен сказать вам, товарищ министр, что я привык к подлости, но такого не ожидал. Вместо поздравлений, которые уголовный розыск заслужил, я должен оправдываться...

Начальник главка еще и отчитывает министра! Но не тряпка же Щёлоков, в конце концов. Наверное, в этот момент Николай Анисимович подумал, что он слишком много воли дает своим подчиненным.

«Последовало минутное молчание, а затем — жестко:

— Кто дал вам право после меня и помимо меня докладывать в ЦК? (Значит, мой звонок А. И. Иванову сработал, мелькнуло у меня в голове.) Вам что — неизвестно, что я уже доложил о деле? А вы докладываете совсем по-другому! Я спрашиваю, — кто дал вам на это право?!

— Я докладывал не в ЦК, а конкретному человеку. Причем — правду».

Ох, неубедительно, Игорь Иванович. Читать этот фрагмент в книге неловко.

«— Что же, по-вашему, — министр врет?!

Я помолчал, подбирая слова для следующей фразы...

— Вас ввели в заблуждение.

— Но не вы, а я должен докладывать... Если сочту нужным, — добавил министр, помолчав. И вдруг:

— Если это еще раз повторится, вам больше никогда, ничего и некому будет докладывать!!

Задыхнувшись от возмущения и ничего не ответив, я повесил трубку».

Поглощенный сознанием своей «правоты», начальник главка по-прежнему не хочет признавать, что он допустил грубое нарушение служебной этики. *Свои-то* должны разбираться между собой, не втягивая в это разбирательство рябовых и савинкиных. Здесь мы прервемся и расскажем другой эпизод из практики Игоря Ивановича. Однажды он сам оказался «в шкуре» Щёлокова. Слово сыщику Дмитрию Медведеву.

«Мы выезжали в Спитак — там в универмаге украли ювелирные изделия на 200 тысяч рублей. Бригаду возглавлял Вадим Иванович Бритвин, очень сильный сыщик. Раскрыли кражу, более того, изъяли еще на 400 тысяч рублей золота в подпольной ювелирной мастерской. Бритвин звонит Карпецу — не застает. А доложить-то хочется, ведь распирает от гордости. И тогда он докладывает непосредственно министру. Карпец приезжает к Щёлокову, тот ему: „Поздравляю, Игорь Иванович, ваши ребята хорошо сработали“. Карпец сделал вид, что в курсе. Потом собрал нас и говорит: „Вадим Иванович, кто вас тянул за язык? Зачем звонить Николаю Анисимовичу? Я отвечаю за раскрытие в первую очередь, я и должен докладывать“. И оставил без наград всю бригаду. Как вы полагаете, он правильно поступил?»

Тут и спорить не о чем: по отношению к бригаде — неправильно. А его недовольство поступком Бритвина понять можно. Теперь возвращаемся к прерванному рассказу.

«Через минуту раздался телефонный звонок.

— Вы почему повесили трубку, вы что, не поняли, что я сказал?!

— Понял. Вы можете поступать, как сочтете нужным, но угрожать мне не надо.

Я снова бросил трубку на рычаг. Отступать все равно было некуда. Через минуту вновь звонок. Другим тоном и по-другому обращаясь:

— Игорь Иванович! Прошу через два часа со всеми материалами и вашими предложениями прийти ко мне. Поняли?

— Понял. Буду, — ответил я.

— До свидания.

— До свидания, товарищ министр».

Если кто-то вызывает сочувствие в этой конфликтной истории, то именно Щёлоков. Допустим, он неправильно доложил наверх об обстоятельствах раскрытого дела, но ведь уже доложил, и такого удара от подчиненного не заслуживал.

Через год Карпеца «мягко», почтительно переместили на должность начальника ВНИИ МВД СССР. Игорь Иванович пишет:

«Щёлоков, чувствуя свою вину, а может быть, в силу своего характера, всюду ездил со мной при церемонии перемещения на новую должность. В угрозиск он приехал, долго объясняя личному составу, почему меняется начальник, сказал, что благодарит меня за многолетнюю работу, а по приезде во ВНИИ говорил, какой я известный в стране и мире ученый, что, получив многолетний практический заряд, смогу в науке принести еще больше пользы. С другими он так не поступал».

Вряд ли Щёлоков «чувствовал свою вину» перед Карпечом. Он действительно уважал его как профессионала. Но как подчиненным уже тяготился.

Так или иначе, при Щёлокове Игорь Иванович Карпец возглавлял уголовный розыск страны целых десять лет. Эти годы были самыми плодотворными годами в его жизни. И для уголовного розыска — золотой период. Поэтому, вспоминая позднее о министре Щёлокове, отмечая несправедливости, с которыми Игорь Иванович столкнулся (или ему так показалось), он благородно замечает:

«Одно его качество оставалось неизменным. Как бы его отношения с тем или иным человеком ни портились, он не позволял себе расправиться с ним, он всегда находил какую-то возможность, грубо говоря, не добивать человека до конца, прощая подчас немалые прегрешения».

Бывал несправедлив. Но никогда не добивал^[22].

Хотя кое-кого следовало добить.

П. Г. Мясоедов отмечает: «В министерстве в какой-то момент стали появляться люди, которых туда на порог не надо было пускать». Павел Георгиевич не называет фамилий, ведь большинства из этих людей уже нет на свете, а судьбы некоторых сложились трагически. Однако нетрудно догадаться (сопоставив с другими подобными отзывами), кто имеется в виду: выходцы из партаппарата, «блатные», хозяйственники. Тыл начинает захлестывать ведомство в конце 1970-х. Не всё тут зависело от министра внутренних дел, как мы понимаем.

Один из тех, с кем долго «цацкается» министр, — Василий Бойко. Они знакомы еще по Молдавии, где Василий был вторым секретарем комсомола республики. В конце 1960-х Бойко становится руководителем хозяйственного управления министерства, он приглашает туда своего знакомого по комсомолу Виктора Калинина, будущего начальника ХОЗУ, генерала и... заключенного, который сыграет такую негативную роль в судьбе Щёлокова. Потом Бойко становится заместителем начальника Главного управления кадров. Он, что называется, «выпивает». Министр, который сам практически не употребляет спиртного и строг с теми, кто им злоупотребляет, в данном случае проявляет по отношению к Бойко долготерпение. Допивается этот видный милицкий начальник до поразительных вещей. Однажды в нескольких телефонных будках Москвы кто-то нацарапал ругательства в адрес начальника Главного управления кадров МВД генерала Рябика. Хулигана вычислили, им оказался... заместитель Рябика, полковник милиции! После чего Бойко «сослали» на

Сахалин начальником УВД. Но и там он отличился — как говорили, в пьяном виде в охотхозяйстве обстрелял медведя в клетке. И только после этого Бойко вышибли из МВД.

Вроде бы строг, требователен министр Щёлоков, но часто рука его провисает. «Отходчивый», — говорит О. А. Галустьян и приводит такой эпизод: «Один начальник УВД из Сибири выступал в нетрезвом виде по местному телевидению и нес какую-то ахинею. Министр распекал его на коллегии: как вы могли! Вас гнать надо! Но потом что-то в нем произошло. Он говорит: „Уважаемые товарищи, давайте учтем, что он участник войны, имеет заслуги, понял, осознал. Ограничимся предупреждением“».

Министерству внутренних дел требовалось более просторное здание. Впоследствии его построили в Москве на Житной улице. Однако поначалу была возможность никуда не переезжать, а присоединить к штаб-квартире на Огарева, 6, несколько сооружений поблизости. И вот Щёлоков узнаёт, что один из его замов отказался от этих строений в пользу Министерства связи. По свидетельству очевидца, Николай Анисимович был в гневе: «Выгнать!» Но вскоре остыл. Может быть, вскрылись какие-то новые обстоятельства.

Не снял с должности Щёлоков и самого одиозного из своих подчиненных, начальника ХОЗУ В. А. Калинина. Хотя однажды (может быть, и не однажды) стоял перед таким выбором. Автору этих строк доводилось слышать объяснения: «Маленькая дочь, жена болеет...» Не будем наивными. Просто отметим, что такое предположение допускается людьми, хорошо знавшими Николая Анисимовича.

Правильно сказал один управленец: «Жизнь нам портят не те люди, которых мы уволили, а те, которых мы не уволили».

Глава двенадцатая

...И СОВСЕМ НЕИЗВЕСТНЫЙ

Щёлоков и правозащитники. Щёлоков и диссиденты.

Что могло быть общего между членом ЦК КПСС, убежденным коммунистом, политруком — и людьми некоммунистических, а то и антикоммунистических убеждений, подопечными ведомства Юрия Владимировича Андропова?

Николай Анисимович поддерживал знакомство и даже дружбу с некоторыми из этих людей. Рисковал? Не то слово...

О «странных» для руководителя такого уровня знакомствах Щёлокова было достаточно широко известно. Объяснениями, почему он так поступал, его критики, как правило, себя не утруждали. Просто отмечали иногда «для объективности», что министр внутренних дел, например, «помогал NN в трудное для того время», дескать, не так был прост и однозначен. Знакомая формула — «заигрывал с интеллигенцией» — тут не срабатывала, ведь подчас он «заигрывал» с огнем.

Постараемся приподнять завесу над этой стороной его жизни.

...Адвокат Светлана Михайловна Бунина многие годы получала десятки писем в день. Бунины доплачивали почтальону, который приносил им увесистые тюки посланий. Писали заключенные. Они обращались к Светлане Михайловне за помощью. И она на свой страх, риск и за свой счет, не будучи адвокатом своих корреспондентов, отправлялась в колонию на край земли — разбираться.

Светлана Михайловна своей деятельностью^[23] могла доставить министру внутренних дел только лишние хлопоты. Тем не менее они сотрудничали и, не будет преувеличением сказать, дружили. Эта история — в высшей степени необычна, о ней знали только самые близкие Щёлокову люди.

Общались ли раньше в Советском Союзе министры с правозащитниками? По крайней мере один такой случай известен. Вадим Степанович Тикунов «по звонку» из Президиума Верховного Совета встречался с писателем Александром Исаевичем Солженицыным. Говорили об условиях содержания заключенных в местах лишения свободы.

Тикунов, как уже отмечалось, — несправедливо забытый руководитель правоохранительного ведомства. Разумный, внимательный к подчиненным,

достаточно прогрессивный и не слишком везучий. Сохранилась его версия беседы с Солженицыным. Она проходила примерно по такому сценарию: писатель с напором задавал, как кажется министру, наивные вопросы, а тот вежливо (о встрече «попросили»), но твердо возвращал собеседника на почву реальности.

Солженицын: «Когда заключенные будут получать писем столько, сколько хотят, когда будут отменены ограничения?» Тикунов: «Заключенные получают писем столько, сколько им положено». Солженицын вновь: «Когда наступит такой момент, что каждый, кто захочет, сможет написать заключенному?» Тикунов: «Может быть, и наступит такой момент, но уже после того, как я не буду министром». Писатель спрашивает, будет ли мужчинам-заключенным разрешено встречаться с женами и невестами. Получает ответ: уже разрешено, но не всем, а только тем, кто выполняет производственные нормы. И далее в том же духе.

Затем Вадим Степанович сам переходит в наступление, он резонно заявляет, что заключенный заключенному рознь, если речь идет о насильниках и убийцах, то обращаться с ними надо еще строже, общественность требует применять к ним смертную казнь. Дальше — явно заготовленный, но не совсем корректный прием: он предлагает писателю встретиться с родителями недавно убитого в центре Москвы юноши, жертвы на шумевшего тогда преступления. Тикунов: «Разумеется, Солженицын отказался от встречи, он говорил только об облегчении участи заключенных, находящихся в исправительно-трудовых учреждениях».

По-видимому, последнее слово осталось за министром (судя по его изложению). Писатель не смог подобрать к нему ключи. Так что же, все в порядке в СССР с положением заключенных в местах лишения свободы? Нет, конечно. Сами эти места находились тогда в кошмарном состоянии (только при Щёлокове осужденные в колониях получают такие элементарные права, как возможность переписываться с близкими, покупать продукты на заработанные деньги). Вадим Степанович это знает. Он предпринимает немало усилий, чтобы облегчить положение лиц, совершивших неопасные преступления. Просто Тикунов уверен, что не дело общественности совать в это нос. Сами разберутся. Он не был большим политиком...

Несомненно, разговор Щёлокова с писателем-правозащитником проходил бы иначе. Вряд ли бы даже они спорили. Скорее, искали бы варианты, что можно сделать.

Ниже предлагается запись беседы автора книги с адвокатом Буниной

(разговор состоялся в ноябре 2009 года).

«Я со студенческих лет мечтала работать в местах заключения, ставить на ноги заключенных, преступников, — рассказывает Светлана Михайловна. — Пошла не в тот институт. Мне надо было заканчивать педагогический, а не юридический. Мечтала работать в колониях для несовершеннолетних. После вуза в следователи меня не взяли, и я попала в адвокатуру. В 1956 году впервые без охраны посетила колонию, под Пермью, с корочками корреспондента журнала „К новой жизни“. Начальник спецотдела системы исполнения наказаний Петр Ефимович Подымов, оказавшийся единомышленником, давал мне пропуски в эти учреждения, звонил, просил оказать содействие. Я встречалась с теми, кто уверял, что осужден незаконно, изучала их приговоры. Становилась известной в этом мире. У меня даже появилась кличка: СМБ. Многие писали мне на адрес: „Москва, адвокату Буниной“. Получала по 60–80 писем в день. Образовался круг людей, кому я помогала, подчеркну, не будучи их адвокатом.

Полковник Подымов трагически погиб — покончил с собой. Доступ в колонии оказался для меня закрытым.

И тут я узнаю, что в милиции сменился руководитель. Пришел какой-то Щёлоков. Посылаю заявление на его имя. При этом перепутала его отчество. Пишу: „Щёлокову Николаю Владимировичу. Прошу, умоляю, была в лагерях, хочу вернуть к нормальной жизни этих людей, дайте мне пропуск в колонии, и так далее“. Плаксивое такое заявление. Через некоторое время в юридической консультации, где я работала, меня подзывают к телефону. Слышу: „Светлана Михайловна, сейчас с вами будет говорить министр охраны общественного порядка“. Муж часто меня разыгрывал, отвечаю: „Леня, хватит, я на работе“. — „Запишите номер телефона, позвоните сами“. Набираю номер, начинающийся на „222“. Помощник соединяет меня с министром. Тот представляется: „С вами говорит Щёлоков Николай Анисимович...“ — „Извините, что неправильно указала ваше отчество“. — „Какая вы внешне?“ — спрашивает он. Я описываю: „Светлая... не худая... сероглазая... А это важно?“ Он: „Вы знаете, что бывает в зонах со светлыми и сероглазыми?“ Убеждаю его: „Меня любят заключенные. Клянусь всеми святыми, что со мной ничего не случится“. Министр: „Я вашу клятву не могу повесить на стену. Должен вас прежде увидеть и потом решить, смогу ли выполнить вашу просьбу“.

(„Кое-что“, — наверное, подумала Светлана Михайловна. Министр готов встретиться. И сам позвонил! Впереди ее ждали еще большие неожиданности.)

...В назначенный час приезжаю в министерство. Когда вошла в кабинет, он встал из-за стола, не сидел передо мной барином. Мы расположились в креслах друг против друга. Он начал выпрашивать, почему меня тянет в колонии, не сидит ли кто-нибудь из моих родственников. Отвечаю: „Нет, не сидит. Глубоко убеждена, что почти каждого преступника можно сделать человеком“. Начала ему рассказывать о своем методе индивидуального перевоспитания. Он хорошо слушал. У меня была с собой паркеровская ручка удивительной красоты, присланная в подарок из Финляндии. Николай Анисимович замечает: „Ничего себе, какими ручками пишут адвокаты!“ Я подумала, что это намек. Соврала: „У меня две ручки, буду рада, если одна из них будет лежать на вашем столе“. Щёлоков: „А вы не боитесь, что я вас выгоню из кабинета и больше никогда сюда не пущу?“ Поняла, что сделала глупость. Свою теорию перевоспитания преступников я излагала, наверное, часа полтора. В итоге он обещал подумать. Ему звонили, в его кабинет входили — он отвечал, что занят. Слушал. Я не могла понять, соглашается он со мной или нет. Рассказала ему также о своей семье. У меня муж — актер и приемная дочь, взятая из детского дома, которая оказалась тяжело больна.

Через короткое время мне сообщили, что пропуск готов, я могу его получить в такие-то часы в здании главка ИТУ на Большой Бронной, 23. Поехала за пропуском. И в этот момент (ведь подгадал!) мне домой позвонил Николай Анисимович. Трубку взял муж. Министр говорит: „Я не мог отказать вашей супруге, потому что согласился с ее идеей. Но вы как муж можете запретить ей заниматься этим опасным делом“. Леня ответил: „Она этим живет, я не могу ей запретить“. Николай Анисимович: „У меня еще один вопрос. А почему машину водит она, а не вы?“ — „У меня после войны осколок в сердце, мне нельзя садиться за руль“. Щёлоков разговаривал с ним не как большой чиновник, а по-человечески, даже по-отечески. Предупреждал, что без охраны ездить в колонии опасно. Он и мне при первой встрече предлагал давать охрану, но я возразила, что это бессмысленно, заключенные не будут со мной откровенны. Помню, сказала: „Тогда буду искать другие способы попадать в колонии“. Он рассмеялся: „Какие?!“ Леня мне передал опасения министра: „Может, он прав?“ Я: „Он кандидат экономических наук, не милиционер, в заключенных понимает меньше меня. Раньше меня не трогали и впредь не тронут“.

(Как видим, министр внутренних дел на удивление легко удовлетворяет просьбу адвоката Буниной. При этом его беспокоит главным образом ее безопасность. Едва ли он с кем-то советовался.

Товарищи по партии только покрутили бы пальцем у виска: допускать защитницу прав заключенных в зоны? Зачем тебе это нужно?! Если такой добрый и хочешь улучшить содержание преступников, выходи с предложениями в ЦК и Совмин. Однако Щёлоков поступает иначе, он разрешает Буниной без сопровождения посещать колонии. Мало того, в дальнейшем оказывает ей всяческую помощь и поступает так на протяжении всех шестнадцати лет пребывания на своем посту. Щёлоков действительно рискует: если Бунина окажется непорядочным человеком и „заговорит“, не сносить ему головы. Чем же он руководствуется? Возможно, ответ мы узнаем позже.)

...Я начала ездить в колонии как корреспондент журнала „К новой жизни“, — продолжает Светлана Михайловна. — Одна из первых поездок была — на Пуксу-озеро в Архангельскую область, в 42-й лагпункт. Зима, мороз. На станции узнаю, что придется здесь ночевать, поскольку ближайшая подвода до лагпункта будет на другой день. В доме для приезжих — только мужчины, все комнаты заняты. Администраторша заявляет: „Спите хоть на улице, не могу вас разместить, все места заняты“. Я позвонила в приемную министерства. Место для меня тут же нашлось...

Была ли опасность? Долгое время я ее не чувствовала. Переписывалась и встречалась с людьми, осужденными по тяжелейшим статьям. Например, одному своему постоянному корреспонденту, отбывавшему 15 лет в колонии строгого режима, послала томик Ницше, переплетенный в обложку книги Островского „Как закалялась сталь“. Потом случилась большая неприятность: я получила камнем по голове.

— У кого же поднялась на вас рука?

— Метили не в меня, а в начальника лагеря. Я разговаривала в его кабинете с заключенным. Зима, стекло заморожено. И вдруг в окно влетает камень, разбивает мне голову. Покушавшегося зэки чуть не убили. Я, вся в крови, выбегаю на улицу, чтобы не допустить расправы. Потом дома, в Москве, лежу с перебинтованной головой. Вижу краем глаза: в мою комнату входит группа милиционеров в папахах. Это Щёлоков приехал меня проводить! Говорит: „Я вас предупреждал. Ну, что, не будете больше ездить?“ Отвечаю: „Обязательно буду“.

...Из зоны освободился Серый Волк — эстонец Липпу Леви Ахтович, отсидевший в лагере более 14 лет, совершивший несколько побегов. Стал жить у нас дома. Однако характер у него непростой, и вскоре он перебрался к моим родителям. Спал на кухне. Я прочитала записки, которые он вел в зоне. Прочитала и ахнула. Передала их редактору „Юности“ Борису Полевому. Он тоже ахнул. В результате „Записки Серого Волка“ увидели

свет в журнале „Москва“, а их автор стал известным писателем Ахто Леви. Свела его с Николаем Анисимовичем, попросила найти возможность прописать его в Москве. Через некоторое время Щёлоков мне звонит: „Есть возможность дать Леви жилье. Но нужно, чтобы он был прописан. Вы можете его прописать у себя?“ Я отвечаю, что могу, но по секрету от мужа, потому что нам наш кооператив слишком дорого дался. „Некрасиво обманывать, но это ваше дело“. Николай Анисимович устроил мне эту прописку, а через несколько месяцев Леви получил квартиру. К тому времени бывший зэк с министром уже были хорошо знакомы, часто встречались, Щёлоков подарил Леви дубленку.

Похожим образом помог Николай Анисимович и Вольту Митрейкину. Вольт — сын поэта, „увековеченного“ Маяковским („кудреватые Митрейки“) — при Сталине пытался организовать группу старшеклассников, чтобы выйти на улицу с плакатами в защиту конституции. Ребят посадили на 25 лет. В оттепель Вольта не реабилитировали, поскольку его обвинили также в краже государственного имущества — пишущей машинки, на которой они составляли воззвания. Я добилась его освобождения. К маме в Москву его не прописывали, к невесте в Малаховку — тоже. Рассказала об этом случае Леви. Вскоре встречаю Митрейкина, и он мне сообщает: прописан. Как?! Сам плохо понимает. Оказывается, приезжают к его невесте милиционеры на мотоциклах, вынимают его из шкафа, где он прятался (поскольку имел уже два предупреждения за нарушение паспортного режима, а за третье полагался срок до двух лет), везут в паспортный отдел и прописывают! По распоряжению министра, а того попросил Леви.

Николай Анисимович был очень добрым человеком. Он считал, что осужденных, отбывших наказания, следует прописывать в их семьи. По его просьбе Леви написал статью об этом для „Литературной газеты“. Статья не вышла. У Щёлокова в связи с этим потом были какие-то неприятности. Он сам мне рассказывал, но подробностей я не помню.

...Однажды мы с мужем случайно встретились с Щёлоковым в театре „Современник“. Он говорит: „После спектакля не уходите, разговор есть“. Представление окончилось, встречаемся. Спрашивает: „Машину можете оставить? Мы выпьем“. — „Где?“ — „У меня дома“. Отправляемся на его машине к нему домой на Кутузовский проспект. Помню его невероятно красивую жену, она нас очень тепло принимала. Хорошо посидели. С Леней они обсуждали театральные темы — Николай Анисимович безумно любил театр. Мы спешили к больной дочери. Его шофер нас отвез, а потом еще перегнал нашу машину от театра.

— После этого вы, наверное, стали ногой открывать дверь в его кабинет?

— Такого никогда не было. Я звонила в приемную, и мне заказывали пропуск. Вернувшись из поездки в колонию, обычно просила о встрече и рассказывала о том, что заслуживало внимания. Наиболее существенное излагала в письменном виде. Мелочами не загружала, не забывала, что он министр. Однажды получила письмо из Узбекистана. Зэк писал, что начальник колонии спит с женами осужденных, приезжающими на свидания. Отправилась в колонию. Ничего толком не разузнала, но обратила внимание, что рядом с этой зоной, на возвышении, содержат туберкулезников, и нечистоты от них стекают вниз, к „соседям“. Сообщила об этом Щёлокову. Через некоторое время он сказал мне, что принял меры. С севера зэки написали, что голодают. Попросила разобраться. Николай Анисимович — мне: „Вашим именем, Светлана, прибавили норму в северных колониях“. Я уточняла: действительно прибавили. Так мы сотрудничали практически все время, пока он занимал свою должность. Я никому не говорила, что знакома с министром внутренних дел. Конечно, и он наши контакты не афишировал. Когда в министерстве появился Чурбанов, мне кажется, он стал осторожнее.

Встречались мы всегда в его служебном кабинете. Иногда — два дня подряд, а бывало, месяцами не виделись. Часто я ему рассказывала о заключенных, которых удалось поставить на ноги. Один из моих подопечных окончил институт и поступил в аспирантуру. Я его спрашивала: „Зачем тебе стипендия в сто рублей, ты же хорошо зарабатываешь своей профессией?“ Он ответил: „Хочу стать кандидатом наук, чтобы вас переплюнуть“. Я испытала счастье. Услышав эту историю, Щёлоков так растрогался, что даже подошел и погладил меня по голове. „Да, — говорит, — я это понимаю. Трижды судимый решил утереть вам нос“. Николай Анисимович был человеком тонким и по-настоящему умным. Он, мне кажется, так и не стал в полной мере милиционером. Я ему рассказывала о сотрудниках МВД, которые избивали подозреваемых, заставляя взять на себя чужую вину. Он говорил: „Светлана, многих надо выгнать. А где взять других? Без милиции все друг друга перережут“. Он всё ясно видел.

Иногда Николай Анисимович сам звонил и говорил: „Завтра свободны? Жду вас в такое-то время, поговорим“. Я приходила, и мы пили кофе, иногда молча. Мне кофе противопоказан. Но я его пила — неудобно было отказываться.

— *Может быть, Светлана Михайловна, вы ему просто нравились?*

— Нет. Абсолютно. Женщина всегда чувствует, когда она нравится. Он мне говорил: „Вы, Светлана, мне нравитесь тем, что свою жизнь отдаете другим. Вы бы могли прекрасно, без забот, жить. Много зарабатываете как адвокат. Муж зарабатывает. Тем не менее, взвалили на себя эту ношу“. Николай Анисимович ценил равноправные отношения. Иногда подшучивал надо мной. Он хорошо рисовал, а я не могу провести прямую линию. Когда рисовала схемы ему, он очень смеялся.

— *Вы замечали в нем склонность к накопительству, вещизму, в чем его впоследствии обвинили?*

— Никогда не замечала в нем никакого „вещизма“. Была удивлена, когда пошли такие разговоры.

— *Еще говорили, что он „заигрывал с интеллигенцией“. В том числе, выходит, и с вами.*

— „Заигрывал“? Глупости. У нас дома часто бывал Булат Окуджава и пел. Щёлоков об этом знал. Однажды сказал: „Как я вам завидую, что вы дружите с Окуджавой...“ Он не „заигрывал с интеллигенцией“, а сам был интеллигентным человеком. Образованным. В разговоре с ним я часто чувствовала недостаток знаний...»

Свою многолетнюю помощь адвокату Буниной Щёлоков не только не афишировал, он ее скрывал, в первую очередь от товарищей из ЦК.

Однако министр позволял себе и гораздо более рискованные поступки, нежели допуск правозащитницы в места лишения свободы.

В 1966 году супруги Щёлоковы познакомились, а вскоре и подружились со знаменитой семейной парой — певицей, солисткой Большого театра Галиной Вишневской и виолончелистом, дирижером Мстиславом Ростроповичем. В ту пору это — обласканные властью, вниманием советской и зарубежной публики артисты, дружба с ними, конечно, льстит вчерашним провинциалам. Пройдут года три-четыре. Провинциалы — уже не провинциалы, а люди влиятельные, принадлежащие к высшей советской «знати». А знаменитые артисты, напротив, вошли в острейший конфликт с властью, старые друзья и коллеги от них шарахаются, их дальнейшая судьба неизвестна и тревожна. И тут Щёлоковы повели себя, прямо скажем, нетипично для людей их круга. Они продолжали дружески общаться с Вишневской и Ростроповичем, не скрывая этих отношений^[24].

Осень 1971 года. В руководстве страны кипят «страсти по Солженицыну». К тому времени Александр Исаевич уже несколько лет как исключен из Союза писателей СССР, находится под плотной опекой

органов госбезопасности. А тут еще — присуждение ему Нобелевской премии по литературе. У руководителей страны голова идет кругом, как с ним быть. Обвинить Нобелевский комитет в политиканстве? Но премию не так давно, в 1965 году, получил советский писатель Михаил Шолохов, кроме того, Солженицына наградили за произведения, опубликованные в легальной советской печати. Председатель КГБ СССР Ю. В. Андропов и Генеральный прокурор СССР Р. А. Руденко отправляют в ЦК КПСС свои предложения о том, как следует поступить с Солженицыным. Их единодушное мнение — «выдворить» его, согласившись, как с меньшим из зол, с кратковременной антисоветской истерией на Западе. Еще более радикальный рецепт озвучивают члены Политбюро А. Н. Косыгин и Н. В. Подгорный: осудить и отправить в долговременную ссылку на Крайний Север, фактически лишив всякой связи с миром^[25].

В этих условиях Николай Анисимович составляет объемистую записку, названную «К вопросу о Солженицыне», и передает ее Л. И. Брежневу. Что в ней предлагается?

Документ составлен с учетом психологии коллег по ЦК. Автор печется прежде всего об интересах Советского государства, партии. Как сделать так, чтобы талантливое перо Солженицына служило народу? Как не повторить ошибок, допущенных в прошлом по отношению к Солженицыну и другим деятелям культуры? Этих «других» Щёлоков перечисляет: Бунин, Куприн, Андреев, скульптор Коненков. «Мы требовали от них того, чего они не могли дать в силу своей классовой принадлежности и своего классового воспитания». Явным вторжением в компетенцию ведомств товарищей Суслова и Андропова выглядит такой пассаж: «В истории с Солженицыным мы повторяем те же самые грубейшие ошибки, которые допустили с Борисом Пастернаком. Пастернак, безусловно, крупный русский писатель. Он более крупный даже, чем Солженицын, и то, что его роман „Доктор Живаго“ был удостоен Нобелевской премии вопреки нашему желанию, безусловно, наша грубейшая ошибка, которая была усугублена во сто крат неправильной позицией после присуждения ему этой премии».

Главное в записке содержится в последнем пункте: что делать?

«Каким же образом решить „проблему Солженицына“ в настоящее время? Во-первых, не следует препятствовать ему выехать за границу для получения Нобелевской премии. Во-вторых, ни в коем случае не стоит ставить вопрос о лишении его гражданства... Солженицыну нужно срочно дать квартиру. Его нужно прописать. Проявить к нему внимание. С ним должен поговорить кто-то из видных руководящих работников, чтобы снять

у него весь тот горький осадок, который не могла не оставить организованная против него травля. Короче говоря, за Солженицына надо бороться, а не выбрасывать его. Бороться за Солженицына, а не против Солженицына».

Предложения Николая Анисимовича сегодня выглядят наивно. Писателя уже не приручить. Бомба под названием «Архипелаг ГУЛАГ» изготовлена, переправлена за границу и дожидается своего часа. Однако сам факт, что такие предложения высказывались, вызывает глубокое уважение к их автору. Серьезных попыток осмыслить поступок Щёлокова с тех пор не предпринималось. Словно это так просто было в 1971 году: назвать действия в отношении внутреннего эмигранта Солженицына «организованной травлей»! Такие выражения позволяет себе член ЦК КПСС. Записку Щёлокова Брежнев изучил, передал в секретариат ЦК, где ее обсудили под председательством Суслова и «приняли к сведению». Как минимум старшие товарищи с неудовольствием отметили про себя, что глава МВД лезет не в свое дело.

...Намерение обратиться к «вождям» в защиту Солженицына Николай Анисимович держал в тайне от самых близких ему людей, включая его родственников, за исключением Светланы Владимировны. Готовый текст, перед тем как отправить Брежневу, он прочитал Галине Павловне Вишневской. Однако как родилась у него эта идея? Один из бывших помощников Щёлокова высказал такое предположение. Министр, будучи лично знаком с Солженицыным, наверняка завел разговор о нем с Брежневым и Косыгиным. Кто-то из этих двоих — скорее всего, педант Косыгин, железно соблюдавший установившееся «в верхах» правило — предложил Щёлокову представить свои соображения в письменном виде. То есть разрешение обратиться с запиской в ЦК Николай Анисимович, вероятно, получил. Иначе трудно понять, почему автора «дерзкого» письма тогда же не сняли со всех постов. Сыграло, наверное, роль и то, что в Политбюро еще не определились, как быть с Солженицыным. Однако даром Щёлокову эта история не прошла. В конце 1971-го он попал в больницу с сердечным приступом. Наверное, аукнулась она ему и в дальнейшем.

...С 1969 года Александр Солженицын живет и работает на даче Галины Вишневской и Мстислава Ростроповича в подмосковной Жуковке. У знаменитых музыкантов также портятся отношения с властью. Они лишаются поездок за рубеж, возможности работать на профессиональных сценах, их имена не упоминаются в печати. Глава МВД был последним из крупных советских чиновников, кто не боялся общаться с Вишневской и

Ростроповичем, в то время вынужденными выступать в сельских домах культуры, в сопровождении самодеятельных оркестров. В книге И. И. Карпеца читаем: «...Когда Мстислав Ростропович переживал перед своей эмиграцией не лучшие времена, Щёлоков поддерживал его (морально, во всяком случае), а автомобиль М. Ростроповича, кажется, это был „мерседес“, стоял на стоянке около входа в министерство на ул. Огарева, 6. (Не в таких ли его поступках истоки, мягко говоря, недружественных отношений с Ю. В. Андроповым?)».

Юрий Владимирович еще не знал, что Николай Анисимович поучаствовал в создании «Красного колеса»! Как это получилось — рассказал сам Солженицын:

«Но никто не предположил бы и не поверил, что в 1970 году **Николай Анисимович Щёлоков** (парадоксально, но решаюсь и его имя набрать утолщенными буквами) — министр внутренних дел СССР и приятель Брежнева! — тоже тайно помог мне, и существенно! Как же это могло случиться? А жена Щёлокова Светлана была с детства дружественно связана с Ростроповичем: ее отец буквально с вокзальной площади взял и надолго приютил у себя бездомного Леопольда Ростроповича, привезшего в Москву пристроить талантливого сына...^[26] И вот как-то теперь сказал Стива Щёлокову, что мне нужна подробная топографическая карта Восточной Пруссии (я собрал такую во время войны, но при аресте она погибла), — и министр прислал мне из штаба МВД — обширную, по всему району самсоновских действий, уже аккуратно склеенную. Она была у меня почти год (я уж думал — насовсем) и на добрую ступень подняла мою работу над „Августом“: совсем другое ощущение, когда по-военному прочитываешь и видишь каждые 100 метров местности — как будто своими ногами исходишь. (А места те — под Польшей теперь, и какая мне туда поездка?..) И, говорил Стива: Щёлоков сам просил, чтоб меня в Москве прописали, да — отказали ему *выше*. Когда ожидалась моя поездка в Стокгольм — он быстро прислал жену забрать карту, чтобы не было улики. Но рассказывал потом Стива: радовался, что я не поехал, мол, „правильно, назад бы не пустили!“ — и входил в ЦК с предложением начать меня печатать. За это — чуть поста не лишился»^[27].

Подчеркнуто дружеские отношения с Вишневской и Ростроповичем и разнообразная помощь им накануне отъезда из СССР, попытка помешать «выдворению» за границу или осуждению Солженицына... Почему министр внутренних дел вел себя подобным рискованным образом, наживая влиятельных врагов? Объяснить это впоследствии не могли.

Соображения личной выгоды в действиях Николая Анисимовича не просматривались. Бравата? Уверенность фаворита, что ему всё сойдет с рук? Тоже нет. Ведь был сердечный приступ с госпитализацией, был реальный риск лишиться доверия в Политбюро и министерского поста.

При этом Николай Анисимович не мог сочувствовать взглядам диссидентов. Он остается убежденным коммунистом и верит в преимущества социалистического образа жизни. В его дневниковых записях редко, но встречаются такие формулировки: «американские наемники антисоветизма и антикоммунизма в кино стремятся убедить зрителя...», «капитализм всё больше и больше становится ответственным перед человеком и перед человечеством за бесплодность своих исканий...». Иногда в авторе как будто просыпается участник комсомольских диспутов в Донбассе. Дань времени... А вот — от души (16.02.1977): «Вчера я смотрел и слушал по телевидению, как читал стихи Константин Симонов. Никакими словами невозможно передать этих счастливых, одухотворенных минут. Я видел, как светились глаза поэта, как он был счастлив и благодарен аудитории слушателей. Вот что такое соприкосновение с настоящим искусством — даром Божиим!» Перед музыкально одаренными людьми Николай Анисимович благоговел особенно. По словам его сына, «отец всегда сожалел, что не научился играть на музыкальном инструменте, и говорил, что музыкально образованный человек выше другого на голову».

...Щёлоков помогает знаменитым диссидентам, при этом исповедует политические взгляды, которые те уже не разделяют.

Несомненно, в случае с Вишневской и Ростроповичем важна история их человеческих отношений. Может быть даже — ощущение, что их свела судьба (и произошло это еще во время войны, в Чкаловске, куда в эвакуацию прибыли Ростроповичи...). Впрочем, что гадать, лучше с этими вопросами обратиться к самой Галине Павловне Вишневской. С ее мнением читатель книги имеет возможность познакомиться.

Глава тринадцатая

УХОД ЕДИНОМЫШЛЕННИКА

В январе 1974 года бывшего «первого замминистра без портфеля» Сергея Михайловича Крылова назначили начальником Академии МВД СССР. Это — почетная ссылка с сохранением лица (его оставили в составе коллегии МВД). Казалось, Крылов больше не будет играть сколько-нибудь заметной роли в ведомстве.

Однако вышло иначе.

В 1974-м академия только-только создается на базе Высшей школы милиции. Получится ли из нее первый по значению вуз МВД? Неизвестно. А Сергей Михайлович замахивается на гораздо большее. Он мечтает создать высшее учебное заведение по подготовке управленческих кадров нового типа. Лучшее — если не в стране, то в системе силовых ведомств — точно.

Время благоприятное: Москва готовится принять в 1980 году летние Олимпийские игры. Это означает, что в рамках подготовки к Олимпиаде академия может значительно расширить свою базу, построить новые и реконструировать старые сооружения и корпуса. В помощь Крылову из Калининграда переводят Валерия Михайловича Соболева. Вообще-то Валерий Михайлович ехал занять более высокую, чем заместитель начальника академии, должность, но его буквально в аэропорту перехватывает Крылов (как тут не вспомнить соответствующие кадры из «Семнадцати мгновений весны»). Соболев давно знаком с заместителем председателя правительства Игнатием Трофимовичем Новиковым — руководителем оргкомитета Олимпиады, он может очень многое сделать для академии. Министр по-прежнему идет навстречу пожеланиям Крылова. Но Щёлоков и в полной мере сочувствует тому, что тот задумал. Благодаря поддержке министра его старый соратник имеет возможность приглашать нужных ему преподавателей, специалистов. У начальника академии есть для приглашаемого сильные аргументы: квартира, очередное звание, перспектива защитить диссертацию, издать книги... Но главное, конечно, в этом проекте — неумная энергия и талант самого Сергея Михайловича Крылова. Пройдет совсем немного времени, и место своей «ссылки» он превратит в передовую, где сойдутся в схватке как творческие, научно-педагогические, так и аппаратные силы МВД.

О том, насколько широкий круг дисциплин изучали слушатели

академии, какие научные проблемы решались в ее стенах, читатель уже имеет некоторое представление. Соратники Крылова напишут об этом так (в предисловии к сборнику избранных трудов учителя, изданных через много лет после его смерти): «С трибуны научных конференций... выступали академики, ученые самых разных отраслей научного знания: философии и кибернетики, экономики и социологии, психологии и права, педагогики и этики, наконец, собственно управления. Рядом с учеными делились своим опытом выдающиеся руководители различных отраслей народного хозяйства, культуры, правоохранительной системы. Вниманием, которым была окружена Академия, она была обязана в первую очередь личности начальника, его интеллекту, эрудиции, вдохновенности, творческому дерзанию». С. М. Крылов перестанет быть фигурой умолчания раньше, чем Н. А. Щёлоков, поэтому возникнет тенденция именно Крылову приписывать наиболее важные новации, которые вводились в те годы в МВД. Это, конечно, далеко не так. Но в только что процитированных словах нет преувеличения.

Известный тележурналист Лев Вознесенский (племянник репрессированного в рамках «ленинградского дела» члена сталинского Политбюро Николая Вознесенского) делится своими впечатлениями от посещений академии: «Идешь по ее коридорам и слышишь: за этой дверью идет лекция по уголовно-правовой психологии, а за другой — по прикладной математике, за следующей — по организации профилактики правонарушений, а еще за одной — по русскому языку и литературе... Огромную роль в расширении кругозора слушателей Академии играл организованный в ней народный университет культуры во главе с всемирно известным и всенародно любимым композитором Арамом Ильичом Хачатуряном. Кафедры университета возглавляли крупнейшие мастера искусства».

Вознесенский спросил у своего друга Крылова: почему тот так заботится о том, чтобы слушатели академии регулярно посещали театры, концерты, музеи?

И вот что тот ему отвечает:

«Я хочу создать такой корпус высших офицеров органов охраны общественного порядка, для которых преступить закон, поднять руку на человека было бы *внутренне* невозможно, поскольку сама личность, ее жизнь, права и достоинство всегда оставались бы в их сознании и душе безусловной нравственной ценностью».

Офицер милиции, для которого *внутренне* невозможно преступить закон, поднять руку на человека... Блестяще сформулировано.

Кто же должен заниматься образованием и воспитанием будущего сверхмилиционера? Перед глазами автора книги — стенографическая запись выступления начальника академии на совещании кафедры управления горрайорганами внутренних дел. Совещание проходило 3 января 1977 года. Крылов напутствует вновь назначенных руководителей кафедры Веселого, Майдыкова и Кутушева. Вот каким требованиям, по мнению оратора, должен удовлетворять руководитель кафедры академии^[28]:

«Руководитель кафедры — это самый квалифицированный, широко образованный человек. Это специалист, богатый в духовном отношении, глубоко знающий свою отрасль знаний, ее теорию и практику. Это генератор идей, человек с аналитическим, творческим складом ума, способный создавать духовные ценности, прокладывать новые пути в науке; это смелый новатор, умеющий в кажущемся хаосе фактов и событий находить типичное, закономерное и на основе этого конструировать новые теории, адекватно отражающие практику и освещающие ей путь. Руководитель кафедры вместе со своим коллективом и во главе его не только создает науку, но и несет полнейшую ответственность за те рекомендации, которые дает кафедра. Поэтому, когда мы сегодня поздравляем товарищей Веселого, Майдыкова и Кутушева с назначением на эти высокие должности, мы подчеркиваем в первую очередь исключительно большую ответственность за работу, которая им поручается. Хотелось бы еще раз напомнить слова Ленина о том, что руководитель утверждает свой авторитет не силой власти, а силой большей компетентности, большей энергии, большей талантливости, работоспособности, большей опытности».

Иными словами, те, кто будет готовить будущих сверхмилиционеров, должны еще и сами постоянно совершенствоваться! Им предстоит напряженно трудиться по 12–15 часов в сутки, чтобы за два-три года пробежать путь, преодолеваемый их коллегами из других вузов за семь — десять лет. И, конечно, что это за руководители кафедры, что за педагоги, если они не проштудируют «Опыты» Монтеня и труд Бернала «Наука в истории общества»? «Нельзя быть управленцем, — продолжает наставлять Крылов, — не читая „Двенадцати принципов“ Эмерсона, „Общее и промышленное управление“ Файоля, „Как надо работать“ Гастева, „Принципы организации“ Керженцова и „Учиться управлять“ Парамонова. Надо читать книги, написанные прежде всего людьми, которые сами управляли, ибо наука управления родилась в большей мере, чем другие науки, из опыта. Нужно в список книг включить труды выдающихся

педагогов — Яна Амоса Коменского, Песталоцци, Ушинского, Макаренко, Сухомлинского».

Достаточно для преподавателя кафедры горрайорганов? Нет, он должен воспитывать своих слушателей также личным примером, обликом и поведением, для чего ему предстоит изучить еще немало количество литературы. «Было бы хорошо, если бы на кафедре был создан постоянно действующий семинар, на котором вы обсуждали бы актуальные вопросы вашего духовного, научного самообразования. Это расширит фронт вашего духовного поиска. Вы должны непременно иметь в виду, что дорога к высокому званию преподавателя лежит через титанический труд».

Поистине титанический труд предстоял участникам совещания. В довершение ко всему Сергей Михайлович ставит присутствующим цель: через два года защитить кандидатские диссертации, а товарищам Веселому и Кутушеву — докторские. Диссертация для каждого должна стать книгой жизни...

Наверное, стать хорошим управленцем на уровне горрайоргана внутренних дел можно, не читая «Двенадцати принципов производительности» Эмерсона. Но примечательна убежденность начальника академии в обратном. Ведь этот неисправимый максималист создает лучший управленческий вуз страны. В 1977 году ему кажется, что цель уже достигнута. Он мечтает о том, чтобы на демонстрации в честь 7 ноября на Красной площади колонну вузов открывали представители Академии МВД, и предпринимает практические шаги в этом направлении. Преподаватель академии — престижнейшая из профессий, по его убеждению. Генерал и профессор Оскиан Галустьян («Воскан» — для друзей) хранит в своем архиве шутивную записку, которую Крылов передал ему на заседании коллегии МВД в 1978 году. На обратной стороне визитной карточки Сергей Михайлович пишет Галустьяну (тогда — главному инспектору штаба, вынужденному постоянно выезжать в регионы с проверками): «Воскан! Плюнь на эти командировки! Иди в Академию — будешь профессором, нач. кафедры! Это лучше, чем министр Армении». (О. А. Галустьян, принадлежавший к первому выпуску «генеральского факультета» академии, впоследствии станет первым заместителем министра внутренних дел Армении.)

Впрочем, максимализм Крылова одобряли далеко не все. Оппозиция ему зрела и в научно-преподавательских кругах, не только в аппаратных. Некоторые авторитетные специалисты не горели желанием работать под началом Сергея Михайловича, имея в виду особенности его характера. Например, отклонил предложение Крылова стать его первым заместителем

Владимир Филиппович Некрасов, впоследствии — доктор наук, профессор, автор ценнейших исследований по истории МВД. В. Ф. Некрасов вспоминает: «Это был своеобразно глубокий человек с примечательными качествами ума, широким, философским взглядом на многие вещи. Крупная, демоническая личность. В известной мере находка, бриллиант, но очень своеобразный. Голова у него была устроена удивительно, идей — великое множество, но его иногда надо было одергивать. Для МВД он сделал очень много». Несмотря на такие оценки, в первые замы к начальнику академии Владимир Филиппович не пошел, был уверен — не сработаются.

Крупный ученый-криминолог Анатолий Иванович Алексеев в 1990–1994 годах сам возглавлял Академию МВД. При Алексееве впервые издали сборник научных работ Крылова. «Хотя, — говорит профессор Алексеев, — научных трудов у него, по сути, не было, в основном — доклады. Сергей Михайлович, при всех его огромных достоинствах, был человеком несколько авантюрного склада. Но чувство меры при этом не всегда соблюдалось. Возьмем для примера аналогичное учебное заведение — Высшую академию полиции в Германии. Слушатели там занимаются год в аудиториях, потом возвращаются к практике. Все экономично, продуманно. Наши же выпускники основного — „генеральского“ факультета после двух лет очного обучения имели большие проблемы с распределением. Пока будущий генерал два года учится, кто ему будет должность держать? А менять регион не каждый захочет. Мы иногда распределяли выпускников на должности ниже, чем они занимали до поступления в академию. Поэтому я вносил предложение: ограничить аудиторные занятия годом, после чего отправлять слушателя на стажировку в „полевых условиях“ под руководством преподавателя».

Несмотря на критику, во многом основательную, деятельности Сергея Михайловича Крылова на посту начальника Академии МВД, не подлежит сомнению факт: он создал этот вуз, заложил лучшие его традиции, под его руководством академия переживала пору расцвета. Свидетельство тому — памятник Сергею Михайловичу, который был открыт на территории его детища в сентябре 2009 года. Через 30 лет после его ухода из жизни.

Примерно к 1978 году в целом ряде инстанций стало зреть убеждение, что в Академии МВД «надо наводить порядок». Курировал «наведение порядка» заместитель министра внутренних дел Ю. М. Чурбанов. Именно Чурбанову чаще всего предъявляли обвинения в том, что произошло в дальнейшем. Сам он с ними не согласен. Свою версию событий и свои

оценки личности Крылова Юрий Михайлович излагает в воспоминаниях, которые писались в конце 1980-х годов, когда их автор отбывал наказание в колонии под Нижним Тагилом. Ему слово:

«Одно из самых серьезных обвинений, предъявляемых мне сегодня прессой, — самоубийство члена коллегии МВД СССР генерала Крылова. Есть, говорят, даже документальный фильм на эту тему. Вот теперь, пожалуй, я и расскажу, как же всё было на самом деле.

Кто такой Крылов? Как он оказался в министерстве? Крылов пришел в органы внутренних дел из Высшей школы КГБ, кто-то из руководства комитета порекомендовал его Щёлокову как работоспособного, энергичного и пишущего человека. Был ли он работоспособен — это что понимать под работоспособностью. Если человек приезжает по ночам в министерство, поднимает по тревоге своих подчиненных, включая стенографистку и машинистку, и отрабатывает свои идеи, мотивируя тем, что эти идеи нужны министерству именно утром, а потом эти идеи оказываются никуда не годными и летят в корзину, то я бы не называл это работоспособностью. Это, если хотите, унижение человека».

Отметим: начальник академии для его куратора — чуждый, опасный человек с никуда не годными идеями. Можно представить, каково приходилось Сергею Михайловичу в последние месяцы его жизни.

«Крылов постоянно находился в плену каких-то несбыточных (для органов внутренних дел) идей. В аппарате его не любили. Но он полностью очаровал Щёлокова; какие-то его идеи Щёлоков потом выдавал за свои, я и мои товарищи (члены коллегии) считали их не только сомнительными, но и вредными. Крылов „получил генерала“ и считал себя в министерстве чуть ли не первым лицом. И вот когда его деятельность стала уже совершенно невыносимой, все члены коллегии в один голос потребовали от министра, чтобы Крылов оставил свой пост. Нас поддержал и отдел административных органов ЦК КПСС (кто бы сомневался, что в этом конфликте отдел ЦК будет не на стороне Крылова. — С. К.). К этому моменту Щёлоков и сам был уже готов отмежеваться от Крылова, но Крылов, бесспорно, умел гипнотизировать и хорошо чувствовать болевые точки Щёлокова. (Позже выяснилось, что он страдал и эпилепсией.) Принимается компромиссное решение: назначить Крылова начальником Академии МВД и оставить его членом коллегии; он был кандидатом наук, каких — не помню, скорее всего, военных, хотя что нового он внес в строительство и укрепление Вооруженных сил, — сказать не могу. Вот так Крылов появился в стенах академии».

Эта часть воспоминаний характеризует прежде всего самого их автора.

Кстати, эпилепсией Сергей Михайлович не страдал. Теперь о главном — что же произошло в стенах академии.

«Там начался полный хаос. Ко мне стали поступать серьезные сигналы о самоуправстве Крылова, о его неуважительном отношении к людям, о кадровой чехарде и т. д. Но один визит Крылова к министру — и всё закрывалось. У него свет в окошке был только министр: ни Чурбанова, ни Богатырева или Заботина, ни других „замов“ для него не существовало. Тогда я написал министру докладную записку: считаю целесообразным проинспектировать Академию в полном объеме. Сначала министр мне отказал, но не в лоб, а аккуратно написал резолюцию: не отказать, а временно воздержаться. Сигналы из Академии продолжали поступать. Я пишу второй рапорт, но он тоже хоронится. Тогда я сказал Щёлокову: „Товарищ министр, если вы не дадите санкцию на проверку Академии, я доложу в отдел административных органов, и пусть там нас рассудят“. Тут, видимо, он ничего сделать уже не мог, тем более, что в отделе ЦК я заручился поддержкой. Мы сформировали авторитетную комиссию, в нее вошли начальники ряда управлений: была задача объективно проверить Академию по всем позициям. И чем глубже мы копали, тем больше находили негатива (как-то иначе бывает? — С. К.). Смена кадров, протекционизм, но в самые большие дебри мы влезли, когда знакомились с вопросами финансово-хозяйственной деятельности Академии. Мебельные гарнитуры, которые покупались для Академии, перекочевали на квартиру Крылова, там же оказались два цветных телевизора, принадлежавших учебным классам, — вот, если взять только один аспект хозяйственной деятельности, против Крылова можно было возбудить уголовное дело».

Финансово-хозяйственная деятельность, спору нет, слабое место в любой организации. Это не «идеи», с которыми (и в которых) еще надо уметь разобраться, тут чем глубже копаешь, тем больше находишь негатива, иначе просто не бывает. Придет время, и Николая Анисимовича Щёлокова притянут за финансово-хозяйственную деятельность, и самого Чурбанова в определенном смысле — тоже. И не оправдаешься. В условиях тотального советского дефицита руководитель практически неизбежно оказывался во власти ловкого хозяйственника. После смерти Крылова мебельный гарнитур и цветные телевизоры обнаружат на служебной квартире академии (по свидетельству бывшего начальника Главного управления кадров МВД И. Я. Дроздецкого). Накоплений в семье генерал-лейтенанта Крылова, по рассказу его дочери Ирины Сергеевны, могло бы хватить на приобретение «жигулей».

Сергей Михайлович мог бы оправдаться, но он посчитал это ниже

своего достоинства. Перед кем?! Чурбанова он ни в грош не ставил. Из воспоминаний Юрия Михайловича по крайней мере ясно, что министр к тому времени исчерпал возможности защитить начальника академии. Тот опять оказался практически один против всех. Такая выпала ему судьба.

«Министр ушел в отпуск и отдыхал в Подмосковье, Крылов пытался к нему прорваться, но министр его не принял, как бы давая понять: решайте без меня. Я вызвал Крылова к себе, спрашиваю: „Что будем делать, Сергей Михайлович?“ Кроме меня в кабинете находился начальник кадров генерал Дроздецкий. Надо отметить, что Крылов вел себя очень нервно. Мне он сказал, что готов расстаться с этой должностью, но просил оставить его в академии преподавателем; я говорю: „Хорошо, вернется министр, решит все вопросы“. Крылов вышел из моего кабинета... Я думаю, самоубийство — продуманный шаг со стороны Крылова, тем более что после его смерти вскрылись еще и амурные дела».

Юрий Михайлович не точен в деталях. Описанный им разговор с Крыловым проходил, по-видимому, в кабинете начальника академии примерно за неделю до того, как прогремел роковой выстрел (уточняет генерал Дроздецкий). Но дело не в деталях. Главное, что судьбу Сергея Михайловича решал человек, который мало что понимал в его деятельности. Сколько бы ошибок ни допустил в своей жизни Крылов, его доле не позавидуешь.

Оскиан Аршакович Галустян, на тот момент уже заместитель начальника Главного управления кадров, стал свидетелем первого столкновения Крылова с курирующим его заместителем министра.

«Мы с Крыловым сидели в приемной министра, беседовали. Появляется в приемной Чурбанов. Говорит: „Сергей Михайлович, а вы почему идете к министру, минуя меня?“ А Крылов принципиально игнорировал Чурбанова, того это раздражало, он пытался Сергея Михайловича сломать. У меня тоже на этой почве возникали недоразумения с Чурбановым. Министр хорошо относится, может вызвать, дать поручение. Не всегда удобно об этом сообщать непосредственному начальнику. Тот узнает, начинает дуться — действую за его спиной. Некоторое время не звонит. Но я пытался сглаживать эти противоречия. Чурбанов пообижается — и отойдет. А Крылов не собирался ничего сглаживать, он по жизни шел напролом».

Воспользовавшись тем, что на Крылова идут жалобы, в том числе из самой академии, Чурбанов начинает комплексную проверку учебного заведения.

Что такое министерская проверка, Сергей Михайлович знает лучше кого бы то ни было, когда-то он сам был «главным проверяющим» министерства. В тенденциозных проверках обвиняли Крылова начальники главков. И вот этот инструмент обращен против него самого. Наступила крайне тяжелая полоса в жизни Сергея Михайловича. В «Избранных трудах» С. М. Крылова приводится текст его записки на имя министра (которая до адресата не дошла). Крылов пишет:

«Проверка идет под флагами вернуть Академию к Высшей школе, сделать из Академии ординарный милицейский вуз. Всё, что необычно, всё, что ново, не только берется под сомнение, а высмеивается. Скажем, зачем нам нужны математические методы управления? Зачем нужна кафедра литературы и искусства? Зачем нужна общая теория управления? И т. д. и т. п. Я нахожусь в положении человека, обвиняемого в каких-то отступлениях, в каких-то грехах, потому что иду не по тому пути, по которому до этого времени шла Высшая школа. Но этот путь сформулирован не мною, этот путь сформулирован временем, властным требованием жизни... В обстановке травли, подозрений я нахожусь уже 12 лет. Чего только про меня не говорили! Когда мы строили систему управления, строили штабы, создавали дежурные части, организовывали аналитическую работу и т. д., эти ничтожные, малограмотные люди, злобные и завистливые, говорили, что я сошел с ума, что ничего, что делается, не приживется. Всё прижилось, всё оказалось правильным... С какой же старательностью они атакуют Академию, потому что это новое, необычное, смелое. Пройдет 5–8 лет, и всё это станет привычным, все поймут, что это нужно. Ну, а каково мне? Я ведь человек. Я глубоко убежден, что мы построили великолепную Академию, которой можно гордиться. В эту Академию я вложил ум, свою страсть души, бессонные дни и ночи. И вот теперь эти менялы бесчинствуют в этом нашем храме... Я не забочусь о себе и никогда этого не делал. Но что касается дела, то я должен сказать следующее: комиссия, если она руководствуется только интересами дела, должна дать самую высокую оценку тому, что сделала Академия, повторяю: самую высокую...»

Но исход борьбы предreshен. Против Крылова не только чинуши и «ничтожные, малограмотные люди». От этого кипящего котла страстей в МВД просто устали. Сергей Михайлович опять оказывается в одиночестве. После заседания коллегии в министерстве он подошел к старому другу В. М. Соболеву: «Все меня бросили, и ты меня бросил...» Валерий Михайлович, который его «не бросал», оправдывается: «Не звоню, потому что своих дел по горло». Тяжелое состояние Крылова замечает и Галустьян:

«Он зашел ко мне в очень плохом настроении. Я ему: „Не обращайтесь внимания“. До сих пор казню себя, что не нашел каких-то других слов. Иной раз одно слово может спасти человека».

...Перед развязкой задержимся. А пока — несколько штрихов к портрету Сергея Михайловича Крылова.

Родился Сергей Крылов 31 декабря 1919 года. Отец — пастух, мать — неграмотная. С детства обожал читать — ходил в библиотеку за десять километров. Впоследствии он будет утверждать, что образованный человек обязан прочитать за жизнь шесть тысяч книг, и сам в среднем прочитывал по книге в день, говорит его дочь Ирина Сергеевна. И пограничное училище, и Академию имени М. В. Фрунзе Сергей Михайлович окончил с золотой медалью.

Несмотря на дефект зрения, Крылов обладал снайперскими способностями. Воевать в Великую Отечественную он начинал в подразделении снайперов, потом его перевели в кремлевский полк, в охрану маршала К. Е. Ворошилова. Способности к меткой стрельбе передались и его внуку. Это наследственное.

Ирина Крылова: «Мы часто гуляли с отцом по Москве. Он говорил мне: знаешь, что это за особняк? Построен архитектором таким-то для купца такого-то. Он блестяще знал старую Москву и вообще историю России. И отцом он был изумительным. На мой день рождения, в январе, дарил мне корзину самых необычных цветов. Гладиолусы зимой и сейчас непросто достать, но он где-то их доставал. Он по жизни был художником...»

Фотографии Крылова, вспоминают знавшие его люди, не передают живых особенностей его внешности. Глубоко посаженные близорукие глаза, лыс... А в жизни он обладал магнетизмом, способностью гипнотически воздействовать на людей. Нравился женщинам. Он имел очень красивую фигуру, был атлетического сложения. По возможности каждый день, вспоминает его дочь, бегал кроссы до десяти километров, утром или вечером, смотря по обстоятельствам. Обязательно минут сорок — гимнастика. Хорошо играл в большой теннис. Сергей Михайлович обладал отменным здоровьем и очень за ним следил. Генерал Галустьян вспоминает: Крылов имел обыкновение после работы, то есть, как правило, глубокой ночью, пробежаться от академии до станции метро «Войковская» (это метров пятьсот), где его поджидал водитель служебной машины. Можно предположить, как удивлялись редкие прохожие, навстречу которым ночью бежал трусцой человек в форме генерал-лейтенанта милиции... Сергея Михайловича многие считали человеком с очень

большими странностями, это мягко сказать. Он об этом знал, но меняться не собирался^[29].

«Отец не имел намерения уходить из жизни, я это точно знаю. Он строил планы и даже советовался со мной, четырнадцатилетней девочкой. Выйдя в отставку, намеревался писать книги. При его способностях и связях отец не остался бы без дела», — говорит Ирина Сергеевна.

Тем не менее произошло то, что произошло.

Еще накануне, вечером 18 апреля 1979 года, общавшиеся с Сергеем Михайловичем коллеги не замечали в его поведении чего-то особенного. На тот момент лишь узкий круг лиц знает, что решение об отставке Крылова принято, но пока не озвучено (ждут возвращения из отпуска министра). Официальные проводы начальника устраивать преждевременно. 19 апреля, в пятницу, в академии намечено торжественное собрание, посвященное очередной годовщине со дня рождения В. И. Ленина. Его проводит первый заместитель начальника академии К. И. Варламов. Неожиданно в зале появляется Крылов — в парадной форме и (шепнули организаторам) при оружии. Передает в президиум записку, в которой просит слова и возможности проститься со знаменем академии. Почувствовав недоброе, Варламов быстро сворачивает мероприятие. Сергей Михайлович проходит в свой кабинет. Через некоторое время раздается выстрел. Крылова обнаруживают в комнате отдыха, он стрелял в сердце. На столике — записка, адресованная Николаю Анисимовичу Щёлокову. В последние минуты он думал о нем. И думал так: «Будь проклят, ты отнял у меня Академию».

А если бы Сергею Михайловичу дали возможность выступить на собрании? Впоследствии некоторые полагали, что его самоубийство было вызвано последним унижением — отказом дать ему слово. Нет, решение к тому моменту было принято. Написаны прощальные письма: по дороге на работу шофер по просьбе начальника опустил в почтовый ящик два конверта. Известно, кому адресовано, по крайней мере одно из посланий — тележурналисту Льву Вознесенскому. Вот оно:

«20.04.79.^[30]

Дорогой друг, Лев Александрович!

Это мое посмертное письмо я адресую тебе. Среди многих людей, которые меня окружали, я выбрал тебя, так как ты, на мой взгляд, воплощаешь идеалы, к которым стремится всё светлое, всё честное, всё настоящее.

Ты светел и истинен, как настоящий коммунист. Ты

вдохновлял меня до последней минуты.

Скажу тебе в свой предсмертный час: я верил в идеалы, но они растоптаны; я верил в справедливость, но она распята; я верил в то, что только труд и честь определяют ценность человеческой личности, но это оказалось глубоким заблуждением. Я, идеалист и романтик, оказался в этом мире банкротом.

Нет сил жить. Если у человека убита вера и надежда, он труп.

Господи! Как я работал! Как горел, как боролся! И чем благороднее была цель, чем вдохновеннее труд, тем больше ненависть власть имущих.

Я оплодотворил своим талантом и фантастическим трудом интеллектуальную пустыню органов внутренних дел. Я сделал общественной величиной это ничтожество, имя которому Щёлоков, — и за всё это я плачу жизнью. Этот мир не достоин лучшей доли. Это мир рабов, холуев и карьеристов.

Прощай! Жизнь — это торжество истины. Если она убита, наступает маразм, а значит и смерть.

Не забывай моей семьи.

Счастья тебе и успехов.

Любящий тебя

С. Крылов.

Р. С. Смерть — это ведь тоже борьба за жизнь».

Не хочется спорить с автором предсмертной записки. Но вполне очевидно: прежде чем «отнять» академию, нужно ее «дать»... Проявить свои дарования Сергей Михайлович Крылов смог именно в МВД при министре Николае Анисимовиче Щёлокове. «На министра Крылову, по большому счету, грех было жаловаться, — говорит Игорь Яковлевич Дроздецкий. — Щёлоков сделал Крылова генерал-лейтенантом, доверял ответственные посты. В высшей школе КГБ Сергей Михайлович в лучшем случае дорос бы до полковника».

Так полагает и генерал Галустьян, уважающий обоих: «Не было бы Щёлокова, не было бы и Крылова. Николай Анисимович искал именно такого человека, поэтому пригласил его в МВД и быстро продвигал его по службе».

Пожалуй, следует отметить и такой факт. По свидетельству очень осведомленного источника, еще в бытность начальником штаба Сергей

Михайлович в узком кругу мог позволить себе пренебрежительно отозваться о министре, которого, дескать, именно он, Крылов, «оплодотворяет идеями». Слухи об этом доходили до министра. Легко представить его реакцию. Однако, к чести Николая Анисимовича, он умел встать выше личных обид и, как мы видели, до последней возможности поддерживал своего единомышленника. Когда в здание на Огарева, 6, приходила вдова Сергея Михайловича, Вера Тихоновна, она без задержек получала аудиенцию у министра. Придет время, и уже Вера Тихоновна придет утешать Щёлокова в трудный для того момент...

В сентябре 2009 года Сергей Михайлович Крылов — извините за красоту — вернулся в созданную им академию (которая теперь называется Академией управления МВД России). Это справедливо. Вспомним еще раз его идеал: милиционер, *внутренне* не способный преступить закон, поднять руку на человека. Идеал недостижимый, но тот, кто об этом мечтал, заслуживает памятника.

Глава четырнадцатая

ДВОЕ В ЛОДКЕ

О многолетнем соперничестве министра внутренних дел Н. А. Щёлокова и председателя Комитета государственной безопасности Ю. В. Андропова написано и сказано очень много. Тема их отношений вышла на первый план. Она к тому же кинематографична: есть что рассказать и что показать. И соперничество реально было. Именно Юрий Владимирович Андропов в итоге стал «черным человеком» Николая Анисимовича Щёлокова...

Однако многое тут требует уточнения. И по-прежнему далеко не всё известно.

Начнем с того, что соперничество между МВД и КГБ изначально входило в *правила игры*, оба руководителя это отчетливо сознавали и до определенного момента относились к этому спокойно. Брежнев усвоил уроки своего предшественника. Ошибок Хрущева, проморгавшего в 1964 году «предательство» председателя КГБ, он повторять не собирался, поэтому и не пожалел усилий, чтобы продавить на должность главы МООП человека прежде всего лояльного. В явной или не явной форме перед новым министром стояла задача — создать противовес органам госбезопасности; его действия в этом направлении поощрялись. А Юрий Владимирович Андропов, назначенный председателем КГБ СССР в мае 1967 года, разве не понимал этого? Прекрасно понимал. У него и внутри ведомства хватало противовесов — по одну руку от него сидел старый соратник Брежнева Семен Кузьмич Цвигун, а по другую — тоже старый соратник, к тому же и родственник Леонида Ильича (женаты на сестрах) Георгий Карпович Цинев. Мудрый Юрий Владимирович 15 лет делал вид, что такая конфигурация для него вполне комфортна.

И потом: сложившееся распределение ролей между Андроповым и Щёлоковым при Брежневе не могло быть изменено, зачем тому или другому биться лбом о стену? Андропов — кандидат в члены, затем член Политбюро, второе, наконец, первое лицо в государстве. Щёлоков в борьбе за высшие должности не участвовал — ни по положению, ни, пожалуй, по свойству характера. В большой политике для Андропова Щёлоков — раздражающий фактор, вряд ли больше. Они могли конкурировать только там, где пересекались интересы двух силовых структур, но никак не в борьбе за власть.

Противостояние в той или иной форме между МВД и КГБ было неизбежно. Генерал двух ведомств И. Я. Дроздецкий^[31] справедливо отмечает: «Во всех странах мира между политической и криминальной полициями существует взаимное недолюбивание, мягко говоря. Политическая полиция призвана охранять режим, а криминальная — граждан. Кто режим охраняет, тот ему и ближе. Это естественно. С „правом первого стука“ вопрос отрегулирован: о непорядках в криминальной полиции высшему руководству докладывает полиция политическая, а не наоборот. Зарплата в криминальной полиции везде меньше, нагрузка — больше. В наше время в МВД на одного опера приходилось несколько десятков дел в году, а в КГБ — 4–5. Понятно, что в одном случае — уголовники, в другом — дипломаты, атташе, надо тонко работать. Но нагрузки несопоставимы. Николай Анисимович иногда допускал публичные выпады против КГБ. Он мог сказать на коллегии: „Что там ГеБе, одного агента разрабатывают до пенсии. Вот мы работаем!..“ Это становилось известным. У Щёлокова было твердое мнение, что МВД гораздо более весомое ведомство, чем КГБ, в смысле вклада во внутреннюю безопасность страны. Он не хотел смириться с неизбежностью, с тем, что госбезопасность по определению ближе к режиму. Когда Щёлоков лишился поддержки в лице Брежнева, Андропов, будучи на порядок выше по положению, это ему припомнил»^[32].

Итак, непростые, подчас конфликтные отношения между двумя полициями кроются в их природе. В биографиях руководителей МВД XIX века тоже находим отголоски этих давних боев. Например, у А. Закревского «вероятная причина отставки — противоречия с главноуправляющим III отделением императорской канцелярии А. Х. Бенкендорфом», КГБ. Перовский «предлагал упразднить III отделение императорской канцелярии, передав его функции в МВД», П. Валуев «уволен с поста министра из-за разногласий с главноуправляющим III отделением императорской канцелярии П. А. Шуваловым», а вот М. Лорис-Меликов, напротив, «добился упразднения в 1880 году III отделения императорской канцелярии».

Но в дополнение к сказанному Щёлоков и Андропов как личности действительно — почти полные антиподы.

Представим анкету Юрия Владимировича Андропова. Не ту, которую он заполнял и в которой, подкрепив написанное документами, мог указать: «матрос», «участвовал в организации партизанского движения и антифашистского подполья в Карелии» и т. д. Нет, настоящую — никогда

им не заполнявшуюся, но влиятельным друзьям и недругам известную. Из нее бы мы узнали, что у него *нет* профессии, *нет* высшего образования, *нет* фронтовой биографии, *нет* здоровья, фактически *нет* прошлого. Кое-что из того, что у него есть, он вынужден забыть — первую семью, непутевого сына Владимира с двумя судимостями^[33]. И человек с такой биографией делает партийную карьеру. (А ведь у него и высоких покровителей нет — никого влиятельнее Отто Куусинена, деятеля интернационального движения, фигуры представительской, биографы не называют.) Этот сугубо кабинетный руководитель, почти не ездивший по стране, не встречавшийся с «трудовыми коллективами», не умевший выступать на публике — виртуоз политического выживания. С такой-то анкетой и без связей неуклонно подниматься вверх! Возникает соблазн отказать ему в достоинствах и приписать возвышение, может быть, случаю или ловким интригам. Но это будет ошибкой. В нем есть ценное для руководителя качество: способность *принимать решения*. Он проявил его, будучи советским послом в Венгрии в 1956 году. Твердый человек, готовый брать на себя ответственность, коварный с врагами, честный с друзьями. У него есть качества *лидера*. Ему можно поручить сложный, самостоятельный участок работы. Такие люди редки, ими дорожат.

Еще несколько штрихов к характеру Юрия Владимировича, имеющих отношение к теме разговора.

Андропов в партии считается *интеллектуалом*. Насколько точно это слово? Умен — несомненно, в том смысле, что быстро схватывает суть проблемы, быстро вырабатывает решение, составляет тонкий план действий, правда, план тактический, а не стратегический. Говоря языком шахматистов, Андропов уверенно чувствует себя в тактической игре, требующей точного расчета вариантов. Он обладает и другими важными для успешного игрока качествами — терпением, хладнокровием, волей. Однако в нем практически отсутствует способность к стратегическому мышлению, столь необходимая *государственному деятелю*. Его взгляды на экономику и общество примитивны (главный противник Андропова в Политбюро — не кто-нибудь, а премьер Косыгин с его более чем умеренной программой реформ). Он нередко допускает серьезные стратегические ошибки (например, активно поддерживает трагическое решение о вводе советских войск в Афганистан). Придя к власти, этот самый информированный в стране человек не будет знать, что делать. «Наводить порядок» — это понятно, но что позитивное предложить обществу?! Он никогда в жизни не занимался кропотливой созидательной деятельностью.

Андропов пишет стихи. Сокровенных струн его поэзия не задевает, но он ни в коем случае не графоман, поэтической формой владеет хорошо. Судите сами. Вот — философское:

Мы бренны в этом мире под луной.
Жизнь только миг. Небытие — навеки.
Кружится во Вселенной шар земной.
Живут и исчезают человеки.

Или — шуточное, адресованное помощникам Бовину и Арбатову:

Сбрехнул какой-то лиходеи,
Как будто портит власть людей,
О том все умники твердят
С тех пор уж много лет подряд,
Не замечая (вот напасть!),
Что чаще люди портят власть.

Среди его помощников — люди по тем временам либеральные, склонные к вольным речам, но... только в стенах его кабинета; за пределами они должны быть «как все». Поговорили, разошлись и — рот на замок. В нечастых личных встречах с деятелями культуры (мало кому из творческой интеллигенции приходит в голову завести знакомство с председателем КГБ, а он-то как раз вполне доступен) Андропов прост, не чванлив. Но вот что примечательно: и с либеральными помощниками, и с деятелями культуры он общается как будто только для того, чтобы знать настроение *этой среды*. К общению с ними он не тянется, они не оказывают никакого воздействия на его мировоззрение, ни на йоту не изменяют его ортодоксальных взглядов на экономику и общество. Настоящий Андропов — в своем кабинете на Лубянке (здесь он бывает каждый день, без выходных), на докладах у Брежнева, на заседаниях Политбюро, в фехтовании со своими аппаратными противниками, тем же Щёлоковым.

Значительная часть его деятельности *на внутреннем фронте* способна вызвать только брезгливость. Председатель КГБ для сведения высших партийных руководителей составляет (подписывает) оперативные справки на их подданных — не только на открытых «врагов режима», вроде

Солженицына и Сахарова, но и на совсем не врагов — Твардовского, Шостаковича и других, за кем надо «по-отечески» присматривать. За каждым известным в стране человеком он, по долгу службы, вынужден наблюдать в замочную скважину. Пожалуй, за 15 лет такой вахты можно и свихнуться, если пропускать это через сердце, однако Андропов, по-видимому, эту свою работу делает только головой, без сладострастного увлечения, подходя к ней прагматично. Следует, конечно, добавить, что именно в бытность Андропова председателем КГБ инакомыслящих стали отправлять в психиатрические лечебницы... Такой это был интеллектual... но интеллигент ли?

В роли главы государства Юрий Владимирович Андропов не оправдает возлагавшихся на него надежд. Истинный сын своего ведомства, он более или менее отчетливо представлял только одно направление преобразований — «наведение порядка». В отсутствие позитивной программы реформ это могло только ускорить процесс распада советского общества. Так и произошло. Однако, к чести Андропова, придя к власти тяжелобольным человеком, он не сидел сложа руки, не «доживал», как Черненко, а довольно решительно пытался воплотить в жизнь свои принципы. Он, можно сказать, пал в бою. Другое качество Юрия Владимировича заслуживает всяческого уважения — его отношение к материальным благам. Он был к ним равнодушен и детей своих (от второго брака) ухитрился воспитать в похвальной скромности. Родственники Андропова работали в различных организациях Москвы, не привлекая к себе особого внимания^[34].

Несколько ощутимых неприятностей Щёлоков доставил Андропову уже в первые годы их «сосуществования». Так, министр внутренних дел раскопал, что по старому декрету, еще ленинской поры, правительственные учреждения должны охранять совместно органы милиции и госбезопасности. В зданиях на Старой площади наряду с чекистами появились военнослужащие внутренних войск. Получилось, что партия не вполне доверяет КГБ. Брежнев доволен — то, что надо. И реалист Андропов по своему обыкновению прячет истинные эмоции за невозмутимостью: надо — значит надо. Впоследствии Николай Анисимович предпримет усилия подключить милицию к охране высших государственных лиц, ограничив монополию 9-го управления КГБ. Это у него уже не пройдет. Самоубийственно было даже замахиваться на такое. Ведь «девятка» не только охраняла государственных мужей, но и присматривала за ними, — прерогатива политической полиции...

Болезненное для самолюбия председателя КГБ событие произошло в

1972 году. Министр внутренних дел Грузии Эдуард Шеварднадзе при поддержке Главного следственного управления МВД (дело вели следователи из Москвы) изобличил группу местных теневиков, связанных с первым секретарем компартии республики Василием Мжаванадзе. Материалы по делу Щёлоков передал Брежневу. Мжаванадзе яростно сопротивлялся, однако был отправлен на пенсию. Шеварднадзе занял его место. Получилось так, что власть в союзной республике сменилась при непосредственном участии главы МВД, а КГБ остался в роли наблюдателя. В окружении Щёлокова многие полагали, что именно после этого события в отношении Юрия Владимировича к Николаю Анисимовичу появилось *слишком много личного*.

Специально дразнить более могущественное ведомство Щёлоков, конечно, не имеет намерения. Комитетчиков называют в милиции «старшими соседями», милиционеры, соответственно — «младшие соседи». *Старшие* докладывают политическому руководству о работе *младших*. Таково устоявшееся распределение ролей. КГБ при Андропове настойчиво добивается того, чтобы и формально осуществлять контрразведывательный надзор за деятельностью МВД, примерно по тому же принципу, как это налажено в армии, где существуют подразделения армейской контрразведки. Однако Щёлокову, благодаря поддержке Брежнева, год за годом удается уберечь МВД от такой опеки.

И. И. Карпец по этому поводу замечает: «В свое время для армии, МВД, флота, МИДа и еще ряда министерств и ведомств обычным явлением было то, что в их структуре сидели, даже плохо подчас замаскированные, на разных должностях, преимущественно в кадровых аппаратах, сотрудники КГБ. Их дело было „блюсти политическую нравственность“ сотрудников этих учреждений. Не знаю, как насчет нравственности, а насчет обстановки наущничества в связи с этим было „всё в порядке“. Когда было воссоздано МВД СССР, сотрудники КГБ остались только в войсках (имеется в виду во внутренних войсках. — С. К.). В аппарате министерства их не стало. Это было странно, но факт. Однако к концу 70-х гг. стали поговаривать в кулуарах о „восстановлении“ этой службы во всей системе МВД... Мы надеялись, зная о непростых отношениях между Ю. В. Андроповым и Н. А. Щёлоковым, что этого не произойдет, ибо восстановление института официальных соглядатаев обострило бы и без того не простую обстановку внутри министерства... Как-то на заседании коллегии министр неожиданно для всех (или, во всяком случае, для большинства) поставил этот вопрос без всякой подготовки на обсуждение... Все были в крайнем недоумении. Начался весьма резкий

обмен мнениями. Подавляющее большинство членов коллегии выступило против этого „нововведения“, прямо указав на недопустимость возврата к методам 37-го года. Я был среди самых активных противников этой идеи, выступив первым. Оставшись в меньшинстве, министр отступил, отложив решение вопроса на неопределенное время... Забегая вперед, скажу, что не так уж много времени спустя, без обсуждения, службу кагэбэвских соглядатаев восстановили уже в конце царствования Щёлокова, а при Федорчуке это стало нормой, тем более что началась охота на ведьм в рамках министерства».

Всё-таки Игорь Иванович не был искушен в вопросах «большой политики». Он не догадался, как сам Щёлоков относился к этому «нововведению», какого решения коллегии ожидал...

В целом представление о том, что министр внутренних дел и председатель Комитета государственной безопасности постоянно конфликтовали, слишком преувеличено. Внешне они держались по отношению друг к другу корректно. Часто общались по телефону. Регулярно встречались. В Польше и Чехословакии органы криминальной и политической полиции были объединены, поэтому когда в Москву приезжали министры безопасности из этих стран, то в совещаниях с ними участвовали и Щёлоков, и Андропов.

Конечно, по работе руководитель политической полиции и член Политбюро Андропов общался с Брежневым намного чаще, чем министр внутренних дел^[35]. Но что касается «ближе»... В 1976 году Андропову и Щёлокову одновременно присвоили звание генерала армии. На церемонии награждения Леонид Ильич не присутствовал. После завершения этой процедуры он позвонил в службу протокола, чтобы пригласить к себе обоих награжденных: «Они еще там?» — «Да». — «Позовите Николая». Заметим: Николая, а не Юрия. И передал свое приглашение через Щёлокова. Очевидцы сочли этот факт красноречивым. (Свидетельство одного из помощников Н. А. Щёлокова.)

Примерно до 1980 года противоречия между руководителями двух силовых ведомств не выплескивались наружу. Но даже и в 1982 году для многих станет неожиданностью, что они фактически враги.

...На одну неприятность Юрий Владимирович мог ответить Николаю Анисимовичу десятью неприятностями. Последний об этом зачастую и не подозревал.

Показательны воспоминания высокопоставленных чекистов из окружения Андропова.

Бывший первый заместитель председателя КГБ Ф. Д. Бобков в книге

«КГБ и власть» рассказывает:

«Однажды нам удалось раскрыть преступление, связанное с продажей икон за границу: крупный делец, ворочавший огромными деньгами, сумел переправить за рубеж немало ценностей. Заняться одним из этапов его „деятельности“ в Челябинске было поручено следователю по особо важным делам МВД СССР. Он тщательно изучал иконы, производил опись, отбирал наиболее редкие и дорогие.

Некоторые его действия показались подозрительными, похоже было, сам он каким-то образом заинтересован в этом деле. Решили пойти на риск и произвести у него обыск. Получив санкцию прокурора и заместителя министра внутренних дел СССР Бориса Шумилина, обыскали служебный кабинет следователя, затем его квартиру и обнаружили там украденные иконы. Оказалось, часть их он предназначал Щёлокову, убежденный, что тот защитит его в случае провала.

Ну, а что Щёлоков? Он просто промолчал, словно это его не касалось, и даже никак не отреагировал на обыск, проведенный в здании МВД СССР, на Огарева, 6...»

Темы «Щёлоков и антиквариат», «Щёлоков и вещественные доказательства» мы разберем позже. Пока же отметим характерные особенности, отличающие обвинения данной категории авторов. С этими особенностями мы не раз встретимся. Поскольку их обвинения строятся обычно на *оперативной информации* и не подкреплены следственными действиями, то и отличаются обычно расплывчатостью формулировок в сочетании с решительностью выводов. Например, что означает утверждение: часть икон следователь «предназначал Щёлокову»? У них имелась договоренность? Где и когда они встречались? Министр знал о существовании этого следователя? И как Щёлоков мог защитить жулика в случае «провала» (любопытный термин употребляет автор) — Андропову бы позвонил? Задавались ли эти вопросы задержанному следователю, и если да, то что он на них ответил? Мы видим другое: руководители МВД позволяют «соседям» обыскать подозрительный кабинет, а сам министр на этот обыск «никак не отреагировал» (тоже плохо). Впрочем, цель достигнута: в МВД произошло «что-то нехорошее», а что именно — не так важно.

«...О происшедшем Андропов доложил Брежневу, и на этом всё кончилось».

По-видимому, этот случай произошел в период очередного обострения отношений между руководителями двух ведомств. Всё-таки нуждается, нуждается МВД в более плотном оперативном надзоре со стороны

«старших соседей»!

На суд читателя отдаем еще одно свидетельство того же автора: «Помню, когда министром внутренних дел назначили Н. А. Щёлокова, в разговоре с членом Политбюро А. П. Кириленко он (тогдашний глава КГБ В. Е. Семичастный. — С. К.) не скрывал резко отрицательного отношения к этому назначению и характеризовал Щёлокова как человека недостойного, известного своей коррумпированностью и продвигающегося по службе только благодаря покровительству Брежнева».

Экий храбрец Семичастный — обвинил Брежнева в том, что тот покровительствует человеку, известному своей «коррумпированностью» (тогда и слова такого не употреблялось). Причем в разговоре с ближайшим соратником Леонида Ильича. И тоже — не привел ни одного факта, подтверждающего свое обвинение. (До 1966 года долгое время Николай Анисимович по службе, как мы знаем, практически не продвигался.)

Докладом закончилась также история, которую поведал В. И. Алидин [\[36\]](#) в книге воспоминаний «Государственная безопасность и время». По делу о контрабанде подчиненные Алидина арестовали одного человека. Через некоторое время они узнали, что принадлежавший арестованному антикварный гарнитур стоимостью более 47 тысяч рублей, находившийся на реставрации на московской фабрике, отправлен на квартиру Щёлокова. Мошенническую операцию провернул начальник отдела ХОЗУ МВД.

«Я доложил об этом факте Ю. В. Андропову. Он взволнованным голосом сказал мне:

— Виктор Иванович, ты ставишь меня в тяжелое положение. Ну что я могу сделать по этому делу? Поговори сам со Щёлоковым, ведь ты его знаешь давно, еще по работе на Украине.

Что мне оставалось делать? Я согласился...»

Виктор Иванович отправился к министру внутренних дел проводить воспитательную беседу. Однако что это за мебель, которую из-под носа чекистов увел сотрудник ХОЗУ? Мы не знаем, можем только предполагать. Вероятно, гарнитур у контрабандиста был изъят в возмещение ущерба и дальнейшая его судьба — быть проданным после реставрации. В таком случае это уже не собственность преступника, а обычный товар, стоимость его магазин может оценить не в 47 тысяч рублей, а, скажем, в 5 тысяч. Покупатель едва ли знает происхождение этой мебели. Возможно, но совсем маловероятно, что это вещественное доказательство по делу о контрабанде, которое ведут контрразведчики, и тогда хозяйственник МВД просто самоубийца. В любом случае подчиненным Алидина ничто не мешало задокументировать действия мошенника, и тогда мы бы сейчас не

гадали. Но этого, разумеется, сделано не было. Остается предположить: цель этих манипуляций — щелкнуть по носу конкурента и потом *доложить*.

«...Встреча с Щёлоковым состоялась, она носила как бы товарищеский характер. Рассказав о некоторых известных мне фактах сращивания работников милиции с преступными элементами, я высказал ему мысль о назревшей необходимости оперативного обслуживания (любимая тема! — С. К.) органами КГБ системы Министерства внутренних дел по выявлению преступных элементов, действовавших в самом МВД. Он ответил, что подумает над этим вопросом. И тогда я сказал:

— Николай Анисимович, ваш подчиненный незаконно вывез с московской мебельной фабрики антикварную мебель, принадлежащую лицу, находящемуся у нас под следствием, и доставил мебель к вам на квартиру. Я прошу, желательно к вечеру, вернуть мебель по принадлежности, в противном случае мы будем вынуждены принять меры к вашему подчиненному.

Щёлоков растерялся и обещал всё вернуть. К вечеру он позвонил мне по телефону и сообщил, что сдал мебель. Я, естественно, доложил об этом Ю. В. Андропову».

А Юрий Владимирович, вполне возможно, доложил Брежневу, что они уберегли Щёлокова от ошибки. Окружение Андропова знало, как сделать ему приятное...

«На квартиру Щёлокова» впоследствии «повезут» и не такое. Например, у Млечина читаем: «Щёлокову переданы антикварные ценности на сумму 248,8 тысячи рублей, являющиеся вещественными доказательствами по уголовному делу валютчика Акопяна М. С.».

Странно, что бывавшие в четырехкомнатной квартире Щёлоковых на Кутузовском проспекте, на их даче в Горках-10 видели там хорошую современную мебель, множество книг, картин, которые Николай Анисимович собирал всю жизнь, но антикварные ценности в глаза там не бросались. Такое сокровище не могло затеряться — почти 250 тысяч рублей! Может быть, еще куда-то повезли антиквариат? Читаем дальше:

«Первоначально уникальные шкафчики из наборного дерева, картины, кресла, большая часть изделий из фарфора и серебра были поставлены на госдачу № 8 в Серебряном Бору...»

Госдача № 8 — это дом приемов МВД и одновременно гостиница для приезжающих в Москву руководителей милиции и очень высоких гостей. Министр там бывал только эпизодически.

«Некоторые антикварные ценности... на общую сумму 42 тысячи

рублей были переданы непосредственно Щёлокову и хранились у него в комнате отдыха при служебном кабинете...»

Ценностей помощники министра там никогда не видели, в основном — книги. А зачем ему антиквариат в комнате отдыха?

«В ноябре 1979 года по распоряжению Щёлокова Н. А. все указанные ценности с дачи и из комнаты отдыха перевезены на служебную квартиру на улице Герцена».

И так далее. «Квартира Щёлокова» со временем станет очень широким понятием, вмещающим не только его дачу и квартиру на Кутузовском, но и кабинет, и дом приемов, и ведомственные квартиры, и, например, Центральный музей МВД СССР.

А как вообще могли куда-то повезти вещественные доказательства по уголовному делу? Возможно ли такое в принципе? Любой профессиональный следователь скажет: невозможно. В 1983–1984 годах Щёлокову не будут задавать вопросов об этом эпизоде. Хотя слухи о том, что министр якобы присваивал какие-то вещдоки, широко распространялись...

Из книги воспоминаний Е. И. Чазова «Здоровье и власть», изданной в 1992 году, стало известно, что в узком кругу председатель КГБ аттестовал своего *младшего соседа* не иначе как «жуликом» и «проходимцем». Сомневаться в словах академика и главы кремлевской медицины трудно: в какой-то момент он стал для своего могущественного пациента, замурованного в больничной палате, больше, чем духовником. Несколько смущает только категоричность свидетельства. Неужели Юрий Владимирович был настолько ослеплен аппаратной борьбой, что вообще не замечал того позитивного, что происходило в МВД при Щёлокове? По-видимому, так. Трудно представить, чтобы Андропов с похвалой отзывался, скажем, об усилиях *младших соседей* по созданию института профилактики преступлений, еще труднее — о мерах по гуманизации наказания. Гигантская профилактическая, образовательная, воспитательная работа, проходившая в то время в МВД, остается вне внимания главы КГБ. Неудивительно — ведь сам Андропов никогда не занимался ничем подобным. Министра Щёлокова он оценивает только с позиций «жулик — не жулик», «интригует — не интригует», «жалуется Брежневу — не жалуется Брежневу». Лишь в конце жизни Юрий Владимирович сам столкнется с необходимостью предложить обществу позитивную программу. И — не предложит.

Глава пятнадцатая

ПРОТИВ МАФИИ

Милиционеры и чекисты не только конкурировали между собой, но и взаимодействовали.

Специфические составы преступлений, по которым работал КГБ — экономические, контрабанда, валютные операции, незаконный оборот антиквариата. В этих сферах без помощи милицейских сыщиков, обладавших широкой и разнообразной агентурой, чекистам обойтись было сложно (с бомжами, алкоголиками, дворниками контрразведчики, как правило, не общались, их агенты — директора магазинов, антиквары — «белая кость»). КГБ имел минимум дел, реализованных исключительно собственными силами. А милицейские оперативники обычно обращались к «соседям» при необходимости установить «прослушку» или провести негласный обыск — чекисты, в отличие от сотрудников МВД, имели право проводить такие мероприятия. При работе по конкретным делам у оперативников двух ведомств конфликтов обычно не возникало. Сыщик Дмитрий Медведев говорит, что он находил полную поддержку и у начальника 2-го главка КГБ (контрразведка) генерала Григоренко. Конфликтовало высокое начальство, те, кто боролся за право «первого стука», *докладывал* партийному руководству.

О раскрытии преступлений в сфере оборота антиквариата мы поговорим в следующей главе. А пока — еще несколько замечаний на важную тему. Речь — о борьбе с «коррупцией» (термина тогда такого не было) при позднем Брежнев, о том, какую роль при этом, на фоне известных достижений Генеральной прокуратуры и органов госбезопасности, играли милиция и сам министр внутренних дел Щёлоков, если они, конечно, эту роль играли.

Генерал-полковник госбезопасности Алидин в знакомой уже манере, не утруждая себя доказательствами, утверждает — ни больше ни меньше: руководство МВД при Щёлокове *сопротивлялось любым действиям* органов госбезопасности, направленным на то, чтобы изобличить высокопоставленных чиновников в коррупции, взяточничестве, хищениях государственной собственности. Любым! Приведем точную цитату из книги «Государственная безопасность и время»:

«Примерно с середины 70-х годов к нам в Управление (по Москве и Московской области — С. К.) стали поступать тревожные сигналы о фактах

коррупции, взяточничества, расхищения государственной собственности. Этими проблемами занималось Министерство внутренних дел, но в ту пору нам уже стало ясно, что его подразделения с подобными видами преступлений явно не справляются. Между тем число их росло, и эти опасные для общества явления приобретали политический оттенок. Понятно, что органы государственной безопасности не могли, да и не имели права проходить мимо подобных явлений... В ЦК партии откровенно не поддерживали действий органов государственной безопасности по привлечению к уголовной ответственности работников руководящего звена, стремясь, что называется, не выносить сор из избы. Таковую же позицию заняло и руководство МВД СССР. Оно сопротивлялось любым действиям, проводимым на этом направлении. Сложность состояла еще и в том, что Леонид Ильич Брежнев находился в самых близких отношениях с министром МВД Н. А. Щёлоковым, а первый заместитель министра Ю. М. Чурбанов был его зятем.

Зная, что в этой борьбе я занимаю принципиальную позицию, кое-кто из руководящих работников Москвы частенько намекал мне:

— Смотри, Виктор Иванович, так и шею сломаешь.

Но я был уверен в своей правоте, а уверенности мне придавала твердая поддержка Ю. В. Андропова».

Придумали же товарищи высокопоставленные чекисты «страшилку»: Щёлоков. И Чурбанова туда же — «до кучи». Только «первый зять» был к Юрию Владимировичу как бы не ближе, чем к своему министру. По вполне достоверной информации, Андропов обещал Чурбанову поддержать его кандидатуру на должность главы МВД, если Щёлоков уйдет на повышение, как ожидалось. И поддержал бы... при жизни Брежнева. Но и после смерти Леонида Ильича его преемник «зятя» не тронул, тот продолжал трудиться на прежнем месте. Виктор Иванович Алидин, напомним, занял свой пост в 1971 году и оставался на нем 15 благополучных лет, не ломая шеи. Автора мемуаров, что называется, «понесло»...

Спрашивается, кто же тогда раскрывал резонансные дела конца 1970-х — начала 1980-х? Ведь без оперативной поддержки органов внутренних дел ни прокуратура, ни Комитет государственной безопасности ничего бы сделать не смогли. Если не вызывала доверия местная милиция, то действовали оперативно-следственные бригады из Центра.

А вот пример попытки МВД самостоятельно нанести удар по коррупции достаточно серьезного уровня. Обратимся к книге Е. Сергеева «Теневики» (М., 2000). В конце 1970-х, рассказывает автор, управление БХСС проводило операцию в Узбекистане под руководством старшего

инспектора по особо важным делам А. Н. Мусияченко. В республику якобы для поиска опасного маньяка из Москвы отправилась большая группа оперативников. Затем под легендой — «для изучения передового опыта» — две бригады ревизоров. Были возбуждены уголовные дела на предприятиях местной промышленности. Замах был нешуточным:

«Один из арестованных дал показания о систематической передаче взяток первому секретарю Хорезмского горкома партии. Мусияченко провел удачную оперативную операцию, в ходе которой удалось „выкрасть“ из овчарни родного брата этого секретаря горкома сейф, в котором оказалось около миллиона рублей и золотых изделий на такую же сумму. Почти на всех купюрах экспертиза обнаружила отпечатки пальцев первого секретаря горкома...

Много безобразий было выявлено в хлопкоочистительной промышленности и ряде других отраслей экономики, где обнаружилось немало подпольных цехов.

Подробная справка по всем этим вопросам была доложена Н. А. Щёлокову. Требовалась дальнейшая квалифицированная работа для изобличения зарвавшихся расхитителей и взяточников. Но для этого надо было получить согласие Ш. Рашидова. С такой надеждой Николай Анисимович доложил эту справку Л. И. Брежневу, но тот, не задумываясь, начертал на ней: „Направить тов. Рашидову, в республике сильная партийная организация“. После этого был наложен строгий запрет выезжать нашим сотрудникам в командировки в Узбекистан по конкретным делам».

Однако в Советском Союзе «антикоррупционным» ведомством был в гораздо большей степени КГБ, чем МВД. Милиция имела мало возможностей бороться с преступностью в тех случаях, когда та срачивалась с партийной или советской властью. В силу целого ряда объективных причин.

Возьмем уровень области. Начальник УВД назначается с согласия первого секретаря обкома, то есть плотно контролируется по партийной линии^[37]. Главный областной милиционер регулярно докладывает «первому» криминальную обстановку. При визитах в область более высокого руководства начальник УВД отвечает за организацию этих мероприятий и в них участвует, можно сказать, последним вставая из-за праздничного стола. На мелкие грешки местных властей, понятно, он закрывает глаза. Но, предположим, он сталкивается с фактами серьезных злоупотреблений, с которыми не хочет мириться. Как поступает честный

начальник УВД? Доверительно сообщает о своих проблемах министру. Просит перевести его в другой регион. Что больше может он предпринять? А менее честный начинает сам «срачиваться» с этой властью, надеясь на ее покровительство — ведь «сильный» первый секретарь не даст в обиду своего главного милиционера. Проиллюстрируем это на примере. В Академии МВД при Крылове подготовили достойного милицейского руководителя для Томской области — Виктора Петровича Бомонина. Совпал и другой фактор: областью в те годы руководил славившийся нестяжательством первый секретарь Егор Кузьмич Лигачев. Бомонин и Лигачев долгое время работали душа в душу (об этом сказал автору в телефонном разговоре сам Егор Кузьмич). Но могли быть совсем иные примеры, скажем, на юге России или в некоторых национальных республиках.

У начальника областного управления КГБ положение принципиально иное. Он назначается из Центра. На встречах с первым секретарем докладывает то, что считает нужным. Чекисты не имеют права вести разработку сотрудников партийного аппарата, только кто же верит, что они совсем этим не занимаются?^[38] Негативная информация в отношении первых лиц области имеет обыкновение стекаться сама, она может всплыть в случайном разговоре в автобусе или при допросе уголовника. Сотрудник милиции в таком случае обязан провести проверку полученных сведений, при подтверждении — возбудить уголовное дело либо забыть о том, что он узнал. А чекист может положить бумагу в сейф — до лучших времен. Милиция работала на реализацию дел, КГБ прежде всего — на сбор информации. И в этом также существенная разница между ними^[39].

В общем, партийные руководители на местах имели возможность контролировать начальников милиции, а их *старших соседей* побаивались и предпочитали с ними не ссориться.

В случаях, которые мы описали, милиция на региональном уровне могла покрывать коррупцию, противодействовать борьбе с ней. Но ведь в МВД имелись не только территориальные органы, но и «отраслевые» — главки, центральный аппарат, в которых, как мы видели, при Щёлокове подобралось немало людей, для кого борьба с преступностью являлась делом жизни. Они тоже препятствовали «любым» действиям Алидина и его коллег? Предъявите факты — их нет. Заслуженный юрист России, генерал-майор В. Ф. Статкус при Щёлокове возглавлял следственную часть МВД (до 1975 года). В частности, Владимир Францевич непосредственно участвовал в расследовании экономических преступлений в Грузии,

результатом чего стала смена власти в республике в 1972 году. Он утверждает, что в своей практике *ни разу* не получал от министра указания или просьбы приостановить дело в отношении кого-либо. Вновь отсылаем читателя к книге И. И. Карпеца. Среди упреков, которые высказал министру Игорь Иванович, мы не найдем такого — в укрывательстве коррупции. Подобных указаний начальник союзного угро от него не получал. А как иначе? Щёлоков ведь в министерстве был не сам по себе.

Его подпирало общественное мнение, позиция его подчиненных, среди которых преобладали люди порядочные, профессиональные и достаточно независимые. Он их сам подбирал. Неужели для того, чтобы потом просить их укрывать преступления?!

В расследовании громких «коррупционных» дел конца 1970-х — начала 1980-х годов сотрудники МВД принимали самое деятельное участие, хотя лавры раскрытия в период борьбы с «брежневщиной» зачастую присваивали другие. Впрочем, принципиальные люди тогда были во всех ведомствах: и в Генеральной прокуратуре, и в КГБ, и в МВД...

Теперь обратимся к конкретным примерам.

Алексей Иванович Сафонов возглавлял милицию Тульской области 14 лет, из них пять — при Н. А. Щёлокове.

Областной центр по меркам Москвы — «большая деревня». Здесь от людей ничего не скроешь. Все в Туле знают, что генерал Сафонов взяток не брал. За 14 лет ни один грязный слух не прилип к Алексею Ивановичу. Он пришел в МВД из партийных органов (как Щёлоков), довольно быстро освоился в милиции и завоевал уважение подчиненных как грамотный руководитель и порядочный человек.

Мы разговаривали с Алексеем Ивановичем в его одноэтажном деревянном домике, недалеко от Ясной Поляны, где он с супругой постоянно живет. Его домик — из тех, что вполне могли быть возведены и на пенсионные деньги. Порядочному человеку в самый раз: из яблоневого сада Сафоновых открывается вид на усадьбу Льва Толстого, и места там грибные, отставной генерал — заядлый грибник.

Алексей Иванович вспоминал, как состоялось его назначение на должность главного милиционера Тульской области. В 1977 году его, заведующего отделом обкома партии по строительству, срочно приглашают в кабинет первого секретаря Тульского обкома Ивана Христофоровича Юнака. Там находится прибывший из Москвы начальник управления кадров министерства генерал-лейтенант Иван Ильич Рябик. Юнак: «Садись, Леша, товарищ тобой интересуется». Приезжий генерал

спрашивает: «Как вы относитесь к военной форме?» — «Служил. В десанте, в ракетных войсках». — «Есть предложение назначить вас начальником УВД. Как бы вы к этому отнеслись?» Гражданскому человеку предлагают возглавить областную милицию... Удивленный Сафонов просит два дня на размышление. После отъезда Рябика Юнак еще поднажал: «Ты чего упираешься? Немедленно соглашайся, тут и думать нечего». Первый заинтересован, чтобы освобождающееся место начальника УВД занял местный кадр. Он давно и хорошо знаком с министром, обещает Сафонову помочь. Алексей Иванович соглашается.

Как произошло знакомство Сафонова с Щёлоковым?

«Поехал в Москву. Опять поговорили с Рябиком. Затем вместе с ним пошли к заместителю министра Николаю Ивановичу Никитину, курирующему кадры. Никитин — добрейший человек, который в душу проникал, как рентген. В тот же день меня принял Щёлоков. Правда, ждал я приема часов восемь, в комнате отдыха возле его кабинета. К нему всё время заходили какие-то делегации. Примерно в 22 часа меня вызывают. И Рябик приходит. Сели, поговорили. О чем? Он ставил задачи по борьбе с преступностью. Я достал блокнот, стал записывать. Он: „Правильно делаете“. Не больше получаса говорили. На меня Николай Анисимович произвел впечатление, безусловно, компетентного человека. Он дал мне напутствие, хотя и не утверждал, что вопрос окончательно решен, ведь требовалось еще согласие отдела административных органов ЦК КПСС. На другой день меня утвердили на коллегии МВД. А еще через день я поехал в ЦК, встретился с инструкторами из отдела адморганов и, наконец, с его начальником Савинкиным. Мне пожелали успеха — своего брата с партийной работы они встречали хорошо. После чего вышел приказ о моем назначении начальником УВД Тульской области. Вводить меня в должность в Тулу приезжал один из заместителей Рябика. Собрали личный состав, представили. Тогда наши милиционеры смотрели на меня, как на белую ворону, я это прекрасно понимал...»

Как уже отмечалось, Алексей Иванович недолго оставался для своих подчиненных «белой вороной», на посту начальника УВД он проявил себя с наилучшей стороны.

Коль скоро подвернулась возможность, автор попросил генерала Сафонова рассказать о его последующих встречах с министром.

«Поработал я немного, появились кое-какие вопросы. Говорю Юнаку: „Позвоните, пожалуйста, Щёлокову, попросите, чтобы он меня принял“. Самому было неудобно просить. А Щёлоков Юнака знал, хорошо к нему относился и даже приглашал к себе в министерство первым замом, но тот

отказался. И вот после звонка Ивана Христофоровича еду в Москву. Опять у министра делегация за делегацией, и я полдня провожу в приемной. Вызывают. В этот раз мы разговаривали уже подольше, часа полтора. Он меня пытал, как я чувствую себя в новой должности. Говорил дружелюбно, не как начальник с подчиненным. Но наставительно, конечно. Упор делал на профилактику преступлений. Мол, Алексей Иванович, занимайтесь профилактикой, а остальное приложится.

Потом еще была одна подобная встреча. Дважды при Щёлокове я отчитывался на коллегии МВД. Года не дали поработать, как вызвали на коллегию с отчетом. В штабе сказали: для твоей же пользы. Николай Анисимович на трибуне меня продержал больше часа. Задавал вопрос за вопросом и постоянно справлялся у инспектора Штаба МВД: правильно отвечает Сафонов или не правильно? Ни о каких поощрениях речи, разумеется, не шло. Через четыре года повторилось то же самое».

Алексей Иванович, чтобы освежить в памяти давние события и настроиться на «милицейскую волну», раскладывает на столе плакат с портретами всех министров внутренних дел начиная с 1802 года. Подсчитывает: «Я работал при... раз, два... восемью министрах. Лучшим из них был, конечно, Николай Анисимович Щёлоков. При нем министерство заблистало. Кто худший? Федорчук, конечно. Это самая темная страница в истории МВД. При нем ты шел на службу и не знал, доработаешь ли до вечера. Постоянно топор над тобой. Это уже не работа, а пытка. Из 52 начальников УВД России Федорчук уволил 38, я в числе четырнадцати остался, он просто не успел меня убрать».

Делал ли Алексей Иванович подарки министру?

Да, ответил он. В 1978 году отмечали 150 лет со дня рождения Льва Толстого. Семитомник писателя, вышедший к этой дате в тульском издательстве, начальник УВД подарил министру. На семидесятилетие Щёлокова Сафонов поздравлять его в Москву не ездил.

О характере генерала Сафонова говорит и такой факт. Однажды позвонил ему первый секретарь обкома комсомола и сообщил, что в Тулу приезжает делегация молодежи из соцстран. С ними, возможно, будет Игорь Щёлоков, сын министра и заведомо ЦК ВЛКСМ. Первый комсомолец области попросил дать им машину сопровождения. Сафонов ответил: не положено. «А если Игорь отцу пожалуется?» — «Пусть жалуется». Делегация передвигалась по Туле без машины сопровождения. Неприятностей в связи с этим у начальника УВД, конечно, не было и быть не могло. (Вот так они выслуживались. Где-то местные власти не были столь принципиальными. «Сын министра», «помощник министра», «зять

министра» действовало магически — это появилось не при Щёлокове с Брежневым, а много-много раньше. Важно отметить, что подчиненные Щёлокова вовсе не считали себя обязанными демонстрировать подобострашие. Все зависело от них самих.)

Но, может быть, Тула — особый случай? Перенесемся в Пензу. Этот регион считался среднестатистическим по Центральной России. Все показатели по преступности — примерно средние. Рассказывает Виктор Иванович Илюхин, в течение шестнадцати лет работавший в прокуратуре Пензенской области. В Москву в 1986 году Илюхина перевели с должности заместителя областного прокурора.

«Если наверху и была какая-то зараза, то до периферии она не дошла, кроме как до южных регионов, я включаю сюда Краснодар и Ставрополь. Моя служебная карьера в Пензе: три года районный следователь, три года старший следователь областной прокуратуры, затем — заместитель начальника и начальник следственного управления, заместитель прокурора области... Регион хоть и „средний“ по показателям, но наш положительный опыт профилактики преступлений среди несовершеннолетних распространялся на весь Союз. Наш и белгородский опыт. Одно время на меня была возложена координация действий правоохранительных органов по профилактике преступлений.

Мы не раз привлекали к ответственности сотрудников милиции. Например, в поселке Каменка начальник уголовного розыска и старший оперуполномоченный были уличены в избиении задержанного. Их осудили. Однажды мы посадили сразу трех милиционеров за избиение, представьте, следователя. Но вот чтобы кто-то из наших милиционеров попался на взятке... Не помню ни одного такого дела за все 16 лет. Может быть, и было что-то, но я не помню. С нашим генералом УВД у нас сложились нормальные отношения. Тут такая хитрость. Если ты только проверяешь милиционеров, к тебе — одно отношение, а если ты вместе с ними участвуешь в раскрытии преступлений — другое. Мы с генералом прежде всего сотрудничали. Помню, убили двух женщин в поселке. Он тут же звонит: „Поедем, Виктор Иванович“. Я ему: „Не надо. Дайте мне начальника уголовного розыска, пару оперов, я возьму следователя и криминалиста, справимся“. Поэтому не было у нас кляуз и ругани. Когда мы привлекали кого-то из милиционеров, он не жаловался.

Однажды я серьезно поссорился с обкомом. Как раз когда привлекал каменных сыщиков за избиение. Тогда в области находился заместитель министра внутренних дел Шумилин. Ему накаркали: прокуратура необоснованно обвиняет сотрудников угро. Он захотел со мной

переговорить. Жду его в кабинете после совещания. Заходит, на столе у меня три тома уголовного дела. Он: „Ого! Глубоко копаешь, следовательно. Изложи кратко суть“. Я изложил. Борис Тихонович спросил только: „Доказательства есть?“ — „Есть“. — „Сажай!“ Вот и всё».

Таким образом, и в пензенской милиции мы «заразу» коррупции в то время не обнаруживаем.

Теперь ненадолго — в Томскую область, в «зону, свободную от мздоимства». Вспомним, что именно многолетнего руководителя области Егора Кузьмича Лигачева выдвинул в главные кадровики партии Андропов, когда начал чистить авгиевы конюшни застоя. У автора этих строк была возможность кратко переговорить по телефону с Лигачевым. Егор Кузьмич дал «своему» начальнику УВД Бомонину самую высокую оценку: порядочный, профессиональный.

Мы провели маленькое расследование с предсказуемым результатом.

Не скажем за весь Союз. И за южные регионы, ставшие впоследствии независимыми государствами. Но в Центральной России про системную коррупцию в милиции во времена Щёлокова не слыхивали. Можно выразиться не столь категорично: если где-то существовали коррупционные отношения (а в 1970-е годы теневой сектор в социалистической экономике, как известно, нагулял солидный вес), то корни этого процесса следовало искать не в милиции.

Коррупция — болезнь, которая обязательно дает метастазы. Ее невозможно локализовать на каком-то одном уровне, она неумолимо расползается вглубь, вверх и вширь. Мы ведь говорим не о частных явлениях, а о *системе* злоупотребления властью, которая нацелена на незаконное извлечение доходов и держится на взятках и «откатах». Такой — системной — коррупции в милиции того времени мы не обнаруживаем на уровне краев и областей, по крайней мере в Центральной России. Не было ее и в руководстве МВД. Думается, это диагноз объективный, в нем читатель не заподозрит попытку приукрасить прошлое. Нормы морали, права, экономики, политики того времени можно осуждать, но следует признать, что выйти за рамки этих норм руководителю любого уровня было затруднительно.

Глава шестнадцатая

ЛЕГЕНДА О «ЧЕРНОМ АНТИКВАРЕ»

Подразделения по борьбе с преступлениями в сфере антиквариата начинают создаваться в системе уголовного розыска в 1977 году. В ГУУР появляется соответствующий отдел. Николай Анисимович Щёлоков чрезвычайно интересуется этим направлением. Некоторые подозревают — *не случайно*. После 1982 года подозрения перерастут в уверенность, ироническая характеристика «любитель антиквариата» применительно к Щёлокову станет, пожалуй, второй по частоте употребления после «всесильный министр».

На чем зиждется убежденность, что Николай Анисимович увлекался приобретением предметов антиквариата? А как сомневаться, если у него, несомненно, была такая возможность? Через «руки Щёлокова» как главы МВД проходили огромные ценности. В здании на Огарева, 6, при пятидесятом министре стали регулярно проводиться выставки вещественных доказательств, изъятых у нарушивших закон антикваров, валютчиков, контрабандистов, спекулянтов. Устраивались они для разных категорий посетителей — от представителей творческой интеллигенции до членов Политбюро и руководителей правительства, которых убеждали таким образом, что милиция ест свой хлеб не напрасно. Разумеется, сразу родилось предположение, что высокопоставленные посетители подобных выставок *высматривают* ценный товар для последующего его приобретения или присвоения.

В то время в «хороших домах» можно было встретить подлинную музейную редкость. Приобретались предметы старины не только сомнительным путем (что греха таить, многие наши военачальники вернулись из освобожденной Европы не с пустыми руками). И не обязательно за большие деньги. Многие из бабушкиных и дедушкиных сундуков попадало на толкучки и уходило порой за бесценок^[40]. Не составляло особенного труда достать, скажем, старую икону — имущество в церквях хранилось тогда без описи. В общем, крупный советский чиновник, увлекавшийся антиквариатом, только за счет подарков от людей *своего круга* мог собрать очень приличную коллекцию предметов искусства и старины *музейного уровня*.

С. С. Бутенин рассказывает о показательном случае. В сентябре 1979

года в Москве убили вдову армейского генерала Л. Преступники унесли из квартиры погибшей драгоценности на 120 тысяч рублей, 12 тысяч рублей наличными и... два блока «Мальборо». Дочь Л. являлась близкой знакомой Галины Брежневой, поэтому дело поставили на контроль в ЦК, раз в неделю оперативно-следственную группу собирали в Прокуратуре Москвы, в МВД ход расследования курировал первый заместитель министра Чурбанов. Молодого сыщика МУРа Бутенина, участвовавшего в раскрытии, поразили богатое внутреннее убранство квартиры, картины, происхождение которых можно было объяснить только так: генерал Л. после войны был комендантом в одном из германских городов... Однако еще большая неожиданность подстерегала сыщика на кухне. Приглашенный детективами эксперт-искусствовед, заполняя свои бумаги, с любопытством посматривал на стену, где висели две керамические тарелки. Потом подошел к ним, перевернул, постучал, изучил. И говорит: «Эти тарелочки ценнее всего, что унесли преступники и что осталось в квартире. Они из мастерской Микеланджело».

Вот так мог жить мало кому известный генерал-лейтенант Советской армии. А у него ведь имелось начальство. Друзья и сослуживцы кое-что знали, к ним следовало проявлять щедрость. Кстати, долгое время Л. дружил не с кем-нибудь, а с Дмитрием Федоровичем Устиновым. Несколько лет спустя Бутенин узнал от Апакидзе, возглавлявшего бригаду сыщиков, что тогдашний министр обороны и член Политбюро чрезвычайно интересовался ходом расследования, беспокоился, как бы детективы не забрались слишком глубоко^[41].

Николай Анисимович Щёлоков часто приобретал красивые, оригинально исполненные, в том числе дорогие вещи. Так же поступала и его супруга. Многие им дарили, многие дарили они. Однако «антиквариата» в привычном значении этого слова у них, по сути, и не было. Ничего — *музейного уровня*, ничего сверх того, что хорошо (очень хорошо) зарабатывающая семья могла легально приобрести в антикварном магазине, художественной галерее, привезти из-за границы, наконец, получить в подарок от близких людей *своего круга*. Впоследствии не раз скрупулезно перечислялось, дескать, как много всего, особенно картин, было у Щёлоковых, но так и не стало известно хотя бы об одном факте, чтобы у «любителя антиквариата» обнаружили присвоенный им раритет такого-то века, принадлежавший такому-то антиквару или такой-то церкви. Сейчас бы этот раритет стоял в музее с соответствующей надписью...

Есть еще одна легенда о Щёлокове. Везут ему со всех сторон вещдоки стоимостью в десятки и сотни тысяч рублей, но никак не довезут благодаря

бдительности *старших соседей*.

Несколько слов о картинах. Николай Анисимович собирал свою коллекцию много лет. Да, у него имелись произведения Айвазовского, Шишкина, Кустодиева, Саврасова, но в то время их можно было купить, например, в магазине на Арбате, и редко какое полотно стоило больше тысячи рублей. Забегая вперед скажем: претензии у правоохранительных органов будут к одной картине, подаренной в свое время пятидесятому министру.

Суровый голос главного военного прокурора А. Ф. Катусева из 1991 года (цитируется по книге К. А. Столярова «Голгофа». М., 1991):

«Пристрастие Щёлокова к произведениям искусства не было для меня новостью. Из показаний работников МВД Армянской ССР усматривалось, что в 1971 году, находясь в Ереване, Щёлоков посетил дом-музей М. Сарьяна и поручил купить понравившуюся ему картину „Полевые цветы“. В том же году картина была куплена за 10 тысяч рублей, которые перечислили М. Сарьяну с расчетного счета проектно-сметного бюро МВД Армянской ССР, и вручена Щёлокову».

Министр «поручил купить»... Сведущий читатель понимает, что так дела не делаются. Так обычно оправдываются хозяйственники, когда их ловят на афере. Картина Мартироса Сарьяна, при всем уважении к художнику, едва ли стоила таких денег. Наверное, кто-то в гостеприимной республике на этой операции неплохо заработал. К более правдоподобной версии автор книги приблизился случайно, после разговора с генералом Галустьяном, который, как оказалось, в 1971 году был помощником министра в МВД республики. Оскиан Аршакович очень удивился, узнав, что историю с «Полевыми цветами» Щёлокову ставили в вину.

В 1971 году министр приезжает в Ереван на празднование пятидесятой годовщины МВД Армении. Его знакомят с Сарьяном. Замечательному художнику уже за девяносто (в следующем году он уйдет из жизни). И гость, и хозяин остаются чрезвычайно довольными этой встречей. Щёлоков возвращается в Москву. Через некоторое время в приемной Николая Анисимовича появляется посланец из Еревана с подарком от Сарьяна — картиной «Полевые цветы». При этом дарители просят, чтобы картина висела в кабинете министра, пропагандируя творчество их земляка. Николай Анисимович звонит художнику, благодарит его. А вскоре в руководстве МВД Армении происходит конфликт. Кто-то пишет донос, и всплывает сомнительный эпизод с нецелевым использованием средств проектно-сметного бюро (или иное нарушение было допущено, за давностью лет трудно сказать). Слухи об этом доходят до Москвы.

Министр распоряжается убрать картину из кабинета, она в результате оказывается в изостудии МВД^[42].

Однако вернемся к теме оборота антиквариата. Кое-что интересное нам наверняка сообщит главный в то время специалист по раскрытию преступлений в этой сфере — Дмитрий Николаевич Медведев.

Свою карьеру Медведев закончит в 1994 году, будучи одним из самых известных сыщиков страны. В начале 1990-х к нему обращались журналисты с просьбой прокомментировать громкие заказные убийства. Дмитрий Николаевич возглавлял отдел в Главном управлении по борьбе с организованной преступностью МВД России. А любовь пишущей и снимающей братии к нему — очень давняя. Не один громкий криминальный очерк написан по материалам, предоставленным этим сыщиком — замечательным профессионалом и скромным, интеллигентным, порядочным человеком. Один из таких очерков — «Чисто сердечное признание» — принес его автору Юрию Щекочихину премию журнала «Новый мир». Д. Н. Медведев вспоминает: «Я тогда работал начальником линейного отделения милиции в Кускове. Звонят из „Литературной газеты“, строгим голосом: „У нас информация, что у вас совершено убийство, а перед этим милиционеры долго покрывали преступления“. Отвечаю: „Это истинная правда. Только покрывали другие, а мы это убийство раскрыли, потому что оно произошло на нашей территории“. Щекочихин: „Димка, ты, что ли?“ — „Я. Приезжай, покажу материалы“. Он приехал, прочитал объяснения, которые дал преступник. Они назывались: „Чисто сердечное признание“. Говорит: „Это же готовый заголовок!“ И написал очерк. Мы с Юрой сотрудничали и дружили четверть века».

В 1970-е Медведев — из тех элитных сыщиков ГУУР, с кем министр лично знаком и нередко общается напрямую. Ему персонально могут поручить и деликатное дело, исключаящее огласку. Какое? Ну, например: у композитора Дмитрия Кабалевского похитили ордена, медали, звезду Героя Соцтруда. Вором мог оказаться человек, близкий семье. Медведев установил, что, действительно, награды украл родственник многолетней домработницы Кабалевских. С похожей просьбой обратилась к Щёлокову певица Алла Пугачева, в этом случае пропала немалая сумма денег, тоже разбирался Медведев.

С 1977 года в ранге начальника вновь созданного отдела ГУУР Дмитрий Николаевич занимается борьбой с незаконным оборотом предметов искусства и старины. Он знает едва ли не всех заметных

коллекционеров и антикваров страны. Был такой случай. На Огарева, 6, в зале коллегии МВД, проходила выставка изъятых ценностей. Один из гостей, писатель Нагорный, сказал, обращаясь к Щёлокову: «Я только что из Сухуми. Слышал там про одного антиквара, который отправляет ценности за кордон через греков. Фамилия его... на „К“, точно не помню...» Продолжает Медведев:

— Министр поворачивается ко мне и смотрит вопросительно. У Карпеца аж вспотели очки. Я спрашиваю: «Карташиди, наверное»? Писатель: «Точно!» Министр был очень доволен: его сыщики владеют обстановкой. Потом Игорь Иванович мне говорит: «Откуда ты все знаешь?» Я ему честно ответил, что сам узнал об этом Карташиди только накануне. Мы стали потом антиквара разрабатывать и вышли на жулика в ранге, ни больше ни меньше, — замминистра внутренних дел Абхазии! Из-за него у меня впоследствии были большие неприятности.

С какой целью проводились в стенах МВД демонстрации изъятых ценностей?

Игорь Иванович Карпец поясняет в своей книге, заодно представляя своего подчиненного:

«В Главном управлении уголовного розыска энтузиастом борьбы с кражами произведений искусства и старины был в те годы молодой, энергичный работник — Дмитрий Николаевич Медведев. Он часто организовывал налеты на воров, грабителей, скупщиков старины, знал дипломатов, контактировавших с преступниками... В общем, знал всех, кого надо было знать. Время от времени в Министерстве, либо в Главке, в УВД Москвы или Московской области устраивались своего рода „выставки“: ликвидируя очередную преступную группу, до суда, который должен был решать судьбу „вещественных доказательств“, коими были картины, иконы, церковная утварь и т. п., изъятые произведения искусства выставляли для обозрения сотрудников. Приглашали мы посмотреть их специалистов, оценить изъятые».

Много кто бывал на этих выставках. Тут автор книги не может не вспомнить свое первое посещение экспозиции Центрального музея МВД в Москве. Экскурсия тогда устраивалась для слушателей одного из милицейских вузов, будущих следователей. Молодые люди впервые получили возможность разглядеть вещественные доказательства по знаменитым уголовным делам. Кто-то зевал, не без этого. Но у большинства все-таки загорались глаза. Из этих последних и вырастут профессионалы. И. И. Карпец не упоминает, что выставки вещдоков при Щёлокове устраивались в том числе для молодежи, слушателей

милицейских учебных заведений, включая иностранцев. Министр придавал этому большое агитационное и воспитательное значение. Он же — *политрук...*

Пора, наконец, выяснить, бывало ли такое, чтобы сам министр «положил глаз» на какую-нибудь изъятую ценность?^[43] Слово — Медведеву:

«Как-то он обратил внимание на одну из похищенных в Ивановской области икон, изъятых финской полицией у контрабандистов. Она ему понравилась. Спрашивает: нельзя ли ее передать в музей МВД? Я поясняю, что икона составляет одну из частей царских врат, распиленных ворами. Она проходит по уголовному делу, ее после суда вернут в старообрядческую церковь. Он: „Понятно“. Проходя мимо томика Солженицына, изъятых у ворья, полистал его, хитро посмотрел на меня и сказал: „А вот этого у вас не было“. Томик Солженицына — единственное, что я помню за все годы.

Изъять вещдок из уголовного дела — эта сказка про белого бычка. Я в своей практике никогда с таким не сталкивался. Хранение изъятых антиквариата вообще имеет свои особенности. Нужно соблюдать определенные нормы по температуре, влажности и так далее. Мы предпочитали предметы старины хранить в музеях. В суде в качестве вещественного доказательства выступал документ о сдаче предмета в музей. Суд в любой момент мог затребовать оригинал. Затем решением суда вещдоки возвращались владельцам, если они были известны, или отправлялись в музеи, церкви. Не представлявшие музейной ценности вещи реализовывались через комиссионные магазины для возмещения ущерба потерпевшим. Мы возвращали антиквариат пачками. Десятки икон сдали в Музей Рублева, в Исторический музей. Возвращали предметы, которые не проходили по каталогам. Помню, передали в Музей Кремля братину Петра I, подаренную им гетману Скоропадскому в честь победы в Полтавской битве. Она не проходила ни по одному каталогу, ценнейшая. Вместе с Саввой Ямщиковым отстаивали картины в Псково-Печорском монастыре, которые хотели растащить сами же церковники. Поползновений что-нибудь присвоить я в Щёлокове никогда не замечал. Подставить его могли, поскольку за реализацией конфискованного имущества не было систематического контроля, нет и сейчас. Могли специально подсунуть какую-то вещь, выведенную из дела по липовым справкам. Но сознательно присвоить — нет, я это полностью исключаю».

...Порядочность и скрупулезность помогли Дмитрию Николаевичу избежать серьезных неприятностей в трудную для него пору.

Разрабатывая антиквара Карташиди, Медведев вышел на замминистра внутренних дел Абхазии Джопуа, который, по оперативным данным, выдавал грекам-репатриантам загранпаспорта за взятки. Джопуа примчался в Москву к своим высоким покровителям. Через некоторое время Дмитрия Николаевича убрали из центрального аппарата, отправили на «землю», возглавлять отделение транспортной милиции в Кускове. Щёлоков поинтересовался у Чурбанова: почему убрали Медведева? Тот ответил, что поступила настоятельная рекомендация от *старших соседей*. Единственное, что в такой ситуации смог сделать министр, это прикомандировать сыщика к оперативно-розыскной части управления БХСС, где как раз требовались опытные специалисты^[44].

Давление на Медведева с переводом его на «землю» не закончится. Секретарь партийного бюро угрозыска МВД П. попытается обвинить сыщика в присвоении нескольких икон. Якобы в музее не подтверждают, что эти предметы были сданы. Вот тут и пригодилась Медведеву его скрупулезность в обращении с вещественными доказательствами. Он сказал П.: «Я сейчас поеду в музей и найду ведомости, по которым сдавал иконы. Но вы в партии не останетесь». И от Дмитрия Николаевича отстали...

О Н. А. Щёлокове Д. Н. Медведев говорит: «Я вспоминаю его с большим уважением. Главное, что отличало его от многих других начальников: он очень болел за дело. Такой человек не мог быть непорядочным».

Однако легенда о «черном антикваре» Щёлокове окажется чрезвычайно живучей. Как и наивное представление о том, что выставки ценностей в МВД проходили с «дегустационными», что ли, целями: высокий гость указывал на понравившийся ему предмет (вещественное доказательство по делу), говорил: «Заверните» и уходил...

Глава семнадцатая

ДВОЕВЛАСТИЕ?

Когда спрашиваешь соратников пятидесятого министра, какие ошибки тот как руководитель допускал, чаще всего слышишь ответ: кадровые. Некоторые выражаются решительнее: в конце 1970-х в аппарате МВД стали набирать силу люди, которых нельзя было пускать на порог министерства.

Обычно называют две фамилии. Но прежде — о человеке, которого, по-видимому, трудно было не пустить на порог министерства и в дальнейшем не продвигать.

...В 1967 году Юрию Михайловичу Чурбанову подошел срок уходить из ЦК комсомола, где он в качестве инструктора курировал места лишения свободы. На съезде ВЛКСМ друзья попросили Игоря Щёлокова замолвить за их товарища словечко перед отцом. Тут как раз мимо проходил Николай Анисимович. Вопрос и решился: бывший инструктор Юрий Чурбанов стал заместителем начальника политотдела мест заключения СССР. Тогда о нем отзывались: нормальный парень, добродушный, по-житейски далеко не глупый. Друзья по комсомолу называли его «красавчик» и «слышь, Миш» (выпив, он начинал заикаться).

В книге «Мой тесть Леонид Брежнев» Юрий Михайлович рассказывает, как произошло главное событие в его жизни. На руку Галины Леонидовны были и другие претенденты, занимавшие более стабильное служебное положение. Леонид Ильич испытывал колебания в отношении красавца-подполковника: «Молодой офицер, еще неизвестно, как у него сложится карьера». Однако Брежнев рискнул и не проиграл: карьера у его зятя сложилась замечательно.

Один человек, близко знавший Ю. М. Чурбанова, сказал автору этих строк: «Когда будете писать о нем, имейте в виду: он был глубоко несчастен».

Действительно, первая семья не сложилась. После развода родителей его сын остался с матерью и отказался носить фамилию отца. Второй брак дал Юрию Михайловичу положение, но какой ценой? Его отношения с Галиной Леонидовной вскоре разладились. Молодой мужчина, красавец, а личной жизни нет... Тут же доложат, и можешь лишиться всего. Зятю Брежнева — *нельзя*. Кстати, брать взятки — тем более *нельзя*, да и ни к чему, но сейчас не будем об этом. Осталось Юрию Михайловичу не так

много в жизни радостей. Он выпивал, в последнее время регулярно, хотя тут многое преувеличено: все-таки его помнят больше щеголем, в кителе «с иголочки», пахнущим хорошим одеколоном. Другая радость в его жизни, еще больше отталкивающая от него подчиненных: самоутверждаться в роли большого начальника. Он мог наорать на заслуженного офицера за то, что тот не по уставу обратился, или что у того в кабинете на портрете Брежнева не хватает одной «звезды». Не от злого нрава — от некомпетентности и желания любой ценой *соответствовать* — прежде всего.

Свадебный подарок от тестя не заставил себя долго ждать.

П. Г. Мясоедов: «Мне позвонил знакомый начальник политуправления внутренних войск и сказал: „Знаешь, Паша, кого мне назначили заместителем? Чурбанова!“ Я ему: „А что ты радуешься? Готовься через полгода освобождать должность“. Через восемь месяцев он мне звонит: „Ты ошибся на два месяца“».

В 1975 году место начальника политуправления внутренних войск освободилось. Кого из трех замов назначить? Непростой выбор... А еще через год опустело кресло заместителя министра внутренних дел. Юрий Михайлович поначалу даже не обратил на это внимание, но...

«Леонид Ильич поздоровался, спросил, на каком участке пути мы находимся (видимо, опасался, что зять от неожиданности вывалится из машины — Чурбанов с женой ехал на дачу. — С. К.), и, получив ответ, сказал: „Поздравляю тебя с новой должностью“. Я опешил. Спрашиваю: „Какая должность?“ — „Ты назначен заместителем Щёлокова“. — „Как же так, — говорю, — Леонид Ильич, со мной же никто не посоветовался“. „Ну вот еще, — полушутя, говорит он, — надо мне с тобой советоваться! Это решение Политбюро, я его только что подписал. Кстати, тебя рекомендовал Щёлоков. И еще: тебе только что присвоено звание генерал-лейтенанта“».

Так у министра внутренних дел появился «молодой энергичный зам», как скромно называет себя в мемуарах Юрий Михайлович.

В декабре 1979 года, вернувшись из командировки в Афганистан, застрелился первый заместитель министра Виктор Семенович Папутин (назначенный на должность в 1974 году помимо желания Щёлокова). По-видимому, это решение объяснялось личными обстоятельствами. И вот уже у Щёлокова — «молодой энергичный» *первый* зам.

С позиций сегодняшнего времени (но многие и тогда так считали) Николай Анисимович проявлял беспринципность, соглашаясь с этим, прямо скажем, оскорбительным для ведомства и лишенным видимости приличий возвышением «первого зятя». Легко судить... Скорее всего,

Щёлокова ставили перед фактом (да и самого Чурбанова, по его утверждению, не всегда спрашивали, кем ему руководить). Однако — беспринципность это или компромисс, хотя и тяжелый? Только ли проблему получал министр в лице своего некомпетентного и амбициозного зама? Нет, он приобретал и практически стопроцентного по результативности лоббиста интересов ведомства. К дряхлеющему Брежневу не находишься, а тут — гарантированное решение вопроса. В умелых руках такой заместитель может принести много пользы МВД. В тех случаях, когда Щёлоков и Чурбанов выступали заодно, их аппаратный вес не уступал весу председателя КГБ.

Вот как иногда действовало чудо-оружие системы «Чурбанов — Брежнев». Рассказывает Оскиан Галустьян:

«Министр очень много вопросов поручал своему первому заму. Например, такой. Тогда существовали ограничения на прием в партию, в том числе и в МВД. Мы хотели эти лимиты убрать. Обращения к Капитонову, который в ЦК отвечал за кадровые вопросы, результата не давали. Тогда решили делегировать Чурбанова к Брежневу. Составили докладную записку на имя генерального секретаря, дескать, МВД — не то ведомство, на которое должны распространяться лимиты и разнарядки. Юрий Михайлович пришел к Брежневу в кабинет (в домашней обстановке служебные вопросы генеральный обсуждать не любил). Стал докладывать. Потом Чурбанов нам рассказал, как было дело. Брежнев: „Юр, сядь за стол, напиши, что я должен сказать Капитонову“. Чурбанов сел и каллиграфическим почерком написал. Брежнев: „Хорошо, я дам ему указание“. Не успел Юрий Михайлович вернуться в министерство, а его уже разыскивал Капитонов. Обижался: „Зачем было утомлять Леонида Ильича? Зашли бы ко мне, мы бы всё решили“. После этого случая у нас стала расти партийная прослойка, что считалось хорошо с точки зрения ЦК».

В 1981 году именно первый замминистра успешно продавил решение о повышении зарплат милиционерам. Это была очень существенная прибавка. Скажем, лейтенант милиции стал получать сразу на 70 рублей больше, а некоторые категории оперативников — на 100–150 рублей. Радостное событие сразу — и справедливо — связали с появлением в руководстве МВД зятя Брежнева. Поэтому сотрудники органов внутренних дел того времени вспоминают о нем хотя и без уважения, но и без неприязни, а за то, что «пробил прибавку» — с благодарностью. Тогда ведь большинство из них жило на зарплату^[45].

Таким образом, тандем Щёлоков — Чурбанов мог быть очень

продуктивен.

Но за компромиссы приходится платить. Юрий Михайлович хочет, чтобы с ним в министерстве считались. У него есть сильный козырь: в случае разногласий с министром он может обратиться в ЦК, и там наверняка займут его сторону. Так было в случае с С. М. Крыловым. Усилиями Чурбанова отправляют на пенсию начальника Главного управления кадров Рябика, однако своей команды у первого зама нет, и ГУК возглавляет также выдвиженец Щёлокова — Игорь Яковлевич Дроздецкий, служивший до того главным советником министра внутренних дел ГДР (как представитель КГБ СССР).

В аппаратном смысле большой проблемы для министра его первый зам не представлял. Дроздецкий: «Чурбанов не дышал ему в затылок, он отлично понимал, что всем ему обязан. Знал свое место. Завихрения проходили без его участия». А какие проходили завихрения? И. И. Карпец: «В министерстве немедленно появилось немало людей, ориентировавшихся уже не на Щёлокова, а на Чурбанова. Сложилась своеобразная обстановка скрытого двоевластия».

Скрытое двоевластие — в ожидании того, что рано или поздно Николая Анисимовича Щёлокова отправят на повышение и в МВД появится «молодой, энергичный» министр. Всегда находятся предусмотрительные люди, которые заблаговременно готовятся к этому моменту.

Но и у самого Юрия Михайловича множатся личные проблемы. Поведение Галины Леонидовны становится скандальным. Она — еще одна несчастная «кремлевская принцесса», чья судьба чем-то похожа на судьбу Светланы Аллилуевой. Жизнью своей Галина Леонидовна распоряжаться не может. Ее богемные мужья не устраивают отца. Один — какой-то «циркач», другой — тоже «циркач», да еще и моложе на 18 лет. Третий муж, хотя и хватает одну генеральскую звезду за звездой, никакого влияния на нее не имеет. Ей минуло пятьдесят. По Москве ползут слухи, что она занимается скупкой бриллиантов. Возможно, их инспирирует КГБ. А если бы не инспирировал? Для кого из богемы секрет, что предметом страсти пятидесятилетней Галины Леонидовны стал артист театра «Ромэн» Борис Буряце по кличке Цыган? Ради него, промышляющего фарцовкой, скупкой и перепродажей драгоценностей, а вовсе не ради личного обогащения, она и пускалась во все тяжкие. Несчастный муж не знает, что делать. Легко посоветовать: «Урезонь жену», а как? Юрий Михайлович устанавливает за ней оперативное наблюдение — не столько из ревности, сколько для того, чтобы иметь возможность вовремя забрать ее из непристойной компании.

(Узнав об этом, Щёлоков уволил начальника Главного поискового управления МВД, который этим занимался по поручению Чурбанова.) В конце концов Буряце посадили, обвинив в причастности к ограблению квартиры дрессировщицы Ирины Бугримовой. Галина Леонидовна ездила к нему в колонию на свидание... Финал жизни «кремлевской принцессы» трагичен. Она осталась почти одна. От нее отвернулись едва ли не все, кому она помогала, а таких было немало.

Юрий Михайлович Чурбанов отсидит семь лет «за семью». Его представят главным коррупционером Советского Союза. В конце 1980-х многие верили, что это так.

Игорь Яковлевич Дроздецкий пять лет работал в непосредственном подчинении Чурбанова. Много раз они бывали вместе в командировках. Дроздецкий пришел на судебное заседание, чтобы сказать, что его шеф не мог брать взятку. Однако, к удивлению бывшего начальника ГУК, обвиняемый признал несколько эпизодов.

В 1987 году, когда готовился процесс над Ю. М. Чурбановым, в Тулу приехал следователь прокуратуры из Москвы для встречи с начальником УВД А. И. Сафоновым. Оказалось (со слов следователя), что в деле есть показания, будто начальник тульской областной милиции дал Чурбанову взятку пять тысяч рублей за присвоение генеральского звания.

Это же надо было выбить такие показания, удивляется Алексей Иванович. Как такое могло быть? Его при назначении утверждали на всех уровнях. А то, что «дадут генерала», обсуждалось изначально. Они с Чурбановым неплохо знали друг друга, когда работали в комсомоле. «Привет, Юра», «Здорово, Леша» — это раньше. Когда Чурбанова назначили первым заместителем Щёлокова, Сафонов встретил его в коридоре министерства. Вытянулся по струнке, отдал честь. Чурбанов едва кивнул и проплыл дальше...

История со «взяткой» в пять тысяч рублей, разумеется, продолжения не имела. Удивительно, что такое обвинение вообще появилось, и следствию не лень было его проверять. «Клепали на него — будь здоров», — качает головой Алексей Иванович.

Глава восемнадцатая

РОКОВОЕ НАЗНАЧЕНИЕ

«Уважаемый гражданин генерал-полковник!

Рассказывая о злоупотреблениях, творившихся в системе МВД СССР при бывшем министре Щёлокове, привожу следующий факт, который имел место в 1979 году...»

Так начинается «чистосердечное признание», сделанное 16 сентября 1983 года бывшим начальником ХОЗУ МВД Виктором Андреевичем Калининым. Он пишет из следственного изолятора КГБ в Лефортове на имя главного военного прокурора А. Г. Горного.

Пик таких признаний Калинина пришелся на первые числа сентября 1983 года, сразу после того, как он попал в СИЗО. В одном из них Виктор Андреевич отмечает, что «тюрьма удивительно обостряет проникновенность в себя, заставляет заниматься самоанализом». Его явки с повинной изобилуют восклицаниями, вроде «Правда, правда и еще раз правда!», а начинаются: «Вспоминая о прошлой своей преступной деятельности, я хочу следствию рассказать об одном факте, который имел место в кабинете Щёлокова...» Или: «Касаясь своей преступной деятельности, нарушения закона членами семьи Щёлоковых и других лиц, привожу факты разбазаривания государственных средств...»

«...Летом 1979 года, — продолжает подследственный, — я выезжал вместе с Щёлоковым на охоту в Калининградскую область. На охоте присутствовал бывший начальник УВД Калининградской области генерал-лейтенант Соболев Валерий Михайлович, после охоты мы с Щёлоковым поехали в особняк Калининградского обкома КПСС, где был размещен бывший министр.

Через некоторое время в особняк приехал генерал Соболев, который передал Щёлокову шахматы из чистого янтаря с серебряной окантовкой и пакет с деньгами. Помню, Соболев благодарил Щёлокова за перевод на работу в Москву. Соболев говорил: „Я всегда с вами, Николай Анисимович“. Я в это время тоже был в комнате и упаковывал подарки от сотрудников УВД.

Щёлоков шахматы передал мне для упаковки, а пакет, который ему передал Соболев, положил себе в карман брюк. А вечером, когда мы уезжали, он разорвал пакет и выбросил его в урну, а деньги положил в карман кителя. После поездки в Калининград бывший министр Щёлоков

выделил Соболеву В. М. 4-комнатную квартиру (проспект Мира) через Совет министров РСФСР.

В дальнейшем я Соболева очень часто видел за длительными интимными разговорами с Щёлоковым в комнате отдыха бывшего министра.

Написано мною искренно и чистосердечно».

Автор книги имел возможность встретиться с непосредственными участниками той истории, чтобы попытаться выяснить, как было дело...

Приближался юбилей министра безопасности ГДР Диккеля. Об этом напомнил Николаю Анисимовичу начальник ГУК Дроздецкий, долго работавший в социалистической Германии и хорошо знавший Диккеля. У Щёлокова с немецким коллегой были очень теплые отношения. Стали думать, что подарить. Кто-то подал идею: вручить министру безопасности ГДР шахматы из янтаря, а выпускают их в Калининграде. Эти шахматы и передал Щёлокову, когда тот находился в командировке в Калининграде, председатель местного облисполкома (а не генерал Соболев). Только были они не из янтаря, а из янтарной крошки — дешевый ширпотреб стоимостью не больше пяти рублей, каким пользуются любители в парках. В Москве, рассмотрев сувенир, генералы решили, что дарить его Диккелю на юбилей стыдно. Поэтому шахматы остались в кабинете у Николая Анисимовича. Впоследствии эта пустяковая история не раз прозвучит в качестве одного из подтверждений нечистоплотности пятидесятого министра, который якобы «присвоил шахматы из чистого янтаря с серебряной окантовкой, приобретенные для вручения министру безопасности ГДР Диккелю».

Добавим, что перевод Валерия Михайловича Соболева в Москву состоялся в 1975 году, за четыре года до описанных событий. Квартиру в столице он получил только в 1980-м, в год Олимпиады, став к тому времени (решением Политбюро) начальником 5-го главка. Пять лет в очереди на квартиру — это даже многовато для сотрудника центрального аппарата МВД при Щёлокове, тем более такого ранга. То есть свои «разоблачения» лефортовский заключенный высосал из пальца, полагая, что именно их от него и ждут.

Следователи прокуратуры, как убедимся далее, знали цену бывшему начальнику ХОЗУ и его показаниям. Однако в закрытых информационных сообщениях, посылаемых в Политбюро и другим «лицам, принимающим решения», эти свидетельства озвучивались. Есть же магическая формула: «В деле имеются показания...» Соответствующая репутация отставленному министру создавалась. На показаниях Калинина во многом

и будут строиться обвинения в адрес пятидесятого министра. Главный военный прокурор А. Ф. Катусев, к 1991 году окончательно политизировавшийся, скажет: «С этого момента (после того как Виктор Андреевич попал в тюрьму и занялся „самоанализом“. — С. К.) в поле зрения следствия попали преступные эпизоды, свидетельствующие о предельном цинизме Щёлокова»^[46].

Генерал Соболев не знал, что Калинин на следствии пытался его оклеветать. Когда Виктор Андреевич вернется из мест заключения, Соболев поможет ему устроиться на работу. Через некоторое время Калинина уволят. Бывший его начальник позвонит Валерию Михайловичу: «Кого вы нам порекомендовали? Уходя, он унес с собой телефонные аппараты».

Теперь предоставим слово «стороне защиты» — также одному из руководителей ХОЗУ, утверждающему, что генерал Калинин, спасая себя, Николая Анисимовича оговорил.

Евгений Сергеевич Залунин 13 лет (в 1966–1979 годах) возглавлял коммунально-дачную службу МВД СССР. Он был посвящен во многие детали быта Щёлоковых, в какой-то момент стал вхож в семью министра (уточняет: «по хозяйственным вопросам»). Специфическое положение Евгения Сергеевича позволяло ему наблюдать в быту и первых лиц государства. Имел возможность изучать этот быт в сравнении. Но прежде всего: что представляло собой дачное хозяйство Министерства внутренних дел? В нем, хотя бы отчасти, следует разобраться, иначе в будущем не всё будет понятно.

«Союзному министерству от МООП РСФСР досталось в наследство 12 летних дач, — рассказывает Залунин. — В последующие годы мы их реконструировали, построили еще 42 ведомственные дачи, каждая на две семьи, в поселке Лунево по ленинградскому направлению, под Сходней. Когда наладились контакты с министрами внутренних дел других стран и они стали приезжать в Москву, переделали дачу № 8, находившуюся в Серебряном Бору, в дом приемов. Там, помимо гостиничных номеров, имелись кинозал, сауна, бильярдная. В этом доме останавливались только гости высокого ранга — не ниже министров внутренних дел союзных республик, как правило.

— Дача № 1, где жили Щёлоковы, стояла особняком, в Горках-10 по рублевскому направлению. Она входила в ваше хозяйство?

— Мы ее обслуживали по соглашению с Управлением делами Совмина, за которым она числилась. В постановлении правительства

оговаривались права каждого жителя поселка. Белье, ковер, телевизор, посуда — всё это министру выдавалось бесплатно. Ему также полагались уборщица и повар, а вот первому заместителю — только уборщица. Остальные заместители жили на ведомственных дачах.

Николай Анисимович держался строго в оговоренных рамках. Он был очень щепетильным в этих вопросах. Ко всем его личным покупкам мы должны были прилагать счет и накладную. Он стремился немедленно расплатиться. У него была любимая поговорка: „Кредит портит отношения“. Все эти документы Светлана Владимировна хранила в зеленой папочке. Когда Светланы Владимировны не стало, папочка затерялась, но потом ее нашли. Игорь Щёлоков мне говорил, что ее забрали в прокуратуру и, кажется, не вернули.

Близким семье Щёлоковых человеком был Василий Федорович Воробьев, которого еще звали „дядя Вася-печник“. Прекрасный строитель, золотые руки, но в хозяйственных вопросах — безграмотный, неорганизованный. У него квитанции часто терялись, и он, я допускаю, мог подставить министра, без умысла. Щёлоковы ему очень доверяли: его им порекомендовал Ростропович, когда уезжал из Союза. Раньше Воробьев был „завхозом“ у Ростроповича и Вишневской.

— Вы имели дело не только с министром, но и с его близкими. Дом, судя по вашим словам, „держала“ Светлана Владимировна, которую считали женщиной с твердым характером. Она пыталась вами командовать?

— Попросить о чем-то могла, но „командовать“ — такого не было. Николай Анисимович меня сразу предупредил, что все серьезные вопросы я должен решать только с ним. Я придерживался этого правила. А вот Калинин любил оказывать благодеяния членам семьи. Могу засвидетельствовать: Николай Анисимович никогда не требовал подобострастного к себе отношения, он был простым и демократичным человеком. К тому же он не был заиклен на быте. Мне казалось, что он „всегда на работе“.

Светлана Владимировна, насколько я знаю, никогда не вмешивалась в дела мужа. Я был свидетелем такого эпизода. Однажды в День милиции в Колонном зале Дома Союзов она стояла в окружении генералов. Кто-то из них сказал, показывая на полковника: надо бы, дескать, и ему генерала присвоить. Светлана Владимировна ответила со значением: „Министром внутренних дел является Николай Анисимович, ему и решать, кого продвигать по службе. Я к этому отношения не имею“. Все сразу притихли.

Я имел возможность наблюдать в быту и членов правительства, и

членов Политбюро^[47]. С Андроповым, Устиновым и Громыко даже однажды, на день рождения Галины Леонидовны Брежневой, поднял рюмочку. Так вот, уверяю вас, что Светлана Владимировна была одной из самых дисциплинированных, аккуратных, контролирующих свое поведение женщин их круга. Она работала, водила машину. Знала, что много найдется охотников посплетничать на ее счет, но не давала для этого поводов.

— После 1982 года в коммунально-дачной службе обнаружили спецмагазин, в котором якобы за бесценок можно было купить дефицитные вещи. Чурбанов пишет в воспоминаниях, что даже он об этом магазине ничего не знал, и добавляет, что не понимает, зачем он был нужен Щёлокову.

— Щёлоков к этому магазину отношения не имел. Он редко ходил по магазинам, а Светлана Владимировна делала покупки в 200-й секции ГУМа. Кроме того, в МВД имелись пошивочная мастерская — целый комбинат, обувное производство, комбинат питания. Закажи — и тебе привезут, что надо. Они так и поступали и всегда за это расплачивались. Кроме того, люди имели возможность выезжать за границу. Куда им еще?

В КДС действительно имелся магазин — по сути, одна комната, куда время от времени завозились товары. Он предназначался, по крайней мере так задумывалось, для нужд оперативного состава, чтобы оперативники не выглядели одинаково, а то их часто узнавали по внешнему виду. Магазин имел два входа — это было удобно. Продавалась там в основном одежда. В мою бытность начальником коммунально-дачной службы нарушений в работе этой торговой точки (входящей в систему „Военторга“) не было, мне таких обвинений не предъявлялось, как потом — не знаю, но и потом, кажется, дальше разговоров не пошло.

— Вам что-нибудь известно о происхождении картин, которые имелись у министра? Их у Щёлоковых что-то очень много было — больше 120, по оценке следствия.

— Однажды я летал вместе с министром в командировку в Астрахань, на совещание. Местные художники подарили ему картину „Утро рыбака“. С дарственной надписью, примерно: „Министру внутренних дел Щёлокову Н. А. от художников Астрахани“. Ему отказываться надо было? Он же ее не выпрашивал. По-моему, эта картина осталась у него. Но большинство таких подарков сдавалось в музеи МВД. Он много картин и покупал. На Арбате имелись два комиссионных магазина, где продавались полотна известных мастеров. И дарил. Помню, однажды говорит: „Давайте отберем картины, чтобы отправить их в музей“. У него на даче скопилось много полотен, которые некуда было вешать. А в Кадиевке, в Ворошиловградской

области, где он родился, открывался музей. Я помог ему отобрать 68 картин. Он отправил их к себе на родину».

...Скромным в потребностях и щепетильным в финансовых вопросах предстает министр Щёлоков и в воспоминаниях бывшего дежурного его приемной Владимира Васильевича Сорокина.

Каждый месяц Николай Анисимович отдавал своим помощникам в приемную 200–250 рублей, вложенные в конверт. Из этих денег они гасили его расходы на обеды в буфете, приобретение театральных билетов, книг, цветов, которые отправлялись по его распоряжению. Он никогда ничего не брал на дармовщину, говорит Владимир Васильевич. Еду в буфете заказывал самую простую: кислые щи, котлету, клюквенный морс, сырники. «Вещизмом не страдал. Светлана Владимировна купила ему дубленку, навязала. Он один раз ее надел — и потом дубленка у него висела в шкафу, ходил в шинели или в обычном пальто. Перед его семидесятилетием рассылались шифровки на места, запрещающие приезд в Москву. Все сувениры и подарки, которые ему тогда передавали, мы отправляли в музей».

Николай Анисимович, насколько можно заметить, относился к деньгам и вещам так, как к ним относится занятой человек, давно отвыкший о них думать. У него была одна из самых высоких зарплат в стране (с учетом доплат за воинское звание) — около 1500 рублей, столько же получали только министр обороны и председатель КГБ. Светлана Владимировна, как доцент, кандидат медицинских наук, получала около четырехсот рублей. Что же касается расходов, то кремлевский продуктовый паек стоил 70 рублей, семье из четырех человек его хватало на месяц. Щёлокову полагались два таких пайка. Из окружения Николая Анисимовича в его бытность министром никому не приходило в голову, что он может жить не по средствам...

В 1979 году начальник дачной службы министерства Евгений Залунин подал рапорт с просьбой перевести его на другую работу. Его просьбу удовлетворили — назначили заместителем начальника управления спецперевозок. Тем самым Евгений Сергеевич избавил себя от многих неприятностей.

Продолжаем разговор с ним:

«— Каково ваше мнение о Калининне? Когда вы с ним познакомились?

— Виктора Андреевича в ХОЗУ пригласил Бойко^[48], они были знакомы еще по комсомолу. Я Калининна до того момента не знал. Потом Бойко перевели в управление кадров, Калинин стал моим непосредственным начальником. В первые лет пять особых проблем у нас с

ним не возникало. Потом начались неприятности. В конце концов я вынужден был написать рапорт министру с просьбой перевести на другую должность, а причину указал: „В связи с тем, что я разошелся с генерал-майором Калининым В. А. в вопросах чести и порядочности“.

— *В чем проявлялась его непорядочность?*

— Начиналось с мелочей. Он съехал с ведомственной дачи и прихватил с собой несколько рюмок из цветного стекла на сумму около двух рублей. Я спрашиваю: кто платить должен? Он: „Смешная сумма, о чем говорить...“ Дальше — больше. На одном из наших объектов Виктор Андреевич снял четыре хрустальных чешских люстры. Даже не предупредил меня. А у нас как раз проходила ревизия, комиссия приехала на объект и увидела голые потолки. Я ему звоню: „Что ж ты меня подставляешь?“ — „Ой, забыл доложить“. — „Немедленно заплати“. Он заплатил. В общем, после очередного такого случая я понял, что однажды он подведет меня под монастырь. И написал рапорт министру.

— *Николай Анисимович в вашем конфликте принял сторону Калинина?*

— К тому времени я уже устал от хозяйственных обязанностей и материальной ответственности. В детали не вдавался. Попросил министра перевести меня в транспортное управление, поскольку по основной своей специальности я транспортник. Насколько мне известно, он хотел уволить Калинина. Почему не уволил? Не знаю, кто-то его, наверное, отговорил. Незадолго до смерти Николая Анисимовича мы с ним разговаривали по телефону, и он сожалел, что этого не сделал.

Ни Николай Анисимович, ни Светлана Владимировна никогда чужого не брали. Их доверием многие злоупотребляли, верно. Тот же Калинин мог от имени министра запросто себе что-то заказать. Из-за одного проходимца оказалось скомпрометировано целое министерство...»

Виктор Андреевич не упускал случая «поймать на крючок» родственников своего начальника, иногда, к сожалению, это ему удавалось. Например^[49], в 1981 году тесть министра обратился к хозяйственнику с просьбой заменить ему телевизор «Рубин», служивший более пяти лет. Заменить не получилось, и старый телевизор у Попова выкупили, заплатив за него, как за новый, 650 рублей. Дочь министра Ирина Щёлокова сдала на склад коммунально-дачной службы импортную магнитола, полагая, что она будет продана через комиссионный магазин. С ней расплатились (по документам — выдали 1500 рублей, по показаниям Щёлоковой — не более 1300 рублей), потом выяснилось, что магнитола осталась непроданной. Сам Николай Анисимович эти факты пояснит так: «Список вещей, якобы

сданных моей семьей, я видел в ходе ревизии, в 1983 г. Никаких разговоров ни с Калининым, ни с другими лицами у меня не было. Поэтому прием таких вещей считаю инициативой Калинина, подхалимством семье со стороны его, других работников ХОЗУ». Обычно Николай Анисимович отвечал на вопросы следователей сдержанно, но тут чувствуется, что он возмущен.

Залунин приводит такой эпизод: «Когда у Николая Анисимовича умер тесть, он вызвал меня и Калинина и попросил организовать похороны. Дал начальнику ХОЗУ на эти цели 3,5 тысячи рублей. По-моему, более чем достаточно. Потом я узнал, что какие-то расходы Виктор Андреевич отнес на счет хозяйственного управления»^[50].

Однако чем больше негативного узнаем мы о Викторе Андреевиче Калинине, тем очевиднее вопрос: как мог такой человек 16 лет возглавлять хозяйственное управление МВД?

Автор задавал его всем без исключения соратникам пятидесятого министра. В ответ — только недоуменное пожимание плечами. «Щёлоков доверял людям». «Калинин не всегда таким был, только в последние годы». «Хотел уволить — в семье заступились». «Должность у Калинина была такая. Разве в других ведомствах завхозы не воровали?» Чурбанов, отбывавший наказание в одной колонии с бывшим начальником ХОЗУ, пишет, что тот умел казаться «образцовым» и на службе, и в зоне. Но убедительных объяснений соратники Щёлокова не дают. Зато их с легкостью дают его обвинители.

Попробуем поискать ответ самостоятельно. Оправдывать — такой задачи автор себе не ставит. Ошибка Щёлокова как руководителя в данном случае бесспорна: главным хозяйственником министерства был жулик. Однако мы достаточно хорошо знаем Николая Анисимовича, чтобы приписывать ему циничное желание иметь под рукой именно *такого* завхоза^[51]. Вместе с тем не оставляет ощущение, что министр по каким-то причинам и не собирался глубоко вникать в деятельность ХОЗУ.

Менялся ли Николай Анисимович со временем?

Часто говорят о «двух Щёлоковых». Один упорно трудился и много сделал для министерства; а другой — примерно с середины 1970-х — занялся обустройством быта своей семьи, что привело к закономерным последствиям. Все^[52] соратники пятидесятого министра эту версию отвергают. *Заведенный механизм* — до последнего дня пребывания в должности. А многоопытный П. Г. Мясоедов уточняет: «Щёлоков не

менялся, менялись обстоятельства, люди вокруг него».

С середины 1970-х жизнь в СССР приобретает всё больше черт абсурда. Советским людям неудобно включать телевизор — стыдно за своих руководителей. Государством управляют люди немощные, больные, старчески капризные. Нормы поведения номенклатуры, как обычно, задает первое лицо. Брежнев быстро дряхлеет и впадает в детство (так сказать точнее, чем — «в накопительство»). Леонид Ильич получает в подарок иномарки — а значит, можно и другим^[53]. Брежнев любит, когда его пышно встречают в поездках по стране — расцветает традиция встреч-проводов, она стала настоящим бедствием для таких регионов, как, например, Краснодарский край. Первое лицо обожает подарки — а кто из высоких начальников их не обожает? Тут только подай сигнал. И начинается форменная растащилка.

Это было время подарков и угощений «неизвестно за чей счет». Много внимания этой заезженной теме уделять не будем, ограничимся впечатляющим свидетельством бывшего помощника М. С. Горбачева (Валерий Болдин «Крушение пьедестала». М., 1995). Перед нами картина как будто из XIII века — московский князь снаряжает посольство к ордынскому хану:

«Л. И. Брежнев и его команда, собираясь в командировку, запасались многочисленными дарами от часов до золотых и серебряных наборов, портсигаров и сервизов. Управляющий делами ЦК Н. Е. Кручина показывал мне ведомости, в которых перечислялись подарки для местных руководителей и зарубежных деятелей. Стоимость их была внушительна. Для последней поездки Брежнева в Узбекистан были выписаны подарки на всех руководителей республики, их замов, замов замов, помов, стенографисток, машинисток и даже водителей машин, на которых ездили эти стенографистки. На это направлялись десятки, сотни тысяч партийных рублей... И в ответ шли драгоценные броши, колье, кольца, оружие в золотых и серебряных ножнах, золотые безделушки и многое другое, что, скорее всего, не попадало в Гохран. Сдавать в Гохран такие пустяки тогда считалось несовременным. Напротив. Из Гохрана брали и брали многие драгоценности по стоимости золотого и серебряного лома на вес».

Немудрено, что хозяйственники, которые обеспечивали потоки даров в обе стороны, допускали при этом «усушку и утруску». Где десять брошей для начальства — там и одиннадцатая для себя любимого. Ловкач мало чем рискует. Может быть, за его руками последят оперативники, может быть, отечески предупредят, может быть, на худой конец, его уволят, но официальную ревизию к нему точно не направят, потому что его должность

криминальна *по определению*. На акт ревизии о нарушениях начальнику придется как-то реагировать. А как? Завтра завхозу опять доставать броши и кинжалы на десятки тысяч по непонятным статьям расходов. Честный человек на эту должность и не пойдет. Легче начальнику закрыть глаза и глубоко не вникать, до тех пор, пока не поступит сигнал, что его подчиненный зарвался.

А ведь за каждым таким подарком «неизвестно за чей счет» стояло преступление. Понимали ли это Леонид Ильич и его падкое на знаки внимания окружение? Генеральный секретарь мог, снаряжая свое «посольство», тратить партийные деньги. А руководитель в регионе, вынужденный часто принимать гостей, должен был иметь под рукой «кошелек», то есть вороватого хозяйственника или теневика. Ничего принципиально нового, всё как будто взято из бессмертного «Ревизора». Гоголевский городничий помог сплутовать купцу, когда тот строил мост, и «написал дерева на двадцать тысяч, тогда как его и на сто рублей не было», а в ответ потребовал «поздравление» дочке на свадьбу, да посерьезнее, чем балычок или голова сахара.

Вот одна из типичных для того времени историй (с не вполне типичным финалом). З. возглавлял большое хозяйство по заготовке рыбы на юге страны. Однажды секретарь обкома попросил его подготовить подарок для важного гостя. З. придумал: попросил местных умельцев сделать парусник из костей кашалота. Заплатил за уникальную работу около 20 тысяч рублей, найдя возможность списать их по какой-то статье. Секретарь обкома сказал: «Понравился твой подарок. Хорошо бы мне иметь таких штук пять в резерве». У З. волосы дыбом: где взять 100 тысяч?! Потом попросили его накрыть стол для встречи начальника военного округа. А тот с собой еще привез человек сорок свиты. Так и увяз коготок З., научился он заготавливать свою рыбу в мутной воде, делать из воздуха 100 тысяч рублей и больше. В конце концов он попал за решетку. Так безобидная на первый взгляд любовь руководства к подаркам и застольям делала из людей преступников^[54].

Похожими мотивами объяснял свое грехопадение бывший заведомо Сочинского горкома партии Анатолий Перепади^[55]:

«Помню, как-то в один из воскресных дней летом 1974 года мне на квартиру позвонил третий секретарь горкома партии Чуприн И. А. и говорит: „Меня попросил Виктор Федорович (первый секретарь горкома Гавриленко. — С. К.) передать тебе, чтобы ты к 16 часам сегодня подготовил банкетный зал на горе Ахун на 10 персон. Будем есть

шашлыки“. Я ему ответил, что как я всё это сделаю? Он мне в ответ: „Меня просили передать, я передал, а ты выкручивайся“. Вот я и начал выкручиваться. Попросил дежурную машину в ГАИ, приехал туда и с помощью заведующего шашлычной организовал стол в банкетном зале на 10 персон. А ровно в 16 часов на трех „Волгах“ подъехали гости — 10 человек, в т. ч. Гавриленко и Чуприн со своими женами. Чуприн меня заметил и благосклонно кивнул головой.

После того как они уехали, я поинтересовался у официанта, все ли в порядке. Он ответил, что да, всё в порядке, гости остались довольными, поблагодарили, но почему-то не рассчитались, и показывает мне счет, что-то около 120 рублей... Я оплатил счет».

Потом были и другие счета. А кончилось поборами: местные работники торговли стали регулярно оплачивать Перепади «расходы на курортный сезон».

...В сравнении со многими другими хозяйственниками того времени Виктор Андреевич Калинин выглядел, может быть, даже и ничего. Ущерб, нанесенный в 1979–1982 годах им и его подельниками, суд оценил в сумму 67,1 тысячи рублей. Цифра не поражает воображения, учитывая, что МВД было одним из ведущих в стране промышленных министерств. Виктор Андреевич попался, в отличие от некоторых других... Не повезло...

Теперь обратимся к эпизоду из уголовного дела № 6–83 в отношении группы сотрудников ХОЗУ МВД во главе с В. А. Калининым. Министру Щёлокову на его семидесятилетие от лица коллегии МВД были подарены золотые часы с цепочкой. Два непосредственных участника события — Калинин (в показаниях на следствии) и Чурбанов (в мемуарах) — описывают его по-разному. Каждый из них себя выгораживает: подарок ведь приобретен с нарушением. Виктор Андреевич покупал часы марки «Налпако» на средства ХОЗУ за четыре с половиной тысячи рублей, а Юрий Михайлович, как первый заместитель министра, утверждал покупку и лично вручал подарок Щёлокову (Калинин в показаниях: «Вся эта процедура была угодливой и мерзкой»). По документам прошло, что часы подарены лидеру Чехословакии Гусаку. При этом Юрий Михайлович уверяет, что о стоимости «Налпако» и о том, по какой статье списали 4,5 тысячи рублей, он ведать не ведал, а Виктор Андреевич — что именно Чурбанов распорядился списать часы «на демократических друзей» и утвердил акт. Оба единодушны в том, что строго следовали указаниям министра...

Впрочем, у юбиляра этот дар долго не задержится. Щёлоков и Чурбанов преподнесут часы «Налпако» Брежневу^[56]. Сохранились

фотографии, зафиксировавшие момент дарения. Леонид Ильич заинтересованно рассматривает очередную игрушку, чтобы... через несколько минут, возможно, забыть о ее существовании.

Эпоха *подарков* была одновременно и эпохой *тотального дефицита*. В стране отсутствовали многие элементарные предметы обихода. Достаточно сказать, что членам Политбюро их любимые шляпы доставляли из-за границы чуть ли не по каналам дипломатии и разведки. В такой ситуации главным достоинством хозяйственника становилось умение *достать*. Постепенно руководители оказывались в зависимости от своих *доставал*. А дальнейшее зависело от аппетитов и степени развращенности хозяйственника. Надо строить дачу, а стройматериалов нет. Куда обратиться? К нему. Нужно при ремонте квартиры 30 рулонов импортных обоев (разумеется, не бесплатно, вы — руководитель — следите, чтобы счета оплачивались). Хозяйственник *от вашего лица* достает 100 рулонов. На излишке зарабатывает, а вам выставляет счет только за 20 — в эту петельку вы попадаете. И вот вы уже и соучастник. Если нарушение всплывет, вас заставят гасить ущерб. Дальше в дело вступает мастерство формулировок. Вас могут обвинить в недостаточном контроле за действиями подчиненного, а могут и в «беспредельном цинизме», с которым вы вступили на путь личного обогащения.

Очень многое, необходимое для повседневной деятельности ведомств, предприятий, негде было достать официальным путем. Покупать приходилось с *рук*. И это еще одна неизбежная статья нарушений хозяйственников.

Пример: в уголовном деле № 6–83 имеется эпизод приобретения помощником министра В. П. Бирюковым пятидесяти магнитофонных кассет на сумму 550 рублей по фиктивным товарным чекам. Установлено: кассеты действительно пошли в дело, в частности, использовались при записи совещаний и коллегий в министерстве. Почему же они покупались с нарушением? Да потому что — «с рук», в магазинах их не нашли. (В наши дни озадачили бы спонсоров, и те бы принесли. — С. К.) Из материалов дела узнаём, что сотрудникам ХОЗУ часто выписывались премии и пособия по надуманным поводам. Говоря современным языком, это «обналичка». А где «обналичка», там обязательно часть средств прилипает к нечистым рукам...

Исполнительный, образцовый, ловкий хозяйственник-доставала, работающий на «расстрельной» должности, — таков В. А. Калинин. Мы попытались понять, как мог он на ней находиться — в контексте *того времени*. В какой мере это удалось, судить читателю.

Так или иначе, в этой главе речь шла о самой серьезной и несомненной ошибке Щёлокова-руководителя. У этой ошибки есть имя, отчество и фамилия: Виктор Андреевич Калинин.

Глава девятнадцатая

ГРОЗА

Чувствовал ли Николай Анисимович, что его положение непрочное?

Павел Перевозник рассказывает о встрече с министром в 1980 году^[57]:

«Как-то мне позвонил Щёлоков из Барвихи, где он отдыхал в санатории, и попросил приехать к нему. Мы просидели несколько часов. И тут в разговоре по душам о нашей совместной работе (а было что вспомнить, начиная еще с Молдавии) он рассказал, что по просьбе министра внутренних дел Чехословакии там открывается представительство МВД СССР. И спросил меня, как я смотрю на то, если он будет рекомендовать меня на эту должность...»

Министр и его подчиненный разговаривали, попивая вино, и разговор этот был невеселый. «Щёлоков уже тогда подумывал о своей дальнейшей судьбе, он предчувствовал неладное».

Что предчувствовал Николай Анисимович, автор воспоминаний не сообщает. Но точно — не скорый приход к власти Андропова. Тогда об этом и речи быть не могло. По свидетельству того же Перевозника, и в более позднем их разговоре Щёлоков не особенно в это верил: мол, Юрий Владимирович сильно болен и сам не согласится взвалить на себя ношу руководителя государства.

Можно предположить, что Николай Анисимович подумывал уходить из МВД и предлагал старому товарищу загодя сменить «горячее» место начальника управления БХСС на более безопасное и удаленное. А возможно, новое назначение Перевозника — форма его отставки, о чем мемуарист не скажет. Так или иначе, ближайшие несколько лет Павел Филиппович проведет представителем МВД СССР сначала в Чехословакии, потом в Болгарии. Останься он в Москве, его судьба сложилась бы драматичнее.

Тема неизбежности ухода с поста министра внутренних дел появляется в дневнике Щёлокова в конце 1975 года. Он пишет, что момент этот будет для него психологически трудным и к нему надо заблаговременно готовиться. В узком кругу Николай Анисимович не раз говорил: «Я буду первым министром внутренних дел СССР, который оставит этот пост по собственному желанию»^[58].

Щёлоков перерос свою должность. А куда дальше? Заместитель

председателя правительства — возможное развитие событий. После того как кабинет министров в 1980 году возглавил Н. А. Тихонов, земляк, старый знакомый Николая Анисимовича, Щёлокову предлагается и престижный пост первого заместителя главы правительства. Говоря словами персонажа из фильма «Белое солнце пустыни», что еще нужно человеку, чтобы встретить старость? Однако пост — именно что престижный, без реальных возможностей (из аппарата под рукой — пара помощников, секретарша и водитель; трудно с этим согласиться, если ты привык управлять миллионом с лишним человек). А главное, без членства в Политбюро. Щёлоков полагает, что он имеет достаточно заслуг и опыта, чтобы войти в партийный ареопаг. Николай Анисимович в хорошей физической форме^[59]. Рано заканчивать карьеру. (Вспомним, что в фильм «Семнадцать мгновений весны», как говорят, специально для Брежнева была вставлена фраза: «70 лет — расцвет для политика».)

Коль скоро против повышения Щёлокова прямых возражений нет, вполне логично было бы назначить его секретарем ЦК КПСС, курирующим силовые структуры. Это уже близко к Политбюро... Как будто противопоказаний нет. Карьера Николая Анисимовича развивается по восходящей. Летом 1980-го все структуры, отвечавшие за подготовку XXII летних Олимпийских игр в Москве, наконец-то скинули эту многолетнюю обузу с плеч. С точки зрения организации и обеспечения правопорядка Игры прошли идеально. В ноябре того же года министру внутренних дел по случаю его семидесятилетия присваивается звание Героя Социалистического Труда. Двое пребывают в ожидании перемен в судьбе: Николай Анисимович и его «молодой, энергичный» зам.

Брежнев недееспособен и подвержен внушению, многие желают извлечь из этого пользу для себя. Окружение нервно реагирует на такие попытки. Деятельный Щёлоков — из тех, кто может пробиться к генеральному секретарю и склонить его к какому-нибудь вредному решению. Особенное беспокойство внушает его давнее стремление сосредоточить следствие в МВД. В 1978 году генеральный прокурор Р. А. Руденко уже получил от министра внутренних дел неприятный сюрприз: следствие по делам о несовершеннолетних тогда передали из прокуратуры в милицию. В какой-то момент прошел слух, что собираются всё предварительное следствие передать в МВД. Прокурорская общественность не на шутку разволновалась. Опасность удалось отвести^[60].

Все тлевшие межведомственные и личностные конфликты к началу

1980-х обострились. За каждым событием виделись большая интрига и большая политика. Назначение на пост секретаря ЦК, курирующего силовые структуры, человека деятельного с «вредными» идеями, способного воздействовать на генерального секретаря, многих просто пугало.

В 1979 году «прокололись» *старшие соседи*. Щёлоковы заметили, что на их даче пропадают вещи. Вот эта история, записанная со слов «дяди Васи-печника» (по книге Столярова «Голгофа»):

«То недосчитаются радиоприемника, то ковровой дорожки, то нескольких бутылок марочного коньяка: Николай Анисимович пил только по праздникам, да и то рюмку-другую, и держал его для гостей... Николай Анисимович отдал распоряжение, ребята из угрозыска обработали полы специальным составом, и скоро с поличным попался архаровец из „девятки“ — он, сукин сын, охранял соседнюю дачу».

Сотрудника 9-го управления КГБ уличили в том, что он скрытно проникал на дачу Щёлокова и воровал! Николай Анисимович, по словам «дяди Васи», сообщил об этом факте Семену Кузьмичу Цвигуну. Более того, скандальную видеозапись показали Галине Брежневой, она передала кассету отцу. Затем от Галины Леонидовны стало известно, что Брежнев потребовал у Андропова объяснений. Видимо, разговор был неприятным.

Эпизод, относящийся к 1982 году, приводит П. Ф. Перевозник. (Павел Филиппович пересказывает 20 лет спустя то, что слышал от министра, примем это во внимание. Автор книги не может избавиться от недоверия к таким свидетельствам. Приводим здесь его из-за колоритности деталей.) Андропов, став секретарем ЦК, подготовил для обсуждения на Политбюро перечень мер по укреплению дисциплины в стране. Накануне заседания на приеме у Брежнева был Щёлоков. Он видел предложения Юрия Владимировича и раскритиковал их. Генеральный с ним согласился. «Утром на заседании Политбюро Брежнев заявил, что вопрос об укреплении дисциплины в стране следует снять с обсуждения, и проговорился, что вчера вечером у него был Щёлоков, который посоветовал ему не принимать решения по этому вопросу. Характерно, что ни Андропов, ни другие члены Политбюро не стали настаивать на рассмотрении этого вопроса, все согласилось с мнением Брежнева».

Если память Перевозника не подводит, тогда за Николаем Анисимовичем был записан еще один должок.

Резкое обострение отношений между *старшими* и *младшими* соседями в начале 1980-х имеет несомненную связь с происшествием на

станции метро «Ждановская». Но и тут фон — большая политика. В другое время, может быть, событие не вызвало бы такого резонанса.

27 декабря 1980 года возле поселка Пехорка по направлению Москва — Быково нашли тело избитого и замерзшего человека. В погибшем опознали заместителя начальника секретариата КГБ майора Астафьева. В январе установили, что расправились с ним сотрудники милиции в отделении на станции «Ждановская», затем вывезли его, чтобы скрыть следы преступления, и бросили умирать возле Пехорки.

«Ждановская» — конечная станция ветки метро, причем большинство пассажиров проходят мимо комнаты милиции. Хлебное место для щипачей в форме, особенно поздно вечером: не проблема — вытащить из вагона пьяного, забрать у него из кармана 10–20 рублей, наиболее буйному «дать по ушам». К тому же милиционеры на работе пьют, в таком состоянии у них не всегда хватает соображения прежде проверить документы у задержанного. Линейные отделения милиции на транспорте^[61] — слабое место системы внутренних дел, «штрафбаты», куда сотрудников «ссылают» за провинности или набирают без достаточной проверки.

Милицейская общественность, исходя из жизненного опыта, так интерпретирует случившееся. Ночью 26 декабря щипачи в погонах задерживают нетрезвого гражданина с портфелем и коробкой с обувью (Астафьев отмечал на службе свое сорокалетие). Задержанный впал в амбицию, милиционеры его избили, потом выяснили, что он — майор КГБ, и решили отвезти его подальше, добить, спрятав, таким образом, концы в воду. В материалах следствия, проведенного представителями прокуратуры, предстает картина более осознанного убийства милиционерами именно комитетчика (во что верится всё-таки с трудом). Принципиального значения это уже не имеет. Преступление — оно и есть преступление.

Щёлоков воспринимает происшествие на «Ждановской» очень остро. Только что он был на гребне успеха: Герой Соцтруда, ожидает нового назначения. В случившемся он подозревает интригу со стороны *старших соседей*. Многие действительно странно: в кои-то веки пьяные офицеры КГБ после юбилеев возвращаются домой на метро? Не провокация ли это с самого начала? К осмотру тела Астафьева милицейских экспертов не допускают. Задержанные милиционеры «спрятаны» в следственном изоляторе КГБ в Лефортове, неизвестно, какие показания они дают. МВД демонстративно отсекают от дальнейших действий по раскрытию преступления. Руководитель следственной группы Генеральной прокуратуры В. И. Калиниченко взят под охрану группой «А» Комитета

государственной безопасности! Впрочем, о том, что жизни Калиниченко угрожала опасность, известно из единственного источника — от него самого. Вот как охраняла Владимира Ивановича «Альфа»^[62]:

«Я знал, что напасть могут, когда поднимаюсь на лестничную клетку, выхожу из лифта, даже тренировался, чтобы отразить нападение. И вот по всем правилам выхожу из лифта, а справа курит мой сосед Сережа Пономаренко. Только попросил у него сигарету, как распахиваются двери лифта и оттуда выскакивают три человека... Не то что отреагировать — рассмотреть это было невозможно. У них было оружие, которого я никогда не видел. Тут у меня не просто коленки затряслись, а, пожалуй, еще бы минута — и они стали бы мокрыми. Я понял: мне конец... Первый, видя, что идет курево, спрашивает: „Владимир Иванович, у вас всё в порядке?“ Я говорю: „Да! — а у самого губы трясутся. — Да, всё в порядке“. Они впрыгнули в лифт и — шух! — исчезли. Это была „Альфа“. Смотрю, а Сережа весь белый, руки ходуном ходят: „Господи! Скажи мне, пожалуйста, что это?“ — „Сергея, — говорю, — это меня охраняют“. Он матом: „Да я такую работу в одном месте видел!“»

Изначально в раскрытии убийства Астафьева участвовали сотрудники МУРа, КГБ и Генеральной прокуратуры. Как предположил в разговоре с автором один из ветеранов угро, первую информацию получили чекисты, установившие спецтехнику в отделении милиции на «Ждановской». Милиционеры-алкоголики сами и проболтались. В такой ситуации следователь прокуратуры — «господин оформитель», нет смысла его устранять, не один, так другой доведет расследование до конца. А как сам Калиниченко оценивает вклад прокуратуры в раскрытие убийств? В интервью газете «Совершенно секретно» (1998. № 12) Владимир Иванович говорит: «После убийства Старовойтовой обрушился поток обвинений в неспособности прокуратуры раскрыть заказные убийства. Еще раз, полноте, господа. Обязанность раскрытия таких преступлений на 90 процентов ложится на спецслужбы с их оперативными возможностями».

Стало быть, на долю прокуратуры остается 10 процентов.

Наконец Щёлокова познакомили с материалами уголовного дела (по-видимому, с этой целью к нему приезжал заместитель Андропова — Цинев). «Противодействие» со стороны МВД прекратилось. Весной 1981 года под руководством Чурбанова уже разрабатываются меры реагирования на случившееся (в таких ситуациях Юрий Михайлович мог удачно выполнять роль громоотвода). Службу по охране столичного метрополитена просто расформировали, более трехсот сотрудников уволили, в ГУВД Москвы создали новое управление по обеспечению

правопорядка в московской подземке.

Дело об убийстве майора Астафьева рассматривалось в закрытом режиме в Московском городском суде летом 1982 года. Четверо главных обвиняемых были приговорены к исключительной мере наказания, еще многие — к различным срокам заключения.

Генеральный прокурор Александр Рекунов направил в ЦК КПСС суровый вердикт. В нем, в частности, говорилось: «Основной причиной, способствовавшей совершению преступления, была сложившаяся обстановка пьянства, нарушений служебной дисциплины, бесконтрольности и попустительства грубым нарушениям социалистической законности. Дезорганизация работы, фактическое разложение личного состава толкали работников милиции на злоупотребление предоставленной им властью. Многие сотрудники рассматривали работу как источник личного обогащения... Особое озлобление у них вызывали попытки отдельных граждан защитить себя от чинимого произвола. За это они подвергались избиениям, запугиванию, шантажу, милиция фабриковала акты опьянения, протоколы о мелком хулиганстве... Милиционер Лобов за большое число задержанных был занесен на Доску почета, награжден медалью „За 10 лет безупречной службы“, имел более пятнадцати поощрений. В ходе следствия выяснилось, что он хронический алкоголик, в течение пяти лет грабил и избивал задержанных, совершил несколько убийств... Обстановка безнаказанности, нетерпимости к критике, круговая порука, укрывательство незаконий привели к разложению многих работников, толкали их на путь преступлений».

Кресло руководителя МВД — не то место, где можно спокойно ожидать нового назначения.

20 октября 1982 года на руководство МВД вновь обрушился удар. На стадионе «Лужники» после футбольного матча между московским «Спартаком» и голландским «Харлемом» во многом из-за плохой работы милиции возникла давка. Погибли 66 болельщиков.

Когда пытаешься разобраться в событиях последних лет правления Л. И. Брежнева, обнаруживаешь, что находишься на чрезвычайно зыбкой почве. Деятели того периода умели скрывать свои мысли. К тому же многие — в преклонном возрасте, капризны, у них, что называется, семь пятниц на неделе. Известие об отставке — почти всегда неожиданность. «За что?! Я работал честно!» — только и успевает на заседании Политбюро пробормотать отставник, обнаружив, что *они* за его спиной уже обо всём

договорились. Есть сложные узлы взаимоотношений, но нет движения масс, поддерживающих того или иного политика, которое помогло бы понять логику тогдашней борьбы за власть.

Некоторые истины утвердились исключительно на основании воспоминаний, написанных очевидцами 10, 15, 20 лет спустя. Карьеры и судьбы большинства из них сложились неблагоприятно. Многим Юрий Владимирович крепко насолил, поэтому есть подспудное желание признать его самозванцем, ловко подобравшим власть, как будто им от этого будет легче.

Казалось бы, не самый сложный вопрос: кого Леонид Ильич Брежнев видел своим преемником на посту генерального секретаря? Понятно, он собирался «поработать» еще на благо страны, но в возрасте семидесяти шести лет руководитель не может об этом не задумываться. Вроде бы возобладало мнение, что он склонялся в пользу Владимира Васильевича Щербицкого, руководителя Украины и члена Политбюро с 1972 года. Некоторые события это предположение подтверждают. Так, загодя, в мае 1982-го, на пост председателя КГБ переводится из Киева Виталий Васильевич Федорчук. Еще в 1976 году глава кремлевской медицины Евгений Чазов ездил в Киев по поручению Андропова агитировать Щербицкого перебраться в Москву, чтобы поддержать Брежнева, перенесшего инсульт. Владимир Васильевич тогда отказался. Незадолго до смерти Леонид Ильич рекомендует секретарю ЦК по кадрам Ивану Васильевичу Капитонову в своих действиях исходить из того, что в кресле генерального вскоре окажется украинский лидер. И член Политбюро Виктор Васильевич Гришин — примерно о том же. Какие еще свидетельства нужны? Однако время идет, а Щербицкий в Москве всё не появляется... Брежнев тем временем настойчиво укрепляет позиции совсем другого человека.

Или еще одна из загадок: как получилось, что в 1978–1982 годах, в апогее застоя, правоохранителям удалось реализовать несколько крупных дел по коррупции? Пострадали в том числе люди из близкого окружения генерального. Вдруг выяснилось, что Брежнев «не может» их защитить. Он «не может» отвести удар от своего любимца — Сергея Федоровича Медунова, главы гостеприимного Краснодарского края (на территории которого находится мемориальный комплекс «Малая Земля»), «Не может» он помешать началу расследований в Узбекистане. Нам объясняют, что Юрий Владимирович начинает играть свою большую политическую игру, устраняет потенциальных конкурентов (у Медунова соперничество с андроповским протеже Горбачевым), ставит генерального перед фактом

сделанных разоблачений, и тому не остается иного, кроме... Не все концы с концами тут сходятся. Положим, лидер недееспособен. Окружение в таких случаях обычно становится крайне осторожным, опасаясь сделать неверный шаг. Раз доставил неудовольствие генеральному, два, а третьего раза может и не быть.

Имеется известное свидетельство многолетнего охранника Леонида Ильича — Владимира Медведева. Андропов докладывает генеральному, что надо снимать Медунова. Брежнев поставлен перед неприятным фактом. Он просит только не судить Сергея Федоровича, а перевести его, скажем, в заместители какого-нибудь министра. Юрий Владимирович не фанатик, он против разве? Перевести — так перевести.

Немалое количество авторитетнейших мемуаристов свидетельствуют о том, что пуще всего в своей жизни Андропов избегал сообщать Брежневу неприятные известия. Звонил он всегда генеральному через приемную, а не напрямую, и обязательно интересовался у секретаря, удобно ли Леониду Ильичу вести разговор. Никогда не настаивал на том, чтобы непременно соединили. В последние годы, вероятно, предусмотрительность должна была быть чрезвычайной, ведь престарелые люди подвержены перепадам настроения, капризам, одно неосторожное слово и — прощай, должность.

Мозаика сложится, если предположить: генеральный секретарь в целом поддерживает те действия, которые предпринимает председатель КГБ.

В середине 1970-х в стране произошли качественные изменения. Обнаружился второй экономический фронт — теневой.оборот теневого капитала стал слишком существенным и нес в себе уже угрозу основам Советского государства. Знаковым стало «рыбное дело». Руководитель рыбной отрасли Ишков пробил для своего министерства право торговать добытой продукцией. Появилась сеть магазинов «Океан», первый из них — в Сочи. Таким образом, в рамках одного министерства стало возможно наладить полный цикл — от добычи «левой» рыбы до ее реализации. Кроме того, за границу в банках из-под кильки пошла черная икра. Руководящие сотрудники торгового объединения Фишман и Фельдман нашли возможность выводить за рубеж огромные деньги, предполагая со временем перебраться на жительство в Израиль. С уводом средств из страны власть мириться никак не могла. Так в 1978 году возникло «рыбное дело», его итог — массовые посадки в отрасли и высшая мера наказания для заместителя министра Рытова. Министра Ишкова судить не стали, отправили в отставку, заставив вернуть несколько десятков тысяч рублей.

С ареста директора сочинского «Океана» стало раскрываться новое

дело. И тут уже засветилась партийная верхушка Краснодарского края. Отчасти сам первый секретарь крайкома партии Медунов спровоцировал то, что дело поднялось на политический уровень. Он пошел в атаку на руководство Генеральной прокуратуры, угрожая загнать за Можай следственную бригаду и добившись увольнения с должности заместителя генпрокурора В. В. Найденкова. Возникла ситуация: кто кого? Отступить следствию было некуда.

Если в Краснодарском крае размеры взяток и подношений исчислялись сотнями рублей, редко — несколькими тысячами, то, например, в Узбекистане, по оценке тогдашних спецслужб, к этим цифрам приписывались еще несколько нулей. Только на хлопке, по тем же оценкам, доход теневого сектора за год мог составлять сотни миллионов рублей. Эти деньги перераспределялись, поступали в политическую сферу, стало возможным покупать высокие партийные и государственные должности. Л. И. Брежнев, вероятно, был в курсе этих процессов. Угасающим своим сознанием он не мог не понимать, что при таких темпах роста теневого капитала государство неминуемо рухнет. Одно дело — мелкие грешки соратников, их страстишка к подаркам, пышным встречам-проводам, к «выпить-закусить» за казенный счет, и другое дело — прямое участие, можно сказать, в экономической диверсии против строя.

У Гоголя можно найти и такую формулу: «Не по чину берешь!» В 1978–1982 годах иногда убирали тех, кто брал «не по чину». Единственно Леонид Ильич не любил, когда судят соратников, пусть и бывших. Отставка, перевод на другую работу — вполне достаточно. Поэтому «сочинское дело» и опалу Медунова, по-видимому, не следует объяснять тем, что генерального поставили перед фактом. Примерно за год до разговора Андропова с Брежневым (описанного охранником Медведевым) руководителей Краснодарского края стала «есть» партийная пресса. Материалы эти проходили трудно, но проходили...

Тяжелые задачи стоят перед преемником Брежнева. Надо что-то делать с теневым сектором. Ухудшается ситуация в Афганистане. Поэтому, возможно, всё никак не едет в Москву лидер республиканского масштаба — Щербицкий. У него нет опыта решения таких сложных задач. Года два-три уйдет у него на то, чтобы утвердиться в Москве, и неизвестно, потянет ли. Андропов же — готовый руководитель, твердый, владеющий ситуацией. Он начнет руководить на следующий день. И абсолютно, абсолютно лояльный лично Леониду Ильичу и его семье, ни разу за свою карьеру не давший повода в этом усомниться.

После похорон Брежнева его дочь и зять заедут к Юрию

Владимировичу на работу, чтобы поблагодарить за помощь и моральную поддержку (прощупать, не изменился ли по отношению к ним?). Получат заверения: «Пока я на этом месте, вас никто не тронет». Преемник сдержал слово. При Андропове Чурбанов оставался первым заместителем министра внутренних дел. Неприятности у родных и близких Леонида Ильича начались, как ни странно, при верном брежневце — Константине Устиновиче Черненко, который просто ни во что не вмешивался.

Таким образом, называть своим преемником Брежнев под настроение мог и Щербицкого, но факты свидетельствуют о том, что он настойчиво двигал во власть «Юру» — Юрия Владимировича Андропова.

Всплеск активности Николая Анисимовича Щёлокова в области борьбы с коррупцией пришелся как раз на 1982 год. Это короткий, драматичный и практически неизвестный период в его биографии, в истории ведомства.

В июне того года в Главном управлении БХСС создали оперативно-розыскную часть. ОРЧ по своим задачам — прообраз подразделений по борьбе и с коррупцией, и с организованной преступностью, а также — службы собственной безопасности органов внутренних дел.

Рассказывает бывший сотрудник этой самой засекреченной службы МВД того времени Сергей Сергеевич Бутенин^[63]:

«Лично я с Николаем Анисимовичем ни разу не встречался, хотя он пофамильно знал всех, кто работал в нашем спецподразделении, созданном по его приказу. Группа наша из семи человек входила в состав ОРЧ, которой руководил Вилен Харитонович Апакидзе. Надо представить этого человека.

Познакомился я с ним в 1979 году, будучи сотрудником МУРа. Мы тогда занимались раскрытием убийства вдовы генерала Л. на Гончарной улице в Москве. В какой-то момент нашу бригаду возглавил Вилен Апакидзе, как сказали кураторы из ГУУР — по личному распоряжению Щёлокова. Позже мы много о нем узнали. Вилен — сын разорившегося грузинского князя, репрессированного в 1930-е, рос он в Красноярске, куда была сослана его мать. Апакидзе — широко одаренный человек, технарь, юрист, философ. В МВД Грузии он поднялся до заместителя начальника управления БХСС. К моменту нашего знакомства Вилен имел за плечами пять-шесть громких дел, по одному из которых докладывал Косыгину. Порекомендовал его Щёлокову Эдуард Шеварднадзе, в то время министр внутренних дел Грузии.

После двух лет работы раскрыли мы убийство на Гончарной. Была разнарядка наградить нас орденами, но, в конце концов, дали каждому по

дополнительному окладу, про ордена забыли. Вилен уезжал выполнять какую-то работу в Тбилиси, а когда вернулся, сообщил, что министр поручил ему формировать автономное подразделение в составе ГУБХСС. В нем были промышленный, сельскохозяйственный, технический отделы и наше отделение по борьбе с коррупцией. Общая численность составляла, помнится, 52 человека. Вилену многих навязывали из центрального аппарата. Однако он брал молодых, преимущественно тех, кого знал лично. Все основные вопросы Апакидзе решал напрямую с Щёлоковым. За отпущенные нам девять месяцев мы успели сделать достаточно много.

Тогда уже было понятно, что в ряде регионов Союза власть срывается с криминалом. По одному из дел мы вышли на главу Азербайджана Гейдара Алиева. В Шамхорском районе этой республики обнаружили два липовых колхоза — со всеми реквизитами, печатями, оборотами, штатной численностью. Одним руководил Герой Соцтруда, другим — кавалер ордена Ленина. Мы спрашивали второго: за что ему дали орден? Он по-простецки ответил: „На Звезду Героя денег не хватило!“ Вилен всё это докладывал Щёлокову.

Трое наших сотрудников в конце лета негласно едут в Азербайджан посмотреть на эти „колхозы“. И привозят убойный материал. Ждем санкции министра на продолжение работы. Через некоторое время слышим от Вилена: „Дед сказал, пока не надо ничего делать“. („Дедом“ в министерстве звали Николая Анисимовича.) Дескать, скоро всё сами увидим по телевизору. И действительно, в сентябре Брежнев неожиданно едет в Баку и вручает республике орден Ленина. Там ему дарят, по-моему, шашку, запонки и булавку с черными бриллиантами к галстуку. Вилен: „Поняли? Вот наши колхозы“. Позже, уже при Горбачеве, в Шамхорском районе многих пересажали.

Последняя наша с Виленом операция была связана с Грузией, где теневики делали огромные состояния на „левом“ винограде. Один из них заработал около семи миллионов рублей, часть денег раздал, чтобы его не трогали. Местные оперативники (Шеварднадзе поддерживал эту акцию) приехали к дельцу, взяли пробы вина, отправили в Москву на экспертизу. Выяснилось, что процентов 80 этого вина — фальсификат. Миллионер ударился в бег. Вскоре нам стало известно, что его жена и адвокат ищут выходы на Москву и готовы заплатить чумовые деньги за подделку результатов экспертизы. Вилен доложил Щёлокову. Министр: „Дело интересное. Что предлагаете?“ Апакидзе говорит: „Мы разработали комбинацию, но требуется коридор, чтобы люди беспрепятственно провезли сюда деньги. Нужна ваша санкция“. Николай Анисимович дал

добро. Об операции, которую мы проводили, в руководстве МВД Грузии знал только один из заместителей министра. Нашего человека вывели на жену беглеца. После долгих переговоров они сошлись на том, что она заплатит за всё 2,8 миллиона рублей. Из Тбилиси прибыл курьер с двумя большими чемоданами, в которых находились один миллион наличными и облигации золотого займа на остальную сумму. Во Внукове мы их, включая жену теневика, задержали. Захват произошел примерно за неделю до нового, 1983-го года. Только-только сняли Щёлокова...

Операция завершилась так. Задержанная жена миллионера написала ему письмо. Вдвоем с коллегой мы поехали с этим письмом к родственникам дельца на переговоры. МВД Грузии в известность не ставили. Увезли нас куда-то высоко в горы Кахетии. Неделю мы там находились на положении заложников. Пили чачу под дулами пистолетов. Теневик сказал: „Я не выйду, но деньги, какие есть, верну“. Возвратились из Тбилиси 7 января почти одновременно с ребятами, которые доставили деньги. Девчонки у нас четверо суток из кабинета не выходили, перепечатывали номера купюр. Это было самое крупное изъятие средств в истории ГУБХСС. А министр Федорчук поощрил нас премией в размере оклада».

О будущем спецгруппы после отставки Щёлокова генерал Бутенин говорит: «Ребятам пришлось несладко. А Вилен и вовсе попал в жернова».

Прервем ненадолго его рассказ.

Глава двадцатая

ЧЕЛОВЕК СВОЕГО ВРЕМЕНИ

Утром 10 ноября 1982 года, в День милиции, Леонид Ильич Брежнев умер.

Через два дня генеральным секретарем стал Юрий Владимирович Андропов. Многие, в том числе Щёлоков, не ожидали (или гнали от себя такую мысль?), что тяжелобольной Андропов *согласится* взвалить на себя ношу ответственности за страну. Но он на это пошел.

Николай Анисимович внешне не проявлял беспокойства. В узком кругу он говорил, что Юрий Владимирович — руководитель достойный и ему надо помогать. Раньше следующего года не ждали радикальных кадровых перемен.

Однако 18 декабря Н. А. Щёлокова отправили в отставку с формулировкой «за допущенные недостатки в работе».

Николай Анисимович позвонил сыну, чтобы сообщить это известие. Игорь Николаевич вспоминает, что он почти не расстроился: «Ничего, папа, теперь наконец-то сможешь отдохнуть». Ощущения, что произошло непоправимое, не было. Сразу всё поняла Светлана Владимировна. В разговоре с помощником министра по личным вопросам Владимиром Бирюковым она сказала: «Теперь нам несдобровать. И вам тоже».

Логика Андропова проста. Ему нужно срочно поставить на пост председателя КГБ верного В. М. Чебрикова. Однако вызванный Брежневым из Киева В. В. Федорчук только полгода как назначен, снимать его не за что. Поэтому Виталию Васильевичу дают важное государственное задание — навести порядок в МВД, где «скопилось много гнили». Лучшего подарка *младшим соседям* Юрий Владимирович не мог придумать, ведь цену Федорчуку он прекрасно знает — сам от него натерпелся за минувшие полгода^[64].

Всё устроилось наилучшим для генерального секретаря образом: Чебриков — в КГБ, Щёлоков убран с глаз долой, Федорчук — в *стане врага* в единственной подходящей для него роли чистильщика. Государственный подход тут не просматривается, сугубо аппаратная логика. Эту комбинацию Юрий Владимирович наметил буквально в первый день прихода к власти и тогда же озвучил в беседе с... лечащими врачами^[65].

Генерала армии Н. А. Щёлокова перевели в «райскую группу» — одним из генеральных инспекторов Министерства обороны СССР.

Жизнь Николая Анисимовича и его семьи меняется разительно. Дачу в Горках-10, которую Щёлоковы занимали 16 лет и привыкли считать своим домом, предлагают освободить в три дня. В первый же день отключают правительственную связь. Однако бывшему министру разрешено занять дачу МВД в Серебряном Бору. Но и оттуда гонят. За Щёлоковым и членами его семьи установлено наружное наблюдение. Федорчук начинает в МВД ревизию финансово-хозяйственной деятельности. В разговорах со старыми товарищами Николай Анисимович сетует, что его вызывают в министерство из-за всякой ерунды и подвергают унижительным расспросам.

Общество одобряет любые решительные меры в отношении «бывших». Пользовался привилегиями? Плати по счетам. Суровый Андропов становится популярен, с ним связываются надежды на обновление общества, «возврат к ленинским нормам» в партии, он воспринимается людьми как борец с привилегиями, коррупцией и вседозволенностью.

Поведение Щёлоковых в те дни говорит не о их расчетливости, а о их растерянности.

Вспоминает Игорь Щёлоков:

«На даче жили 16 лет. Покупали всё, как домой: и посуду, и ковры, и мебель. И казенные вещи были. Всё вперемешку, давно забыли, где чье. Вещи были в подвале и в гараже. Потом начинается: „В три дня освободить дачу“. Куда всё это везти? Развезли наспех по разным местам, при переезде многое пропало. Принимаются названивать хозяйственники: „Светлана Владимировна, Николай Анисимович! За вами числятся два ковра за 3200 рублей. Голубые, бельгийские“. Нет их у нас, что делать? Я папе говорю: давай заплатим. Заплатили. Опять звонят: „За вами числится ширма“. Вроде стояла ширма — обычная, деревянная. „За вами проектор“... Мы за всё платим. Мозгов же не хватало. Потом получилось, что мы всё это украли и возмещали ущерб! Вот как было повернуто!

Папа пришел в МВД, говорит: „Мне подарены „БМВ“ и два „мерседеса“. Две машины заберите, а „мерседес“ я выкуплю“. Заместитель председателя правительства дал папе письменное разрешение, что эти машины он может взять в собственность. Папа мог иномарки не отдавать, а он второй раз приобрел свою собственность. Это тоже — „возмещение ущерба“».

Тяжелее всех переживает случившееся Светлана Владимировна. Она

чувствует, что главные испытания семьи впереди. Рвутся все прежние связи. Она уходит из 3-го медицинского института, где к ней продолжали относиться хорошо. Успела получить первую пенсию...

19 февраля 1983 года на даче в Серебряном Бору Светлана Владимировна Щёлокова застрелилась. Свидетелями происшествия стали сестры-хозяйки дачи. Из показаний одной из них, данных следователям, можно представить, что произошло в тот день и в каком психологическом состоянии пребывала супруга экс-министра^[66]:

«С семьей Щёлокова Н. А. я знакома с 1971 года, с этого времени выполняю в их доме работы по хозяйству, готовлю им еду... Отношения у Николая Анисимовича с его женой были исключительно хорошими, доброжелательными...

19 февраля, в субботу, я, как обычно, приехала к ним на дачу в половине девятого утра, чтобы приготовить завтрак. Покормила их в одиннадцать часов, оба поели с аппетитом, оделись и пошли на прогулку. Ничего необычного в поведении и разговорах Щёлоковых я не заметила, разве что Светлана Владимировна была очень грустной. Однако таким ее состояние наблюдалось все последнее время — переезд с министерской дачи на другую, прекращение встреч и связей с постоянным кругом друзей и знакомых она переживала болезненно...

Вернулись они с прогулки примерно в половине первого, разделись и прошли в столовую, где о чем-то говорили между собой. Я с Тamarой сразу ушла на кухню готовить им чай и закрыли за собой дверь. Этим мы занимались минут пятнадцать и вдруг услышали крики Николая Анисимовича. Мы выбежали в коридор и увидели его, спускавшегося по лестнице со второго этажа. Он был взволнован, растерян и кричал: „Моя девочка застрелилась!“ Мы бегом поднялись на второй этаж и увидели, что Светлана Владимировна лежит в луже крови на полу в спальне. При нас она два-три раза судорожно вздохнула и затихла. Николай Анисимович наклонялся к ней, щупал пульс, обнимал ее. Он испачкал руки кровью, и когда поднимался, то опирался на кровать. Следы крови на пододеяльнике оставлены им. Хорошо помню, что на диване лежал пистолет. В ногах у Светланы была ее сумочка...

Николай Анисимович выдвигал ящики тумбочек и туалетного столика и горестно восклицал: „Как же она ушла из жизни и ничего не оставила?“

Мы пробыли в спальне не больше трех — пяти минут. Потом кто-то из нас сказал, что надо вызвать „Скорую“ по номеру „03“, на что Николай Анисимович ответил, что нужны врачи из „своей поликлиники“. Он впереди, а мы с Тamarой за ним следом спустились вниз. Николай

Анисимович был по-прежнему в возбужденном состоянии, не мог найти в книжке телефон „Скорой“, кому-то позвонил и попросил помочь, сказав: „С женой плохо, она при смерти!“ Затем он позвонил сыну. Дочь с зятем приехали сами, без телефонного звонка, — в это время они уже были в пути.

Николай Анисимович рыдал и как в бреду твердил, что „жить без нее не будет“. Поэтому из боязни, что он выстрелит в себя, мы взяли с дивана пистолет и спрятали его над дверью у входа на дачу...

О мотивах самоубийства: примерно за неделю до случившегося Щёлоковым предложили освободить и эту дачу в Серебряном Бору; Светлана Владимировна очень горевала и, готовясь к новому переезду, в слезах заявляла, что „они теперь никому не нужны, все от них отвернулись...“. И как Николай Анисимович ни старался переубедить Светлану Владимировну, ему это не удалось».

Диагноз врачей: «Суицид. Огнестрельная рана височной области головы справа. Биологическая смерть». Выстрел был произведен из пистолета калибра 7,65 мм немецкой марки «Оргтис», подаренного Николаю Анисимовичу 9 мая 1970 года ветеранами войны столичного УВД. В постановлении прокуратуры об отказе в возбуждении уголовного дела, в частности, говорится: «...Щёлокова С. В. знала, где хранится пистолет мужа. Находясь на фронте во время Великой Отечественной войны, имела навыки обращения с огнестрельным оружием... Таким образом, данные осмотра места происшествия, судебно-медицинские и криминалистические исследования, объяснения очевидцев, родственников и других лиц, а также документы лечебных учреждений с достаточной полнотой свидетельствуют о том, что Щёлокова С. В. покончила жизнь самоубийством на почве глубокой эмоциональной депрессии».

Можно предположить: своим поступком Светлана Владимировна хотела избавить себя от унижений, а близких — от дальнейших преследований. Однако Чурбанов допускает, что решению Светланы Владимировны предшествовало бурное объяснение с супругом накануне. Якобы Николай Анисимович упрекал ее в том, что она «своим поведением и стяжательством сыграла не последнюю роль в его освобождении от должности». Это «выяснил» Федорчук, как пишет Чурбанов. Буквально все, знавшие характер Щёлокова и его трепетное отношение к жене, отрицают такую возможность. Иное дело, что Николай Анисимович во время вынужденных общений с ревизорами из МВД узнавал о некоторых фактах «благодетельств», которые руководители ХОЗУ оказывали его близким. Такие разговоры в семье могли быть. Но «упрекал» — это не в его

характере. Свидетельница, сестра-хозяйка дачи, судит о случившемся проще и, по-видимому, вернее.

Советские люди не скоро узнают о том, что же случилось в семье бывшего министра внутренних дел. Зато с подозрительной скоростью распространится непонятого происхождения слух: дескать, жена Щёлокова, желая отомстить за отставку и опалу мужа, стреляла в лифте в Андропова, ранила его, после чего покончила с собой. Рисовался образ фанатичной женщины из «бывших», взбунтовавшейся против «справедливого царя». Проник он и за рубеж, даже транслировался в западной прессе. Слух отчасти пояснял, почему недомогает генеральный секретарь и редко появляется на людях.

В январе В. В. Федорчук вызывает В. М. Соболева. И задает вопрос: «Что вы думаете о Щёлокове?» Много повидавший начальник 5-го главка отвечает осторожно: «Кто я такой, чтобы оценивать министра? Спросите мое мнение о подчиненных, я отвечу».

Федорчук выходит из себя: «Какой он министр? Он вор! У него на даче стоят десять „мерседесов“! А вы к нему в кабинет дверь ногой открывали!»

Через несколько месяцев Валерий Михайлович напишет заявление об уходе. С ним простятся довольно вежливо. Напоследок заместитель министра по кадрам В. Я. Лежепев как бы добродушно намекнет, что расстаться они могли бы иначе, ведь про Соболева им известно буквально всё, вплоть до того, что тот имеет... любовницу в Томске. Валерий Михайлович, который никогда даже не был в Томске, возмутится: «Я сейчас пойду в административный отдел ЦК и расскажу, чем вы тут занимаетесь». Лежепев отыграет назад, извинится. Однако заслуженный фронтовик (с шестнадцати лет воевал в разведке), 56-летний генерал-лейтенант Соболев долго потом не сможет найти себе работу: только вроде договорится, и вдруг — отказ по неизвестной причине. Этот эпизод не только иллюстрирует нравы тогдашних руководителей МВД, но и свидетельствует о качестве оперативной информации, которой они пользовались.

Виталий Васильевич, наверное, еще до прихода в МВД «знал», что его предшественник присвоил «мерседесы», которые были предоставлены МВД для обслуживания Олимпийских игр в Москве^[67]. Соответствующая информация весной 1983 года направляется в партийные органы. А в 1984 году, когда эти сообщения свое отработают, Федорчук вдруг поручит ГУБХСС выяснить судьбу «олимпийских» иномарок. Выполнять это секретное задание министра будут два оперативника, в том числе

известный нам С. С. Бутенин. Сергей Сергеевич рассказывает:

«Всего таких машин было 12. По договору с немецкой фирмой после Игр они остались в СССР. Федорчук предполагал, что некоторые из них могли быть присвоены Щёлоковым. Десять „мерседесов“ мы нашли сразу, они находились в гараже Управления делами Совмина. А вот оставшиеся два пришлось поискать, поскольку при ввозе в Союз на таможне были оформлены с ошибками. На одном из них после Олимпиады ездил заместитель министра, кажется, авиационной промышленности, на другом — заслуженный летчик. Мы с ними встречались, фотографировали машины, сверяли номера».

Тогда задача перед оперативниками ГУБХСС стояла более широко: проследить судьбу иномарок, которые представители советской элиты приобретали через управление делами дипломатического корпуса по специальным разрешениям. Мера, по-видимому, задумывалась как антикоррупционная — искали высокопоставленных спекулянтов. Бутенин говорит: «Когда я увидел закрытый список ГАИ, мне стало не по себе. Там значились фамилии родственников едва ли не всей тогдашней партийной верхушки. Хорошо помню, что за Брежневым в 1984 году продолжали числиться 28 иномарок». Руководители ГУБХСС (отдел, в котором работал Бутенин, возглавлял будущий министр В. Ф. Ерин) призадумались. Федорчука скоро снимут, а их привлекут к ответственности за оперативную разработку членов ЦК КПСС. Чреватую политическими опасностями деятельность опытные оперативники постепенно свернули.

...Июнь 1983 года. Идет подготовка к пленуму ЦК партии, на котором, в частности, бывшего министра внутренних дел должны вывести из состава Центрального комитета. Решение уже принято, но Щёлоков почему-то сопротивляется. Среди руководителей партии распространяется справка о его злоупотреблениях. Что в ней? Второй человек в партии Константин Установил Черненко дал с ней познакомиться своему помощнику Виктору Прибыткову.

«В документе, — вспоминает Прибытков в своей книге „Аппарат“, — скрупулезно перечислялись все прегрешения министра внутренних дел: и то, что он „захапал“ в личное пользование несколько служебных „мерседесов“, и то, что не брезговал забирать к себе домой и на дачу, а также раздавать близким родственникам арестованные милицией вещественные доказательства и конфискованные произведения искусства и антиквариата... Помню, меня поразили два факта — это организация подпольного магазинчика „для своих“, в котором реализовывались те арестованные вещи, которые не глянулись самому шефу „над всей

милицией“, и то, что члены семьи Щёлоковых были замечены в обмене в банках огромных сумм в потертых, захватанных, довольно ветхих рублях...»

Читатель знаком почти со всеми перечисленными «прегрешениями». Осталось рассмотреть утверждение об обмене «захватанных, довольно ветхих рублей». Действительно, несколько раз Николай Анисимович в кассе своего министерства совершал обмены денег, всего на сумму свыше 100 тысяч рублей. На этом эпизоде нельзя не остановиться, поскольку из него тоже будут делать далеко идущие выводы. Откуда у министра столько «ветхих» денег? Точно, разумеется, это никто не выяснит. В 1991 году главный военный прокурор А. Ф. Катусев авторитетно объяснит общественности, пользуясь методом дедукции: «Версия о том, что источником их получения могли быть взятки, отвергалась специалистами с порога — людям такого ранга не суют мзду в виде рваных трешек, пятерок и десяток. И зарплату ему неизменно выдавали новенькими, хрустящими купюрами». Тогда — откуда? «Остается лишь одно — торговые операции его близких».

Когда речь идет о Щёлокове, версий у детективов не так много. Между тем Николай Анисимович менял в кассе не «рваные трешки», а обычные купюры — на деньги в банковской упаковке. В СССР так иногда поступали люди, выезжавшие в составе делегаций в социалистические страны. В некоторых из этих стран имелась возможность дополнительно поменять советские рубли (обычно принимались только новые купюры) на местную валюту. Практика эта осуждалась тогдашним валютным законодательством, но она существовала. Кто-то мог попросить Щёлокова поменять купюры на новые. Сам Николай Анисимович на допросе так пояснил смысл этих операций: «Это были мои сбережения, а менял я деньги для удобства хранения». В общем, были варианты. Почему непременно — «торговые операции близких»?

Перед пленумом ЦК КПСС его участникам абсолютно достоверно — из информационных справок — «известно»: Щёлоков присваивал мебель и произведения искусства, конфискованные у преступников, обращал в собственность служебные машины, организовал подпольный магазин для своих родственников. Он менял «ветхие деньги» в больших количествах, что косвенно подтверждает: его окружение занималось махинациями. Как такой морально разложившийся человек мог находиться среди членов ЦК?

На июньский пленум Николай Анисимович не пошел. Его вывели из состава ЦК заочно, наряду с присутствовавшим С. Ф. Медуновым. Два имени встали рядом: Медунов и Щёлоков. Хотя что между ними было

общего? Один — бывший партийный руководитель Краснодарского края, в котором привлечено к уголовной ответственности множество взяточников, теневиков и где обороты преступных денег исчислялись десятками миллионов рублей; осталось только невыясненным, в какой мере сам Сергей Федорович был к этому причастен. А другой на тот момент — руководитель ведомства, в котором проворовались хозяйственники (что еще предстояло подтвердить суду). Тем не менее планка претензий к Щёлокову задана. Июньский пленум ЦК вошел в историю как тот, на котором «вывели из Центрального Комитета Щёлокова и Медунова». Министра Щёлокова через некоторое время многие забудут, но в памяти останется — «Щёлоков — Медунов»^[68].

С поста Николай Анисимович снят, из ЦК выведен. Как с ним быть дальше?

В августе 1983 года разбирательство злоупотреблений в ХОЗУ МВД вступило в новую фазу: бывших руководителей хозяйственного управления во главе с В. А. Калининым заключили под стражу.

В ряде источников можно прочесть утверждение, что на Политбюро обсуждалось предложение Андропова возбудить уголовное дело в отношении Щёлокова. При этом Устинов и Тихонов высказались против, Громыко колебался, но Юрий Владимирович якобы на своем мнении настоял. Это, скорее всего, ошибочная информация. При Андропове, да и позже, уголовного дела в отношении экс-министра не возбуждалось. Вероятно, в Политбюро обсуждали, доводить ли до конца разбирательство в отношении руководителей ХОЗУ МВД.

Теперь мы можем, наконец, избавить себя от анализа разного рода «оперативной информации», голословных утверждений и многозначительных намеков из разряда «в деле имелись показания о том, что...». У нас есть возможность познакомиться с теми показаниями, которые изучались следователями и были затем оценены судом.

Расследование злоупотреблений в ХОЗУ МВД, допущенных в 1979–1982 годах, поручили Главной военной прокуратуре. Посмотрим на это дело глазами его непосредственных участников со стороны обвинения. Кое с кем из них автору этих строк довелось встретиться при работе над книгой. Четверть века спустя...

Рассказывает Виктор Степанович Шеин, генерал-майор юстиции запаса. В 1983 году он — просто майор юстиции, год, как назначен в Главную военную прокуратуру с Северного флота, где был старшим следователем гарнизона. Стаж его работы в следственных органах к тому

времени — десять лет.

«Руководил нашей следственной группой полковник юстиции Вячеслав Рафаилович Миртов, человек умный, талантливый, неординарный. И смелый — ниже я расскажу один эпизод, который его с этой стороны характеризует.

В декабре 1982 года, сразу после того как Щёлокова отправляют в отставку и его сменяет Федорчук, начинается ревизия финансово-хозяйственной деятельности МВД. Она была ведомственная, проводилась силами самого министерства. Ревизоры установили массу нарушений в работе ХОЗУ, и весной 1983 года возбуждается уголовное дело по признакам злоупотребления служебным положением в отношении должностных лиц хозяйственного управления — не Щёлокова. Эти лица — начальник ХОЗУ генерал-майор Виктор Калинин, начальник коммунально-дачной службы Анатолий Фадеев, его зам Валерий Стерлигов и наиболее посвященный во все вопросы, касающиеся быта Щёлоковых, Василий Воробьев (знакомые звали его „печником“). Позже были предъявлены обвинения помощнику министра по личным поручениям полковнику Владимиру Бирюкову. Работали мы над этим делом более полутора лет. В группу следователей входили: трое — из Главной военной прокуратуры, несколько — с периферии и двое — из МВД. Всего 12 человек, иногда — более.

Когда расследуются такие большие дела, то обычно идет распределение участников группы либо по эпизодам, либо по лицам. В данном случае мы работали по лицам. Конкретно я занимался Фадеевым, но периодически участвовал в допросах и других обвиняемых. Материалы ведомственной ревизии были очень подробными, доказательными, к ним прилагались все необходимые документы. Основная часть нарушений, насколько я помню, касалась расходования различных материалов. Так, министерству принадлежала сеть служебных квартир, которые иногда по согласованию с Щёлоковым передавались для проживания отдельным лицам, в том числе его родственникам. На эти квартиры списывалось огромное количество расходных материалов — постельного белья, цветов и прочего — словно это были апартаменты в пятизвездочных отелях. В итоге получались абсурдные суммы. Только у меня в деле набралось около восьмисот подобных эпизодов примерно за трехлетний период, который мы изучали.

Я далек от мысли, что сам Щёлоков знал об этих приписках или поощрял их — мы и тогда это понимали. Ребята из ХОЗУ пользовались тем, что их никто не контролировал. Были также эпизоды, связанные с работой

спецмагазина для руководства МВД. Николай Анисимович любил свою жену, своих детей и ни в чем им не отказывал. Многие показания мы не могли проверить, в частности, и потому, что к тому времени Светлана Владимировна уже ушла из жизни.

В 1983 году Щёлокова на допросы не вызывали. Сначала ждали, когда его выведут из ЦК КПСС. Вывели. Но ведь он — генерал армии, Герой Социалистического Труда, участник войны. Мало ли что показал тот или иной обвиняемый? Многие подчиненные, попавшие в такую ситуацию, оправдываются тем, что они действовали по приказу начальника, по согласованию с ним. Остается и надежда, что к начальнику за разъяснениями не обратятся. Высокий чиновник откажется прийти на беседу с прокурором — и что, его приведут? Очень сомневаюсь, что в наше время приводом доставят на допрос сотрудника администрации президента. Это было в новинку для каждого из нас — допрашивать людей такого уровня хотя бы в качестве свидетелей. Кроме того, мы не знали возможностей бывшего министра силового ведомства. Очевидно, мы преувеличивали их.

— В феврале 1984 года умирает Юрий Владимирович Андропов. Один из ваших коллег, попросивший его не называть, рассказывал, что следственная группа несколько дней пребывала в бездействии — ожидала, что ударят по рукам. Потом Миртов сказал: „Хватит пить, давайте работать“. Константин Устинович Черненко не пожелал останавливать запущенный предшественником процесс.

— Может быть, кто-то и пил, не знаю. Продолжаю.

Наступают майские праздники 1984 года. И тогда Вячеслав Рафаилович говорит: „Я сейчас позвоню Щёлокову, и у него мысли не возникнет, что мой звонок ни с кем не согласован“. При мне Миртов в своем кабинете набрал номер его телефона, представился и попросил прийти на допрос. Щёлоков без всяких лишних вопросов записал, куда и когда нужно прибыть.

Мы готовились к разговору с ним. Он придет один или с охраной? В форме или в штатском? Как его встречать? Важно было получить от экс-министра действительно объективные показания. С одной стороны, мы понимали, что арестованные сотрудники ХОЗУ заинтересованы перевалить всю вину на него. С другой — они должны получить наказание именно за то, что совершили, а не за то, что им приказали... Николай Анисимович появился в назначенное время, в генеральской форме. Я представился. Он пожал мне руку. Для своих семидесяти трех лет Щёлоков выглядел очень неплохо: сухощавый, крепкий, с военной выправкой, без признаков

физического недомогания. Свободно поднялся по лестнице на второй этаж. Первый допрос проводили Миртов и Владимир Георгиевич Гольст, начальник отдела расследования особо важных дел, авторитетный в нашем ведомстве человек. Всего таких допросов, если мне не изменяет память, было три, в одном из них участвовал и я.

В тот раз моя роль сводилась к тому, чтобы фиксировать на пишущей машинке его показания и при необходимости задавать вопросы. Щёлоков вел себя с достоинством, но заметно волновался. В один момент, когда Миртов отлучился из кабинета, он вдруг говорит: „Товарищ майор, вы только правильно всё записывайте, а то я в следствии ничего не понимаю“. Я еще удивился: как это так, министр внутренних дел не разбирается в следствии?! Хотя он и не должен был в этом разбираться. Я ответил, что фиксирую его ответы практически дословно, как того требует закон. Эта была моя единственная встреча с ним такого рода.

Его показания сводились к следующему. Он, наверное, передоверился своим подчиненным, тому же Калинину. О каких-либо нарушениях в их деятельности он не знал. Закрытый магазин для руководителей министерства — да, имелся, но он считал это нормальным. Если его действиями нанесен государству ущерб, то он готов его возместить. Впоследствии он активно начал возмещать ущерб. Вернул больше 100 тысяч рублей наличными, часть вещей, которыми незаконно пользовалась его семья. Например, на даче его сына мы нашли мотоцикл „БМВ“, подаренный в свое время министру на выставке фирмы. Николай Анисимович полагал, что это был подарок ему лично, а не ему как руководителю министерства. „Не подумал, сожалею“. В этом он действительно мало отличался от тогдашних руководителей такого ранга. И мысли у него не возникало, что когда-то придется перед кем-то держать ответ. Это был период массовых подношений.

Вот показательный эпизод. Накануне семидесятилетия Щёлокова Чурбанов ему говорит: „Мы собираемся подарить вам часы. Вы не против?“ — „Нет, не против“. Они с Калининым берут из Гохрана часы с цепочкой стоимостью более четырех тысяч рублей. Как списывать затраты? Решили оформить покупку как подарок лидеру Чехословакии Густаву Гусаку. Часы эти при обыске не нашли. Николай Анисимович сказал вне протокола, что, в свою очередь, подарил их одному из руководителей страны, а для протокола показал: вручил одному человеку, имя которого назвать отказываюсь. Позже в деле Чурбанова этот эпизод расследовался тоже Миртовым. На подобные обвинения Николай Анисимович обычно реагировал: „Да, я, наверное, виноват, что доверился другим людям,

недооценил ошибочность своего поступка“.

— *Вы понимая и в начале 1983 года, что главная цель вашего расследования — Щёлоков?*

— Тогда вопрос так не стоял. Строго говоря, уголовные дела в отношении сотрудников милиции — неподследственность Главной военной прокуратуры. И вдруг доверяют это дело. Мы из кожи вон лезли, чтобы оправдать доверие. Не дай бог закон нарушить! Вы вспомните время. Смешно полагать, что тогда, в начале 1983 года, в самом начале следствия, не имея достаточных доказательств, мы бы ставили перед собой цель привлечь к ответственности именно Щёлокова. Не было такого разговора: „Как только возникнет имя Щёлокова — возбуждать в отношении него уголовное дело“. Наши руководители, уверен, тоже исходили из собранных доказательств. Мы достаточно долго воспринимали показания Калинина и его подельников как попытку уйти от ответственности. Но по крупицам, по крупицам вылезали факты...

— *Щёлоков неоднократно говорил в узком кругу, может быть, и в беседах со следователями „без протокола“, что у него якобы имеется договоренность с кем-то из руководителей ЦК: он возмещает ущерб — и прокуроры оставляют его в покое. Вы слышали такое?*

— Я помню такой эпизод. Проводилась очная ставка между ним и Калининым. Калинин стал высказывать своему бывшему начальнику обвинения: дескать, мы тут сидим за то, что выполняли ваши указания, фактически за вас, а вы ничего не предпринимаете. Тогда и прозвучала реплика Щёлокова, что он переговорит, и „там“, наверное, разберутся. Но у того же Калинина своих грехов хватало.

— *Кстати, какое впечатление производили на вас арестованные руководители ХОЗУ?*

— Фадеев и Стерлигов были подавлены. Они начинали в милиции как опера, и хорошие опера. Давали показания, близкие к истине. Их поведение походило на сотрудничество со следствием. Калинин — другой человек. Хитрый, ловкий. Приведу такой эпизод.

Все обвиняемые по делу содержались в СИЗО в Лефортове, в полной изоляции друг от друга. Они никогда не встречались даже в коридорах. Их показания немедленно проверялись (в чем другом, а в стремлении заволокитить это дело нового министра МВД В. В. Федорчука не упрекнешь. — С. К.). Мы уже многое знали. Однажды я пришел в СИЗО допрашивать Калинина. Он начинает фантазировать. Записываю его показания во всех подробностях. День потратил. А потом предъявил ему опровержение. Он чуть не в слезы: извините, наврал. Вот его суть.

— *А как себя вел на допросах Щёлоков?*

— Чувствовалось, что переживает. Когда предлагалось возместить ущерб — тут же возмещал. Несомненно, он ужаснулся той ситуации, в которую попал. Внешне держал себя в руках.

— *Если бы Николай Анисимович не ушел из жизни, ему были бы предъявлены обвинения и в чем?*

— Материалы, которыми мы располагали, после соответствующей доработки давали достаточно оснований для предъявления ему обвинения и заключения под стражу. Характер обвинения? Злоупотребление служебным положением — безусловно. Но речь шла и о его причастности к хищениям. Последнее — не факт, но такие материалы были. Мы готовились к возбуждению уголовного дела. Щёлоков это прекрасно понимал. Думаю, уже из вопросов, которые ему задавались на первом допросе, он не мог не догадаться, что это закончится предъявлением обвинения. Как закончилось, вы знаете. Последовали указы о лишении его званий генерала армии, Героя Соцтруда, всех наград, за исключением боевых...

— *Но ведь лишение его званий и наград было незаконным?*

— Абсолютно незаконным. Лишить человека воинского звания или государственной награды может только суд при осуждении за совершение тяжкого или особо тяжкого преступления. Мы к этим решениям точно никакого отношения не имели.

— *И вот еще что хочется понять, Виктор Степанович. У Николая Анисимовича Щёлокова было достаточно времени — практически два года, — чтобы припрятать ценности, деньги, дорогие вещи, которые у него в ноябре 1984 года изъяли при обыске. Если бы он к этому стремился... Обыски ведь не были для него неожиданностью — об этом мне говорил их участник, ваш коллега Александр Ильич Хорошко. Странно выглядело его поведение: приходят следователи, он их как будто ждет, выкладывает на стол девять тысяч рублей, которые у него благополучно изымают. Спрашивал у Хорошко: мог спрятать? Мог. Станный расхититель.*

— Действительно, не прятал ценности. Думаю, у него даже мысли такой не возникало, считал это ниже своего достоинства. Многие, оказавшись под следствием, пытаются выкрутиться, отрицают, лгут. Щёлоков не выкручивался, он говорил: „Я ошибся, передоверился подчиненным“.

— *Ну, и последний вопрос, может быть, самый главный. Вы подробно познакомились с не лучшими сторонами деятельности Николая Анисимовича*

Щёлокова, наблюдали его в ситуациях, в которых его мало кто наблюдал. Положим, он виноват — злоупотреблял служебным положением и даже причастен к хищению некоего имущества. Можете попросту сказать, кто он для вас: хапуга? Человек своего времени? Кто?

— Хапуга? Нет, в сравнении с тем, что творилось впоследствии... Даже смешно об этом говорить. Мне и тогда он не казался хапугой. Это не суть его характера. „Человек своего времени“ — гораздо ближе к истине».

Глава двадцать первая

БОЛЬШАЯ ЧИСТКА

Не многим удавалось поговорить откровенно с Виталием Васильевичем Федорчуком.

В 2007 году с 89-летним экс-министром встретился корреспондент украинского еженедельника. В небольшом интервью с красноречивым названием «О чем молчит генерал Федорчук?»^[69] трижды встречается слово «ненавидел». Там, где речь идет об Андропове.

Об отношениях с Андроповым: «Он меня ненавидел так же, как я его». На должность главного милиционера Юрий Владимирович назначил Федорчука, «ненавидя и желая унижить». «И ничего. Я это пережил», — говорит Виталий Васильевич. Щёлокова, свидетельствует генерал, Андропов «ненавидел лютой ненавистью».

Читая эти откровения пятьдесят первого министра, в столь преклонные годы одолеваемого разрушительными страстями, думаешь: сам не жил и другим не давал. Находясь в таком состоянии, он не мог получать удовольствия от своей работы. Хотя есть свидетельства, что иногда Виталий Васильевич был способен проявлять что-то вроде участия. Генерал Галустьян, понимая, что в центральном аппарате ему несдобровать, пришел к министру с просьбой о переводе заместителем начальника Управления внутренних дел на БАМе, в Тынду. Федорчук по-свойски и даже с отеческими нотками сказал: «Вот это правильно. Я тоже в своей жизни много ездил. Ты еще молодой, у тебя всё впереди». Кивнул головой на портрет Андропова и развел руками, дескать, сам всё понимаю, но что могу поделать?

Едва ли не большую неприязнь, чем новый министр, в МВД вызывал его заместитель по кадрам Василий Яковлевич Лежепеков. Того, направив в МВД, тоже «унизили». В первые месяцы 1983-го заместитель председателя КГБ Лежепеков занимался тем, что направлял чекистов в органы внутренних дел «на укрепление». Предпочитали укреплять *младших соседей*, конечно, теми, кто похуже. Сулили блага — жилье, очередное звание, но всё равно после долгих уговоров, посулов и запугиваний из каждых пяти кандидатов трое-четверо предпочитали любыми способами от такой чести уклониться. Затем пришел черед самого зампреда...

Разговор Андропова с Лежепеквым по «кремлевке» (В. Некрасов

«МВД в лицах». М., 1999) чем-то напоминает давний, известный читателю диалог Брежнева и Тикунова. Беседе аппаратчиков на их новоязе хочется дать «человеческий» подстрочник.

«Андропов. Здравствуй. Тебе Савинкин разве ничего не объяснил?

Лежепеков. Ну, был разговор. Это ваше решение направить меня в МВД? *(А то он не знает.)*

Андропов. Да. *(А то ты не знаешь.)* Тебе нужно пойти туда и поработать вместе с Федорчуком так, как работал со мной. *(Можешь называть себя андроповским кадром, мне не жалко)* Там развелось много гнили — нужно почистить. *(В КГБ вы с Федорчуком не нужны, а в милиции — одним дуболомом больше, одним меньше...)*

Лежепеков. Тогда я согласен. *(Отныне он направлен в МВД не решением отдела адморганов ЦК, а „по личной просьбе Андропова“.)*

Андропов. Молодец. Давай. *(Одной головной болью меньше.)»*

К тому времени Василий Яковлевич знал уже все абсолютно точно из разговора с его будущим начальником.

«Федорчук. Я не просил вас на работу в МВД, но когда это предложил Юрий Владимирович, то ответил, что возьму с удовольствием.

Лежепеков. Тогда мне ясно, что это инициатива Чебрикова.

Федорчук. Возможно».

Виталию Васильевичу при переводе в МВД в качестве компенсации за моральный ущерб дадут звание генерала армии и обещание наградить вскоре Звездой Героя Социалистического Труда (не наградят), а Василия Яковлевича повысят до генерал-лейтенанта.

Повысить-то их повысили, но и унизить — унизили. Неудивительно, что когда в МВД впервые увидели пятьдесят первого министра, то многие прочитали на его суровом лице: «Как я вас тут всех ненавижу!» С таким же настроением придет на новое место службы в марте 1983-го и его заместитель по кадрам. В прошлой своей жизни они привыкли иметь дело почти исключительно с врагами, в борьбе с которыми все средства хороши. Подслушивать врага, следить за ним, набирать на него компромат, если он не сдается — уничтожать (не перевоспитывать же его) — это абсолютно нормально и даже нравственно. Осталось себя вновь и вновь убеждать, что ты пришел в «стан врага».

Игорь Иванович Карпец, в то время начальник ВНИИ МВД, с ужасом наблюдает, что происходит в Главном управлении уголовного розыска с его кадрами:

«С приходом министра Федорчука, его „серого кардинала“ Лежепекова

и их сподручных началась „охота на ведьм“... Всех самых лучших сыщиков, собранных в группу ст. инспекторов по особо важным делам — В. Ф. Корнеева, Б. В. Слободина, А. И. Арбекова, Ф. Д. Светлова во главе с их руководителем — А. С. Муравьевым — „ликвидировали“, ликвидировав группу как самостоятельное подразделение. Трагична судьба А. С. Муравьева... Он был вызван в Управление кадров министерства (ведомство Лежепекова, Мельника и др.), с ним велся длительный и, видимо, очень тяжелый разговор. Зная характер Алексея Сергеевича, я представляю, что „разговаривающим“ было с ним нелегко. Он же, выйдя оттуда, вернувшись в главк, сказал товарищам, что уезжает к матери, по-моему, в Смоленскую область. Через два дня мы получили известие о том, что А. С. Муравьев — могучий человек, прошедший войну, видевший смерть и в уголовном розыске, честный, прямой — окончил жизнь самоубийством, выстрелом из охотничьего ружья. Последние его слова были: „Меня толкали на подлость, пусть не рассчитывают на это...“ По факту самоубийства полагалось вести следствие. Его не было.

...Не было расследования по факту самоубийства еще одного из начальников отделов, работавших при мне, — Владимира Николаевича Нечаева. Меньше всего можно было думать, что он способен на это. Выдержанный, корректный, прекрасный специалист... В тот же период после „крупного разговора“ не выдержало сердце у Юрия Константиновича Щербакова — начальника отдела по борьбе с наркоманией, еще молодого, но весьма квалифицированного работника».

Из созданных при Щёлокове структур одной из первых пала служба профилактики правонарушений. Ее расформировывают за ненужностью. Действительно, сложно представить Федорчука, который бы занимался этим муторным делом, например, созданием летних лагерей для трудных подростков. Ликвидировали центр по передовому опыту, ряд других научных центров.

К этому можно добавить такие милые картинки, словно они совсем из другой, варварской эпохи.

В ведомственных музеях прячут экспонаты, подаренные Щёлоковым. Сотрудники Центрального музея МВД по приказу свыше с металлических кубков, мраморных статуэток соскабливают дарственные надписи с именем бывшего министра...

Фотографии Щёлокова изымаются из архивов органов внутренних дел по всей стране и уничтожаются. «Чистят» даже личные архивы милиционеров^[70].

Из библиотек изымают печатные работы не только Щёлокова, но и,

например, Карпеца и других подозрительных авторов по списку.

То один, то другой сотрудник МВД вдруг обнаруживает за собой наружное наблюдение. За генералом, вернувшимся из Афганистана, год ходил «топтун» — но это еще как-то можно понять. Ученый-криминолог Анатолий Алексеев получил предложение от Федорчука стать его помощником. Соблазн был, вспоминает Анатолий Иванович: лампы получить, улучшить жилищные условия. Но тут ученый обнаружил за собой «наружку». «Насилу сумел отвертеться», — говорит Алексеев.

Поневоле задаешься вопросом: а что натворило МВД? Пыталось совершить государственный переворот? Найдены массовые захоронения замученных? Какие имелись в тогдашнем МВД пороки, которые нельзя было устранить, что называется, в рабочем режиме, как это и делается обычно, когда в организации меняется руководитель? За что его так?

Конечно, любой пятьдесят первый министр внутренних дел, окинув свежим взглядом доставшееся ему ведомство, обнаружил бы в нем немало недостатков. Все-таки его предшественник занимал свой пост 16 лет. Зарвались хозяйственники — это понятно, с ними надо серьезно разобраться (не забывая, что «после Брежнева» в любое крупное ведомство ткни — и сажай хозяйственников на скамью подсудимых рядом с Калининым). Разрослись штабные и кадровые подразделения. Стал вовсе не нужен и вреден ведомству «молодой, энергичный» брежневский зять (который при жизни тестя все-таки кое-что полезное для МВД сделал). Но при этом: мы знакомы с кадровым составом Министерства внутренних дел начала 1980-х. Это — враги? «Гниль»?

В 2008–2009 годах автор этих строк имел возможность проехать по райотделам одной из губерний Центральной России. Не сказать, что везде охватывало чувство безнадеги. (Хотя некомплект в уголовном розыске 15 процентов — такое в 1970-е трудно было представить. Один старый сыщик рассказывал автору, что права работать в угро в то время он добивался десять лет.) Но почти всякий раз, когда безнадега отступала и ты видел *работу*, обнаруживалось, что эта работа держится, как на гвозде, на человеке, который либо начинал в МВД в 1970-е, либо у таких людей учился. Вот вам и все разговоры про «гниль».

Была «гниль», были коррупционеры, взяточники (там, где таковой была власть), но при всем том Министерство внутренних дел и в 1982 году находилось на такой высоте, о которой в последующие годы можно было только мечтать.

Щёлоков — руководитель министерства, в котором обнаружили финансово-хозяйственные нарушения... Это, конечно, никуда не годилось.

Нет в этом достаточного масштаба, достойного людей, выполняющих *личное поручение* Ю. В. Андропова. Как тогда объяснить войну, которую затеяли в МВД пятьдесят первый министр, его заместитель и пришедшие с ними? Министерство до них возглавлял враг — никак не меньше. Мы говорили о том, что Николай Анисимович Щёлоков ставил крупные цели. Ну, вот и Виталий Васильевич Федорчук тоже их ставил.

Есть разные оценки, сколько сотрудников МВД было уволено из органов в ходе той «чистки» по отрицательным мотивам. Без риска ошибиться можно сказать: свыше ста тысяч человек, то есть примерно каждый десятый. Многие по доносам и без объяснения причин^[71]. В некоторых регионах массовых увольнений не было — это зависело во многом от настроения местного УКГБ и степени влияния руководства региона. Бывший начальник тульского УВД А. И. Сафонов рассказывал автору: «К нам прислали „на усиление“ четырех сотрудников УКГБ. Дали самых ненужных. Я их поставил на должности, чтобы они ни на что не влияли. Вскоре они от нас сбежали».

При этом Лежепекоев впоследствии сожалел, что они прошли только по верхам, надо было копнуть глубже.

На должности увольняемых милиционеров приходили сотрудники органов госбезопасности. По прошествии трех лет практически никого из них в МВД не осталось. В. Полубинский как исключение приводит такой пример: «Сверх определенного разрядной срока отслужил до выхода в отставку с должности заместителя начальника ГУВД Москвы А. П. Бугаев, оставив у сотрудников МУРа и других оперативных служб главка самые добрые воспоминания о себе и как профессионал, и как человек».

Если бы сотрудники КГБ шли в милицию работать, а не чистить, не было бы, наверное, такой беды.

Не будем перегружать книгу цитатами и цифрами, их легко найти в соответствующей литературе. Расскажем читателю о том, как сложились судьбы некоторых известных ему персонажей.

...После операции в Грузии, в результате которой к январю 1983 года спецгруппа ОРЧ ГУБХСС вернула государству семь миллионов рублей, оперативники этого подразделения находились на гребне успеха. Им так казалось. Вилен Апакидзе сказал: «Ребята, не волнуйтесь, Федорчук вас не тронет. Группа создавалась с ведома Андропова». Сергей Бутенин узнал, что их начальник в конце 1950-х служил в охране советского посольства в Венгрии и с тех пор был знаком с Юрием Владимировичем.

«Тем не менее Федорчук проехал по нам танком, — говорит Бутенин. — ГУБХСС он фактически разогнал, уволив из главка человек 180. Мы

почти всю агентуру разом потеряли. Стал набирать комитетчиков, приглашал их из регионов, давал им квартиры. Потом почти все они разбежались, поскольку профессионально не были готовы к милицейской работе. Их руками он боролся со „щёлоковщиной“ в нашем главке.

Вот как сфабриковали дело против Андрея Ярцева из нашей спецгруппы. У него была агентесса. Ей сказали: либо посадим за валютные операции, либо давай показания на Ярцева. „Ты давала ему деньги?“ — „Нет, — отвечает, — это он мне платил“. В итоге слепили обвинение, что он получил от нее взятку в виде духов, двух кассет и костюма „Адидас“. На суде адвокат спрашивает: „Какие духи давали?“ Она: „Не помню, может быть, и не духи“. Адвокат: „А кассеты на какой пленке?“ — „Не помню“. „Какой костюм ему дали, помните?“ — „Тот, который для мужа покупала“. Пригласили в зал суда ее мужа — вошел шкет 46-го размера, а у Андрея — 56-й. Дело и развалилось. Когда Ярцева выпустили, агентесса пришла к нему домой и встала на колени: „Простите, меня сломали“. А человек почти три года провел за решеткой. Он умер в 2009 году, не дожив до шестидесяти лет. Другого нашего товарища держали в тюрьме девять месяцев и тоже выпустили за отсутствием состава преступления.

Против меня, как ни старались, ничего не могли найти, потому что у меня даже велосипеда тогда не было. В конце концов, в 1985 году уволили „за отсутствие оперативного мастерства“, хотя за три месяца до того наградили „за оперативное мастерство“.

А Вилен и вовсе попал в жернова. В марте 1983 года его уволили, но не трогали. Позже он нам рассказал, что уже тогда с него стали требовать показания против Щёлокова, поручения которого он выполнял. Поначалу даже сулили должность начальника УВД одной из областей. В конце 1983-го он вдруг надолго исчез. Вернулся — мы его не узнали! Как оказалось, через провокатора его выманили в одну из республик и там упрятали в „психушку“, где три или четыре раза вкачивали „сыворотку правды“ — инсулин. Хотя и двух уколов инсулином бывает достаточно, чтобы сделать человека инвалидом. Он и стал инвалидом. Ходил с палочкой — колени не держали, все зубы выпали. Ему не было 50 лет. Потом он до конца дней работал советником по безопасности в академии у Абела Аганбегяна. Крайне порядочным был мужиком, ярким, равнодушным к материальным благам. Такая судьба...»

Многие секреты того времени мы никогда не узнаем.

Время отфильтровало, где была «гниль», а где — не «гниль». Интересно было бы сравнить, как сложились судьбы выдвиженцев Щёлокова и выдвиженцев Андропова, кто из них оказался богаче,

порядочнее, кто тяжелее перенес крушение идеалов...

9 февраля 1984 года умер Юрий Владимирович Андропов. 13 февраля генеральным секретарем ЦК КПСС был избран Константин Устинович Черненко.

Ждали изменения андроповского курса. Но изменений не произошло. Если бы Черненко пришел к власти сразу после Брежнева, изменений бы тоже не произошло.

Следственная группа Главной военной прокуратуры, как уже отмечалось, после смены первых лиц несколько дней находилась в растерянности, ожидая, что ударят по рукам, но потом ее руководитель Миртов сказал: продолжаем работать.

В мае 1984 года Николая Анисимовича начинают вызывать на допросы как свидетеля по делу о злоупотреблениях в ХОЗУ МВД. Проводятся очные ставки. Заключение в Лефортове Калинин, как мы знаем, написал множество «чистосердечных признаний», на основании которых главным образом и выстраивались обвинения против экс-министра.

О чем спрашивают следователи Щёлокова? Вот выдержки из протокола допроса, который В. Р. Миртов проводил 3 июля 1984 года с 11 часов до 14 часов 55 минут.

Из ответов Щёлокова:

«...Помню, что как-то от МВД СССР были доставлены букинистические книги. Со списком этих книг я был ранее ознакомлен в ходе следствия, осмотрел свою личную библиотеку, среди книг оказалась часть киевских. Список на одном листе в количестве 11 (одиннадцать) штук прилагаю к протоколу допроса, а сами книги передам в ближайшие день-два.

...Никаких изделий из бивней мамонта, а тем более самих бивней у меня никогда не было. Если кто-либо говорит о таких подарках мне — это сущая чепуха.

...В Златоусте Челябинской области мы заказывали как сувениры художественное литье — „Конь с попоной“, штук десять. Дарили их ответственным работникам правоохранительных органов, в числе которых были т. т. Горкин и Руденко.

...Категорически отрицаю, что из МВД Уз. ССР мне, якобы, передавался узбекский ковер размером 10×10 м. Объявленные показания обвиняемого Калинина о том, что этот ковер, якобы, разрезанный в Москве на 4 части, был развезен по квартирам членов моей семьи — считаю глупостью и наговором. Никаких „ковровых четвертинок“ у нас в

квартирах нет и быть не могло...

...В Гусь-Хрустальном заказывались иногда хрустальные вазы и другие изделия для подарков от МВД СССР. Мне лично ни ваз с моим портретом, ни других изделий из Владимирского УВД не передавалось. Если и были какие-то подобные подарки к моему 70-летнему юбилею, то они переданы в музей МВД. В квартире держать вазу с портретом, напоминающую урну в крематории, я никогда не стал бы.

...Я впервые слышу сегодня и о том, что якобы от Цепкова (начальника ГУВД Московской области. — С. К.) на мое 70-летие были доставлены 10 молочных поросят. Это вздор. За столом у меня на даче № 8 было не более 15-ти человек, а вся кухня организовывалась через ресторан „Прага“.

И так почти на пяти машинописных страницах. Учтем, что перед следователями сидит человек, который 16 лет занимал одно из самых «хлебных» мест в стране. Да в какое время! Да при каких национальных традициях — благодарить за оказанную услугу! МВД, вспомним, — ближайший к населению правительственный орган. Здесь — вопросы прописки, выдача заграничных виз, содержание мест лишения свободы... А проблемы на дорогах? А раскрытие преступлений — главное? Не забудем, что МВД ведет серьезную промышленную и хозяйственную деятельность. Министр внутренних дел только и слышал: посодействуйте, посодействуйте, посодействуйте. В его приемной побывали известнейшие люди страны. У него подчиненные, которые от него зависят, в каждой точке Союза. А коллеги в других странах? Земляки из Молдавии, Днепропетровска, которые, конечно, не понимают, как можно прийти к нему на прием или зайти в гости с пустыми руками? Попробуй уследи за подарками. Что-то отдашь в музей, а иную красивую или полезную вещь и жалко отдавать...

На таком «хлебном» месте желающему обогатиться не надо воровать вещдоки. Не надо вымогать взятки. Не надо поощрять спекуляцию через «закрытый магазин для своих». Не надо рэкетировать антикваров. Достаточно, например, «порекомендовать» человека на должность в одном из известных регионов — и привезут тебе всё, что хочешь... Он мог ворочать миллионами, а его спрашивают про книги, молочных поросят, четвертинки ковров. Поэтому соратники пятидесятого министра, которые читали то, что выше процитировано, только и могли сказать: «Да, товарищ Калинин...»

...Из первых же допросов Николай Анисимович мог понять, что, если сверху не поступит сигнала «стоп», его рано или поздно добьют, не

«бивнем мамонта», так «четвертинкой ковра». Однако такого сигнала сверху не поступит. В аппарате к этой истории привыкли. Она застарела. Бывший «всесильный министр» — искупительная жертва, чем быстрее завершат разбирательство с ним, тем быстрее отвяжутся от других из «брежневского окружения».

Каток уже не остановить.

В последние месяцы Николай Анисимович не общается практически ни с кем, кроме родственников. У старых соратников своих проблем навалом. А самому звонить неудобно. Чем он занимается? В основном читает. И сам много пишет. К сожалению, по словам его сына, из написанного им в то время ничего не уцелело.

Однажды, гуляя по Бережковской набережной, В. Ф. Некрасов узнал в идущем впереди человеке Щёлокова. Владимир Филиппович подошел, представился. Николай Анисимович сказал: «Я вас помню. Спасибо, что узнали. Многие теперь от меня отвернулись». Поговорили, разошлись...

В ноябре проходят обыски одновременно на квартире у Николая Анисимовича, на квартирах и дачах его родственников. Он очень сильно переживает, что подставляет под удар и своих детей. Александр Ильич Хорошко, входивший в следственную бригаду, вспоминает, что квартира бывшего министра не показалась ему роскошно обставленной, самым примечательным в ней было — библиотека, в которой следователь увидел много старых и редких книг.

В тот день Николай Анисимович при появлении рано утром в его доме следственной бригады выложил из сейфа 9,5 тысячи рублей, объяснив, что эти деньги получены им в комиссионном магазине за проданную мебель. Щёлокову оставили 500 рублей, 9 тысяч у него забрали. Мог ли он эти деньги отдать кому-нибудь на хранение? Наверное, мог. Следователям показалось, что он готов к их визиту. Однако Щёлоков этого не сделал. Он по-прежнему не считал себя виновным и не думал, что деньги у него заберут. Такое ощущение, что старика просто грабили...

С самого начала разбирательства Николай Анисимович ведет себя наивно и неразумно с точки зрения интересов своей защиты. Его подозревают в том, что он присвоил ту или иную вещь, — всего лишь подозревают. И он сразу эту вещь возвращает. Получается, что тем самым он признаёт факт присвоения государственного имущества. В феврале 1983 года, как мы уже упоминали, он возвращает три иномарки, которые переданы ему в собственность решением правительства. Можно осуждать сам факт, что советские руководители принимают такие подарки от зарубежных фирм, однако Щёлоков машины не украл, он

проинформировал Совмин, получил разрешение. Видимо, что-то мешало Щёлоковым пользоваться этими машинами — они не выезжали из гаража МВД (была и четвертая машина, которую министр подарил Брежневу). Николай Анисимович свою собственность сдает — одну из машин выкупает. Есть признание вины, есть возврат присвоенных ценностей — тысяч, наверное, сразу на сорок. Неразумно поступил — но как совестливый человек. Вилен Апакидзе однажды встретил Щёлокова. Тот сообщил, что его спрашивали о часах, которые ему подарили на юбилей члены коллегии МВД. Николай Анисимович намеревался их найти и вернуть (он забыл, что они с Чурбановым подарили эти часы Брежневу). Апакидзе стал Щёлокова отговаривать. Потом поделился с Бутениным: «Чудит Дед! Он же не украл эти часы — есть решение коллегии. Я бы ни за что не вернул».

Щёлоков не прятал ценности, считал это ниже своего достоинства, у него даже мысли такой не возникало — таково мнение, вспомним, члена следственной группы военной прокуратуры.

Джон Эдгар Гувер говорил: «За 40 лет своей карьеры я встречался с тысячами преступников. У них было общее: все они были лжецами».

Если человек не был лжецом...

6 ноября 1984 года Николая Анисимовича лишают звания генерала армии. Указ об этом появляется в печати 10 ноября — в День милиции.

7 декабря — заседание Комитета партийного контроля при ЦК КПСС. Решается вопрос об исключении его из партии. Николай Анисимович присутствует, отвергает все предъявленные ему обвинения. Решение КПК: «За грубое нарушение партийной и государственной дисциплины, принципов подбора, расстановки руководящих кадров, злоупотребления служебным положением в корыстных целях в бытность министром внутренних дел СССР члена КПСС Щёлокова Николая Анисимовича (партбилет № 00 139 000) из партии исключить». Стоит отметить, что летом того года в партии был восстановлен верный сталинский соратник В. М. Молотов. На этот шаг решимости у Черненко хватило.

Видевшие Николая Анисимовича в эти дни отмечают, что, несмотря на обрушивающиеся на него удары, он сохраняет самообладание. Даже такой недоброжелательный свидетель, как главный военный прокурор Катусев, отмечает: «Держался Щёлоков хорошо, без признаков явно выраженной депрессии, однако моментами выдержка покидала его (имеется в виду момент обыска. — С. К.). Особенно это проявилось, когда он протянул нам маршальскую звезду генерала армии со словами: „Будете в Министерстве обороны... мне-то лучше, чтобы вы ее сдали, чтобы мне не возиться. Мне

же она ни к чему...“».

Наконец последний удар. Президиум Верховного Совета СССР решает лишить Н. А. Щёлокова звания Героя Социалистического Труда и других наград, кроме боевых. Это решение — грубейшее нарушение закона, поскольку принять его может только суд. Николаю Анисимовичу домой звонит чиновник из Президиума ВС и предлагает сдать награды. Щёлоков говорит: «Приезжайте и забирайте». Назначает время.

12 декабря днем он — в гостях у сына. Уходя, незаметно уносит в сумке охотничье ружье^[72].

13 декабря. Он действует деловито, просто, как человек, для которого органично чувство ответственности. В столовой на журнальном столике подготовлены папки с документами. На обеденном столе — портмоне, а в нем — 420 рублей и записка зятю с просьбой заплатить за газ и свет на даче и рассчитаться с прислугой. Рядом два коротких, по странице каждое, письма. Одно адресовано детям (в нем, в частности, Николай Анисимович просит сына подготовить сестру Ирину к трагическому известию). Адресат второго письма — К. У. Черненко. Николай Анисимович пишет: «Так начинался 1937-й год...» Он заверяет членов Политбюро, что не нарушал законности, ничего у государства не брал, просит избавить от преследований его детей. Заключительные слова этого письма (воистину — послания глухим, на которых его поступок не произведет никакого впечатления): «Прошу Вас, не допускайте разгула обывательской клеветы обо мне, этим невольно будут поносить авторитет руководителей всех рангов, а это в свое время испытали все до прихода незабвенного Леонида Ильича. Спасибо за все доброе. Прошу меня извинить. С уважением и любовью — Н. Щёлоков». Письмо датировано: 10 декабря 1984 года. То есть было написано заранее.

Примерно во втором часу дня 13 декабря Игорю Щёлокову на работу звонит жена. Говорит, что телефон Николая Анисимовича не отвечает. Игорь Николаевич: «Я в тот же момент всё понял». Они застали Николая Анисимовича лежащим в холле, в парадном мундире генерала армии, с наградами. Он выстрелил картечью себе в висок. Ему было 74 года.

Похоронен Николай Анисимович Щёлоков на Ваганьковском кладбище в Москве, рядом — могилы его жены и матери.

Глава двадцать вторая

ПОСЛЕ ЩЁЛОКОВА

В 1980-е годы в СССР трудно было представить сочувственную статью о Николае Анисимовиче Щёлокове на страницах какого-либо печатного органа, будь то «Правда», «Огонёк» или «Литературная газета». Опыт преобразований МВД при пятидесятом министре — кому он интересен? Впереди открываются радужные перспективы. Милиция будет становиться лучше и лучше, всё гуманнее и всё ближе к народу. Страна влюбилась в нового лидера. Как льдину в весенний ледоход, хочется отогнать «брежневщину» подальше от берега. Разоблачения «щёлоковщины» не встречают у людей внутреннего сопротивления, наоборот, они выглядят убедительными, полезными для общего дела.

Но ведь Николай Анисимович заплатил страшную цену за свои ошибки. Неужели не было сочувствия? Не было. В Советском Союзе самоубийство считалось формой признания вины. Не допускалось и мысли, что человек мог уйти из жизни, чтобы сохранить честь, избежать унижений, прекратить гонения на близких и сослуживцев, наконец, оттого, что слишком сильно болит у него совесть. Самыми «известными» суицидами, благодаря обилию их воплощений в кино, литературе и даже живописи, были самоубийства лидеров фашистской Германии. Вот тут всё смаковалось в мельчайших подробностях. Загнанный, трясущийся человек под землей, стены — ходуном, с потолка сыплется штукатурка, и этот человек тащит пистолет к виску. И реакция Сталина: «Доигрался, подлец!» Подобные картины были запаяны в подсознание советского человека^[73].

Обвинения в адрес Щёлокова (усиленные тем, что он «ушел от ответственности») точно бьют в цель. Наверное, не следовало торопиться с разоблачительными статьями... С другой стороны: а как тогда, по горячим следам, можно было проверить, насколько справедливы обвинения в адрес бывшего министра? Щёлоков мало кого пускал в свою семью. Его близкие соратники морально раздавлены: кто-то уволен, кто-то под следствием или в тюрьме, кто-то видеть никого из журналистов не желает. А публикация, разоблачающая Щёлокова и «щёлоковщину», да с личными впечатлениями, мгновенно давала ее автору вспышку популярности.

Статьи тех лет, обличающие пятидесятого министра, имеют интересную особенность: личные впечатления авторов от общения с ним

были, как правило, благоприятные или неплохие. Ничего худого лично им Щёлоков не сделал. Чем-то, может быть, был в их творчестве недоволен. Но на их судьбах это никак негативно не отразилось. Маску с его лица сорвали правоохранительные органы (статья в «Правде» в 1989 году так и называлась: «Лицо и маска»). Некоторым известным журналистам и писателям дают возможность познакомиться с материалами «дела Щёлокова». А дела-то нет! Есть дело о злоупотреблениях в ХОЗУ МВД. Обвинения в адрес министра — это по большей части показания людей, которые пытаются переложить на него свою ответственность. Эти показания не только не изучались судом, но даже не прошли следственной проверки в рамках возбужденного уголовного дела.

Очередной мощный залп по Щёлокову был выпущен уже в полуразрушенном СССР. Руководители страны заигрались с группой Т. Гдляна и сами получили обвинения в коррупции. Обществу напомнили об их заслугах в борьбе со страшным злом под названием «щёлоковщина» — ничего существеннее с тех пор не разоблачили... Новая серия публикаций...

В начале 1990-х тема еще и пожелтела. В моду вошел такой ее поворот: война спецслужб. Общество узнало об опасностях, которым подвергался следователь прокуратуры, раскрывавший убийство майора КГБ на «Ждановской». За ним по приказу «всесильного министра» велась охота (а председатель КГБ поделаться ничего не мог, только охрану приставил да предупредил: убьют — доложу). Министр не просто присваивал антиквариат, он его целенаправленно добывал с помощью группы ликвидаторов. До такого даже Федорчук недодумался. А уж он-то через мельчайшее сито просеял всю милицию и, конечно, за «группу ликвидаторов» ухватился бы, бросив все остальное как мелочовку. Но тут мы ничего не добавим — фактов же нет. Есть некие оперативные данные, известные одному-единственному человеку — В. И. Калиниченко.

То, что в 1980-е объяснялось недостатком информации, иллюзиями, в 1990-е — заметным пожелтением рынка СМИ, в 2000-е выглядит явной халтурой и неуважением к читателю. Ограничимся одним примером. В 2006 году вышла книга «Коррупцированная Россия». Твердая обложка, смотрится солидно. Известный автор — Андрей Константинов, выступающий под маркой Агентства журналистских расследований. Читатель, надеемся, достаточно подготовлен, чтобы самостоятельно разобраться в приведенных ниже нагромождениях чепухи, но для верности всё же немного ему поможем (примечания автора этих строк выделены курсивом).

«Говоря современным языком, большего беспредела, чем Николай Анисимович Щёлоков, трудно было отыскать во всей московской правящей элите.

Министр внутренних дел пользовался безграничной поддержкой Брежнева и считался главным соперником и заклятым врагом Андропова. Пользуясь покровительством генсека, он открыл в системе МВД сеть закрытых магазинов, где за бесценок продавали дефицитные импортные товары — обувь, дубленки, бытовую технику, антиквариат, полученные в результате приговоров с конфискацией имущества. Надо сказать, что министр Щёлоков и сам слыл страстным любителем и знатоком антиквариата. На Западе русское искусство всегда было в цене, и сотрудники МВД оперативно вычислили канал ухода антиквариата за рубеж. Но вместо того, чтобы его закрыть, милиционеры наладили контроль и собственные каналы его добычи и поставки (*вообще-то каналы ухода чего-либо за рубеж плотно контролировали органы госбезопасности и никого к ним не подпускали*). В результате все крупные коллекционеры антиквариата были взяты на строгий учет, после чего их медленно, но верно проводили через судебные дела с конфискацией имущества (*это уже прямой выпад в адрес некоторых наших экспертов*). Обычной формулировкой обвинения по таким делам служило приобретение дорогостоящих вещей на нетрудовые доходы, а конфискованные предметы антиквариата затем выставлялись в специальном закрытом выставочном зале МВД на улице Огарева, 6. Ни одна (*ни одна!*) более или менее стоящая вещь не уходила на сторону, пока ее не посмотрел и не оценил Щёлоков или его жена Светлана. Часто Светлана приходила сюда со своей ближайшей подругой Галиной Брежневой: вельможные особы отбирали самые ценные вещи, а остальное милостиво разрешали реализовывать на западном рынке за валюту (*о господи!*). В результате все антикварные магазины превратились в своеобразные филиалы органов МВД.

Поговаривали, что Щёлоков любил посещать Ленинград — богатые коллекции питерских музеев вполне могли удовлетворить его страсть к собирательству антикварных „безделушек“. Ходили слухи, что директор одного известного на весь мир музея на пару с Щёлоковым опустошал богатейшие запасники государственных хранилищ (*где факты? Хоть один! Почему чекистов в долю не взяли? Ведь сто процентов — спалились бы*). Свидетели тесных контактов Щёлокова с директором музея становились, как поговаривали, жертвами несчастных случаев со смертельным исходом. (По непроверенным данным, у Щёлокова имелась своя личная группа ликвидаторов, которая выполняла самые „деликатные“

заказы министра.) Чтобы получить вожаделенную вещь, Щёлоков не останавливался ни перед чем. *(Кровь стынет в жилах. Всё-таки Федорчук с Лежнековым занимались детскими забавами. Или автор бредит?)* Существовала хорошо отработанная схема, которая не раз применялась сотрудниками МВД, чтобы удовлетворить страсть своего патрона *(теперь понятен источник этих сведений, кто же не узнает автора этой версии, он один-единственный в нашей стране)*.

Для начала выявлялась квартира, в которой мог быть дорогой антиквариат. Затем особо доверенные опера через свою агентуру наводили на квартиру какого-нибудь несовершеннолетнего воришку. Он взламывал квартиру, забирал телевизор, видеомагнитофон и уходил, а следом за ним приходили люди, которые всё это затеяли. Они снимали со стен картины, забирали антиквариат и „растворялись в ночи“. Затем несовершеннолетнего злоумышленника задерживали, отбирали украденные вещи, но вот только об исчезнувших ценностях и раритетах воришка ничего сказать не мог. Потом чудесным образом эти картины всплывали у Николая Анисимовича Щёлокова. Так, в мае 1979 года по указанию Щёлокова в его распоряжение были переданы антикварные ценности на сумму 248,8 тысячи рублей *(не успели передать, чекисты помешали, помните?)*, являющиеся вещдоками по делу одного валютчика, а также картина „Полевые цветы“ Мартироса Сарьяна, купленная за 10 тысяч рублей на средства МВД Армянской ССР.

Впрочем, аппетиты министра не ограничивались одним только антиквариатом. Документально доказано, что глава МВД похитил у государства девять квартир *(что похитил — не было и речи, говорили: не всегда использовал служебные квартиры по назначению)*... и три дачи...» И так далее.

Достаточно. Пусть эта глава будет самой короткой в книге. Надо открывать главу более объективных материалов о Н. А. Щёлокове и его деятельности.

Глава двадцать третья

«МОЙ ДОЛГ РАССКАЗАТЬ ОБ ЭТОМ ЧЕЛОВЕКЕ»

В наши дни писать биографию Николая Анисимовича Щёлокова — значит, заново исследовать практически каждый значимый эпизод его жизни. Мало что можно сказать просто и утвердительно. Всегда — полемика, честно говоря, надоедающая. Некоторые очевидные факты хочется просто упомянуть и пойти дальше, но не тут-то было. Они уже успели получить *другое освещение*. И если не задержаться, не исправить даже очевидную ошибку, читатель может подумать, что автору нечего возразить, он решил облегчить себе жизнь.

Казалось бы — Великая Отечественная война. Время массового героизма, когда достойное поведение человека в минуту опасности считалось *нормой*. Николай Анисимович Щёлоков ни по своему тогдашнему заметному положению, ни по складу характера не мог отличаться от этой нормы. Он постоянно на виду. Он руководит подготовкой Днепропетровска к обороне, а затем эвакуацией его жителей и заводов. Он участвует в организации обороны Сталинграда, потом — в снабжении частей, затем — на передовой, поднимает бойцов в атаку, получает ранение, контузию... Если его достойное поведение на войне не отмечали специально очевидцы, то только потому, что тогда так поступали очень и очень многие. Сам же он не распространялся о своих военных заслугах. В чем тут сомневаться? Нет, придет время, и на свет божий извлекут характеристику некоего инструктора Главпура, который доложил, что Щёлоков «много о себе мнит». Недалекого партаппаратчика представят чуть ли не мудрецом, сумевшим разглядеть червоточину в будущем министре Щёлокове. И пошло-поехало... Из книжки в книжку...

После войны и недолгой работы в Киеве Щёлоков на целых 16 лет задерживается в Молдавии. На шестом десятке лет он всё еще — заместитель председателя Совмина небольшой аграрной республики. Это ли быстрая карьера? Он ведь в 29 лет уже был «мэром» Днепропетровска, одного из металлургических центров страны. Получается, что больше четверти века после своего быстрого взлета Николай Анисимович практически не рос по службе. Война, репрессии создавали «миллионы вакансий», но почему-то для других, Щёлоков продолжает энергично

трудиться в провинции, не проявляя особых признаков беспокойства, не лезет на глаза. И, несмотря на это, Щёлоков — «карьерист», «приспособленец» и т. д., хотя уместнее удивиться тому, что энергичный человек с эталонным рабочим происхождением, капитальным образованием, управленческим опытом, фронтовой биографией так долго остается в тени. Самый естественный ответ: как раз потому, что не «карьерист» и не «приспособленец».

Далее — Москва. Провинциал Щёлоков, к удивлению многих, оказывается хорошим руководителем сложнейшего ведомства — Министерства внутренних дел. С этим согласны практически все, даже его аппаратные противники: у Щёлокова *получилось*. А поднимается ли Николай Анисимович по карьерной лестнице? Нет: и через 16 лет после назначения он остается примерно в том же статусе, далеко-далеко от Политбюро, где заседают другие силовики — министр обороны и председатель КГБ. И вновь слышны слова: «карьерист», «приспособленец». А может быть, совсем наоборот? Может быть, потому и не двигает Брежнев своего друга, успешного министра Щёлокова, что тот постоянно осложняет им всем жизнь, решая задачи, которых никто перед ним и не ставил? Ведь все полезные начинания министру приходится *пробивать*: штаб со «странным» Крыловым во главе, службу профилактики преступлений, академию, университет культуры, меры по гуманизации наказания... Всё — через подозрение в том, что Щёлоков делает это для себя, ради каких-то своих личных тщеславных целей.

Мальчик любит рисовать. Чтобы приобрести краски, он собирает лекарственные травы и несет их на базар. Он мечтает познакомиться с «настоящими» художниками, мечтает научиться играть на музыкальном инструменте и всю жизнь сожалеет, что не имел такой возможности. Он тянется к прекрасному — такой он по природе. Став министром, он, Николай Анисимович Щёлоков, распахивает двери МВД перед деятелями культуры. Для ведомства, по коридорам которого еще гуляют тени Ежова и Берии, только польза. О МВД той поры говорят, что в нем культурных людей больше, чем в Министерстве культуры, а педагогов — больше, чем в Академии педагогических наук. Сейчас бы так сказали о милиции! Нет, и на этом благородном направлении усилия Николая Анисимовича под большим подозрением. Русский язык богат оттенками, сказанное выше можно сформулировать иначе: Щёлоков «заигрывает с интеллигенцией», «любит окружать себя деятелями культуры».

Почему-то всё время искали двойное дно в Николае Анисимовиче Щёлокове. Как будто не могли поверить, что глава МВД может искренне

стремиться улучшить свое ведомство, может стремиться к пользе не для себя лично, а для общества. А ведь человек он был совсем не «двуслойный». Такой или сякой — кто как увидит. Но где в нем второе дно?

Всё проще. Историю пишут победители. Первые портреты Николая Анисимовича Щёлокова писались в условиях полугласности, когда разоблачать «друзей Брежнева» (отдельных) стало можно, а оправдаться им — ну никак нельзя. Это и называется по сей день: избирательное правосудие. Из плотной шеренги вчерашних неприкасаемых выдергивают немногих. Приговор им уже вынесен, за обоснованием дело не станет. У заранее приговоренных остается два выхода. Один изберет карьерист Чурбанов, другой — фронтовик Щёлоков...

Каким же в действительности был Николай Анисимович Щёлоков? Заглянем в его дневник.

В нем видишь одно «дно», другого нет.

Дневник — не совсем точно. Здесь почти нет описания событий, что произошло «сегодня», «вчера» и т. д. Это — датированные размышления о том, что его волновало в данный момент. Охватывают период с 1969 по 1980 год. Практически все более поздние записи пропали.

Размышлениям своим министр предается на даче, в санатории, за границей. В иной день он может уделить им несколько часов (судя по результату — четыре-пять машинописных страниц). В целом — ощущение подлинности, разговора с самим собой без свидетелей.

Три сброшюрованные папки в толстом переплете, каждая примерно с общую тетрадь большого формата.

Автор дневника много читает, в основном документальную литературу (Светлана Владимировна часто ворчит, что их дача в выходные превращается в избу-читальню). И выписывает интересное — на память. Посмотрим, что его заинтересовало. С некоторыми фрагментами мы уже знакомы.

Щёлокова часто спрашивают, когда покончим с преступностью. В связи с этим он вспоминает анекдот про маршала Жукова, пересказанный К. Симоновым.

«Когда Жуков командовал Первым Украинским фронтом, его водителя всё подбивали другие:

„Спроси да спроси у Жукова, когда война закончится“.

Жукова не больно-то спросишь, но однажды водитель как-то ехал с ним вдвоем и всё же решился. И только открыл было рот, а Жуков потянулся, вздохнул и говорит: „Эх, и когда только эта война кончится“»

(август, Югославия, 1975).

Но и неспроста же выписывает министр притчу:

«В некотором царстве было много кляузников. Какие меры к ним только не принимали: и рубили головы, обрезали языки, бросали в кипящий котел со смолой, но ничто не помогало. Тогда собрался совет мудрецов. Их спросили, что же делать? Один мудрец сказал: „О, государь, вели резать уши у тех, кто слушает эти кляузы“. С тех пор не стало в том царстве кляузников» (1975).

Тема пьянства в СССР Николая Анисимовича волнует очень сильно. Многие записи об этом сделаны за границей. (Игорь Щёлоков поясняет: «Мне понятно, почему так происходило. Приезжая во Францию или Испанию, отец видел: пьяных на улицах нет. И сразу принимался размышлять, а почему у нас они есть?»)»

«Если бы не пьянство, если бы не водка, мы были бы сегодня государством, практически ликвидировавшим преступность. 90 процентов хулиганств совершается в пьяном виде, 70 процентов тяжких преступлений и аварий на дорогах совершается в пьяном виде. Мы должны думать о здоровом поколении нации» (15.07.72. Карловы Вары).

А следующая запись — неужели о советском кино?!

«Произведения, прославляющие пошлость, порнографию, способствуют насилию, уже сами по себе представляют уголовные деяния. К сожалению, давно уже стало обыденным на экранах в кино смакование убийства. Полное отсутствие грусти по убитому человеку».

Сам Николай Анисимович уверен:

«Подлинное искусство начинается там, где возвышается человек» (14.01.71. Барвиха).

Возможно, читатель оценит вкус автора дневника, который выписал фразы: «О том, что птица летает, видно и тогда, когда она ходит по земле (В. Немирович-Данченко)». Или: «Жизнь — не те дни, что прошли, а те, что запомнились (П. Павленко)». Он и сам способен сделать глубокое замечание: «Важно объяснить происхождение не только зла, но и добра». Впрочем, последнее относится к теме, в которой он является крупным специалистом. К теме воспитания.

По главному своему призванию Николай Анисимович был, несомненно, педагогом. Это с очевидностью вытекает из его дневниковых записей, из которых подавляющее большинство посвящено теме воспитания. Система профилактики преступлений появилась в МВД не случайно. Мы уже говорили, что это, пожалуй, самое сложное и тонкое направление преобразований, осуществлявшихся в органах внутренних дел

в 1970-е годы, поскольку требовало, прежде всего от министра, ежедневной кропотливой работы, а эту работу невозможно выполнять, если она не по душе.

Всё, что касается воспитания — молодежи, сотрудников милиции, осужденных, — Щёлокову по душе.

Николай Анисимович несколько раз цитирует А. Макаренко: «Человека надо не лепить, а ковать». Но это дань «стальному» времени. Так хорошо сказать с партийной трибуны — поймут. Сам-то он за то, чтобы человека лепить! Он считает, что «в школе надо выделить хотя бы час в неделю для разговора о том, как вести себя в семье, школе, троллейбусе, с друзьями, и будет эффект». Вновь цитата из Макаренко: «Воспитывать человека надо до 6 лет, после этого приходится перевоспитывать».

Или разве ниже не предложение лепить?

«Замечательный советский педагог Василий Александрович Сухомлинский одним из главных итогов своей педагогической деятельности считал, что село, где он работал, не нуждалось в участковом милиционере». Также из Сухомлинского: «Если вы хотите, чтобы человек боялся даже мысли о наказании, воспитывайте детей без наказаний». Ковать — без наказаний?! Как это?

В его дневнике немало цитат из В. И. Ленина. Но их выбор характерен. Можно подумать, что Владимир Ильич был больше всего озабочен тем, как бы не засадить в тюрьму невинного человека...

«Не следует торопиться человека отправлять в тюрьму, помнить слова В. И. Ленина, что тюрьма не лучшее место для воспитания».

А вот это уже точно не ленинская фраза. Щёлоков:

«Когда видишь, как из зала суда уводят под стражей еще только начинающих жить молодых людей, и представляешь, что у каждого из них впереди годы лишений, горькие мысли приходят в голову».

Более того:

«Чувствуешь себя как бы невольным пособником какого-то греха, когда видишь, как совсем молодого юнца отправляют в тюрьму».

Какой бы еще в XX веке министр (нарком) внутренних дел так написал? Может быть, в XIX... в самом его начале, когда в МВД входили «человеколюбивые заведения».

Любопытно, что Николай Анисимович считает важным воспитывать в молодых людях уважение к чужой собственности: «Важно всемерно расширять и вводить уроки правового воспитания в школах, разъяснять не только законодательные положения, но и раскрывать нравственную сторону закона, утверждать убежденность, что любое посягательство на чужую

собственность, какими бы мотивами оно ни диктовалось, является безнравственным, преступным, недопустимым».

Но ведь он же министр внутренних дел, коммунист, борец с нарушителями социалистической законности. Да, и поэтому часто пишет и произносит с трибуны: «Нет пощады преступникам...» Однако потом следует обязательное для Щёлокова «но». Но если человек совершил преступление впервые... но если он искренне раскаялся... Тогда пощада ему есть. Во всех трех томах его дневника едва ли найдется хоть одна «беспощадная» запись без этого «но». И многократно в разных вариациях: уберечь человека от неверного шага, помочь ему найти место в семье, обществе — «задача более сложная, чем отдать его под суд или отправить в колонию». Его убеждение: «Ни одна мать не родила преступника». Даже участь беглых преступников он пытается смягчить. Вот его набросок к соответствующему указу:

«...Осужденных, учинивших побег с мест... заключения и не совершивших при этом, а равно во время нахождения в бегах иного преступления, в том случае, если в течение года со дня опубликования Указа добровольно возвратятся из бегов или явятся с повинной в милицию, наказанию за побег не подвергать, возвратив их в то положение, в котором они находились до побега... и с применением льгот согласно пункту... статьи...»

Он был добрым человеком.

Это ответ на многие обвинения в его адрес.

Впрочем, то, о чем мы только что говорили, вовсе не является открытием для людей, близко знавших Николая Анисимовича.

Читателю известно: выдающихся музыкантов Галину Вишневскую и Мстислава Ростроповича с супругами Щёлоковыми связывало знакомство, переросшее в дружбу. На просьбу автора книги вспомнить историю их взаимоотношений и кое-что пояснить Галина Павловна ответила: «Мой долг рассказать об этом человеке». Пусть ее воспоминанием завершится биографическая часть этой книги (наш разговор состоялся в январе 2010 года):

«— Как состоялось ваше знакомство с Щёлоковыми, Галина Павловна?»

— Познакомился с ними Мстислав Леопольдович. Он возвращался из Кишинева, с концерта. В самолете разговорился со Светланой Владимировной. Тут же нашли общих знакомых. Затрудняюсь сказать,

тогда или чуть позже, но выяснилось, что во время войны Слава и его семья, находясь в эвакуации в Оренбурге, жили в доме у родственника Светланы Владимировны. Он их приютил^[74]. Вскоре Щёлоковы приехали к нам в гости. Точную дату не назову, это было вскоре после того, как Николай Анисимович был назначен министром. Он тогда менял форму своим сотрудникам. Мне кажется, его немного унижало, что он был „старшим милиционером“, возможно и поэтому он решил реорганизовать милицию, поднять ее, чтобы она имела другой вид, другое поведение, иначе относилась к людям. И при нем милиционеры действительно стали лучше выглядеть. Стали вежливее. Ушло хамство, с которым мы привыкли сталкиваться, — сейчас ведь прямо ужас какой-то. Это ему удалось.

Вообще он был замечательный человек, замечательный! В Париже из газет я узнала трагедию, которая с ними случилась. Она произвела на меня ужасное впечатление. Я близко знала этих людей. Бывала у них часто и в квартире на Кутузовском, и на даче. Уже здесь, в Москве, видела передачу о нем. Опять под него копали. Показали его квартиру. Но это не его квартира! Вы не знаете, он переезжал после 1974 года?

— Нет, не переезжал.

— Там показали какой-то комиссионный магазин. Все забито, набито. Я прекрасно помню, какая у них была мебель. У него была румынская спальня, такой же столовый гарнитур. Квартира... четыре комнаты, думаю, не больше. Для такого руководителя по сегодняшним меркам это мало. И дачка у него была маленькая, как нам казалось. Но он был очень доволен. И Светлана тоже. Я с ней была очень дружна. Светлана — замечательная женщина, врач-отоларинголог. Говорила: „Не понимаю, как можно жить, не работая, на положении ‘жены’. Я не могу ходить в парикмахерские, на массажи, я должна работать каждый день“.

— Приглашая к себе на жительство опального Солженицына в 1969 году, вы советовались с Николаем Анисимовичем?

— Нет. И нам интересно было, как он воспримет это известие. Щёлоков отнесся к нему на удивление спокойно. Даже странно показалось. Мы их познакомили, они не раз встречались у нас на даче. Александру Исаевичу нужны были старые военные карты для работы над книгой „Август четырнадцатого“, и Щёлоков их ему прислал. Один этот эпизод характеризует его человеческие качества.

Другой эпизод. В 1971 году, когда в первый раз назревал вопрос о высылке Солженицына из СССР, Щёлоков написал письмо Брежневу. Он дал мне его прочитать. Это было у него на квартире, на Кутузовском. Я была под впечатлением — он говорил о том, что надо Солженицыну дать

квартиру в Москве, чтобы он чувствовал себя по-человечески, надо его пригреть. Не помню, было ли это в его тексте, но мы с ним обсуждали, что и не таких власть в свое время пригревала, имея в виду отношения Николая I и Пушкина. Он передал письмо кому надо. А примерно через неделю мы поехали со Светой к нему в кремлевскую больницу. Он получил как следует за свое вмешательство в эту историю. Наверное, месяц лежал в отделении кардиологии. Уверена, что из-за письма.

Потом случилась история уже с нами, которая привела к нашему изгнанию из Советского Союза. Света, помню, повторяла: „Галя, это всё голубые, голубые!“, имея в виду комитетчиков и их серо-голубые фуражки. Мы же у себя на даче болтали буквально обо всём. Могли нас слушать? Могли. Они во флигеле у Солженицына поставили передатчик. Слава уезжал из Союза на два месяца раньше меня. Он давал последний концерт в Большом зале филармонии. Из наших старых знакомых почти никто не пришел. Светлана пришла и села рядом со мной. Демонстративно. Это был вызов.

Однажды был такой случай. К нам домой (мы жили в нынешнем Газетном переулке в „доме композиторов“, рядом с МВД) зашел Николай Анисимович. Обедали, разговаривали. Приближалось 100-летие Ленина. Он говорит: „А ты знаешь, что к 100-летию будут многих награждать? Поинтересуйся, в списках от Большого театра тебя нет“. Действительно, меня, народной артистки СССР, в списке не оказалось, хотя туда включили даже молодежь. Николай Анисимович вызвался выяснить. Я говорю: „Передайте, что я согласна только на самый высший орден из тех, что они дают. Если они мне вручат орден ниже, чем кому-то в нашем театре, я его вручающему просто в физиономию брошу. Так и скажите. Они знают, что я это сделаю“. И мне дали орден Ленина! В 1970 году, когда я уже была как прокаженная.

Солженицына с нашей дачи не смогли убрать, благодаря Щёлокову, мы в этом не сомневались. Вряд ли это было так уж сложно. „Вы не прописаны, гражданин Солженицын, просим вас удалиться“ — и что бы мы сделали? Тем более дачный поселок у нас не простой, здесь живут секретные физики. Машина наблюдения постоянно стояла возле нашего забора, в ней всё время сидели четверо, не скрываясь. Прописка — в ведении милиции, значит, Щёлоков был причастен к тому, что Солженицына не выселили. Когда нас в 1978 году лишили советского гражданства, здесь был сыр-бор. Квартиру хотели отобрать в Москве — кооперативную, выкупленную уже. Ее предлагали режиссеру Борису Александровичу Покровскому. Он, конечно, отказался. А весь дом уже

дрался, кому она достанется. Я думаю, не отобрали квартиру, потому что вмешался Щёлоков. Уверена в этом.

Когда уезжал Слава, в аэропорту ему устроили унижительный обыск. Мы оба были возмущены. Не дали ему провезти медали, представляете? Не только советские — „За освоение целины“, „В память 800-летия основания Москвы“, но и золотые награды от разных иностранных музыкальных обществ, университетов, оркестров. Я тогда сложила их все в пижаму, завязала штанину. Говорю ему: „Садись скорее в самолет, уезжай отсюда“. Он улетел, а я перекинула пижаму через плечо, несу. Меня спрашивают: „Галина Павловна, а что это у вас?“ Отвечаю: „Несу медали Ростроповича. Из Советского Союза увозить награды, сделанные из золота, нельзя. Можно увозить награды, сделанные из дерьма“. Я употребила другое слово. В общем, улетел он. Через несколько дней Николай Анисимович просит меня зайти к нему на работу. Прихожу. Он спрашивает: „Что там было на таможне со Славой?“ Рассказываю: „Чемодан перерыли, в карманы залезли, записочки читали. Николай Анисимович, пусть мне сразу скажут, что я могу взять с собой. Если начнут меня раздевать и выворачивать у меня карманы, я устрою скандал на весь мир“. Он сказал: „Не волнуйся, тебя не тронут“. И действительно, когда я уезжала, таможенники вели себя корректно.

— *И он до самого вашего отъезда продолжал с вами общаться?*

— Как и прежде, будто ничего не произошло. Я никогда не чувствовала, чтобы он или Света избегали встречаться с нами. Мне надо было продавать вещи, отдавать большие долги. „Лендровер“ я продавала. Приходили какие-то люди, приценивались. И вдруг появляются два милицейских генерала, в форме. Он же их и внешне отбирал, чтобы они достойно выглядели — держал планку. Говорят: „Галина Павловна, наш вам совет: продавайте вещи и машину только через комиссионные магазины и не имейте дел с теми, кто к вам ходит“. Такой совет мне был дан. Иначе при желании меня могли обвинить в спекуляции, и я очень долго ждала бы разрешения на выезд. И другие советы мне дали эти генералы, чтобы я была осторожнее.

— *В какой-то момент — к 1974 году точно — Солженицын и вы, ему помогавшие, стали для советского руководства чуть ли не главной головной болью. Ведомство Андропова вело с вами войну, а министр внутренних дел фактически ему противодействовал. Вы задавались вопросом, почему Щёлокову сходило это с рук?*

— Он был дружен с Брежневым... Наверное, они молчали до поры до времени, собирали на него материал, чтобы потом его предъявить. Когда

Андропов пришел к власти, они его и предъявили. Это не шуточки: милиционер замахнулся на КГБ. Что еще можно предположить? Мне кажется, в его поведении как-то проявлялось и его отношение к Андропову. Думаю, здесь была не личная неприязнь, а что-то большее. Он считал неправильным, что КГБ лезет буквально во все дела. Наверное, на этой почве. Мы очень много и откровенно говорили о политике, делились тем, что видели за границей, рассказывали анекдоты. А „там“, конечно, слушали. В этом нет сомнений. Когда мы уехали из Советского Союза, на нашей даче какое-то время жили друзья Славы. Они рассказывали: приходят двое, показывают „корочки“ и говорят, что им нужно осмотреть дом. Сразу идут во флигель, где жил Солженицын, поднимают ковер, доски и вытаскивают аппарат, не стесняясь жильцов, вежливо прощаются и уходят. Александр Исаевич у нас жил пять лет, у него здесь трое детей родилось. Конечно, все эти годы они слушали наши разговоры. В том числе разговоры Щёлоковых. Ждали, что он серьезнее подставится.

(Спешить, наверное, было некуда. „Порочность“ поведения Щёлокова стала еще очевиднее в 1978 году, когда Г. Вишневская и М. Ростропович, лишенные советского гражданства, опубликовали на Западе открытое обращение к Л. И. Брежневу, в котором потребовали над собой гласного суда.)

— Почему Николай Анисимович дорожил отношениями с вами, несмотря на то, что с определенного момента просто поддерживать с вами знакомство, не говоря о том, чтобы помочь, стало небезопасно?

— Он тянулся к миру искусства, какие еще объяснения надо искать? Он часто ходил в театр, на мои спектакли в том числе. Высказывал свое мнение, иногда наивное — он не был знатоком искусства. Но при этом хорошо рисовал. Он нам подарил одну картину, написанную им маслом: дом и большое дерево на переднем плане. Он написал ее, будучи министром. Николай Анисимович вообще был общительным, открытым, демократичным человеком. Нельзя было сказать, что он министр, генерал. Когда к нам приходили другие люди, он оставался таким же. Генеральский мундир ему как-то не шел. Даже с орденами, хотя это были боевые, заслуженные им ордена.

...В Париже я прочитала сообщение: жена Щёлокова стреляла в Андропова, ранила и была застрелена на месте. Представить себе такое не могла. Женщина с белокурыми волосами, голубыми глазами, очаровательной улыбкой, прелестная. И с пистолетом... Кошмар... Мне очень больно было пережить то, что произошло с этой семьей. Я очень хорошо знала этих людей. Отвратительна была вся эта возня вокруг имени

Щёлокова. Так несправедливо с ним поступили! Николай Анисимович был замечательным, честным человеком, другого Щёлокова я не знала. Всегда буду это повторять. Я очень любила эту семью и скорблю о том, что с ними случилось. Пусть мои слова будут посланием им на небеса...»

ПРИЛОЖЕНИЯ

ИЗ ДНЕВНИКОВЫХ ЗАПИСЕЙ Н. А. ЩЁЛОКОВА (1969–1980)

О воспитании и педагогике^[75]:

«Если вы хотите, чтобы человек боялся даже мысли о наказании, воспитывайте детей без наказаний» (В. А. Сухомлинский).

«Человека нужно не лепить, а ковать» (А. Макаренко).

«Макаренко считал, что воспитывать надо ребенка до 6 лет. После этого приходится перевоспитывать». *(В школе, считает Щёлок, надо выделить хотя бы час в неделю для разговора о том, как вести себя в семье, школе, троллейбусе, с друзьями, и будет эффект.)* «Это надо сделать во всех высших и средних учебных заведениях» (30.10.72. Барвиха).

«Замечательный советский педагог Василий Александрович Сухомлинский одним из главных итогов своей педагогической деятельности считал, что село, где он работал, не нуждалось в участковом милиционере».

«Карманную, квартирную кражу подростки осуждают и понимают, что это преступление. Но взятый без разрешения моторчик из физического кабинета школы для запуска планера они не считают воровством. В одной из школ ребята мастерили радиоприемник-передатчик, в магазине запчастей не было, и они организованно срезали несколько телефонных трубок из автоматов. И когда встал вопрос об ответственности перед судом в соответствии с законом, не только виновные, но и класс был в недоумении. Ну, взяли ребята детали для приемника из трубок телефонов-автоматов, но ведь детали были нужны для приемника-передатчика, который они делали. Что ж тут, мол, неправильного и вредного? Это еще раз говорит о том, как важно всемерно расширять и вводить уроки правового воспитания в школах, разъяснять не только законодательные положения, но и раскрывать нравственную сторону закона, утверждать

убежденность, что любое посягательство на чужую собственность, какими бы мотивами оно ни диктовалось, является безнравственным, преступным, недопустимым» (15.01.74).

«Надо с малых лет воспитывать не только культуру поведения, но и культуру эмоций. Воспитывать способность в различных конфликтных ситуациях отстаивать свои убеждения спокойно, без резких эмоциональных взрывов» (4.05.74).

«Надо стремиться ставить себя на место ребенка. Твердость, но не повелительность сержанта, обучающего новобранцев» (*цитирует доктора Спока*).

Цитирует Сухомлинского: «Учить жить — это прежде всего учить молодых людей управлять своими чувствами» (1974).

«Важно объяснить происхождение не только зла, но и добра».

«По существу вся повесть „Деревенский детектив“ Виля Липатова и рассказывает о воспитательной работе сотрудника милиции на селе».

«Уход отца дети переживают по-своему, затаив горькую обиду за себя, за мать. И нет для ребенка большей горечи, чем потеря отца или матери. К сожалению, об этом не думают отцы, в злости бросая детей. Во имя своих эгоистических чувств забывают, что дети на всю жизнь остаются травмированными, оскорбленными, обиженными».

«Мудрость народная говорит: „Горьким лечат, а сладким калечат“» (16.09.78).

«Заботясь о кроне, думайте о корнях» (8.05.78. Дача).

«Люди не жалуются на строгость, люди жалуются на несправедливость».

О воспитательной работе среди заключенных, «сформировавшихся в особо жестких, обостренных, колючих, как гвозди, условиях среды»: «Уметь открыть живинку в человеке, запущенном в педагогическом отношении, морально изуродованном, эгоисте, человеке необычайно трудной, трагической судьбы, несмотря на тяжелый, пресквернейший характер, навечно вписавшем себя в представителей „дна“ в обществе, это

ли не подвиг?». (9.07.78. Дача).

«Хорошо бы помнить каждой семье, школе да и каждому из нас извечно нестареющую истину:

Пусть будет сердце мягким и добрым,
Но всегда остается твердой воля» (20.03.79).

«Ни одна мать не родила преступника».

О профилактике преступлений и гуманизации наказаний:

«Судебная практика знает случаи убийства, когда и не злодеи совершают убийство — в минуты затемнения разума или в состоянии аффекта, как говорят юристы. Но, опомнившись, придя в себя, уже через считанные мгновения, секунды они раскаивались в содеянном. Это трагедия человеческая».

«Люди всегда требуют более строгих законов для преступников, и их надо понять. Нельзя простить убийцу, бандита. Однако не менее важно человеку, облеченному властью, быть по-настоящему чутким, гуманным, его действия должны быть строгими, но справедливыми. Для этого надо быть интеллектуально образованным человеком, профессионально подготовленным и уметь любить людей. Тогда это будет лучшей гарантией от ошибок, нарушений советской законности».

«Закон нельзя превращать в гильотину».

«Не следует торопиться человека отправлять в тюрьму, помнить слова В. И. Ленина, что тюрьма не лучшее место для воспитания» (1974).

«Задача наша должна заключаться в том, чтобы не допустить человека, особенно молодого, чтобы он переступил границу закона, уберечь его от неверного шага, помочь ему найти свое место в семье, коллективе, обществе. Это задача более сложная, чем отдать под суд и отправить в колонию».

«И все-таки чувствуешь себя как бы невольным пособником какого-то греха, когда видишь, как совсем молодого юнца отправляют в тюрьму» (20.01.78. Дача).

«Правосудие — дело творческое, весьма ответственное. Оно в высшей степени требует внимания, способностей, ответственности и глубокой человечности. Для следователя криминология, криминалистика — не просто науки о специфических болезнях и способах их распознавания, диагностики. Это еще и искусство общения с людьми в наиболее тяжелые, порой трагические моменты их жизни» (19.04.78. Смоленск).

«Выход осужденного из заключения — острый и сложный момент в его жизни. Это как бы его второе рождение. Как сложится его дальнейшая судьба? Это самый сложный социальный вопрос» (17.10.76).

О проблеме пьянства:

«Если бы не пьянство, если бы не водка, мы были бы сегодня государством, практически ликвидировавшим преступность. Посудите сами: 90 % хулиганств совершается в пьяном виде, 70 % тяжких преступлений и аварий на дорогах совершается в пьяном виде. Мы должны думать о здоровом поколении нации» (15.07.72. Карловы Вары).

«При улучшении благосостояния увеличивается потребление алкоголя, а это в свою очередь способствует увеличению таких видов преступлений, как посягательство на личность».

«Во Франции, как и в других странах, пьют больше, чем у нас. Но пьяных я почти не видел ни во Франции, ни в Италии, хотя это наиболее винодельческие страны на Западе. Я спрашивал: чем это можно объяснить? Мне объяснили это положение тем, что человек, позволивший себе показаться в общественном месте в нетрезвом виде, осуждается друзьями, близкими, коллегами по работе, он рискует потерять работу, доверие, может получить плохую репутацию, а это грозит тяжелыми последствиями для него» (12.75. Барвиха).

О сотрудниках правоохранительных органов:

«Сочетание высокой требовательности с доброжелательностью лежит в основе деятельности милиции».

«Сотрудник органов внутренних дел не может быть казенным чиновником, сугубо формальным, хотя его деятельность, права и обязанности строго регламентированы. Он горит, дерзает, если даже иногда и ошибается».

«Следователь должен не только правильно разобраться в данном конкретном деле, но и правильно оценить людей — конкретных виновников, выявить условия и причины, то есть всю подоплеку преступления. И он должен суметь сделать это так убедительно, на основе установленных фактов, чтобы не только он сам, но и те, дело которых он расследует, были бы убеждены в правильности их выводов, чтобы все это нашло подтверждение в справедливом решении суда. Ничто так не оскорбляет и не вызывает обиды у человека, как несправедливость, необоснованное обвинение».

«Работа трудная, беспокойная, часто в личном плане неудобная, ночные дежурства, вызовы. Но чем дальше, тем больше привыкаешь и становишься гордым, что ты трудился ночь, что обезвредил преступника, спас семью, сына, человека. И это внутреннее чувство наполняет, возвышает и вознаграждает тебя за твой труд... Как правило, только люди долга и сильного характера способны нести такое бремя. Они как будто всегда на посту» (1969).

«Возиться с накипью, человеческими отбросами, мешающими жить другим, несомненно, труд тяжелый, малоприятный в личном плане, хотя и заслуживающий всяческого уважения. Удовольствия от постоянного общения с пьяницами, хулиганами, ворюгами, со всеми разновидностями уголовного элемента мало, и себя не обогатишь тем, что постоянно находишься в этаким „чистилище“. И какое надо иметь мужество, чтобы выработать в себе особый иммунитет от всех этих бацилл, постоянно оскверняющих, разъедающих тебя, чтобы оставаться на высоте, быть бойцом против всей этой скверны, оставаясь человеком в лучшем понимании и значении этого слова» (21.12.73. Барвиха).

О моменте раскрытия преступления: «И вдруг, как чудо, появилась какая-то зацепка, что-то молнией блеснуло в голове. Один намек, миг,

осколок мысли — и теперь все скопом вцепляются в идею. И можно не сомневаться: уже не отпустят эту пойманную жар-птицу».

На заметку:

«1. Исследования 1974 года в Канзас-Сити обнаружили, что количество преступлений слабо зависит от того, много или мало патрульных машин находятся в действии в контролируемых районах.

2. Наиболее продуктивными оказались эксперименты по привлечению местного населения к широкому участию в оказании помощи полиции в охране общественного порядка.

3. В Нью-Йорке треть автомашин одного из таксомоторных парков (200 автомашин) управляются сотрудниками полиции. Такси служат хорошей маскировкой для засад, наружного наблюдения и патрулирования на улицах.

Следует рассмотреть возможность использования аналогичных методов в работе нашей милиции» (2.11.75).

О великодушии:

«Каких только слов нет в характеристике, которую пишут кадровые работники: дисциплинирован, работает над собой, сдержан, хороший семьянин, отзывчивый, предан нашему общему делу и т. д. — все это, в общем, правильные черты характера человека, но редко найдешь слово „доброжелательный“, и совсем не встречал в характеристиках слово „великодушен“. Разве нет у людей этой замечательной черты характера?! Да и само прекрасное русское слово состоит из двух слов: великая душа! Как нужен великодушный характер для начальника для создания здорового климата в коллективе» (18.08.76).

Заботы руководителя:

«Было время, когда мы экономили на всём для того, чтобы создать новые службы и новые структурные подразделения в органах внутренних дел. Нам надо было создать штабные подразделения, службу профилактики, ночную и транспортную милицию, постоянные дежурные

части, вычислительные центры, восстановить и увеличить численность участковых инспекторов. Если бы мы своевременно не сделали этого и не перестроили всю организацию управления, мы бы потеряли время и не справились с задачами, поставленными партией, правительством и народом. Теперь на повестку дня встает вопрос дальнейшего совершенствования деятельности уголовного розыска — основной силы в комплексной борьбе с преступностью» (2.01.77).

«Каждое твое слово и действие становится достоянием окружающих тебя людей. И если превысил власть, данную тебе законом, это — преступление. И если не использовал ее в минуту необходимости — тоже преступление. Где же мера твоей власти? Начальство потом прежде всего интересуется, чем кончилось дело: успехом или неудачей, а не тем, что ты думал и предполагал, превышая свою власть или, наоборот, не используя ее. Вот для этого и требуются выучка, опыт и, как у нас говорят, „железные нервы“» (29.12.74).

«При любом нововведении руководитель, добиваясь внедрения нового опыта, осложняет жизнь и себе и окружающим» (12.12.75. Барвиха).

«Когда настанет время уходить от повседневной кипучей деятельности Министерства, я уйду без колебаний. Хотя знаю, что это будет нелегко, ибо я вижу, с какой болью в сердце уходят, расставаясь с коллективом, мои подчиненные. Мне искренне жаль их.

С сердцем, полным глубокого уважения и благодарности, расстается руководитель со своими коллегами, как генерал со своей армией, прошедший все невзгоды со своим войском. Расстается с надеждой, что в будущем все будут также счастливы и благополучны, как были до этого славны и безупречны, ибо жизнь никогда не остановится» (10.12.75. Барвиха).

«Нужно думать о том, чтобы не быть препятствием и тормозом. Просто вспомнить и свою молодость. Уйти же надо раньше, чем почувствуют это окружающие. Но для этого надо себя подготовить заранее» (10.12.78. Дача).

О Брежнев:

«Леонид Ильич учитывал человеческие слабости, воспринимал их как

нечто присущее людям и, умея их учитывать, извлекал из них пользу для общего дела» (25.04.78. Дача).

Об искусстве:

«Говорить о человеческом благородстве, о его воспитании является высшим, что может быть в искусстве, литературе» (1975).

«Произведения, прославляющие пошлость, порнографию, способствуют насилию, уже сами по себе представляют уголовные деяния. К сожалению, давно уже стало обыденным на экранах в кино смакование убийства. Полное отсутствие грусти по убитому человеку».

«Подлинное искусство начинается там, где возвышается человек» (14.01.71).

«Нигде и никогда я не видел таких одухотворенных лиц, как на вечерах-встречах с поэтами. Наверное, и поэты, читающие свои стихи, испытывают то же самое. В 30-е годы я слушал Павла Тычину, Владимира Сосюру и многих, многих других поэтов. Я был и слушателем в зале, и телезрителем у себя дома поэтических вечеров Константина Симонова, Евгения Евтушенко, Василия Федорова, Бэллы Ахмадулиной, Андрея Вознесенского, Роберта Рождественского и иных наших современных поэтов. Вчера я смотрел и слушал по телевидению, как читал стихи Константин Симонов. Никакими словами невозможно передать этих счастливых, одухотворенных минут. Я видел, как светились глаза поэта, как он был счастлив и благодарен аудитории слушателей. Вот что такое соприкосновение с настоящим искусством — даром Божиим!» (16.02.77).

«Государственный музей Т. Г. Шевченко, гор. Киев.

Уважаемая Екатерина Петровна! Как мы условились, передаю Вам портрет неистового бунтаря — борца против самодержавия, великого поэта украинского народа Тараса Григорьевича Шевченко, нарисованный мною 50 лет тому назад. Этот портрет рисовал я, когда мне было 14 лет, будучи учеником 6 класса...» (9.03.77).

Разное (выписано Н. А. Щёлоковым из прочитанного):

«В 1943 году появился у немцев танк Т-УІ — „тигр“. Это был мощный и грозный танк. Толщина брони 80–100 мм, вес 56 т, 88-мм орудие, хорошие дальномёры позволяли „тигру“ пробивать броню всех наших танков. Применен был на Курской дуге. В 1943 году был выпущен Т-УІВ — „королевский тигр“, формы его корпуса и башни разительно напоминали формы советских танков. Лобовая броня имела толщину 180 мм, бортовая — 80 мм, экипаж 5 человек, вес 68 т, скорость до 35 км/час. Но этому танку, как и его конструктору, не повезло. 12 августа 1944 года экипаж танка Т-34–85 под командованием мл. лейтенанта Оськина, находясь в засаде, увидел впервые колонну огромных новых немецких танков в количестве 14 единиц, подставлявших им свои бока. Вместе с тремя подбитыми и подожженными танками во главе колонны погиб его конструктор, пожелавший лично посмотреть работу своих танков в бою» (13.6.74).

«В 1717 г. вышла первая книга в России о воспитании юношества. Называлась она „правила обхождения“. В ней говорилось: „В первых, наипаче всего должны дети отца и мать в великой чести содержать... речей старших не перебивать“» (29.11.75).

«Плохое, дурное воспринимается легче, чем хорошее. В жизни есть люди, по своему характеру слабовольные, легко поддающиеся влиянию, внушению. О таких людях древнеримский поэт Овидий Назон писал: „Вижу и одобряю лучшее, а следую худшему“» (1974).

«О том, что птица летает, видно и тогда, когда она ходит по земле». Немирович-Данченко (4.04.76. Дача).

«Чаще всего гибнут в Арктике не от недостатка продуктов или топлива, а от потери самообладания».

«Дело о пропаже из Московского уездного казначейства медной монеты на 115 тыс. „велось производством 21 год“» (9.12.78. Дача).

«Композитор Александр Алябьев, автор знаменитого „Соловья“, служил в Отечественную войну 1812 года в одном и том же гусарском полку с Денисом Давыдовым. Вместе с ним участвовал в сражениях. Был близок с участниками восстания на Сенатской площади. В 1825 г. по сфабрикованным материалам был осужден и сослан в Сибирь. Его любимой поговоркой были слова: „Служить бы рад, прислуживаться —

тошно“. А. Грибоедов отразил некоторые черты своего друга Алябьева в пьесе „Горе от ума“ и сохранил его любимую поговорку.

В тюремной камере после того, как друзья получили разрешение установить там пианино, Алябьев создал своего знаменитого „Соловья“ на слова А. Дельвига. „Соловей“ впервые прозвучал в концерте Большого театра 7 января 1927 года» (21.01.79. Дача).

«Хорошо как-то сказал П. Павленко: „Жизнь — не те дни, что прошли, а те, что запомнились“» (10.07.78. Дача).

«Приговором Особого присутствия по делу о цареубийстве 1 марта 1881 года мещанке Гельфман, приговоренной к смертной казни, ввиду ее беременности казнь по закону отложена до ее выздоровления» (23.03.77).

«Когда в 1829 году впервые испытывался паровоз, одна дама, присутствующая на испытании, упорно твердила, что паровоз ни за что не пойдет, а когда он все-таки пошел, она с таким же упорством продолжала твердить, что он ни за что не остановится».

«Спичку можно ветром задуть, но горящие угли от этого еще больше, еще ярче разгораются» (11.12.77 Дача).

Из воспоминаний:

«Те, кто не был в Донбассе, представляют, будто бы там все в угле, копоти и в дыму. Какое заблуждение! К сожалению, не все знают, что Донбасс — не только уголь, это настоящая жемчужина природы. Сколько здесь лиственных и хвойных лесов, а сколько уток и другой дичи! И, кажется, нет краше рек Луганки и Северского Донца с берегами, утопающими в зелени» (11.75).

«Ты вспоминаешь школу, друзей, речку, пруд, где целыми днями ловил рыбу, праздники в доме родителей» (29.12.74).

«Иногда я говорил маме, что она старшего брата любит больше, чем меня. Но и здесь мудрость матери убедительно и просто все объяснила. Вот у тебя двое детей, разве ты можешь сказать, кого ты больше любишь. Для матери, для родителей все дети одинаковы, а волнуешься, и этим как бы

проявляешь тревогу и заботу материнского сердца о тех детях, которых нет близко» (10.11.76).

«Я завидовал старшему брату, который так счастливо унаследовал все эти качества ее (матери. — С. К.), ее души. Те, кто встречался с нею, когда выросли уже наши дети, и она стала совсем старенькой, всегда восторгались ее мудростью и какой-то особой доброжелательностью к людям. Теперь я эту доброжелательность вижу у своих детей, и я счастлив, что эти качества передала им бабушка» (25.11.75).

«Первый раз с Семеном Михайловичем Буденным мы встретились в Сталинграде. Чаше встречался с С. М. я последние десять лет его жизни. Он часто спрашивал меня: не являюсь ли я родственником бывшего у него в Первой Конной армии начальника штаба Щёлокова? Я отвечал, что нет, просто однофамильцы. Но так как это было уже не первый раз, я по интересовался у Семена Михайловича, почему он меня спрашивает об этом уже в который раз. Он помолчал, а потом сказал, что это был очень грамотный начальник штаба, в высшей степени дисциплинированный и образованный командир, он погиб в боях. Это был очень хороший человек, и мне хочется, чтобы это был ваш родственник» (1.01.79).

«Я был участником многих сражений, много пережил, испытал горечь отступления до предгорий Кавказа и радость наступления. Фронтовыми дорогами прошел до Варшавы и Праги.

Вернулись мы с женой в потертых шинелях, я — полковник с полевой сумкой, она — с баулом медсестры. Больше у нас ничего не было. Но ведь это как и у каждого военного человека: служба есть, а квартира, как и жилье солдатское, — всегда будут» (9.05.78).

«В жизни я почти никогда не обжигался, а поэтому всегда шел смело и прямо вперед. Постоянное стремление найти новое, чего не было до тебя, делало мой труд интересным, увлекательным до самозабвения. Так было в молодости, так я готовился в вуз, работал на шахте, так работал в промышленности, на советской и партийной работе, таким я был во все годы войны на фронте, таким остался и сейчас» (4.01.69. Барвиха).

«Оглядываясь на прошлое, я все больше убеждаюсь, как много пережило мое поколение. Трудные это были годы. Но все же мы были счастливы» (26.11.75).

«Жизнь прожита не так уж и плохо. Были удачи и неудачи, были и ошибки, сделанные тобой по молодости, а больше, безусловно, по незнанию. Самое же главное: ты не прятался за спины других, был впереди, на виду вместе с лучшими своими друзьями. Ты и на фронт ушел добровольцем, хотя имел и „броню“ от призыва, и командировочное предписание как специалист-металлург, которому предложено ехать на Урал вместе с эвакуированными заводами» (14.05.79).

ИЗ ПРОТОКОЛА ДОПОЛНИТЕЛЬНОГО ДОПРОСА СВИДЕТЕЛЯ ОТ 3 ИЮЛЯ 1984 ГОДА

Ст. следователь по особо важным делам при Главном военном прокуроре полковник юстиции Миртов дополнительно допросил в качестве свидетеля Щёлокова Николая Анисимовича.

Допрос начат в 11 час. 00 мин. Окончен в 14 час. 55 мин.

Вопрос: Какие подарки, вещи и ценности получены Вами безвозмездно от должностных лиц МВД СССР и союзных республик, а также УВД краев и областей?

Ответ: Примерно в 1979 г. во время моего пребывания в Прибалтике или Калининграде для МВД были переданы шахматы из янтаря штампованные. Кем они передавались и кому из сопровождавших меня лиц — не знаю. Я обнаружил их уже у себя в кабинете, в комнате отдыха. Эти шахматы предназначались для министра внутренних дел ГДР Диккеля, как подарок к его 70-летию. Однако вручены Диккелю они не были в связи с тем, что в декабре 1982 г. я был освобожден от должности. Шахматы находятся у меня дома. Какое отношение к этому имел бывший начальник УВД Калининградской области Соболев — не знаю. Я ему никаких указаний на этот счет не давал. Никаких вещей, денег и ценностей от Соболева я не получал.

С бывшим заместителем МВД УССР генералом Захаровым у меня были служебные, хорошие отношения, он знал и мою жену. Помню, что как-то от МВД УССР были доставлены букинистические книги. Со списком этих книг я был ранее ознакомлен в ходе следствия, осмотрел свою личную библиотеку, среди книг оказалась часть киевских. Список на одном листе в количестве 11 (одиннадцать) штук прилагаю к протоколу допроса, а сами книги передам в ближайшие день-два.

Других книг, указанных в перечне на 2-х листах, а именно других семи книг, ни у меня, ни у членов моей семьи нет. В утрате этих книг вина и работников приемной, которые не оформили должным образом прием книг и передачу их мне и, возможно, другим лицам.

Лично мне Захаров никаких подарков и вещей не передавал, в том числе и японского транзисторного приемника, кинокамеры и немецкого сервиза, о которых мне заданы вопросы. Что касается картины, то я не помню, чтобы мне передавалась в Киеве какая-либо ценная картина.

По просьбе Светланы Владимировны из Болгарии уполномоченный МВД СССР генерал Щукаев привозил верхнюю детскую и женскую одежду из дубленой кожи. Вся ее стоимость полностью Щукаеву оплачена.

Бывший зам. начальника ГСУ МВД СССР Флоринский является моим дальним родственником — женат на дочери моего двоюродного брата. Никаких подарков от него я не получал, и тем более золотых импортных часов, о которых меня спрашивают.

Мой бывший заместитель генерал-лейтенант Заботин Б. В. до прихода в органы МВД работал инструктором ЦК КПСС, исключительно честный и порядочный человек. Возможно, до назначения на должность заместителя министра он, будучи управляющим делами министерства, приносил мне в кабинет для работы диктофон, я им действительно пользовался, но этим и исчерпывается весь вопрос. О каких-либо подарках мне со стороны Заботина не может быть и речи.

Никаких подарков, ценностей, тем более денег от начальника 2 спецуправления генерала Сергунина и от бывшего министра внутренних дел Якутской ССР Удовиченко ни я, ни члены моей семьи не получали. Я вообще не помню, чтобы эти лица были у меня когда-либо на личном приеме.

Никаких изделий из бивней мамонта, а тем более самих бивней у меня никогда не было. Если кто-либо говорит о таких подарках мне — это суцая чепуха. Бывшего начальника УВД Магадана Михайлова я вообще не помню.

В Златоусте Челябинской области мы заказывали как сувениры художественное литье — «Конь с попоной», штук десять. Дарили их ответственным работникам правоохранительных органов, в числе которых были т. т. Горкин и Руденко.

Мне лично начальник Челябинского УВД Руденко ни это литье, ни другие предметы (позолоченное оружие, охотничьи ружья) никогда не дарил. Откуда возникли такие вопросы — не знаю, но это грубая ложь.

Министр внутренних дел Молдавии Брадулов никогда мне ничего не

дарил, ни во время моего пребывания в МССР как делегата, ни в любое другое время. Допускаю, что по линии Совмина республики мне мог быть передан при уезде какой-либо сверток с фруктами, набором коньяка. Что же касается поставленного мне вопроса о японском транзисторном телевизоре — то об этом не может быть и речи.

У меня в квартире находятся электронные часы минского производства, кто их мне подарил — Машеров или Климовский, или другой товарищ из Белоруссии, — не помню. Ценности они не представляют. Посмотрю, если не отдал их кому-либо, если на них есть дарственная надпись, то смогу пояснить более подробно. А что касается якобы подарков от Климовского мне — охотничьего ружья и сервиза, — то этого никогда не было.

Кителидзе, бывший руководитель МВД Грузии, ни ковра, ни серебряных кинжалов, ни чеканную посуду, ни других вещей и предметов никогда не дарил.

Я также категорически отрицаю, что из МВД Уз. ССР мне, якобы, передавался узбекский ковер размером 10×10 м. Объявленные показания обвиняемого Калинина о том, что этот ковер, якобы, разрезанный в Москве на 4 части, был развезен по квартирам членов моей семьи — считаю глупостью и наговором. Никаких «ковровых четвертинок» у нас в квартирах нет и быть не могло, хотя бы по той причине, что они будут портить интерьер квартир.

В Гусь-Хрустальном заказывались иногда хрустальные вазы и другие изделия для подарков от МВД СССР. Мне лично ни ваз с моим портретом, ни других изделий из Владимирского УВД не передавалось. Если и были какие-то подобные подарки к моему 70-летию, то они переданы в музей МВД. В квартире держать вазу с портретом, напоминающую урну в крематории, я никогда не стал бы.

Как-то по приезде из Афганистана одним из работников МВД СССР, кем — не помню, мне был передан сувенир от милиции ДРА — набор сувенирных знаков бывшей полиции Афганистана. Видимо, эти сувениры и были приняты за набор золотых монет тем, кто дает на меня ложные показания. Кем — генералом Елисовым или другим лицом привезен сувенир — не помню. Заявляю категорично одно — Елисов ни золотых монет, ни японского транзисторного магнитофона мне не привозил и не передавал.

Начальник ГУВД Мособлисполкома генерал-лейтенант Цепков по роду своей должности неоднократно принимал зарубежные делегации, выезжал в составе делегаций МВД СССР за рубеж. Он мог дарить

иностранцам и павлово-посадские платки, и шкатулки-палех, и другие вещи. Со мной же у него были служебные отношения, исключаящие всякие подарки мне с его стороны.

Я впервые слышу сегодня и о том, что, якобы, от Цепкова на мое 70-летие были доставлены 10 молочных поросят. Это вздор. За столом у меня на даче № 8 было не более 15-ти человек, а вся кухня организовывалась через ресторан «Прага».

Находясь в Ленинграде, я с женой приобретал иногда с помощью работников УВД через комиссионные магазины антикварные вещи: две картины стоимостью 700–800 руб. каждая, статуэтки, ваза бронзовая, подсвечники, лампа. За всё нами были уплачены наличные деньги. Никакого антиквариата безвозмездно от работников Ленинградского УВД я не получал.

Генерал Кривенцов был далек от круга лиц, вхожих в мою семью. Поэтому никакого разговора о том, что он в качестве новогоднего подарка мог преподнести Светлане Владимировне золотое кольцо, быть не может. Тем более что он мною был понижен в должности — с начальника главной инспекции до зам. начальника Штаба МВД.

Я ознакомился со списком невозвращенного в музей МВД имущества (приложение № 5 к акту проверки музея МВД СССР). Категорично заявляю, что ни одного из одиннадцати наименований антикварных предметов, перечисленных в списке, у меня нет. Все предметы, которые были у меня, мною возвращены полностью через Калинина, и я считаю вопрос исчерпанным.

Вопрос: Из материалов дела усматривается, что в 1980–1982 г. г. Вами в кассе МВД СССР было обменено «ветхих», бывших в употреблении денег на новые купюры в сумме около 200 тыс. рублей. Прошу дать пояснения об источнике этих денег и целях обмена.

Ответ: Сумму 200 тыс. рублей считаю явно завышенной. Старые купюры я действительно поручал заменить на новые для удобства хранения и пользования. Источник «старых» денег — гонорар, получаемый мною; деньги за вещи, сданные через комиссионный магазин, деньги в сумме 20 тыс., хранившиеся у Светланы Владимировны на даче. Обменивал деньги по мере их накопления, а также ежегодно перед отпуском. Какая общая сумма обмененных денег — сказать не могу.

Н. А. ЩЁЛКОВ В ВОСПОМИНАНИЯХ

Игорь Карпец (из книги «Сыск. Записки начальника уголовного розыска». М., 1994)

Хотелось бы мне или нет, но я вынужден буду обращаться к фигуре этого министра. В меньшей степени, конечно, как к политической фигуре... но в значительной, нет, пожалуй, в решающей степени как к руководителю МВД, поскольку в этом плане он, конечно, фигура неординарная. Пришел я в министерство желанным, а под конец все было сложнее. Министр гордился: во главе уголовного розыска страны стоит профессор, доктор, ученый, уже успевший зарекомендовать себя в этом качестве не только внутри страны, но и в мире, да еще практик! При каждом удобном случае он предоставлял мне трибуну, организовывал встречи с прессой и т. д. Я обязан, следуя истине, сказать, что он в первый период своего «правления» очень много сделал для улучшения материального положения сотрудников и поднятия престижа МВД. То, чего не могли сделать его предшественники, — сделал он. Могут сказать: что ж тут особенного, он же «выходил прямо на Брежнева». На это можно ответить: «выходили» на Брежнева многие, однако преимущественно для себя, Щёлоков же, не забывая себя, много сделал для министерства. И от этого никуда не денешься. В тот момент, о котором я сейчас говорю, именно эта сторона его деятельности не осталась не замеченной и людьми посторонними, и сотрудниками — последние ценили его за это. Он и по характеру был человек достаточно привлекательный. Доступный, в меру (для тех времен) открытый, идущий навстречу тем, кто не стоял на месте, мог что-то интересное и полезное предложить (это последнее нередко было и его слабостью: он как непрофессионал «клевал» на сомнительные идеи, выдвигавшиеся не столько специалистами, сколько карьеристами, познавшими эту его сильную слабость). Он не прочь был показать широту своей натуры и то, что круг его интересов выходит далеко за рамки деятельности министра. Поэтому вокруг него всегда были деятели искусства, культуры, актеры и актрисы, музыканты и композиторы, ученые и, конечно, писатели и кинематографисты. Достаточно сказать, например, забегая вперед, что когда Мстислав Ростропович переживал перед своей эмиграцией не лучшие времена, Щёлоков его поддерживал (морально, во всяком случае), а автомобиль М. Ростроповича, кажется, это был «мерседес», стоял на стоянке около входа в министерство на ул. Огарева, 6. (Не в таких ли его поступках истоки, мягко говоря, недружественных отношений с Ю. В. Андроповым? Впрочем, конечно, не только, ибо это было соперничество за влияние на «первое лицо», а также то, что Ю. В. Андропов имел сведения о пристрастии министра к «прихватизации»,

выражаясь современным языком.)

Руководя министерством, министр стремился, как он говорил, опереться на науку и высказывал весьма гуманистические идеи, говоря, например, о недопустимости применения строгих наказаний за малозначительные деяния. Он же, идя вслед за криминологами, утверждал, что преступность — социальное явление, что рост или снижение ее зависит от экономических, социальных и пр. отношений, что нельзя с милиции и других правоохранительных органов напрямую «спрашивать» за рост преступности или требовать ее снижения. Доклады его в этом плане были почти безупречны. На практике же он был далеко не всегда последователен. С точки зрения организации работы при нем было принято немало полезных решений. В первый период его «царствования» преимущественно. Поэтому те, кто ввел в период после его трагической смерти термин «щёлоковщина» (а среди них были и есть те же журналисты и писатели, которые ранее курили министру фимиам), вряд ли могут сказать, а что же такое «щёлоковщина»? Таковы были мои первые впечатления. Я и сейчас остаюсь верен им. Позднее я узнал и об изменчивом его характере, и о податливости чужим, часто недобрым влияниям, и о бесхребетности в семье — источнике многих его личных бед, и о слепоте по отношению к своему близкому окружению, часто злоупотреблявшему его доверием и даже творившему за его спиной черные дела, втягивая в них и его самого, вместо того, чтобы остановить его наклонности к «накоплению прекрасного», и о том, что сам он метался, терпя около себя чванливого, ничего толком не знающего протекциониста, «любимца женщин» Чурбанова...

Но при всём том одно его качество оставалось неизменным. Как бы его отношения с тем или иным человеком ни портились, он не позволял себе расправиться с ним, он всегда находил какую-то возможность, грубо говоря, не добивать человека до конца, прощая подчас немалые прегрешения.

Юрий Чурбанов (из книги «Мой тесть Леонид Брежнев». М., 2007)

Каким же министром был Николай Анисимович Щёлоков? Что это за человек? Каковы его положительные и отрицательные качества? Не так просто, наверное, будет разобраться, но я сразу скажу: и все-таки это был министр.

Я понимаю, конечно, что иду сейчас вразрез, о Щёлокове так много негативных статей, и у меня наверняка появятся серьезные оппоненты, но ведь заключенному, прямо скажем, терять нечего. Характерная деталь:

лишив Щёлокова всех орденов и медалей, Президиум Верховного Совета СССР все-таки оставил ему его боевые награды. А если взять Щёлокова до войны, во время войны и — на посту министра, то это совсем разный Щёлоков.

Сразу скажу, что никогда не был близок с министром, как сейчас преподносит печать, но пусть это будет только деталью в нашем разговоре. Щёлоков — человек самостоятельного мышления, очень энергичный, с хорошей политической смекалкой, которую, правда, сейчас возводят в степень политического авантюризма (где-то, наверное, это так), но все-таки определенная взвешенность и продуманность принимаемых решений у Щёлокова была всегда. Он колоссально много работал, особенно в первые годы, когда он действительно глубоко изучал корни преступности в стране. При нем органы внутренних дел стали более уважаемы в народе. Для милиции было много сделано и в материальном отношении; в 1981 году Совет Министров решил вопрос о повышении денежного содержания сотрудникам органов. Если раньше за офицерское звание лейтенант получал 30 рублей, то теперь — уже 100. Придало ли это новый импульс нашей работе? Бесспорно. Повлияло ли это на стабилизацию кадров, приток новых сил? Конечно. Я не знаю, поэтому не говорю сейчас об образе жизни Щёлокова вне стен министерства, но меня и других членов коллегии всегда подкупали энергичность, моторность министра, его умение «пробить» интересные вопросы. Кстати, именно Щёлоков не раз протестовал, ссылаясь на зарубежный опыт, против больших сроков наказания для женщин и для подростков. Он предлагал вывести из Прокуратуры весь следственный аппарат и подчинить его МВД или иметь самостоятельное следствие — и в этом он видел большую пользу. А то у нас получается, что Прокуратура и ведет следствие, и надзирает за ним. А это в корне неправильно. Тут сплошь и рядом происходят ошибки, как сейчас. Щёлоков бережно относился к кадрам, я не помню ни одного случая, чтобы чья-то судьба была сломана, чтобы лицо, входившее в номенклатуру министерства, было с позором из органов изгнано, чтобы вокруг этого оступившегося человека искусственно нагнеталась обстановка...

Другая заслуга Щёлокова, которую никак нельзя сбросить со счетов, — это установление тесных контактов с партийными, советскими и другими государственными органами. При нем значительно расширена сеть учебных заведений МВД СССР. У нас появились академия, Высшая школа милиции в Горьком, обновлялись кадры милиции, работа сотрудников аппарата становилась более конкретной, несколько снижалась

преступность по отдельным ее видам. По инициативе Щёлокова были установлены прочные контакты с органами внутренних дел социалистических и развивающихся стран, увеличили прием на учебу иностранцев...

В аппарате Щёлокова любили. Он всегда очень хорошо выступал. Не только, как говорится, со знанием дела, но и с большой ответственностью за свои слова: если, скажем, он давал обещание решить вопрос по улучшению жилищных условий, санаторно-курортного и медицинского обслуживания, то он обязательно решал эти проблемы. Кроме того, Щёлоков всегда достаточно спокойно относился к критике в свой адрес. Точнее — с пониманием. Он (особенно в первые годы) много бывал в командировках по стране, знал обстановку на местах, регулярно приглашал в Москву руководителей органов внутренних дел республик, краев, областей, обязательно встречался с ними, долго и откровенно разговаривал. По инициативе Щёлокова мы каждый год проводили большие — они назывались «итоговыми», ибо подводили результаты нашей работы за год — совещания. Они шли по два-три дня. На эти совещания всегда приглашались представители отдела административных органов ЦК КПСС, Председатель Верховного Суда СССР, обязательно присутствовал кто-то из первых заместителей Председателя КГБ СССР, министры внутренних дел союзных республик, начальники УВД краев и областей, крупных городов — Москвы, Ленинграда, Киева и других. По поручению коллегии с докладом об основных итогах работы органов за год всегда выступал сам министр. Люди, находившиеся в зале, прекрасно понимали, что этот доклад носит исчерпывающий и объективный характер, — фальшивить и «затирать» какие-то факты было бы невозможно, хотя бы потому, что приглашенные товарищи и без того прекрасно знали обстановку в каждом регионе. Самая резкая критика Щёлокова звучала в докладе самого Щёлокова. Со своей стороны, выступавшие на совещании руководители милиции тоже давали оценку лично своей и нашей общей работе. Со стороны руководства МВД СССР и Прокуратуры СССР тщательному анализу подвергались оперативно-служебная деятельность органов в тех регионах, где была наиболее тяжкая обстановка с преступностью. Всегда шел очень деловой и конструктивный разговор — и Щёлокову это нравилось. У нас не существовало никакой «маниловщины», нас почти никогда не удовлетворяли результаты собственной работы. Сама обстановка на этих совещаниях была достаточно спокойной и рабочей. Генералы, приехавшие с мест, свободно критиковали Щёлокова и членов коллегии, заместителей министра, ставили перед нами вопросы, прямо

говорили, что требуется для укрепления органов в различных регионах страны. Всё это происходило на здоровой основе, глаза в глаза, без каких-то интриг и кулуарных смакований.

Однако в последнее время у Щёлокова появились элементы самолюбования. И это видели все. Он часто говорил: вот я был у Леонида Ильича, вот Леонид Ильич просил передать привет коммунистам министерства и т. д. А Леонид Ильич, кстати говоря, всегда держал его на расстоянии; по крайней мере, сколько бы я ни находился на его даче в вечернее время или на каких-то торжествах — Щёлоков там не появлялся. Часто ли он бывал у Брежнева? По моим данным, нет, не часто, мы ведь всегда знали, кто и куда уезжает. Поддерживал ли его Леонид Ильич? Наверное, да, все-таки — важное министерство. Но в то же время, когда Щёлокова слушали на Политбюро или Секретариате ЦК, то Щёлоков был не Николай Анисимович, близкий друг Леонида Ильича, как это сейчас подадут, а Щёлоков был товарищ Щёлоков — министр, который нес всю полноту ответственности. Тот же штришок о защите Щёлоковым докторской диссертации, который я уже приводил, говорит о том, что он был под контролем, поблажек ему не было. Леонид Ильич проявлял твердый характер. Зачем Щёлокову нужна была докторская диссертация, до сих пор не могу понять. Какие-то публикации он потом подписывал: министр, доктор экономических наук. Только для этого, я думаю.

У Щёлокова никогда не было своего личного самолета, как сейчас пишут газеты, если он куда-то летел, то самолет (Ту-134) арендовался в Министерстве гражданской авиации. Наше министерство оплачивало этот рейс, но для МВД на приколе он никогда не стоял. Что же касается меня, то я просто летал обычными рейсами — а с людьми, между прочим, всегда веселее лететь. В кассе Аэрофлота приобретались билеты, и эти билеты потом подкалывались в финансовые отчеты. Там же были и квитанции за проживание в гостинице.

У Щёлокова всегда были хорошие отношения с интеллигенцией. Будучи человеком исключительно культурным и начитанным, он дружил с Хачатуряном, с Ростроповичем и Вишневецкой, общался с Шостаковичем, и Шостакович (по своей инициативе) написал для милиции несколько новых произведений, из них «Марш советской милиции». Щёлоков хорошо знал не только музыку, но и архитектуру, живопись.

Как-то раз мне довелось быть свидетелем его разговора с художниками. Он был хорошо с ними знаком, и они к нему тоже тянулись.

Мне кажется, так и должно быть. Разве в этом есть что-то противоестественное? Мы просто привыкли к тому, что полицмейстер

должен быть грубым человеком, вот и всё! А это не так. Щёлоков действительно был принят в ряды интеллигенции.

Светлану Владимировну, жену Щёлокова, я почти не знал, мы встречались с ней только на концертах в честь Дня советской милиции. У них в гостях был редко, из других заместителей министра на даче Щёлокова бывали только один-два человека, причем когда Щёлоков получил звание Героя Социалистического Труда, то что-то не слышал, чтобы он устраивал какой-то большой банкет. Просто к нему на госдачу были приглашены только некоторые из его заместителей, еще два-три человека, ему известных, вот и весь круг его гостей. О других еще каких-то торжествах мне ничего не известно... Еще меньше я знал сына Щёлокова — Игоря. Неглупый парень, закончил институт международных отношений, работал в комсомоле, но иногда злоупотреблял положением отца. Отсюда все его недозволенные «фокусы» и выкрутасы. Дочь Щёлокова я видел только раз, она производила впечатление обычной девушки.

Я никогда не боялся Щёлокова. А что его бояться? Мы с ним были одной номенклатуры, он утверждался ЦК КПСС и я — тоже, он был избран в состав ЦК, и я был избран, только ЦК КПСС и мог нас рассудить. Но то, что, разговаривая с ним, я всегда называл вещи своими именами и не скрывал от него положение дел в стране, он воспринимал, конечно, без особой радости. Каждое свое предложение я всегда оформлял в виде докладной записки лично министру, либо — в адрес коллегии; похоронить эти документы было трудно. И если я видел, что Щёлоков упрямится из-за чего-то личного, я мог в любое время подъехать в отдел административных органов ЦК и доложить свою точку зрения. Вот с этим Щёлоков уже был вынужден считаться. У него не было попыток спихнуть меня, он заранее знал, что эти попытки ни к чему бы хорошему не привели, но какой-то элемент зависти, может, и что-то другое у него все-таки на мой счет было.

Конечно, он ревновал меня и к Леониду Ильичу. И главная причина тому — возрастная разница. А мои недоброжелатели в аппарате министерства этим умело пользовались, потихоньку разжигали его ревность. Ссорили нас мелко, гадко, исподтишка; я догадывался об этом только тогда, когда Щёлоков вдруг задавал мне вопросы о каких-то моих действиях, казавшихся ему неверными, о каких-то моих решениях, с которыми он не соглашался. Мы так устроены, что интриги у нас есть в любом аппарате, независимо от его назначения и структуры... Что же касается ревности Щёлокова, то ее еще больше усугубляли мои работоспособность, мобильность, частые поездки в командировки, желание

всё увидеть своими глазами, личные контакты с руководителями на местах. Кроме того, по долгу службы я имел достаточно хорошие отношения с руководителями служб национальной безопасности социалистических стран. С их стороны шли в общем-то неплохие отзывы о наших отношениях, и это еще больше задевало болезненное самолюбие министра. Никто за мной не шпионил, конечно, но если сказать... приглядывали ли, — то да. Приглядывали. Это было.

Конечно, Щёлокову полагалось бы взять да и объясниться со мной. Тем более он знал, что я всегда был сторонником открытого и честного диалога. Знал, но не делал этого, молчал. А когда за твоей спиной идет вся эта возня, «терки», как говорят у нас в колонии, что в переводе на русский язык означает — болтовня, то и у меня появилось к нему какое-то недоверие. Все-таки он министр. У него большой опыт работы. Я не отрицаю, что у меня могли быть ошибки, не возвожу себя в какой-то «идеал» — так тем более, казалось, надо бы нам с ним искать и находить общий язык, но это стремление, увы, было односторонним.

Генарий Попов (из статьи «Каким министром был Щёлоков?». Журнал «Милиция», декабрь 2000 г.)

...Н. А. Щелоков принял сложное, запущенное «хозяйство». Мизерные зарплаты (история повторяется), нехватка кадров, пренебрежение общества к человеку в милицейском мундире. В республиках и областях после обычных церемоний, встреч и прилюдных рапортов Николай Анисимович в своих выступлениях любил повторять слова «одного военачальника», который после обхода строя заметил: «Не знаю, как на врага, а на меня это войско наводит ужас».

Надо было что-то решительно менять.

...Трудно переоценить то, что удалось сделать Н. А. Щёлокову. При нем была открыта Академия и еще семнадцать высших учебных заведений в системе органов внутренних дел, поскольку министр и его единомышленники считали, что сотрудники милиции должны быть высокообразованными и современными. Преобразилась и сама структура министерства с учетом состояния преступности и появления новых функций. Для аналитической работы, прогнозирования, принятия управленческих решений в МВД СССР, а также на местах — в МВД, УВД и в подразделениях на транспорте были образованы штабные аппараты. Появились служба профилактики преступлений, опорные пункты охраны общественного порядка, где должны были работать участковые инспекторы. Руководители МВД исходили из того, что нужно ужесточать

борьбу с опасными преступлениями и предупреждать правонарушения там, где дело не зашло далеко. В этом смысле Н. А. Щёлоков был гуманистом. Он, например, не считал тюрьму средством исправления для подростков и не раз отмечал это в своих выступлениях. Стараниями МВД был введен институт отсрочки исполнения наказания для несовершеннолетних. При Н. А. Щёлокове стали приниматься разовые указы Президиума Верховного Совета СССР о направлении лиц, осужденных за малозначительные преступления, на строительство предприятий химической промышленности — «на химию». Позже это стало постоянной нормой. Проводилась линия на гуманизацию по отношению к женщинам-осужденным.

Любопытно, что идея создания пистолета ПСМ — меньшего калибра, чем известный табельный пистолет Макарова, родилась из гуманного желания уменьшить вред при применении оружия работниками милиции.

Особая страница — отношение министра Щёлокова и его окружения к культуре, искусству, творческой интеллигенции. В министерстве действовала установка: «Милиционер должен быть культурным, это — условие наиболее эффективного выполнения им своих функций». МВД СССР выпустило знаменитый приказ «О культурном и вежливом обращении с гражданами», в подготовке которого, кроме специалистов министерства и ученых, участвовали писатели, артисты, другие деятели культуры и искусства.

Автор этих строк, работая в свое время в Контрольно-инспекторском отделе — Оргинспекторском управлении — Штабе МВД, был ответственным секретарем Совета по творческим связям Союза писателей СССР с МВД СССР. Его председателем был Аркадий Адамов, а членами — Оскар Курганов, Александр Насибов, Виль Липатов, Юлиан Семенов. В МВД действовал также институт консультантов, в число которых входили и писатели старшего поколения — Вадим Кожевников, Юрий Бондарев и молодые «детективщики» — братья Вайнеры, Эдуард Хруцкий, Николай Леонов, Леонид Словин, Валерий Поволяев. Много кинофильмов, прозаических произведений о милиции появилось тогда на свет, делая привлекательным образ милиционера в глазах населения.

Круг творческой интеллигенции, связанной с МВД, всё расширялся. Ее представители видели желание Щёлокова и его окружения изменить милицию, сделать ее верным и умелым защитником интересов всего общества и охотно брались помогать. К удивлению и зависти других правоохранительных органов, в МВД СССР появились студия художников, ансамбль песни и пляски внутренних войск, а в Академии — университет

культуры во главе со знаменитым Арамом Хачатуряном. На глазах менялось отношение населения к милиции, рос ее престиж. И лучшим доказательством этого было то, что на службу в милицию (правда, не на рядовые должности) стали приходить отпрыски чиновников ЦК КПСС.

Как-то после выступления Сергея Михайловича Крылова в Доме литераторов мой товарищ, ученый-педагог Юрий Азаров, впоследствии писатель, сказал не без зависти:

— Знаешь, твое полицейское ведомство гораздо прогрессивнее, чем наша Академия педагогических наук.

Основания для таких слов были несомненные. Вспоминается паспортная реформа 1974 года. МВД подготовило тогда образцы паспортов без графы «национальность». Предполагалось и другое смелое новшество — отказаться от ограничений в прописке. Препоны в этом деле причиняли массу неудобств людям, порождали эксцессы. Нарушения паспортного режима образовывали состав преступления и были предусмотрены специальной статьей Уголовного кодекса. Особенно страдали те, кто после отбытия наказания не мог вернуться в семьи — в Москве, столицах союзных республик и в целом ряде других городов действовали железные правила на этот счет. Задержанный три раза за нарушение паспортного режима человек привлекался к уголовной ответственности и снова попадал в колонию. Таких были многие сотни, если не тысячи.

С предложением Министерства внутренних дел в ЦК КПСС не согласились, решение этих вопросов отодвинулось на десятилетия.

Отношения с высшей партийной инстанцией у Н. А. Щёлокова были сложные, случалась и конфронтация. Да, он мог пойти напрямик к Генеральному секретарю и доложить документ, решить какой-то вопрос. Но по каждой проблеме не находишься. К тому же после каждого такого визита увеличивалась неприязнь «обойденных» чиновников к нарушителю партийной субординации. Поэтому чаще приходилось смирять гордость и подчиняться «партийной дисциплине».

Вспоминается, как однажды мне довелось везти на согласование в ЦК КПСС текст выступления Н. А. Щёлокова по случаю празднования очередного Дня милиции. Заведующий сектором в отделе адморганов А. И. Иванов читал и хмыкал. Потом с неодобрением посмотрел на меня:

— Это что же, утверждаете, что Россия — страна повального пьянства?!

— Да нет, — по молодости бесстрашно возразил я, — тут другое написано...

Вызвавшая гнев фраза была такой: «Исследования показывают, что две

трети преступлений совершается в состоянии опьянения, следовательно, успех борьбы с преступностью в большой мере зависит от нашей борьбы с пьянством и алкоголизмом».

Не дослушав мои возражения, Иванов набрал по «кремлевке» номер, как я понял, заместителя министра Никитина:

— Константин Иванович, тут я одну вашу фразу подчеркнул. Выходит, по-вашему, что Россия — страна алкоголиков. Надо убрать. Если министр не согласится — будем докладывать Николаю Ивановичу. (Имелся в виду заведующий отделом административных органов ЦК КПСС Н. И. Савинкин.)

Вернувшись, я понес текст министру и начал докладывать ситуацию.

— Я уже знаю, — остановил меня Н. А. Щёлоков и повернулся к стоявшему рядом начальнику Штаба МВД А. Г. Лекарю. — Антон Григорьевич, все верно?

Лекарь ответил утвердительно.

— Ну что же, — произнес Николай Анисимович после паузы, как мне показалось, с легким вздохом, — придется убрать.

И еще одна мимолетная встреча в связи с подготовкой выступления во время очередной кампании по борьбе с пьянством и хулиганством. В соответствии с постановлением партии и правительства было ограничено время продажи спиртного, а также предусматривалось выпускать алкогольные напитки в крупной фасовке. В порядке эксперимента патрульно-постовая служба в некоторых областях вооружалась резиновыми палками.

— Что изменилось после введения мер? — спрашивал министр, бегло просматривая подготовленные вместе с текстом графики. — Сколько подобрано пьяных за неделю?.. Сколько помещено в вытрезвители?.. Сколько случаев хулиганства?.. Сколько людей привлечено за сопротивление работникам милиции?

Я коротко отвечал, что все остается примерно на прежнем уровне.

— Ну вот, — раздраженно заметил министр, — я им говорил, что ничего этого не надо.

Действительно, в предложениях МВД по борьбе с пьянством было всё наоборот: предлагалось увеличить количество рюмочных, продавать спиртное в обычных магазинах в мелкой фасовке.

Резиновая палка тоже была фактически навязана МВД. Министр дал на места указания действовать с величайшей осторожностью. За милиционерами, снабженными «изделием РП-60», ходили работники в штатском, смотрели, как реагируют люди. «Правда» напечатала заметку из

Орла, в которой говорилось о том, как хулиган мешал смотреть фильм, и в кинотеатр пришлось вызвать наряд милиции. Хулиган не подчинился, и тогда его огрели по спине «дубинкой» как раз в тот момент, когда в зале зажгли свет. Зрители встретили аплодисментами действия милиции! В конце концов, с учетом «требований трудящихся», резиновую палку ввели повсеместно. Этому не помешало мнение министра, подкрепленное результатами экспресс-исследования Штаба МВД. Такое исследование провел инспектор по особым поручениям Геннадий Анисимович Туманов, будущий известный ученый-юрист. Он доказывал, что палка не повлияла на показатели борьбы с мелким хулиганством, пьянством и, стало быть, оказалась бесполезной, а значит, по большому счету, вредной. А Н. А. Щёлоков долго еще, выступая в доверенных аудиториях, говорил, что резиновая палка легализовала в милиции битье...

Спустя 16 лет после назначения на пост министра внутренних дел СССР, сразу же после смерти Брежнева в 1982 году, Н. А. Щёлоков был смещен со своего поста и направлен в так называемую «райскую группу» — генеральным инспектором Министерства обороны. Это никого не удивило. Новый Генеральный секретарь ЦК КПСС Ю. В. Андропов был одним из тех, кто недолго любил Н. А. Щёлокова, и поспешил от него избавиться.

Удивительное началось потом, почти через два года. Началась шумная кампания. Будто соревнуясь, средства массовой информации дружно клеймили позором когда-то всесильного министра. Вчерашние почитатели злорадствовали, выискивали слова пообиднее, отказывая Н. А. Щёлокову и в образованности, и в культурном развитии, и во всём, что только могли придумать.

...Трудно отделаться от мысли, что с Н. А. Щёлоковым сводили счеты, ставя каждое лыко в строку. Даже в хронологии напористых действий следствия и власти виден некий психологический расчет. 6 ноября 1984 года, в канун праздника, его лишили воинского звания «генерал армии». Указ об этом напечатали в газетах 10 ноября — подгадали к Дню милиции.

Дальнейшие удары следовали один за другим. С 12 по 14 ноября проводились обыски, 7 декабря отобрали партбилет, 12 декабря — лишили звания Героя Социалистического Труда и всех государственных наград, кроме тех, которые были получены во время войны.

Павел Перевозник (из книги «О прошлом — для будущего». М., 2007)

Помню, однажды, когда я докладывал Щёлокову по вопросам своей

службы, раздался звонок, и я понял, что звонит Андропов. Я поднялся, чтобы выйти из кабинета, но Щёлоков указал жестом, чтобы я остался на месте. В разговоре Щёлоков настаивал на необходимости навести порядок в разрешении права на выезд деятелям культуры за границу. По существовавшим в то время правилам любой рядовой работник КГБ мог заблокировать выезд за границу известным мастерам культуры, а объявлять о принятом решении должны были сотрудники милиции. То есть мы берем вину на себя, а КГБ — в стороне. Щёлоков в разговоре с Андроповым сказал ему, что на днях тогда запретили выезд за границу Мстиславу Ростроповичу и его жене Галине Вишневской, и, насколько ему было известно, для этого нет никаких оснований. Кроме того, как сказал Щёлоков, такими действиями мы сами создаем почву для пополнения лиц, недовольных советскими порядками, а некоторых прямо толкаем в число диссидентов. Сами создаем диссидентов, а потом ведем с ними борьбу.

Андропов тут же ответил, что Ростроповичу отказано в выезде потому, что он защищает Солженицына, предоставив ему жилье, у него обширные связи с антисоветскими элементами, и вообще он, а особенно его жена, не заслуживают того, чтобы они представляли нашу культуру за границей. Андропов довольно прозрачно намекнул, что ему известны хорошие взаимоотношения Щёлокова с семьей Ростроповича и что Галина Вишневская выдает себя за сестру жены Щёлокова Светланы Владимировны. «Мы проверили и установили, что они сестрами не являются».

Щёлоков подтвердил, что действительно, кровными сестрами они не являются, но они поклялись, что их взаимоотношения будут строиться как родственные, как между сестрами, и ничего плохого в этом нет... Перейдя к Солженицыну, Щёлоков сказал, что мы сами создали из него мученика, человек не хотел уезжать из страны. И то, что он написал и опубликовал в стране книгу о лагерях, которая в основном соответствует действительности, и потому надо бы дать ему возможность продолжать заниматься своим творчеством в стране, а не за рубежом. В результате мы получили удар по престижу страны.

В конце разговора Андропов пообещал пересмотреть дело Ростроповича, и, как оказалось, через некоторое время ему было разрешено выехать в Англию.

В то время я не заметил ничего такого, что свидетельствовало бы о разладе взаимоотношений между Щёлоковым и Андроповым. К слову сказать, Щёлоков, узнав, что я собираюсь в командировку в Оренбург, поручил мне проверить, что сделано в УВД по выполнению его указания,

связанного с одной из просьб Ростроповича. Кроме того, Ростропович продолжал пользоваться гаражом МВД и другими бытовыми привилегиями. Из этого я сделал вывод, что Щёлоков не изменил своей позиции и чувствует себя уверенно.

Как-то Щёлоков вызвал меня к себе и дал прочесть в его присутствии некую бумагу. Это был перевод с немецкой статьи, опубликованной в журнале «Шпигель».

В статье приводились факты из личной жизни Брежнева и его семьи. Подробности указывали на то, что источником информации был человек, входящий в семью или близко связанный с членами семьи.

Мне было поручено выявить, кто распространяет эти сведения. Задача не простая, но через некоторое время работникам Главка удалось установить, что в районе Смоленской площади на одной из квартир собираются дети бывших известных военачальников, крупных руководителей страны, и частным гостем этой квартиры является дочь Брежнева Галина. Кроме советских граждан, туда приходят и иностранцы, в том числе и корреспонденты иностранных СМИ.

Дальше удалось вычислить и источник информации. Им оказалась советская гражданка, вышедшая замуж за гражданина ФРГ. При очередном приезде этой гражданки в Москву (а она часто приезжала по коммерческим делам мужа) удалось с ней переговорить, и она призналась в том, что ее элементарно подставили, она сожалеет об этом и сейчас на этой почве готовит развод с мужем. Как она рассказала, в кругу родственников мужа, а таковыми он представил присутствующих, был заведен разговор о московской жизни. Кое о чем знал и муж, который тоже посещал квартиру на Смоленской площади. Как потом оказалось, среди гостей был корреспондент журнала «Шпигель», который все разговоры записывал негласно на магнитную ленту, а после всё это выдал в печать, приукрасив многое своими вымыслами.

Всё это я доложил Щёлокову и выдвинул некоторые свои предположения по этому поводу. Щёлоков позвонил тут же Андропову с тем, чтобы вместе принять какие-то меры. Андропов согласился, и я понял из его разговора, что статью он читал и дал указание по своей линии. Щёлоков сказал, что надо бы предупредить Брежнева о появившейся статье, так как при очередном выезде за границу корреспонденты могут задать вопросы по фактам, изложенным в статье, а он окажется неподготовленным. На это Андропов ответил: «Николай Анисимович, давай не будем тревожить хозяина, этим мы испортим ему настроение».

Когда разговор закончился, Щёлоков сказал мне, что он докладывать

Брежневу не будет, сославшись на Андропова, мол, он прав...

Я считал, что отношения между Щёлоковым и Андроповым нормальные. Но, как оказалось потом, я глубоко ошибался.

А случилось следующее. По инициативе Андропова было внесено предложение в Политбюро ЦК КПСС о разработке мер по укреплению дисциплины в стране. Политбюро создало комиссию, возглавить которую было поручено Андропову. Комиссия долго работала, собирала предложения со всех ведомств, а когда материалы уже были подготовлены, Андропов уже был избран секретарем ЦК КПСС, и не без его помощи рассмотрение этих материалов было включено в повестку дня заседания Политбюро.

Вечером накануне заседания Политбюро Щёлоков был в кабинете у Брежнева и увидел эти материалы. Он высказал свое мнение, почему не следовало бы их принимать: положительное решение приведет только к ужесточению карательных мер по отношению к руководителям предприятий, которых можно будет привлекать к ответственности, в том числе и уголовной, за всякого рода нарушения государственной, финансовой, плановой дисциплины. Брежнев материалы не читал, но сообразил и даже высказал вслух: «С кем тогда я буду выполнять план пятилетки?»

Утром на заседании Политбюро Брежнев заявил, что вопрос об укреплении дисциплины в стране следует снять с обсуждения, и проговорился, что вчера вечером у него был Щёлоков, который посоветовал ему не принимать решения по этому вопросу. Характерно, что ни Андропов, ни другие члены Политбюро не стали настаивать на рассмотрении этого вопроса, все согласилось с мнением Брежнева.

Когда Щёлоков рассказал мне об этом, я высказал мнение, что ему это припомнят: состояние здоровья Брежнева ухудшается, а после него Генеральным секретарем станет Андропов, и тогда он всё равно вернется к этому вопросу. Щёлоков улыбнулся: еще неизвестно, кто раньше умрет, Андропов уже давно болеет, и сам из-за болезни не согласится взвалить на себя такую тяжелую ношу, это же приведет его к гибели.

...Чуть больше полугода пройдет после этих событий — внезапно умрет Брежнев, и Генеральным секретарем ЦК КПСС становится Андропов. И первое, что он делает, — поднимает материалы об укреплении государственной дисциплины, проводит давно намеченное им решение через Политбюро и организует работу по его исполнению.

Кирилл Столяров (из книги «Голгофа». М., 1991)

...Для выявления мотивов поведения Щёлокова чего-то явно недостает. Я долго искал отсутствующие звенья этой цепи и нашел их там, где, признаться, не ожидал — в бесхитростном рассказе человека, которого назову по имени и отчеству Василием Федоровичем (речь идет о В. Ф. Воробьеве. — С. К.). По профессии он строительный рабочий широкого профиля, а его, скажем так, конек — печи и камины. Беседовали мы не спеша, часто перескакивали с одной темы на другую, а порой настолько отвлекались, что я вынужден прибегнуть к сокращенному пересказу.

Еще в стародавние времена случай свел Василия Федоровича с известнейшим музыкантом М. Ростроповичем. Началось с того, что Василий Федорович подрядился соорудить камин на даче Ростроповичей в поселке Жуковка, за камином последовал гараж с жилой пристройкой, куда хозяева дачи впоследствии поселили писателя Солженицына, а затем там же был построен просторный зал для домашних концертов. Так деловые контакты мало-помалу превратились в доброе знакомство, и Василия Федоровича стали приглашать в Жуковку на обеды и ужины. Ходил он туда с неизменным удовольствием — еще бы, не каждому выпадает радость посидеть за одним столом с такими знаменитыми людьми, как Дмитрий Дмитриевич Шостакович, Галина Павловна Вишневская, Николай Анисимович Щёлоков, академик Кириллин Владимир Андреевич, в ту пору зампред Совмина СССР, Андрей Дмитриевич Сахаров, не говоря уж про самого Мстислава Леопольдовича, хлебосольного, необыкновенной душевности человека. Александр Исаевич Солженицын редко садился за стол, хотя его любезнейшим образом приглашали разделить компанию, но, скажем прямо, Василий Федорович об этом ничуть не сожалел — ершистого нрава писатель не нравился ему, не внушал симпатий. И сколько ни твердил Ростропович, что он не прав и что Александр Исаевич — человек выдающихся способностей, Василий Федорович остался при прежнем мнении. «Поймите, упрямец, — в свою очередь доказывал ему Щёлоков, — Солженицын восемь лет просидел ни за что, к нему можно относиться по-разному, но нельзя отрицать, что он — великий русский писатель!» А Василий Федорович всё равно стоял на своем: «Не лежит к нему душа, и баста!»

Когда Вишневскую и, в особенности, Ростроповича принялись травить за поддержку Солженицына и вынудили уехать за бугор, перед отъездом они — доброго им здоровья! — позаботились о тех, кто им помогал. Домработница Галины Павловны перешла к Светлане Владимировне Щёлоковой, а Василий Федорович, по рекомендации Мстислава Леопольдовича, был зачислен в кадры МВД. Министр присвоил ему

офицерское звание «майор» и сделал доверенным лицом в коммунально-дачной службе — отныне у Василия Федоровича были свои ключи от квартиры Щёлоковых и от служебной дачи № 1 МВД СССР в поселке Усово. Именно там в долгие осенне-зимние вечера он по-настоящему узнал Николая Анисимовича.

Рядом, на соседнем участке, находилась еще одна дача, где последовательно жили Мазуров, Кулаков, Шелест. Ничего плохого за ними Василий Федорович не замечал, люди как люди, однако постоянно бросалось в глаза, что они чурались обслуживающего персонала. Николай Анисимович держался совсем по-иному — стоило ему приехать на дачу после трудовой недели, как его тотчас обступали садовник, сестра-хозяйка и дворник. О чем бы они ни спрашивали министра, что бы у него ни просили, Николай Анисимович доходчиво растолковывал интересующие их события и помогал, чем только мог. Да и барства не проявлял — когда требовалось, к примеру, приготовить завтрак или ужин, это всегда брал на себя Николай Анисимович, в то время как Василий Федорович чувствовал себя как бы на правах гостя. В выходные дни с утра министр работал с документами, потом гулял по лесу на пару с Василием Федоровичем, а когда выпадал снег, катался с ним на лыжах...

В ту пору приключилась на даче гадостная история — там начали пропадать вещи. То недосчитаются радиоприемника, то ковровой дорожки, то — нескольких бутылок марочного коньяка: Николай Анисимович пил только по праздникам, да и то рюмку-другую, и держал его для гостей. Словом, Василий Федорович извелся — на него, понятно, никто не погрешит, но душа-то беспокойна: раз поблизости орудует вор, стало быть, надобно изловить его — и к ответу! Николай Анисимович отдал распоряжение, ребята из угрозыска обработали полы специальным составом, и вскорости попался с поличным архаровец из «девятки» — он, сукин сын, охранял соседнюю дачу. Василий Федорович без промедления доложил Щёлокову, а тот усмехнулся, снял трубку кремлевского телефона и позвонил Цвигуну, первому зампреду КГБ — они еще с Молдавии дружили. «Хлюста этого, Семен, — сказал Щёлоков, — гони в шею, а судить не стоит — может быть, еще одумается? Дадим ему шанс...»

Вот каким человеком был Николай Анисимович, земля ему пухом.

...Про государственные дела, само собой, министр с Василием Федоровичем накоротке не толковал, чего не было, того не было, но однажды на прогулке заговорил о преступлениях и наказаниях. Николай Анисимович знал, что наши исправительно-трудовые колонии ни к черту не годятся — народ там не перевоспитывают, а гнут и калечат на всю

оставшуюся жизнь. Вот потому он, Щёлоков, и внес предложение изменить карательную практику таким образом, чтобы правонарушители, получившие по приговору суда сроки до пяти лет, исправлялись не за колючей проволокой, где отношение к ним хуже, чем к скотам, а на тех же рабочих местах, где трудились до совершения преступлений. Тогда, мол, пойдет на убыль рецидивная преступность, не будут распадаться семьи, да и государству не в пример выгодней — свободный труд не чета подневольному. С этим Василий Федорович тут же согласился — с какой стороны ни глянь, мысль правильная! Прошло месяца два-три, а может, побольше, и Василий Федорович как бы между прочим полубопытствовал, как же дальше-то будет с наказаниями, по-старому или лучше? Николай Анисимович рукой махнул, а на другой день, тоже на прогулке, проронил с усмешкой: «Не поддерживали меня наверху, не хотят ничего менять, им это ни к чему...»

ВЕХИ РЕФОРМЫ (1966–1982)

Основные события

23 июля 1966 г.

Указом Президиума Верховного Совета СССР создается союзно-республиканское Министерство охраны общественного порядка СССР.

15 сентября 1966 г.

Министром охраны общественного порядка СССР назначается Николай Анисимович Щёлоков.

8 августа 1967 г.

Новый министр формулирует первые развернутые предложения по укреплению органов милиции и повышению их авторитета. В ЦК КПСС на имя генерального секретаря Л. И. Брежнева за подписью Н. А. Щёлокова поступает записка. В ней, в частности, предлагается: восстановить в министерстве подразделения по политико-воспитательной работе. Преобразовать Высшую школу МООП в академию. Разрешить министерству издавать открытую еженедельную газету, создать специализированное издательство. Повысить зарплату рядовому и младшему начальствующему составу, а среднему, старшему и высшему начсоставу восстановить выплату окладов по званию. Улучшить оснащенность органов правопорядка автотранспортом, специальной техникой и специальными средствами. Преобразовать МООП СССР в МВД СССР. Улучшить форму одежды милиции. Вместо званий «комиссар

милиции» и «генерал внутренней службы» с делением на ранги ввести специальные звания «генерал-майор милиции», «генерал-майор внутренней службы». Для укрепления дисциплины утвердить новый дисциплинарный устав и распространить на лиц начальствующего и рядового состава милиции действие Закона об уголовной ответственности за воинские преступления...

В записке отмечается, что некомплект в органах ООП на 1 августа 1967 года составляет 17 тысяч человек (6,5 процента штатной численности). Профессия не престижна: в стране за три года сменилась почти половина всего рядового и младшего начальствующего состава милиции. Основная причина — низкий уровень материального обеспечения милиционеров. «Поэтому, — отмечает министр, — в милицию идут преимущественно люди, которые не могут устроиться в других местах, с низким образовательным и культурным уровнем, не способные по-настоящему осуществлять возлагаемые на них обязанности. По этой же причине органы милиции крупных городов комплектуются, как правило, за счет жителей деревень, уровень развития которых отстает от уровня развития горожан. Низкая зарплата приводит к тому, что квалифицированные и подготовленные работники милиции переходят в другие учреждения и на предприятия, а многие рядовые работники, сознающие важность своего труда и связавшие свою жизнь с милицией, вынуждены устраиваться по совместительству сторожами, грузчиками и т. п. В этих условиях крайне важно решить вопрос о создании профессионального ядра работников милиции, без чего ее успешная деятельность немыслима. В результате текучести кадров органы милиции несут большие материальные убытки, которые ежегодно исчисляются десятками миллионов рублей».

«Следует также отметить, — продолжает министр, — что в связи с низким образовательным уровнем значительной части работников органов ООП крайне медленно внедряется в службу новая оперативная техника, а имеющаяся техника эксплуатируется неудовлетворительно. Между тем, потребность в технике растет, она становится всё более сложной и для ее использования необходимы высококвалифицированные кадры.

Трудности в деятельности органов милиции усугубляются, кроме всего сказанного, также и тем, что такое мощное средство идеологического воздействия, как печать, в ряде случаев односторонне освещает деятельность милиции, теряет чувство меры в своих критических выступлениях, не учитывает трудности в деятельности милиции и специфику ее работы. В кино, театрах, в телевизионных передачах милиция

часто является объектом высмеивания, что, разумеется, не способствует повышению ее авторитета».

Министр попросил выделить для МООП в 1968–1969 годах 6400 легковых, 4000 грузовых и специальных автомобилей, 8000 мотоциклов, 300 санитарных автомобилей (в итоге выделили 3040 легковых, 1850 грузовых автомашин и 5500 мотоциклов).

Для рассмотрения записки Щёлокова формируется комиссия Политбюро. Предложения министра нравятся далеко не всем членам этой комиссии. Например, министр обороны А. А. Гречко высказывается категорически против введения в милиции генеральских званий, преобразования Высшей школы МООП в академию, распространения на работников милиции Закона об уголовной ответственности за воинские преступления, уравнивания окладов и пенсий милиционеров с теми, которые получают военнослужащие, и т. д. Предложения Щёлокова удовлетворяют частично.

19 ноября 1968 г.

Выходит постановление ЦК КПСС и Совмина СССР «О серьезных недостатках в деятельности милиции и мерах по дальнейшему ее укреплению». В документе, подготовленном в МООП, сформулированы новые важные направления реформирования ведомства. В частности, одобрен курс на профессионализацию милицеейских служб и профилактику преступлений, повышение интеллектуального и культурного уровня работников милиции, использование современных достижений науки и методов социального управления и т. д. Вводится новая форма (дымчатого цвета с белой рубашкой). На выполнение требований постановления государство потратит 220 миллионов рублей.

25 ноября 1968 г.

Указом Президиума Верховного Совета СССР Министерство охраны общественного порядка СССР переименовывается в Министерство внутренних дел СССР.

3 декабря 1968 г.

В Москве в Колонном зале Дома союзов проходит первое всесоюзное совещание руководящих работников МВД СССР.

Такие мероприятия, ориентированные прежде всего на руководителей органов милиции городских и районных звеньев, будут проводиться ежегодно в различных городах страны. Это совещания-тренинги, в их программу входят и практические занятия по руководству деятельностью правоохранительных органов в сложной обстановке. Участник первого совещания И. Ф. Шилов, начальник райотдела милиции из Новокузнецка

(впоследствии первый заместитель министра внутренних дел), вспоминает: «Мы увидели перспективу нашей дальнейшей служебной деятельности, новое оснащение, начиная с форменной одежды и технических средств. Это было особенно интересно, ведь у наших сотрудников, по существу, кроме фотоаппарата и небольшой сумочки ничего не было. А нам продемонстрировали и следственную сумку, и оперативную... Для нас в столице была предусмотрена и культурная программа».

7 февраля 1969 г.

Рождается новая структура министерства, которая в общих чертах существует и поныне. Она утверждается постановлением Совета министров СССР.

Вместо Главного управления милиции образуются несколько самостоятельных управлений и главков, устроенных по «отраслевому» принципу, а именно: Управление административной службы милиции (на правах главного), Управление уголовного розыска (на правах главного), Управление БХСС (на правах главного), Управление ГАИ, Управление транспортной милиции, Управление специальной милиции. Кроме того, в состав МВД входят: Главное управление исправительно-трудовых учреждений, Главное управление лесных исправительно-трудовых учреждений (Главспецлес), Главное управление внутренних войск, Главное управление пожарной охраны, Главное управление материально-технического и военного снабжения, Следственное управление (на правах главного), Организационно-инспекторское управление (на правах главного), Отдел политико-воспитательной работы, Управление кадров (на правах главного), Управление вневедомственной охраны, Управление учебных заведений, Оперативно-техническое управление, Финансово-плановое управление (на правах главного), Управление капитального строительства, Управление медицинской службы, Хозяйственное управление, Военно-мобилизационный отдел, 1-й спецотдел, 2-й спецотдел, Отдел спецперевозок, Управление делами.

3 июня 1969 г.

За подписью министра выходит приказ «О вежливом и внимательном отношении работников милиции к гражданам».

В этом примечательном документе говорится: «Сотрудник милиции обязан быть вдумчивым и осмотрительным, осуществляя данные ему законом полномочия, объективным в пресечении противоправных действий... Сотрудник милиции всегда стоит на страже порядка и призван в любой момент прийти на помощь человеку, попавшему в беду. Граждане обращаются за помощью в милицию и верят, что помощь им будет оказана.

Особенно следует обращать внимание в разговоре и общении с детьми, подростками и престарелыми людьми. Сотрудник милиции обязан следить за культурой своей речи и своим внешним видом, быть по-военному подтянутым и строгим в соблюдении формы одежды. Повседневная деятельность милиции протекает на виду у населения, и авторитет во многом зависит от поведения ее сотрудников при обращении с людьми. Поэтому надо сделать всё для того, чтобы понятие и представление о милиции у населения было связано только с честью, культурностью, вежливостью, законностью».

В эти годы в МВД издаются немало приказов, распоряжений этико-воспитательного свойства, направленных на то, чтобы поднять моральный дух сотрудников милиции, развить в них самоуважение, улучшить отношение к ним населения. Можно упомянуть приказы о соблюдении правил ношения установленной формы одежды и взаимной отдачи чести при встрече сотрудников милиции и военнослужащих (10 апреля 1969 г.); об утверждении нагрудного знака «Отличник милиции» (14 ноября 1969 г.). Милиционерам вменялось в обязанности бороться с правовой неграмотностью населения: согласно приказу «О мерах по улучшению правового воспитания трудящихся» (15 сентября 1970 г.), МВД и его органы на местах были обязаны пропагандировать правовые знания и прививать гражданам глубокое уважение к законам, вести прием населения и рассматривать жалобы, более решительно пресекать нарушения закона со стороны самих сотрудников милиции. 15 июня 1971 г. издается приказ «Об улучшении нравственного и эстетического воспитания слушателей и курсантов высших и специальных средних учебных заведений МВД СССР». Распространение получает заключение соглашений о культурном шефстве творческих организаций над органами внутренних дел.

Декабрь 1970 г.

В МВД появляются новые подразделения: ночная милиция и автопатрульная служба (в составе вневедомственной охраны). Место сторожей и обходчиков с допотопным вооружением и свистками занимают кадровые милиционеры. Последним вменяется в обязанности охрана объектов и общественного порядка в районе постов. В стране начинаются активная разработка и внедрение средств охранно-пожарной сигнализации, технической защиты. Граждане получают возможность ставить свои жилища «на кнопку», что и поныне считается самой надежной защитой от квартирных воров.

В 1970 году начинается использование служебных собак в наружной службе милиции (после изучения опыта полиции ГДР).

2 июля 1971 г.

В структуре МВД СССР создаются подразделения милиции и следствия на воздушном транспорте. Назревшая мера: воздушный терроризм, попытки захвата самолетов становятся мировой проблемой.

Через два года впервые в истории СССР в мирное время сотрудник милиции удостоится звания Героя Советского Союза. Старший лейтенант Александр Попрядухин проявит героизм при штурме захваченного бандитами самолета, следовавшего рейсом Москва — Брянск.

7 декабря 1972 г.

Утверждается первое Положение о Штабе МВД СССР. Штаб определяется как орган управления, подчиняющийся непосредственно министру и призванный организационно обеспечивать подготовку и претворение в жизнь управленческих решений руководства ведомства.

В Положении о штабе записано: «Штаб должен активно добывать необходимую информацию об оперативной обстановке, следить за ее достоверностью и быстро разрабатывать проекты управленческих документов, принимая меры к тому, чтобы они были предельно краткими, ясными и содержали сумму конкретных мероприятий, обеспечивающих решение того или иного вопроса. Основные усилия Штаб должен сосредоточивать на живой организаторской работе. Все предложения Штаба должны базироваться на реальных возможностях органов внутренних дел».

В составе нового органа управления — главная инспекция и семь отделов: организационно-аналитический, оперативный (включая дежурную часть МВД СССР), организационно-зональный, организационно-научный, организационно-штатный, нормативно-уставный, внешних сношений. В подчинение штабу передаются Главный научно-исследовательский центр управления и информации (позднее — Главный информационный центр) и созданный в 1973 году организационно-методический центр МВД СССР по передовому опыту.

Фактически штабные функции в министерстве начиная с 1967 года выполняют Контрольно-инспекторский отдел, а затем Организационно-инспекторское управление. В июне 1969 года в Ленинграде проводится всесоюзное совещание — семинар начальников штабных аппаратов. В ОИУ начинают заниматься проблемами научного прогнозирования и перспективного планирования развития органов внутренних дел. Обучению основам планирования был посвящен всесоюзный семинар, проведенный в Москве в мае 1970 года. В сентябре 1971 года на базе оргинспекторских аппаратов в МВД создаются штабы. В августе 1973 года

начинают действовать Высшие курсы штабных работников.

12 ноября 1973 г.

На базе Высшей школы милиции создается Академия МВД СССР (с 1997 года — Академия управления МВД России). Ее начальником становится С. М. Крылов. В сентябре 1974 года в академии приступает к занятиям первый набор слушателей. Через несколько лет в составе этого ведущего учебно-научного центра МВД — три факультета, в которых готовят руководящие кадры для аппаратов МВД, УВД, горрайорганов и исправительно-трудовых учреждений, а также Высшие академические курсы, Московский филиал заочного обучения, Ленинградские курсы штабных работников, очная и заочная адъюнктуры...

Вплоть до конца 1960-х годов сотрудник с очным высшим образованием — редкость для органов внутренних дел. Так, в 1970 году в уголовном розыске только 40,7 процента сотрудников имели среднее специальное образование, высшее — 15,4 процента; большинство сержантов и рядовых, половина участковых инспекторов имели за плечами лишь начальную школу. При Щёлокове принимаются энергичные меры по развитию ведомственной системы подготовки кадров милиции. В 1966–1970 годах в МВД появляются шесть вузов, пять средних школ и училищ, 16 школ и учебных пунктов для первоначальной подготовки. Доля следователей с высшим юридическим образованием возрастает с 50 до 64 процентов. Пятилетний перспективный план МВД СССР на 1971–1975 годы предусматривает дальнейшее развитие системы обучения. Это дает свои плоды. Так, к началу 1980-х 78 процентов сотрудников уголовного розыска страны имеют высшее и среднее специальное образование. Всего в бытность министром Н. А. Щёлокова в МВД СССР, помимо академии, создаются 17 высших учебных заведений, десятки школ подготовки младшего и среднего начальствующего состава. Эти меры сопровождаются разработкой программ обучения, изданием учебно-методической литературы.

15 марта 1974 г.

В аппаратах уголовного розыска внутренних дел появляется новая служба — профилактическая. Событие большой важности для всей деятельности Н. А. Щёлокова.

В Главном управлении УР возникает соответствующее управление с двумя отделами: индивидуальной и общей профилактики. Задачи предупреждения преступлений возлагаются и на другие подразделения органов внутренних дел, такие как БХСС, ГАИ, патрульно-постовая служба.

Многие элементы системы профилактики к тому времени уже сложились и прошли проверку: детские комнаты милиции, штабы добровольных народных дружин, участковые службы. В июле 1973 года коллегия МВД одобряет создание на базе жэков опорных пунктов милиции, в составе которых работают участковые инспекторы, штабы ДНД, товарищеские суды, домовые комитеты, детские комнаты милиции.

В 1977 году вместо детских комнат милиции, действовавших на общественных началах, создаются инспекции по делам несовершеннолетних. Как и участковые службы, они включаются в состав уголовного розыска.

В 1975–1982 годах предпринимаются все новые усилия по развитию системы профилактики преступлений, что отражается в целом ряде нормативных актов, таких как: «Об организации работы инспекций по делам несовершеннолетних...» (21.02.1978); «Об оказании содействия в бытовом и трудовом устройстве лицам, отбывшим наказание...» (2.09.1977) и множестве других.

1 октября 1974 г.

Вводится новая паспортная система. Отныне каждый гражданин СССР, достигший шестнадцатилетнего возраста, имеет право получить бессрочный паспорт гражданина Страны Советов. Устранена существовавшая с 1932 года правовая дискриминация значительной части населения, прежде всего — сельского. Суть события многие так и понимали: «Колхозникам дали паспорта».

Еще в 1964 году в МООП разработали проект положения о паспортной системе. Авторы этого документа предлагали отменить в новом удостоверении личности такие пункты, как «национальность», «социальное положение», «на основании каких документов выдан», «отношение к воинскому учету», устранить ограничения по прописке для отбывших наказание в виде лишения свободы. По этому проекту подлежало паспортизации также сельское население, но это нововведение тогда отклонили. Подобные попытки не раз предпринимало и новое руководство министерства в последующие годы. Наконец ряд из них увенчался успехом. С 1 января 1976 года территориальные органы внутренних дел повсеместно стали выдавать гражданам паспорта нового образца. Статистика МВД утверждает, что в ходе этой процедуры милиционеры выявили 1660 преступников и шесть тысяч неплательщиков алиментов.

21 июня 1977 г.

В МВД СССР создается 5-е Главное управление (служба по

исполнению наказаний, не связанных с лишением свободы).

Ранее, в 1974 году, в уголовном законодательстве по инициативе МВД появился такой вид наказания, как условное осуждение на срок от одного года до трех лет с обязательным привлечением к труду. С февраля 1977 года стали создаваться колонии-поселения для осужденных за преступления, совершенные впервые и по неосторожности (раздельно с этой категорией в колониях-поселениях содержались лица, переведенные из обычных ИТУ). Советская уголовно-исправительная политика гуманизируется. Но очевидна и экономическая подоплека принятых мер.

1978 г.

Чрезвычайно насыщенный год для внутренних войск МВД. Начинают создаваться региональные управления — по Дальнему Востоку и Восточной Сибири (в них появляются части по охране искусственных сооружений), далее в других регионах, от Западной Сибири до Северного Кавказа. В дивизии имени Ф. Дзержинского формируется рота спецназа, на базе которой вскоре возникнет отряд антитеррора «Витязь». Создаются авиационные и морские подразделения...

Н. А. Щёлоков во все годы своей деятельности много внимания уделял строительству внутренних войск. В 1968 году после длительного перерыва постановлением правительства им вернули войсковую организационную структуру и наименования (дивизия, полк, батальон, рота, взвод вместо, соответственно, отдела, отряда, дивизиона, команды, группы), что повысило их авторитет. Тогда же моторизованные части ВВ подключились к охране общественного порядка. В мае 1968-го Главное управление внутренних войск возглавил деятельный и творческий начальник — Иван Кириллович Яковлев, который проработает на этом посту 18 лет. Во многом благодаря ему к началу 1980-х годов казарменные помещения ВВ переместились из бараков в благоустроенные военные городки. И в них применялись передовые методы хозяйствования — развивались подсобные хозяйства, поставляющие на солдатский стол широкий набор продуктов. В штабе войск были созданы подразделение автоматизированного управления войсками, конструкторское бюро, разрабатывающее инженерно-техническое оборудование. В 1980 году министр «пробьет» присвоение И. К. Яковлеву звания генерала армии — уравнивает по званию с собой.

Внутренние войска очень пригодятся при обеспечении безопасности массовых мероприятий, таких как XXII Олимпийские игры в Москве, международные молодежные фестивали. Однако особенно важную роль они сыграют позднее — в период обострения межнациональных конфликтов, во время черныбыльской аварии.

В 1978 году в ведение следственного аппарата МВД из прокуратуры передаются преступления, совершенные несовершеннолетними, — важное событие в истории взаимоотношений двух ведомств.

Еще при министре В. С. Тикунове Указом Президиума Верховного Совета СССР от 6 апреля 1963 года в органах милиции был воссоздан следственный аппарат, упраздненный несколькими годами ранее. В его ведении — расследование общеуголовных преступлений. После 1968 года, когда в милиции ввели доплаты за звания, в органы внутренних дел пришло немало грамотных сотрудников прокуратуры. По словам заслуженного юриста РФ В. Ф. Статкуса, вскоре основные показатели соблюдения законности (количество незаконных арестов, дел, возвращенных на доследование, и т. д.) в МВД стали лучше, чем в надзирающем органе. Решение 1978 года, принятое вопреки мнению генерального прокурора СССР Р. А. Руденко, многими было воспринято как большая аппаратная победа Н. А. Щёлокова, свидетельство его далеко идущих амбиций. Однако Владимир Францевич поясняет: дело совсем не в амбициях министра.

В. Ф. Статкус: «Нет логики в том, что функции следствия и надзора за следствием находятся в ведении одного органа — прокуратуры, это не Щёлоков придумал. Кроме того, мировой опыт доказывает, что наиболее эффективно раскрываются преступления, когда следственный, оперативно-розыскной и экспертно-криминалистический аппараты принадлежат к одному ведомству. Примерно раз в два года мы (до 1975 года Владимир Францевич возглавлял следственную часть МВД. — С. К.) проводили конференции лучших следователей страны. На них, в частности, звучали такие примеры: происходит кража из ларька, продавщицу допрашивают дознание, следователь милиции, затем, когда выясняется, что среди преступников есть несовершеннолетние, — следователь прокуратуры, далее — судья, итого — четыре раза одних и тех же лиц допрашивают по одному делу, раскрытие идет в статистику и МВД, и прокуратуры. Несколько лет продолжались такие обсуждения. И только когда наши специалисты всё взвесили, министр обратился в отдел административных органов ЦК с предложением передать все дела по несовершеннолетним, в том числе убийства, в ведение милиции. При чем тут аппаратные игры? На министра давило мнение нашего сообщества. Кстати, примерно через год в Смоленске прошло совещание по этому вопросу, в нем участвовали заместитель генерального прокурора, заместитель председателя Верховного суда. Они также согласились, что это было правильное решение».

Считая следователя ключевой фигурой в раскрытии преступления, Н. А. Щёлоков однажды предпринял нестандартный ход: произнес доклад «Слово о следователе», который записала фирма «Мелодия». Пластинки с этой записью были разосланы по подразделениям МВД. В. Ф. Статкус: «Никто ни до, ни после Николая Анисимовича таких проникновенных слов о нашей профессии не говорил. От следователя зависит судьба человека — основная мысль его выступления».

Ноябрь 1979 г.

Состоялась премьера телефильма «Место встречи изменить нельзя», снятого режиссером С. Говорухиным по сценарию А. и Г. Вайнеров с В. Высоцким в главной роли. Это событие можно считать знаковым в контексте «культурной революции», которая проходила в ведомстве с конца 1960-х годов. МВД стало главным заказчиком художественных произведений о милиции.

1979–1982 гг.

Среди новых важных задач Министерства внутренних дел этого периода — обеспечение правопорядка на Олимпийских играх в Москве, участие в операции в Афганистане...

О «повестке дня» для МВД на конец 1970-х Н. А. Щёлоков писал в своем дневнике (2.01.1977): «Было время, когда мы сэкономили на всем с тем, чтобы создать новые службы и новые структурные подразделения в органах внутренних дел. Нам надо было создать штабные подразделения, службу профилактики, ночную и транспортную милицию, постоянные дежурные части, вычислительные центры, восстановить и увеличить численность участковых инспекторов. Если бы мы своевременно не сделали этого и не перестроили всю организацию управления, мы бы потеряли время и не справились с задачами, поставленными партией, правительством и народом. Теперь на повестку дня встает вопрос дальнейшего совершенствования деятельности уголовного розыска — основной силы в комплексной борьбе с преступностью».

В МВД появляются новые подразделения — по борьбе с преступлениями в сфере антиквариата, незаконным оборотом наркотиков и др. Появляется прообраз структуры по борьбе с организованной преступностью — оперативно-розыскная часть (ОРЧ) в управлении БХСС. Последняя крупная операция этого подразделения и фактически последняя в практике министра Н. А. Щёлокова — изъятие семи миллионов рублей у «цеховика» из Грузии в результате сложной, многоходовой комбинации.

18 декабря 1982 г.

Николая Анисимовича Щёлокова освобождают от должности

министра внутренних дел СССР.

РУКОВОДИТЕЛИ ОРГАНОВ ВНУТРЕННИХ ДЕЛ РОССИИ — СССР

Министры внутренних дел России

1. Кочубей Виктор Павлович (1768–1834)

Министр внутренних дел с сентября 1802-го по ноябрь 1807-го и с ноября 1819-го по июнь 1823 года.

Племянник председателя Коллегии иностранных дел А. А. Безбородко, правнук знаменитого соратника Петра I — Василия Леонтьевича Кочубея, героя пушкинской «Полтавы». Один из ближайших друзей Александра I, входивший в так называемый «негласный комитет», где готовились проекты реформ. В 1792–1797 годах — полномочный посол в Турции. С 1798 года — вице-канцлер. В 1801–1802 годах возглавляет Коллегию иностранных дел. Один из авторов проекта создания в России министерств. Став первым в истории России министром внутренних дел, привлекает к работе М. М. Сперанского, вместе они формируют структуру нового ведомства. Инициатор издания «Санкт-Петербургского журнала», в котором публикуются, в частности, отчеты МВД. В 1807 году выходит в отставку из-за несогласия с внешнеполитическим курсом Александра на сближение с наполеоновской Францией. В 1812 году в числе пяти наиболее авторитетных государственных деятелей России участвует в выборе кандидатуры главнокомандующего российскими армиями. После упразднения Министерства полиции вновь назначается министром внутренних дел. Повторно выходит в отставку в 1823 году — во многом из-за противоречий с императорским фаворитом А. А. Аракчеевым. С 1827 года до конца жизни князь Кочубей является председателем Комитета министров и председателем Государственного совета. Как ближайший соратник Александра I увековечен на памятнике «Тысячелетие России» в Новгороде.

2. Куракин Алексей Борисович (1759–1829)

Министр внутренних дел с октября 1807-го по март 1810 года.

Юриспруденцию изучал в Лейденском университете. В 1796–1798 годах — генерал-прокурор Сената. С 1802 года — генерал-губернатор Малороссии. Назначение Куракина министром во многом связано с тем,

что он являлся сторонником русско-французского союза, против чего выступал его предшественник Кочубей. Стремился расширить функции ведомства: по его инициативе в МВД появляется Главное правление мануфактур, в ведение министерства передаются «человеколюбивые заведения» — дома призрения, детские приюты. В начале 1810 года Александр I отправляет Куракина с дипломатическим поручением в Париж. В его отсутствие происходит реорганизация министерств по проекту Сперанского (начинавшего свою карьеру секретарем князя Куракина), из МВД выделяется Министерство полиции. Вернувшись из Парижа, глава ведомства подает в отставку. С 1826 года Куракин — канцлер Российских орденов. Входил в состав Верховного уголовного суда по делу декабристов.

3. Козодавлев Осип Петрович (1754–1819)

Министр внутренних дел с марта 1810-го по июль 1819 года.

В молодости дружил с А. Н. Радищевым. Член Российской академии наук (Академия русского языка и словесности). Редактировал альманах «Собеседник любителя русского языка», активно участвовал в составлении академического словаря русского языка, руководил изданием сочинений М. В. Ломоносова. Автор проектов открытия в России новых университетов и народных училищ. Будучи товарищем министра внутренних дел при А. Б. Куракине, после отъезда последнего за границу фактически руководил ведомством. В записке на имя царя критиковал установившийся в министерствах бюрократизм, «огромную и часто бесцельную переписку, при которой министр превращается в делопроизводителя». Сотрудничал с М. М. Сперанским при подготовке реорганизации министерств в 1810–1811 годах. При Козодавлеве МВД управляет хозяйственной жизнью страны; полицейские функции выполняет недолго существовавшее Министерство полиции. Козодавлев очень много сделал для развития промышленности в России. В 1816 году временно исполнял обязанности министра юстиции, а в 1818-м — министра народного просвещения. Переводчик и автор ряда произведений по вопросам экономики, литературы и государственного управления.

4. Голицын Александр Николаевич (1773–1844)

Министр внутренних дел с августа по ноябрь 1819 года.

В 1805-м — обер-прокурор Святейшего синода. В 1816 году князь Голицын возглавляет Министерство народного просвещения, которое в дальнейшем преобразовывает в Министерство духовных дел и народного просвещения. Инициатор создания «Попечительского о тюрьмах общества» (одной из первых подобных организаций в Европе). В задачи общества входило «нравственное исправление преступников и улучшение состояния

заклученных». Временно управлял Министерством внутренних дел. В 1824 году назначен директором почтового департамента.

5. Кампенгаузен Балтазар Балтазарович (1772–1823)

Министр внутренних дел с июня по август 1823 года.

В 1803–1805 годах — директор медицинской экспедиции МВД, руководившей системой здравоохранения в стране. С 1805 года — градоначальник Таганрога. В 1809–1811 годах — государственный казначей. Соратник М. М. Сперанского. В 1811 году стал первым руководителем Государственного контроля в России. В 1817 году входил в комиссию, исследовавшую злоупотребления при снабжении русской армии провиантом. Назначение Кампенгаузена министром внутренних дел объясняли его участием в разработке фактически не осуществившейся реформы губернского управления. Успел подготовить и издать Положение о приказах общественного призрения, в ведении которых находились больницы, дома для неизлечимых больных, дома для сумасшедших, смирительные и сиротские дома. Пост министра внутренних дел оставил из-за серьезной травмы, повлекшей его болезнь и смерть.

6. Ланской Василий Сергеевич (1754–1831)

Министр внутренних дел с августа 1823-го по апрель 1828 года.

Во время войн с Наполеоном генерал-интендант, главноуправляющий продовольственным снабжением армии. С 1815 года руководил российской администрацией в герцогстве Варшавском, преобразовывая его в царство Польское. Назначение Ланского министром внутренних дел современники объясняли влиянием Аракчеева, не заинтересованного в «сильном человеке» на этом посту. Реально ведомством управлял его заместитель Д. В. Дашков. При Ланском из МВД выводится Особенная канцелярия, выполнявшая функции политической полиции, которая переводится в состав Третьего отделения Императорской канцелярии. Вышел в отставку по болезни и старости. В последние годы жизни возглавлял комиссию по делам строительства Исаакиевского собора.

7. Закревский Арсений Андреевич (1783–1865)

Министр внутренних дел с апреля 1828-го по октябрь 1831 года.

Участник войн со Швецией, Францией. Отличился в важнейших сражениях Отечественной войны 1812 года, Заграничного похода русской армии. С 1815 года — генерал-адъютант Александра I, первый дежурный генерал Главного императорского штаба. В 1823 году назначается генерал-губернатором Финляндии. На посту министра внутренних дел борется со злоупотреблениями чиновников. Поборник воинской дисциплины в министерстве. Подал в отставку после того, как получил замечание от

Николая I за то, что не принял действенных мер по борьбе с эпидемией холеры. Другая вероятная причина — противоречия с главноуправляющим Третьим отделением Императорской канцелярии А. Х. Бенкендорфом. С 1848 по 1859 год — московский генерал-губернатор. Выступал против отмены крепостного права.

8. Блудов Дмитрий Николаевич (1785–1864)

Министр внутренних дел с февраля 1832-го по февраль 1839-го.

Долгое время находился на дипломатической службе, в частности, в Швеции и Великобритании. Племянник Г. Р. Державина. Увлекается литературой, в 1815 году активно участвует в деятельности литературного общества «Арзамас». По завещанию Н. М. Карамзина готовит к изданию последний том «Истории государства Российского». По поручению Николая I готовит официальное сообщение о событиях 14 декабря 1825 года, затем назначается делопроизводителем Верховной следственной комиссии по делу декабристов. С 1826 года — товарищ министра народного просвещения. В 1830–1831 годах и в 1838 году возглавляет Министерство юстиции. Став министром внутренних дел, включает в состав МВД Департамент духовных дел иностранных исповеданий. Под его руководством подготовлено и в 1837 году введено Положение о земской полиции, в котором более четко определялись компетенция и функции сельской полиции. Инициатор издания во всех губерниях официальной газеты «Губернские ведомости». Создает в министерстве статистическое отделение. В 1839–1862 годах руководит Вторым отделением Императорской канцелярии, которая занималась подготовкой и кодификацией законов. Под руководством Блудова выходят два издания Свода законов Российской империи (1842, 1857), а также «Уложение о наказаниях» (1845). Участвует в работе Секретного комитета по подготовке крестьянской реформы, один из инициаторов судебной реформы 1864 года. В 1855–1864 годах является президентом Императорской Академии наук. В 1862–1864 годах — председатель Государственного совета и Комитета министров.

9. Строганов Александр Григорьевич (1795–1891)

Министр внутренних дел с марта 1839-го по сентябрь 1841 года.

Участник Заграничного похода русской армии 1813–1814 годов. Генерал-адъютант Николая I, зять В. П. Кочубея. В 1831 году после подавления Польского восстания назначен членом правления царства Польского. С 1834 года — товарищ министра внутренних дел. В 1836–1838 годах является генерал-губернатором Черниговской, Полтавской, Харьковской губерний. В должности министра внутренних дел ничем себя

не проявил. Покровительствовал молодому А. И. Герцену, принял его на службу в канцелярию МВД. Ушел в отставку, почувствовав недовольство императора его деятельностью на посту министра. С 1854 года — генерал-губернатор Санкт-Петербурга, в 1855–1864 годах — новороссийский и бессарабский генерал-губернатор. В оставшиеся годы жил в Одессе, где был председателем местного общества истории и древностей российских.

10. Перовский Лев Алексеевич (1792–1856)

Министр внутренних дел с сентября 1841-го по август 1852 года.

Участник Отечественной войны 1812 года и Заграничного похода русской армии. Привлекался к делу декабристов, но был полностью оправдан. С 1823 года — в Коллегии иностранных дел. В 1826–1841 годах — вице-директор департамента, заместитель министра императорского двора и уделов. Будучи министром внутренних дел, активно участвовал в подготовке отмены крепостного права, входил в секретные комитеты, учрежденные Николаем для подготовки крестьянской реформы. Перовский усилил контроль МВД за деятельностью его местных органов. В 1847 году провел масштабную ревизию полиции в 27 губерниях и только в трех из них признал ее состояние удовлетворительным. Активно боролся со злоупотреблениями в полиции Петербурга и Москвы. Предлагал упразднить Третье отделение Императорской канцелярии, передав его функции в МВД. В 1852 году назначен министром уделов и управляющим императорским кабинетом. Одновременно является управляющим Академией художеств и председателем комиссии по строительству Исаакиевского собора в Петербурге. Собрал большую коллекцию старинных русских монет, хранящуюся ныне в Эрмитаже.

11. Бибииков Дмитрий Гаврилович (1792–1870)

Министр внутренних дел с августа 1852-го по август 1855 года.

Герой Бородинского сражения, в котором потерял левую руку. Вице-губернатор и губернатор ряда губерний. С 1824 по 1835 год — директор Департамента внешней торговли Министерства финансов (курировал таможеню). Активно боролся со злоупотреблениями в таможенной службе. С 1837 года — киевский губернатор и одновременно генерал-губернатор волынский и подольский. Став министром внутренних дел, усовершенствовал систему рекрутского набора в армию. В 1853 году создал в МВД Центральный статистический комитет с подразделениями в регионах. Поощрял применение полицейских мер против старообрядцев, усилил контроль за деятельностью неправославных религиозных организаций. Был членом Главного попечительского комитета детских приютов. Имел репутацию типичного «николаевского бюрократа». При

Александре II отправлен в отставку как не соответствовавший духу времени. Обладал огромной библиотекой, 14 тысяч томов которой его дочь передала в 1901 году Киевскому университету.

12. Ланской Сергей Степанович (1787–1862)

Министр внутренних дел с августа 1855-го по апрель 1861 года.

Племянник министра внутренних дел В. С. Ланского. В молодости входил в декабристскую организацию Союз благоденствия, руководил одной из масонских лож в Петербурге до их запрещения. В 1830–1834 годах — костромской, затем владимирский губернатор. Вице-президент Попечительского о тюрьмах общества. Главной своей задачей считал подготовку отмены крепостного права. При разработке крестьянской реформы показал себя гибким, опытным, умелым государственным деятелем. Был сторонником наделения бывших крепостных усадебной и пахотной землей. По воспоминаниям писателя П. Мельникова (А. Печерского), служившего чиновником по особым поручениям при Ланском, министр умел выслушивать подчиненных и «никогда не держал зла на спорящего». Ушел в отставку по состоянию здоровья.

13. Валуев Петр Александрович (1814–1890)

Министр внутренних дел с апреля 1861-го по март 1868 года.

С 1834 года участвовал в подготовке законопроектов под руководством М. М. Сперанского. В 1853–1858 годах — курляндский губернатор. Подготовил записку «Дума русского во второй половине 1855 г.», в которой была ставшая широко известной фраза: «Вверху блеск, а внизу гниль». Критику Валуевым бюрократии поддержал Александр II. В качестве управляющего делами Комитета министров руководил проведением Крестьянской реформы 1861 года и подготовкой Земской реформы 1864 года. Под руководством Валуева проводится реорганизация управления полицией в городах и уездах. По его инициативе цензура в 1863 году переходит в ведение МВД. Один из авторов Закона о печати (1865). Уволен с поста министра из-за разногласий с главноуправляющим Третьим отделением Императорской канцелярии П. А. Шуваловым и за недостатки в организации борьбы с голодом. В 1872–1879 годах — министр государственного имущества. В 1879–1881 годах — председатель Комитета министров, одной из причин увольнения с этого поста стали выявленные на предыдущем посту злоупотребления при продаже казенных земель. После отставки занимался литературной деятельностью.

14. Тимашев Александр Егорович (1818–1893)

Министр внутренних дел с марта 1868-го по ноябрь 1878 года.

Пользовался расположением наследника престола Александра

Николаевича. В 1856 году в день его коронации назначен начальником штаба корпуса жандармов и главноуправляющим Третьим отделением Императорской канцелярии. В 1859 году командирован в Англию и Францию для изыскания мер, которые могли бы пресечь проникновение в Россию нелегальной политической литературы. С 1859 года — генерал-адъютант. В 1861 году попросился в отставку и выехал за границу. В 1863 году назначается генерал-губернатором Казанской, Пермской, Вятской губерний. С 1867 года — министр почт и телеграфов. Министром внутренних дел назначается по рекомендации фаворита царя — главноуправляющего Третьим отделением Императорской канцелярии П. А. Шувалова. При Тимашеве создаются органы всесословного самоуправления в городах, усиливается сельская полиция. В 1873 году вводится система вольного найма на службу в полицию на должности рядовых и нижних чинов, заполнявшиеся ранее отставными солдатами и унтер-офицерами. Министр, по мнению его подчиненных, не отличался особым рвением к службе. Был одаренным скульптором и рисовальщиком.

15. Маков Лев Саввич (1830–1883)

Министр внутренних дел с ноября 1878-го по август 1880 года.

С 1865 года служил в канцелярии МВД. С 1876 года — товарищ министра внутренних дел. Протеже морганатической супруги Александра — княгини Е. М. Долгорукой. По его распоряжению в 1879 году в МВД создается Главное тюремное управление. Ушел с должности в связи с предстоящей реорганизацией ведомства, стал министром почт и телеграфов. Подозревался в причастности к хищениям в канцелярии МВД, получении взяток от раскольников. Оправдаться не сумел, предположительно по этой причине покончил жизнь самоубийством.

16. Лорис-Меликов Михаил Тариелович (1825–1888)

Министр внутренних дел с августа 1880-го по май 1881 года.

Долгие годы служил на Кавказе. Командовал Отдельным кавказским корпусом в Русско-турецкой войне 1877–1878 годов, затем временно назначается генерал-губернатором Поволжья для организации борьбы с холерой. В конце 1879 года становится харьковским генерал-губернатором. Проявил себя гибким администратором, стремился привлечь на сторону правительства общественность, избегал применять особые полномочия. В 1880 году назначен председателем Верховной распорядительной комиссии по охране государственного порядка и общественного спокойствия. Добился в 1880 году упразднения Третьего отделения Императорской канцелярии. При Лорис-Меликове вся полиция и корпус жандармов передаются в МВД. Такое положение сохраняется до марта 1917 года. Став

министром внутренних дел, предложил программу изменений во внутренней политике, которая могла бы способствовать движению России к конституционной монархии. После убийства Александра II отправлен в отставку.

17. Игнатьев Николай Павлович (1832–1908)

Министр внутренних дел с мая 1881-го по май 1882 года.

В 1861–1864 годах управлял Азиатским департаментом МИДа. Затем до 1877 года — посол в Турции. Сторонник активной позиции России в освобождении славянских народов из-под турецкого ига. В 1881 году — министр государственных имуществ. В бытность руководителем МВД инициировал принятие законодательных актов, определявших порядок введения в губерниях состояния усиленной или чрезвычайной охраны (чрезвычайного положения). Подал в отставку после провала его идеи созыва Земского собора для демонстрации единства царя и народа при коронации Александра III.

18. Толстой Дмитрий Андреевич (1823–1889)

Министр внутренних дел с мая 1882-го по апрель 1889 года.

Окончил с отличием Царскосельский лицей. В 1865–1880 годах — обер-прокурор Синода, в 1865 году назначен министром народного просвещения. В 1871 году провел реформу среднего образования, в результате которой, в частности, только выпускники классических гимназий обладали правом поступления в университет. Имел большое влияние на Александра III. В МВД ввел должность третьего товарища министра, курирующего деятельность Департамента полиции и корпуса жандармов. Инициатор принятия в августе 1882 года Временных правил о печати, усиливающих цензуру. С 1882 года — президент Академии наук. Один из инициаторов создания Российского Императорского исторического общества. Автор работ по вопросам истории, права, религии.

19. Дурново Иван Николаевич (1834–1903)

Министр внутренних дел с апреля 1889-го по октябрь 1895 года.

В 1870–1882 годах — екатеринославский губернатор. Назначен министром внутренних дел как человек, способный продолжить политику Д. А. Толстого. Участвовал в подготовке правовых актов, ограничивающих права земского и городского самоуправления. Убежденный сторонник сохранения ведущей роли дворянства в жизни государства. С 1895 года и до смерти был председателем Комитета министров.

20. Горемыкин Иван Логгинович (1839–1917)

Министр внутренних дел с октября 1895-го по октябрь 1899 года.

Назначен на должность по рекомендации И. Н. Дурново. При

министре внутренних дел Горемыкине Главное тюремное управление передается в Министерство юстиции (1895), проходит перепись населения (1896). В 1898 году в Департаменте полиции создается Особый отдел для руководства агентурной деятельностью внутри страны и за границей. Сторонник решительного подавления студенческих беспорядков. Отставлен с поста министра из-за разногласий с министром финансов С. Ю. Витте, провала подготовленного в МВД проекта введения земств в западных губерниях России, а также обвинений в коррупции (подозревался, в частности, в том, что поставлял по завышенным ценам дрова из своего имения в полицейские и пожарные части столицы). В 1906 и 1914–1916 годах — председатель Совета министров. В марте 1917 года арестован Временным правительством, но летом освобожден по болезни и старости. Убит при разгроме его имения под Сочи.

21. Сипягин Дмитрий Сергеевич (1853–1902)

Министр внутренних дел с ноября 1899-го по апрель 1902 года.

Выпускник юридического факультета Санкт-Петербургского университета. В 1891–1893 годах — московский губернатор. С 1894 года — заместитель министра внутренних дел. Характеризовался Л. Н. Толстым как человек «ограниченный, легкомысленный и мало просвещенный». Деятельности Департамента полиции не уделял большого внимания. На запросы с мест, что делать в случае возникновения массовых беспорядков, давал ответ: «При внимательном, разумном и строгом отношении к делу надлежащих властей уличные беспорядки иметь место не должны». Инициатор созыва «Особого совещания о нуждах сельскохозяйственной промышленности». Убит эсером С. В. Балмашевым.

22. Плеве Вячеслав Константинович (1846–1904)

Министр внутренних дел с апреля 1902-го по июль 1904 года.

Окончил с отличием юридический факультет Московского университета. Затем работал в губерниях на прокурорских должностях. В 1880 году — прокурор Судебной палаты Петербурга. Проводил следствие по делу о взрыве в Зимнем дворце, подготовленном С. Халтуриным. В 1881–1884 годах — директор Департамента полиции МВД. С 1884 года — товарищ министра внутренних дел. По оценке современников, отличался огромной работоспособностью и готовностью к решительным действиям в отношении участников антиправительственных демонстраций (получило известность его предупреждение: «Буду сечь!»). При министре Плеве усиливается политическая полиция, в некоторых крупных городах создают розыскные отделения, создается уездная полицейская стража для укрепления местной полиции. Убит 15 июля 1904 года эсером Е. С.

Сазоновым.

23. Святополк-Мирский Петр Данилович (1857–1914)

Министр внутренних дел с августа 1904-го по январь 1905 года.

Выпускник Академии Генерального штаба. С 1895 года — пензенский, с 1897-го — екатеринославский губернатор. В 1900–1902 годах — товарищ министра внутренних дел, командующий корпусом жандармов. Осуждал проводимую при Плеве тактику внедрения полицейской агентуры в руководство политических партий. В 1902–1904 годах — генерал-губернатор западных губерний. В бытность министром внутренних дел ратовал за доброжелательное и доверительное отношение «к общественным и сословным учреждениям и населению вообще», считая при этом парламентаризм «негодным» для России. Разрешил проведение собраний земских деятелей, ослабил цензуру, расширил доступ в архивы МВД. Предлагал привлекать к деятельности Государственного совета выборных представителей от земств и городских дум, что было отвергнуто Николаем II. После событий 9 января 1905 года отправлен в отставку.

24. Булыгин Александр Григорьевич (1851–1919)

Министр внутренних дел с января 1905-го по октябрь 1905 года.

Представитель старинного дворянского рода. Выпускник Петербургского училища правоведения. В 1881–1887 годах — уездный предводитель дворянства в Рязанской губернии. С 1888 года — калужский, с 1893-го — московский губернатор. Министром внутренних дел назначен по настоянию великого князя Сергея Александровича. Готовил проект создания законосовещательной Думы («Булыгинская дума»). Вышел в отставку после манифеста Николая II о введении законодательной Думы и реорганизации правительства. С 1912 года возглавлял комитет по устройству празднования трехсотлетия царствования дома Романовых. В 1913–1917 годах руководил отделением Императорской канцелярии, курировавшей деятельность благотворительных учреждений. В 1919 году арестован рязанской Губчека и расстрелян «за реакционную политику в 1905 году».

25. Дурново Павел Николаевич (1842–1915)

Министр внутренних дел с октября 1905-го по апрель 1906 года.

Брат И. Н. Дурново. В 1884–1893 годах возглавлял в МВД Департамент полиции. Уволен с этого поста за использование секретной полицейской агентуры в личных целях. Назначен министром внутренних дел по инициативе председателя Совета министров С. Ю. Витте, который вскоре признал это своей политической ошибкой. Сторонник решительных мер при подавлении революции и противник компромиссов с умеренной

оппозицией. Активно поддерживал политику П. А. Столыпина. В 1914 году направил Николаю II записку, в которой предупреждал о возможности в России революции в случае затягивания войны.

26. Столыпин Петр Аркадьевич (1862–1911)

Министр внутренних дел с апреля 1906-го по сентябрь 1911 года.

В 1885 году окончил физико-математический факультет Санкт-Петербургского университета. В 1902 году — губернатор Гродненской, а с 1903 года — Саратовской губерний. Назначен главой МВД в правительстве И. Л. Горемыкина, с июля 1906-го совмещает этот пост с должностью председателя Совета министров. В августе 1906 года по инициативе Столыпина вводятся военно-полевые суды для участников радикальных революционных движений. Как министр внутренних дел планировал проведение реформы полиции, которая предусматривала, в частности, освобождение полиции от многих функций, не связанных с охраной общественного порядка и борьбой с преступностью, повышение жалованья полицейским, создание сети специальных учебных заведений. Во многом из-за нехватки денежных средств реформа не состоялась. По инициативе Столыпина в МВД создается подразделение по связи со средствами массовой информации — «Осведомительное бюро». С 1907 года издается первый полицейский журнал — «Вестник полиции». 11 сентября 1911 года в Киеве Столыпин был смертельно ранен эсером и агентом полиции Богровым.

27. Макаров Александр Александрович (1857–1918)

Министр внутренних дел с сентября 1911-го по декабрь 1912 года.

Окончил юридический факультет Санкт-Петербургского университета. С 1902 года — прокурор Саратовской судебной палаты. В 1906 году по настоянию Столыпина назначается товарищем министра внутренних дел, курирующим Департамент полиции. Занимается подготовкой реформы полиции и жандармерии, которая в итоге не осуществилась. Под руководством Макарова разрабатывается закон «Об организации сыскной части», принятый 6 июля 1908 года, — в стране появился уголовный сыск. На посту министра внутренних дел пытается ограничить влияние Г. Распутина на царскую семью. В январе 1912 года подвергается сильнейшей критике в Думе и печати за то, что при подавлении полицией массовых беспорядков на Ленских золотых приисках погибло много рабочих. Уволен с поста по настоянию императрицы. В 1916 году недолго был министром юстиции. В марте 1917 года арестован Временным правительством. 5 августа 1918 года расстрелян по постановлению ВЧК.

28. Маклаков Николай Алексеевич (1871–1918)

Министр внутренних дел с декабря 1912-го по июнь 1915 года.

Окончил историко-филологический факультет Московского университета. В 1902–1906 годах — директор Попечительского о тюрьмах комитета Тамбовской губернии. С 1909 года — черниговский губернатор, на этом посту проявил себя способным и твердым администратором. Министром внутренних дел назначен вопреки воле главы правительства В. Н. Коковцева, опасавшегося, что Маклаков будет конфликтовать с Государственной думой. Активно участвовал в подготовке празднования трехсотлетия дома Романовых. Для депутатов Думы, в том числе для его брата В. А. Маклакова, одного из лидеров кадетской партии, стал абсолютно неприемлемой фигурой. В марте 1917 года арестован Временным правительством, 23 августа 1918 года расстрелян по решению ВЧК.

29. Щербатов Николай Борисович (1868–1948)

Министр внутренних дел с июня по сентябрь 1915 года.

Пользовался поддержкой дворянства, имел положительную репутацию в Государственной думе. Назначен министром внутренних дел по рекомендации великого князя Николая Николаевича. На этом посту самостоятельных шагов не предпринимал. После революции находился в войсках А. И. Деникина, затем жил в эмиграции.

30. Хвостов Алексей Николаевич (1872–1918)

Министр внутренних дел с сентября 1915-го по март 1916 года.

Окончил юридический факультет Московского университета. Был вице-губернатором, губернатором Вологодской, с 1907 года — Нижегородской губерний. В 1912 году, оставив пост губернатора, стал депутатом Четвертой Государственной думы от дворянства Орловской губернии. Лидер думской фракции крайне правых. Министром внутренних дел назначен по инициативе императрицы и при поддержке Г. Распутина, при этом остался депутатом Думы. Пытался создать «Общество по борьбе с дороговизной» под эгидой МВД. Использовал агентуру Департамента полиции в личных целях. Пытался организовать физическое устранение Г. Распутина. Раскрытие планов Хвостова привело к скандалу и его отставке. После Февральской революции обвинялся в присвоении крупной суммы казенных денег. Содержался в Петропавловской крепости. Расстрелян ВЧК в сентябре 1918 года как «известный черносотенец и контрреволюционер».

31. Штюмер Борис Владимирович (1848–1917)

Министр внутренних дел с марта по июль 1916 года.

Окончил юридический факультет Санкт-Петербургского университета. С 1894 года был губернатором сначала Нижегородской, затем Ярославской

губерний. В 1902–1904 годах возглавлял Департамент общих дел в МВД. Пользовался поддержкой Г. Распутина и императрицы Александры Федоровны. В январе 1916 года назначен председателем Совета министров, а в марте 1916 года, после скандального увольнения А. Н. Хвостова, — министром внутренних дел. Был крайне непопулярен в общественных кругах. С июля 1916 года руководил Министерством иностранных дел. В ноябре 1916 года уволен со всех постов. В 1917 году арестован Временным правительством, умер в заключении в августе того же года.

32. Хвостов Александр Алексеевич (1857–1922)

Министр внутренних дел с июля по сентябрь 1916 года.

Выпускник Александровского (Царскосельского) лицея. С 1885 по 1916 год с перерывами работал в Министерстве юстиции (с 1915 года — министр). Имел репутацию «честного бюрократа». От перехода в МВД отказывался, считая это «интригой» против себя. Возглавив ведомство, пытался укрепить полицию, называя ее положение «отчаянным». Подготовил, но не осуществил проект создания военно-полицейских команд. По его инициативе готовилось постановление правительства «Об усилении полиции в 50 губерниях Империи и об улучшении служебного и материального положения полицейских чинов», принятое в октябре 1916 года. После Февральской революции неоднократно допрашивался следователями Временного правительства, но арестован не был. После Октябрьской революции выехал в Елец.

33. Протопопов Александр Дмитриевич (1866–1918)

Министр внутренних дел с сентября 1916-го по февраль 1917 года.

Выпускник Академии Генерального штаба. Крупный помещик и промышленник. Один из лидеров партии октябристов, заместитель председателя Четвертой Государственной думы, входил в «прогрессивный блок», оппозиционный правительству. По собственной инициативе вел в Швеции переговоры с представителями германских промышленных кругов о возможности заключения мира с Германией. Принял пост главы МВД вопреки запрету однопартийцев и сразу стал непопулярен. Обвинялся в связях с Г. Распутиным. После Февральской революции арестован. Расстрелян 27 октября 1918 года по приговору ВЧК.

Министры внутренних дел Временного правительства России (2 марта — 25 октября 1917 года)

34. Львов Георгий Евгеньевич (1861–1925)

Министр внутренних дел со 2 марта по 7 июля 1917 года. Окончил юридический факультет Московского университета. Долго работал в Тульской губернии, был близок с Л. Н. Толстым и разделял его взгляды. Депутат Первой Государственной думы. В годы Первой мировой войны приобрел большую известность как председатель Всероссийского земского союза помощи больным и раненым воинам. 2 марта 1917 года вместе с манифестом о своем отречении Николай II подписал указ о назначении Львова председателем Совета министров. В составе первого Временного правительства получил и пост министра внутренних дел. По словам А. И. Деникина, МВД при Временном правительстве фактически «самоупразднилось». В июле правительство Львова вышло в отставку, сам он уехал в Оптину пустынь. В феврале 1918 года в Сибири арестован ЧК, но сумел бежать (по одной из версий, был отпущен). С 1918 года — в эмиграции. В последние годы отошел от политики, живя в Париже, бедствовал, зарабатывал ремесленным трудом, писал мемуары.

35. Церетели Ираклий Георгиевич (1881–1959)

Министр внутренних дел с 10 по 24 июля 1917 года.

Сын известного писателя и общественного деятеля Грузии Г. Е. Церетели. Учился на юридическом факультете Московского университета, но за антиправительственную деятельность был исключен и сослан. Один из лидеров партии меньшевиков. С 1907 по 1917 год — на каторге и в ссылке. Временно управлял МВД в период смены состава правительства. 23 июля 1917 года издал циркуляр МВД, в котором грозил судом руководителям милиции, не подчиняющимся Временному правительству. В 1918–1921 годах входил в руководство Грузинской демократической республики. С 1921 года — в эмиграции.

36. Авксентьев Николай Дмитриевич (1878–1943)

Министр внутренних дел с 24 июля по 2 сентября 1917 года.

Из дворян. За активные антиправительственные выступления отчислен с юридического факультета Московского университета, после чего эмигрировал в Германию. Защитил докторскую диссертацию, посвященную Ф. Ницше. Входил в руководство партии эсеров. В 1905–1907 годах отбывал ссылку в Тобольской губернии вместе с Л. Д. Троцким. Пост министра внутренних дел занял по предложению А. Ф. Керенского. Успел отдать приказ об усилении борьбы с незаконными захватами крестьянами помещичьих земель, который невозможно было осуществить из-за отсутствия сельской милиции. В декабре 1917 года арестован по обвинению в подготовке вооруженного мятежа против власти, но вскоре выпущен из тюрьмы. В конце 1918 года А. В. Колчак арестовал, а затем

выслал Авксентьева за границу.

37. Никитин Алексей Максимович (1876–1939)

Министр внутренних дел с 25 сентября по 25 октября 1917 года.

Окончил юридический факультет Московского университета. Известный адвокат. Активный участник Февральской революции, один из руководителей Московского военно-революционного комитета, по распоряжению которого арестовывались представители старой власти, прежде всего полицейские и жандармы. В марте 1917 года избран начальником московской милиции. Обратился к профсоюзам, общественным организациям с просьбой рекомендовать своих представителей на работу в милицию. Одновременно запретил принимать на службу бывших полицейских, некоторое исключение делалось для сыщиков. Добился увеличения окладов для милиционеров. Во Временное правительство Никитина пригласил Керенский, хорошо знавший его по адвокатской практике. Инициатор создания комитетов общественной безопасности с очень широкими полномочиями (некоторые считали их прообразом ЧК). Накануне 25 октября 1917 года уверял, что будет подавлять любое антиправительственное выступление. 25 октября арестован, но вскоре освобожден. В 1920 году в Ростове вновь арестован, судим по обвинению в сотрудничестве с белой армией. В 1921 году амнистирован, после чего работал в хозяйственных органах. В 1939 года расстрелян.

Министры (наркомы) внутренних дел РСФСР, СССР

38. Рыков Алексей Иванович (1881–1938)

Нарком внутренних дел РСФСР с 25 октября по 4 ноября (7–17 ноября) 1917 года. Из крестьян. Учился в 1900–1901 годах на юридическом факультете Казанского университета, но не окончил его. Далее — профессиональный революционер. Назначен наркомом на II съезде Советов, занимал эту должность девять дней. Подал в отставку, поскольку был сторонником создания не чисто большевистского, а «однородно социалистического правительства». 10 ноября подписал постановление о создании милиции (эта дата отмечается как День российской милиции). В 1924–1930 годах был председателем Совета народных комиссаров СССР. 13 марта 1938 года как участник «правотроцкистского антисоветского блока» приговорен к расстрелу. Реабилитирован посмертно в 1988 году.

39. Петровский Григорий Иванович (1878–1958)

Нарком внутренних дел РСФСР с ноября 1917-го по март 1919 года.

Из ремесленников. 2,5 года учился в школе при Харьковской семинарии. Профессиональный революционер. В 1912–1914 годах депутат Четвертой Государственной думы от рабочей курии Екатеринославской губернии. При Петровском во многом произошло становление НКВД. Одной из главных задач НКВД на первом этапе была организация местных Советов и их исполкомов. Участвовал в подписании Брестского мира. В декабре 1917 года провел первое заседание коллегии НКВД РСФСР. Большое внимание уделял организации милиции и других служб НКВД, более четкому разделению их функций с ВЧК. В 1919–1938 годах — председатель Всеукраинского ЦИКа, в 1926–1939 годах — кандидат в члены Политбюро ЦК ВКП(б). С 1940 года — заместитель директора Музея революции СССР. В честь Петровского город Екатеринослав в 1926 году переименован в Днепропетровск.

40. Дзержинский Феликс Эдмундович (1877–1926)

Нарком внутренних дел РСФСР с марта 1919-го по август 1923 года.

Из мелкопоместных дворян. Учился в гимназии, которую не окончил. С 1896 года — профессиональный революционер в Польше, Литве, России. Более одиннадцати лет провел в тюрьмах, на каторге и в ссылке. Февральскую революцию встретил в Бутырской тюрьме, откуда в марте был освобожден. В 1917–1926 годах — председатель ВЧК — ГПУ — ОГПУ. В 1919 году назначен также на пост наркома внутренних дел. При Дзержинском в рамках НКВД 6 февраля 1922 года создается Государственное политическое управление (ГПУ), которому передается часть функций упраздненной ВЧК. 15 ноября 1923 года силовые органы вновь разъединяются — создается самостоятельное Объединенное государственное политическое управление (ОГПУ). С сохранением прежних постов Дзержинский в 1921 году назначался председателем комиссии при ВЦИКе по улучшению жизни детей, в 1921–1924 годах — наркомом путей сообщения, в 1924–1926 годах — председателем ВСНХ СССР. Настаивал на том, чтобы за ВЧК — ОГПУ оставили часть внесудебных полномочий даже в период стабилизации обстановки в стране, и проводил эту линию в жизнь.

41. Белобородов Александр Георгиевич (1891–1938)

Нарком внутренних дел РСФСР с августа 1923-го по ноябрь 1927 года.

Окончил начальное училище. Профессиональный революционер. В июле 1918 года, будучи председателем исполкома Уральского облсовета, подписал решение Совета о расстреле Николая II и его семьи. В 1919 году — уполномоченный Совета обороны по подавлению восстания казаков на

Дону. Заместитель начальника политуправления Реввоенсовета. С 1921 года фактически руководит НКВД, сначала как заместитель, а затем как нарком внутренних дел (назначен на должность по рекомендации Ф. Э. Дзержинского). Довольно энергично пытался наладить работу милиции в трудное для нее время. Милиция находилась на местном бюджете, была плохо оснащена и вооружена, ее численность в 1925 году по сравнению с 1921-м сократилась в шесть раз. В 1927 году снят с должности наркома как «активный участник троцкистской оппозиции», исключен из РКП(б), отправлен в ссылку. В 1929 году возвращен из ссылки, восстановлен в РКП(б), назначен уполномоченным Комитета заготовок при правительстве в Ростовской области. В 1936 году вновь арестован. Расстрелян в 1938 году. Реабилитирован посмертно в 1958 году.

42. Толмачев Владимир Николаевич (1887–1937)

Нарком внутренних дел РСФСР с января 1928-го по январь 1931 года.

В 1904 году, будучи учащимся костромской гимназии, вступил в РСДРП. В июне 1918 года как военный комиссар Новороссийска участвовал по приказу В. И. Ленина в затоплении кораблей Черноморского флота во избежание их сдачи Германии. На пост наркома внутренних дел назначен с должности заместителя председателя Северо-Кавказского крайисполкома. При Толмачеве упраздняются НКВД союзных и автономных республик, руководство милицией перешло к ОГПУ. В 1932 году обвинен в создании антипартийной группировки и заключен в спецлагерь сроком на три года. В 1937 году арестован и расстрелян. Реабилитирован посмертно в 1962 году.

43. Ягода Генрих Григорьевич (1891–1938)

Нарком внутренних дел СССР с июля 1934-го по сентябрь 1936 года.

Активный участник Октябрьской революции. С 1920 года — член президиума ВЧК, с 1924-го — заместитель председателя ОГПУ. В июле 1934 года упразднено ОГПУ и образован НКВД СССР, в состав которого вошли главки госбезопасности, милиции, пограничных и внутренних войск, пожарной охраны, исправительно-трудовых лагерей. В 1935 году Ягоде присвоено звание генерального комиссара государственной безопасности, соответствующее по статусу званию «Маршал Советского Союза». В НКВД создается орган внесудебной расправы — Особое совещание, имевшее право осуществлять высылку, ссылку, заключение в лагеря, а позднее — и применять высшую меру наказания. Значительно расширяется система лагерей и колоний. После отстранения от должности руководителя НКВД Ягода был наркомом связи. Арестован в апреле 1937 года. Расстрелян. Вместе с Ягодой были репрессированы 15 его близких

родственников.

44. Ежов Николай Иванович (1895–1940)

Нарком внутренних дел СССР с сентября 1936-го по декабрь 1938 года.

Окончил начальную школу. Член коммунистической партии с 1917 года. С 1922 года — секретарь Марийского обкома ВКП(б), Семипалатинского губернского, Казахского краевого комитетов ВКП(б). В 1929–1930 годах — заместитель наркома земледелия СССР. С 1930 года занимает должности при ЦК ВКП(б), вплоть до заместителя председателя Комиссии партийного контроля. Принимал участие в подготовке ряда судебных процессов. Генеральный комиссар государственной безопасности. С апреля по декабрь 1938 года по совместительству — нарком водного транспорта. В апреле 1939 года арестован по обвинению в руководстве заговорщицкой организацией в войсках и органах НКВД, шпионаже и подготовке террористических актов. Расстрелян.

45. Берия Лаврентий Павлович (1899–1953)

Нарком внутренних дел СССР с декабря 1938-го по декабрь 1945 года. Министр внутренних дел СССР с марта по июнь 1953 года.

Учился в политехническом институте, но не окончил его. Работал в органах ЧК Закавказья, председателем ГПУ Грузии, секретарем компартии Грузии, секретарем Закавказского крайкома ВКП(б). В годы Великой Отечественной войны входил в Государственный Комитет Обороны. Руководил созданием атомной промышленности страны. Генеральный комиссар государственной безопасности, Маршал Советского Союза. В марте 1953 года органы госбезопасности и милиции вновь объединяются в одно министерство — МВД СССР, которое возглавляет Берия. В июне 1953 года арестован и снят со всех постов. Специальным судебным присутствием Верховного суда СССР обвинен в создании группы заговорщиков, имевшей целью захват власти в стране, в разжигании национальной розни, террористических расправах над людьми, избиениях и пытках арестованных, моральном разложении. Расстрелян 23 декабря 1953 года.

46. Круглов Сергей Никифорович (1907–1977)

Министр внутренних дел СССР с декабря 1945-го по март 1953 года и с июня 1953-го по февраль 1956 года.

С 1924 года работал трактористом, председателем сельсовета. Окончил Московский институт востоковедения. С 1938 года — в НКВД, был заместителем Л. П. Берии. В годы войны входил в Совет резервного фронта, командовал 4-й саперной армией по созданию оборонительных

рубежей. Участвовал в охране правительственных делегаций на Крымской и Потсдамской конференциях, за что награжден орденами Великобритании и США. Участвовал в депортации народов Северного Кавказа. Под руководством «наркома сталинскихстроек» Круглова создавалась сеть особых лагерей и тюрем для осужденных за «контрреволюционные преступления». После освобождения от должности работал, в частности, заместителем министра строительства электростанций. В 1960 году исключен из партии за причастность к репрессиям. Погиб в июне 1977 года, попав под поезд.

47. Дудоров Николай Павлович (1906–1977)

Министр внутренних дел СССР с февраля 1956-го по январь 1960 года.

Окончил Московский химико-технологический институт. В течение многих лет работал в строительной отрасли. В 1954–1956 годах заведовал отделом строительства ЦК КПСС. При министре Дудорове строительные главки, находившиеся в структуре МВД, были переданы в соответствующие министерства. Проводилась также большая работа по реабилитации политических заключенных и восстановлению в правах депортированных народов. Воинское звание Дудорову не присваивалось. Ушел с поста в связи с упразднением в 1960 году МВД СССР. Перед уходом на пенсию в 1972 году — начальник Главмоспромстройматериалов Мосгорисполкома — министр СССР.

48. Стаханов Николай Павлович (1901–1977)

Министр внутренних дел РСФСР с февраля 1956-го по июнь 1961 года.

Окончил Военную академию имени М. В. Фрунзе. В 1942–1952 годах — начальник пограничных войск страны. С августа 1952 года — заместитель министра государственной безопасности СССР. В марте 1953 года назначен начальником Главного управления милиции МВД СССР. С 1954 года — первый заместитель министра внутренних дел СССР. В феврале 1955 года становится министром внутренних дел РСФСР. В 1961 году освобожден от должности как несправившийся и отправлен на пенсию.

49. Тикунов Вадим Степанович (1921–1980)

Министр внутренних дел (охраны общественного порядка) РСФСР с июня 1961-го по сентябрь 1966 года.

Окончил Алма-Атинский юридический институт. В 1942–1952 годах работал в комсомольских и партийных органах в Казахстане, Эстонии, Владимирской области, затем в аппарате ЦК КПСС. В 1959–1961 годах — заместитель председателя КГБ при Совете министров СССР. Первый

министр внутренних дел советского периода с высшим юридическим образованием. После упразднения МООП РСФСР переведен на работу в ЦК КПСС. В 1969–1974 годах — чрезвычайный советник-посланник в Румынии. В 1974–1978 годах — посол СССР в Верхней Вольте, в 1978–1980 годах — в Камеруне.

50. Щёлоков Николай Анисимович (1910–1984)

Министр внутренних дел (охраны общественного порядка) СССР с сентября 1966-го по декабрь 1982 года.

Генерал армии, доктор экономических наук. В 1933 году окончил Днепропетровский металлургический институт, работал инженером, начальником цеха. В 1938 году избран первым секретарем Красногвардейского райкома КП(б) Украины Днепропетровска. С 1939 года — председатель Днепропетровского горисполкома. Во время Великой Отечественной войны — уполномоченный Военного совета Южного фронта по Сталинградской и Ростовской областям, заместитель начальника тыла Северной группы войск и Северо-Кавказского фронта, начальник политотдела дивизии и корпуса. В 1945–1946 годах — ответственный секретарь партийной комиссии Прикарпатского военного округа. С 1946 года — заместитель министра местной промышленности Украины. В 1947–1951 годах — сотрудник аппарата ЦК компартии Украины. В 1951–1966 годах работает в Молдавии заместителем председателя Совета министров, председателем республиканского совнархоза, вторым секретарем ЦК компартии. С 1966 года — кандидат в члены ЦК КПСС, в 1968–1983 годах — член ЦК КПСС. В 1982 году отстранен от должности министра, в 1983-м — выведен из состава ЦК КПСС, в 1984-м — исключен из партии, лишен всех званий и наград (кроме боевых).

51. Федорчук Виталий Васильевич (1918–2008)

Министр внутренних дел СССР с декабря 1982-го по январь 1986 года.

В 1938 году окончил Киевское военное училище связи, в 1960-м — Высшую школу КГБ. В 1939–1970 годах проходил службу в военных органах контрразведки. Во время событий на Халхин-Голе — заместитель начальника особого отдела дивизии. Во время Великой Отечественной войны — начальник особого отдела отдельной танковой бригады на Западном, Северо-Кавказском фронтах и Черноморской группы войск, начальник особого отдела Ярославского и Калининского гарнизонов. В послевоенные годы в КГБ СССР возглавлял 3-е управление, в 1970–1982 годах — председатель КГБ Украинской ССР. В мае — декабре 1982 года — председатель КГБ СССР. В 1986–1992 годах — в группе генеральных инспекторов Министерства обороны СССР.

52. Власов Александр Владимирович (1932–2002)

Министр внутренних дел СССР с января 1986-го по октябрь 1988 года.

Окончил Иркутский горно-металлургический институт. Работал горным мастером на шахте «Черемховоуголь». С 1954 года — на комсомольской, затем партийной работе в Иркутской области. С 1965 года — секретарь, затем второй секретарь Якутского обкома партии. С 1975 года — первый секретарь Чечено-Ингушского обкома КПСС, с 1984-го — первый секретарь Ростовского обкома КПСС. В 1988–1991 годах — председатель Совета министров РСФСР. Как министр внутренних дел пытался восстановить деятельность структур, разрушенных при предшественнике, например, работу профилактических служб. Добился повышения зарплат и званий для участковых милиционеров.

53. Бакатин Вадим Викторович (род. в 1937 г.)

Министр внутренних дел СССР с октября 1988-го по декабрь 1990 года.

Окончил Новосибирский инженерно-строительный институт и Академию общественных наук при ЦК КПСС. В 1960–1973 годах работал в строительных организациях Кемеровской области, где прошел путь от мастера, прораба участка до начальника управления. С 1973 года — на партийной работе. С 1985 года — возглавлял Кировский, а в 1987–1988 годах — Кемеровский обкомы партии. Как министр внутренних дел, Бакатин выступал за децентрализацию полномочий аппарата, резкое сокращение количества главков, декларировал открытость в работе ведомства. Поддержал создание подразделений по борьбе с организованной преступностью. После отставки с должности главы МВД был членом Президентского совета СССР, с августа по декабрь 1991 года руководил Комитетом государственной безопасности СССР, не скрывая своей цели «избавить» страну от этой организации. В 1991 году баллотировался на пост президента России, но выборы проиграл. С 1992 года — на пенсии.

54. Пуго Борис Карлович (1937–1991)

Министр внутренних дел СССР с января по август 1991 года.

Окончил Рижский политехнический институт. В 1961–1976 годах — на комсомольской и партийной работе в Латвии, ЦК ВЛКСМ и ЦК КПСС, первый секретарь Рижского горкома партии. С 1976 года — в органах государственной безопасности, с 1980-го — председатель КГБ Латвийской ССР. Затем — первый секретарь ЦК компартии Латвии, председатель Комитета партийного контроля при ЦК КПСС. Должность министра внутренних дел СССР занимал всего семь месяцев. 22 августа 1991 года после поражения ГКЧП, активного участия в котором Пуго не принимал,

он и его жена Валентина Ивановна добровольно ушли из жизни.

55. Трушин Василий Петрович (1934–2006)

Исполнял обязанности министра внутренних дел СССР 22–23 августа 1991 года.

Окончил Московский горный институт. С 1959 года — на комсомольской, затем партийной работе в Москве. В 1976 году назначен секретарем столичного горкома партии. В 1979–1984 годах возглавлял московскую милицию, затем — первый заместитель министра внутренних дел СССР (1984–1989), министр внутренних дел РСФСР (1989–1990), заместитель министра внутренних дел СССР (1990–1991). Возглавлял штаб МВД СССР по ликвидации последствий аварии на Чернобыльской АЭС. После самоубийства Б. К. Пуго временно, по поручению президента СССР М. С. Горбачева, исполнял обязанности главы союзного МВД. С 1991 года — на пенсии.

56. Баранников Виктор Павлович (1940–1995)

Министр внутренних дел СССР с августа по декабрь 1991 года.

Окончил Московскую высшую школу милиции. С 1961 года — в органах внутренних дел: участковый инспектор, начальник отделения милиции, начальник РОВД, начальник отдела в центральном аппарате МВД, первый заместитель министра внутренних дел Азербайджанской ССР. Министр внутренних дел РСФСР с сентября 1990-го по август 1991 года. В августе 1991 года Баранников арестовывал членов ГКЧП. С января 1992-го по август 1993 года — генеральный директор Агентства федеральной безопасности РФ, министр безопасности РФ. Освобожден от должности за допущенные нарушения этических норм и недостатки в работе. В сентябре 1993 года примкнул к сторонникам оппозиции президенту РФ, 4 октября задержан и уволен с военной службы, 4 февраля 1994 года освобожден из-под стражи по состоянию здоровья.

<i>Министры внутренних дел Российской Федерации</i>
--

57. Дунаев Андрей Федорович (род. в 1939 г.)

Министр внутренних дел РСФСР с сентября по декабрь 1991 года.

Окончил Высшую школу милиции и Академию МВД СССР. Службу начинал оперуполномоченным в Кустанайской области Казахстана в 1959 году. Возглавлял отдел уголовного розыска в Чечено-Ингушетии (1973–1978). Затем — заместитель министра внутренних дел Дагестанской АССР (1979–1980), начальник УВД Вологодской области (1980–1985). В 1986

году переведен с понижением начальником Калининградской средней школы милиции. В 1990 году избран народным депутатом РСФСР от Калининградской области. В 1990–1991 годах — заместитель министра, с сентября по декабрь 1991 года — министр внутренних дел РСФСР. Некоторое время (до назначения В. Ф. Ерина) фактически руководит органами внутренних дел Российской Федерации. С января 1992 года до июля 1993-го — первый заместитель министра внутренних дел РФ. 22 сентября 1993 года указом и. о. президента РФ А. В. Руцкого, впоследствии признанным неконституционным, назначен министром внутренних дел РФ. 4 октября арестован, освобожден в январе 1994 года по амнистии. С 1993 года — на пенсии.

58. Ерин Виктор Федорович (род. в 1944 г.)

Министр внутренних дел Российской Федерации с января 1992-го по июль 1995 года.

Окончил Высшую школу МВД СССР. С 1964 года работал в органах внутренних дел Татарской АССР, последняя должность там — начальник республиканского управления уголовного розыска. В 1983–1988 годах возглавлял отделы в Главном управлении БХСС МВД СССР. В 1988–1990 годах — первый заместитель министра внутренних дел Армянской ССР, в 1990–1991 годах — заместитель, первый заместитель министра внутренних дел РСФСР. В сентябре — декабре 1991 года — первый заместитель министра внутренних дел СССР. Наряду с охраной правопорядка и борьбой с преступностью обеспечивал участие сил МВД в событиях сентября — октября 1993 года в Москве, совместно с армией — боевых действий в Чеченской Республике. Герой Российской Федерации (1993). В июле 1995 года назначен заместителем директора Службы внешней разведки РФ. С 2001 года — на пенсии.

59. Куликов Анатолий Сергеевич (род. в 1946 г.)

Министр внутренних дел Российской Федерации с июля 1995-го по март 1998 года.

Окончил Орджоникидзевское военное училище МООП, в 1974 году — Военную академию имени М. В. Фрунзе, в 1990 году — Военную академию Генерального штаба Вооруженных сил СССР. В 1963–1995 годах проходил службу во Внутренних войсках МВД, последняя должность — командующий Внутренними войсками — заместитель министра внутренних дел РФ. В 1995 году командовал объединенной группировкой федеральных сил в Чеченской Республике. С февраля 1997-го по март 1998 года, оставаясь министром внутренних дел, был заместителем председателя правительства РФ. Освобожден от этих должностей без мотивировки.

Депутат Государственной думы нескольких созывов. Доктор экономических наук.

60. Степашин Сергей Вадимович (род. в 1952 г.)

Министр внутренних дел Российской Федерации с марта 1998-го по апрель 1999 года.

Окончил Высшее политическое училище МВД СССР (1973), Военно-политическую академию (1981). В 1973–1983 годах служил во Внутренних войсках МВД СССР. С 1983 года — на преподавательской работе в Высшем политическом училище МВД СССР. В 1990–1993 годах — народный депутат России, председатель Комитета Верховного Совета России по вопросам обороны и безопасности. В 1991–1992 годах занимал должность заместителя генерального директора Агентства федеральной безопасности РСФСР. С сентября 1993-го по март 1994 года — первый заместитель министра безопасности, директора Федеральной службы контрразведки РФ. В 1994–1995 годах — директор Федеральной службы контрразведки, Федеральной службы безопасности РФ. С ноября 1995 года — начальник Административного департамента аппарата правительства РФ. С июля 1997-го по март 1998 года — министр юстиции РФ. С апреля 1999 года — первый заместитель председателя правительства РФ, с мая по август 1999 года возглавлял правительство РФ. С декабря 1999 года — депутат Государственной думы, председатель Комиссии Думы по борьбе с коррупцией. С апреля 2000 года возглавляет Счетную палату РФ.

61. Рушайло Владимир Борисович (род. в 1953 г.)

Министр внутренних дел Российской Федерации с мая 1999-го по март 2001 года.

С 1970 года учился в Московском станкостроительном институте, но в 1971 году оставил учебу и устроился на работу. В органах внутренних дел — с 1972 года. В 1976 году окончил Омскую высшую школу МВД СССР. Работал в уголовном розыске ГУВД Москвы. В 1988–1992 годах возглавлял 6-й отдел МУРа (борьба с бандитизмом и организованной преступностью). В 1992 году стал начальником столичного РУОП — регионального управления по борьбе с организованной преступностью. Практическая деятельность РУОП (впоследствии РУБОП) в стране организовывалась во многом под влиянием Рушайло. В октябре 1996 года назначен первым заместителем начальника Главного управления по борьбе с оргпреступностью — ГУОП МВД РФ, что было воспринято как отстранение от практической деятельности. В декабре 1996 года освобожден от должности и откомандирован в Совет Федерации РФ. В мае 1998 года назначается заместителем министра внутренних дел РФ. С мая

1999 года — министр внутренних дел РФ. В том же году указом Президента РФ присваивается звание Героя России. С апреля 2001 года — секретарь Совета безопасности. С июня 2004-го по октябрь 2007 года — исполнительный секретарь государств СНГ. С декабря 2007 года — представитель Архангельского областного Законодательного собрания в Совете Федерации. Доктор юридических наук.

62. Грызлов Борис Вячеславович (род. в 1950 г.)

Министр внутренних дел Российской Федерации с марта 2001-го по декабрь 2003 года.

Окончил с золотой медалью ленинградскую политехническую школу № 211, в 1973 году — Ленинградский электротехнический институт связи имени М. А. Бонч-Бруевича по специальности «радиоинженер». Занимался разработкой космических систем связи. С 1977 года работал в Ленинграде на ПО «Электронприбор», где прошел путь от ведущего конструктора до директора крупного подразделения. С 1996 по 1999 год работает в сфере высшего образования, участвует в выборах в областные органы власти и в деятельности предвыборных штабов. В декабре 1999 года избран депутатом Госдумы по федеральному списку движения «Единство». С января 2000 года возглавляет фракцию «Единство» в Госдуме. На посту министра внутренних дел предпринимает усилия по ликвидации «липовой» отчетности в милиции, сворачивает деятельность управлений по борьбе с оргпреступностью (их функции передаются в уголовный розыск), инициирует несколько показательных дел против так называемых «оборотней в милицейских погонах». В ноябре 2002 года становится председателем партии «Единая Россия». С декабря 2003 года — председатель Государственной думы четвертого, затем пятого созывов. Кандидат политических наук.

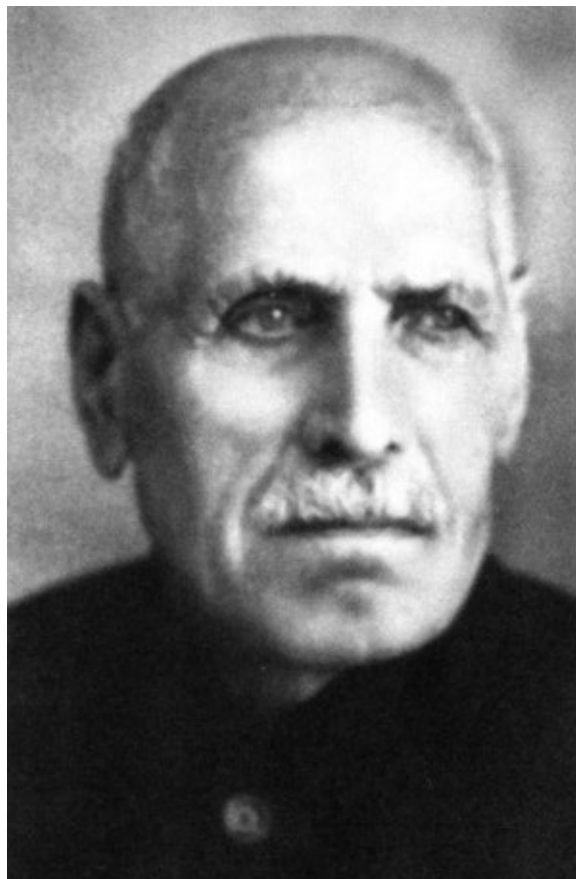
63. Нургалиев Рашид Гумарович (род. в 1956 г.)

Министр внутренних дел Российской Федерации с марта 2004 года.

Окончил Петрозаводский государственный университет имени О. В. Куусинена. В 1979–1981 годах — учитель физики в школе поселка Надвоицы в Карелии. С 1981 года — в Комитете государственной безопасности Карельской АССР, где занимал должности от оперуполномоченного до начальника отдела по борьбе с терроризмом. В начале 1990-х годов работал в центральном аппарате Комитета национальной безопасности Республики Казахстан. С 1995 по 2002 год — в органах государственной безопасности России, где работал по линиям собственной безопасности, борьбы с контрабандой и незаконного оборота наркотиков. В 1998–1999 годах — начальник отдела в Главном

контрольном управлении президента РФ. В 2000–2002 годах — заместитель директора ФСБ РФ. С июня 2002 года — первый заместитель министра внутренних дел РФ — начальник Службы криминальной милиции МВД РФ. С ноября 2003 года — фактически руководит ведомством, на должность министра назначен 9 марта 2004 года. Кандидат экономических наук.

ИЛЛЮСТРАЦИИ

Анисим Митрофанович Щёлоков

Мария Ивановна Щёлокова

Дом в поселке Алмазная, где родился Н. А. Щёлоков

Днепропетровский металлургический завод им. Г. И. Петровского, где Н. Щёлоков работал начальником мартеновского цеха

С братом Сергеем. 1934 г.

Начальник политотдела гвардейской стрелковой дивизии Н. А. Щёлоков беседует с бойцом Нерушем и двумя его сыновьями. 1944 г.

*Медсестра Светлана Попова и политрук Николай Щёлоков: впереди
жизнь... 1945 г.*

*Боевые товарищи. Л. И. Брежнев (второй слева) и Н. А. Щёлоков
(справа от него). Краснодар, 1943 г.*

Николай Анисимович Щёлоков. 1944 г.

Супруги Щёлоковы. Киев, 1947 г.

Первый заместитель председателя Совета министров Молдавской ССР

Кишинев, площадь Ленина. Конец 1950-х гг.

Оригинальная бутылка для коньяка «Белый аист» — идея Н. А. Щёлокова

ПОСТАНОВЛЕНИЕ ВЕРХОВНОГО СОВЕТА СССР

Об утверждении Указа Президиума Верховного Совета СССР
«О назначении тов. Щелокова Н. А. Министром охраны
общественного порядка СССР»

Верховный Совет Союза Советских Социалистических
Республик **постановляет:**

Утвердить Указ Президиума Верховного Совета СССР
от 17 сентября 1966 года о назначении тов. **Щелокова**
Николая Анисимовича Министром охраны общественного
порядка СССР.

Председатель Президиума Верховного Совета СССР

Н. ПОДГОРНЫЙ

Секретарь Президиума Верховного Совета СССР

М. ГЕОРГАДZE

Москва, Кремль, 19 декабря 1966 г.

Главный поворот в судьбе

Новый министр предпочитал работать на местах

Н. А. Щёлоков в дежурной части ГУВД Москвы

*В дивизии внутренних войск МВД СССР имени Ф. Э. Дзержинского.
Конец 1970-х гг.*

С заместителями и соратниками — Б. Т. Шумилиным, К. И. Никитиным, Б. А. Викторовым (слева направо)

С. М. Крылов

И. И. Карпец

Николай Анисимович Щёлоков (второй справа в первом ряду) — на торжественном собрании, посвященном 50-летию советской милиции. Ноябрь. 1967 г.

В. П. Илларионов (слева) и О. А. Галустьян

Члены коллегии МВД СССР на встрече с Л. И. Брежневым. 1978 г.

Разговор с Юрием Владимировичем Андроповым

С супругой на официальном приеме

Последний снимок в кабинете министра. 19 декабря 1982 г.

В гостях у Михаила Шолохова в станице Вёшенская

С композитором Д. Д. Шостаковичем

В художественной галерее

Посвященная Н. А. Щёлокову экспозиция историко-художественного

музея в г. Стаханове Луганской области. Украина

В Центральном музее МВД у стенда, посвященного Н. А. Щёлокову

И. Н. Щёлоков у дома-музея своего отца в г. Алмазная (Украина). 2007 г.

ОСНОВНЫЕ ДАТЫ ЖИЗНИ И ДЕЯТЕЛЬНОСТИ Н. А. ЩЁЛОКОВА

1910, 26 ноября — родился в семье Анисима Митрофановича и Марии Ивановны Щёлоковых в рабочем поселке Алмазная Ворошиловградской области.

1919 — поступает в семилетнюю школу в Алмазной.

1926 — по окончании семилетки поступает в горнопромышленное училище, начинает работать на шахте имени Ильича в г. Кадиевке.

1929 — становится студентом металлургического факультета Днепропетровского института.

1931, январь — вступает в Коммунистическую партию.

1933 — по окончании института работает на металлургическом заводе в Алмазной.

1934 — призывается в Советскую армию, срочную службу проходит в Чернигове в артиллерийском полку.

1935 — сменный инженер, затем начальник доменного цеха на металлургическом заводе в Днепропетровске.

1938, декабрь — первый секретарь Красногвардейского райкома партии г. Днепропетровска.

1939, декабрь — назначен председателем Днепропетровского горисполкома.

1941–1945 — в начале войны с Германией Н. А. Щёлоков руководит строительством оборонительных сооружений в Днепропетровске, затем организует эвакуацию его жителей и промышленных объектов в более глубокий тыл. Уполномоченный Военного совета Южного фронта по Сталинградской и Ростовской областям, заместитель начальника тыла Северной группы войск, затем — Северо-Кавказского фронта, начальник политотдела 218-й Ромодано-Киевской ордена Красного Знамени стрелковой дивизии, начальник политотдела 28-го Львовского стрелкового корпуса 1-го Украинского фронта. После окончания войны — ответственный секретарь партийной комиссии Прикарпатского военного округа.

1944 — женился на фронтовой медсестре Светлане Владимировне Поповой, уроженке г. Краснодара.

1946, август — заместитель министра местной промышленности Украинской ССР.

1946 — в семье Щёлоковых родился сын Игорь.

1947–1951 — работа в аппарате ЦК КП Украины, заведующий промышленным отделом.

1951 — первый заместитель Председателя Совета министров Молдавской ССР (исполнял эту должность 16 лет), некоторое время был председателем Совнархоза МССР.

1956 — рождение дочери Ирины.

1966, март — избирается вторым секретарем ЦК компартии Молдавии. **17 сентября** — назначен министром охраны общественного порядка СССР.

1968, 25 января — назначен министром внутренних дел СССР. В том же году становится членом ЦК КПСС.

1976, 10 сентября — присвоено воинское звание генерала армии.

1978 — за работы по развитию экономики Молдавии присуждена ученая степень доктора экономических наук.

1980, ноябрь — за заслуги перед Советским государством и в связи с семидесятилетием присвоено звание Героя Социалистического Труда.

1982, 18 декабря — освобожден от должности министра внутренних дел СССР.

22 декабря — назначен военным инспектором-советником Группы генеральных инспекторов Министерства обороны СССР.

1983, 19 февраля — на даче в Серебряном Бору застрелилась Светлана Владимировна Щёлокова.

Июнь — выведен из состава ЦК КПСС.

1984, май — впервые вызван в Главную военную прокуратуру для допроса в качестве свидетеля по уголовному делу о злоупотреблениях в ХОЗУ МВД.

Ноябрь — декабрь — лишен воинского звания генерала армии, исключен из партии. В нарушение действовавшего законодательства лишен всех правительственных наград, кроме боевых, и звания Героя Социалистического Труда.

13 декабря — покончил жизнь самоубийством. Похоронен на Ваганьковском кладбище в Москве.

КРАТКИЙ СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Борисов А. В., Дугин А. Н., Малыгин А. Я. и др. Полиция и милиция России: страницы истории. М., 1995.

Брежнев М. А. Министр Щелоков. М., 2008.

Вознесенский Л. А. Истины ради. М., 2004.

Карпец И. И. Сыск. Записки начальника уголовного розыска. М., 1994.

МВД России. Энциклопедия. М., 2002.

Министерство Внутренних Дѣлъ. 1802–1902. Историческій очеркъ. С.-Петербургъ, 1901.

Министерство внутренних дел. 1902–2002. Исторический очерк. М., 2004.

Млечин Л. М. Юрий Андропов. Последняя надежда режима. М., 2008.

Некрасов В. Ф. Тринадцать «железных» наркомов. М., 1995.

Некрасов В. Ф. МВД в лицах. М., 1999.

Столяров К. А. Голгофа. М., 1991.

Томсинов В. А. Сперанский. М., 2006.

Чурбанов Ю. М. Мой тесть Леонид Брежнев. М., 2007.

СЛОВА БЛАГОДАРНОСТИ

Автор выражает искреннюю благодарность за помощь в работе над книгой Алькинской А. А., Астафьевой Г. Г., Белодубу А. Г., Будковой Н. П., Бутенину С. С., Вишневской Г. П., Воронину В. В., Галустьяну О. А., Голикову Б. К., Горному Ю. Г., Данилову В. В., Калачеву Б. Ф., Медведеву Д. Н., Мясоедову П. Г., Некрасову В. Ф., Попову Г. Г., Соболеву В. М., Сенопальникову А. В., Сорокину В. В., Турицыну А. А., Хорошко А. И., Шеину В. С., Щёлокову И. Н.

notes

Примечания

В автобиографии, составленной в конце жизни, он перечислит свои основные должности на фронте: «Уполномоченный Военного Совета Южного фронта по Сталинградской и Ростовской области, заместитель начальника тыла Северной группы войск, а затем — Северо-Кавказского фронта, начальник политотдела 218-й Ромодано-Киевской ордена Красного Знамени стрелковой дивизии, начальник политотдела 28-го Львовского стрелкового корпуса 1-го Украинского фронта».

Начальник уголовного розыска страны в 1969–1979 годах, известный ученый-криминолог.

Например, в Главном следственном управлении МВД никто не стоял в очереди на квартиру больше пяти лет. говорил автору бывший начальник следственной части МВД В. Ф. Статкус.

Кстати, вспоминает Александр Александрович, в Туле Щёлоков бывал в 1969 году. На снимке Турицын стоит рядом с министром. Придет время, когда фотографии с изображением Николая Анисимовича будут изымать у милиционеров даже из личных архивов...

К портрету самого А. И. Алексеева следует добавить, что он дослужился до генеральского ранга и в МВД, и в прокуратуре, но пенсию получает как бывший прокурор, потому что она в два с лишним раза выше, чем пенсия генерала милиции (по состоянию на конец 2009 года, 35 тысяч против 16 тысяч рублей).

О. А. Галустьян назвал немало и других ярких руководителей УВД того времени, оговорившись, что это только те, кого он хорошо знал лично. Продолжаем его список. Мажура Иван Владимирович (Пермь), Князев Григорий Никифорович (Свердловск), Буз Алексей Федорович (Краснодар, а до того Кемерово), Марьясов Геннадий Ефимович (Благовещенск), Бомонин Виктор Петрович (Томск), Дунаев Андрей Федорович (Вологда), Простое Михаил Парфенович (Кострома), Панкин Вячеслав Кириллович (Курск), Самохвалов Вадим Григорьевич (Москва), Иванов Константин Дмитриевич (Волгоград), Измайлов Иван Григорьевич (Оренбург), Осипов Станислав Вячеславович (Тюмень), Руденко Андрей Тихонович (Челябинск), Алексеев Геннадий Александрович (Северная Осетия), Коннов Иван Алексеевич (Кабардино-Балкария), Демидов Николай Иванович (Татария), Чурилов Анатолий Петрович (УВД на БАМе), Шилов Иван Федорович (Приморье), Новиков Владимир Никитович (Кемерово), Усачев Юрий Александрович (Горький), Волоха Александр Андреевич (Хабаровск)...

А как вам такое суждение о Крылове, принадлежащее отнюдь не консерватору? Авторитетный сыщик Д. Н. Медведев рассказывал автору этой книги: «Николай Анисимович умел подбирать людей. В его окружении было только одно слабое звено, только один человек, который, к сожалению, имел на него достаточно сильное влияние. Это Крылов. Он пытался стать вроде Сулова в МВД. У нас даже анекдот ходил. В холле министерства собирались открыть бюст Дзержинскому. Бюст стоял, укрытый ширмой. Шутили: „Это будет памятник Крылову“. Колоссальный формалист!»

Цитаты в этой главе — из посвященного В. С. Высоцкому спецвыпуска газеты «Я — телохранитель» (1995. № 2).

Почему-то в некоторых биографиях выдающегося композитора это произведение названо «издевательским». Шостакович не считал зазорным писать музыку по заказу официальных организаций. Известно, что министр внутренних дел лично просил его создать этот марш — Дмитрий Дмитриевич был нередким гостем в семье Щёлоковых. А в «мемуарах Шостаковича», изданных за рубежом С. Волковым, считающихся не очень достоверными, утверждается, что марш написан в честь Михаила Зощенко, бывшего когда-то милиционером. Одна версия другую не исключает. «Марш Советской милиции» — оригинальное творение Шостаковича, как отмечают музыковеды, единственное в его наследии, предназначенное для исполнения духовым оркестром.

Автор этих строк познакомился с Харитоновыми в конце 2009 года.

Владимир Васильевич Сорокин был дежурным приемной министра в 1980–1983 годах.

При Щёлокове, заметим, большое развитие получили средства коммуникации, в чем заслуга уже известного нам П. Г. Мясоедова. Для передачи сигналов на большие расстояния использовали, в частности, сети Министерства путей сообщения. А когда в штабе дежурные части появились, МВД стало владеть ситуацией в стране практически в режиме «реального времени».

В. Ф. Некрасов — доктор исторических наук, генерал-майор, автор ставших редкостью книг по истории ведомства, руководитель авторского коллектива составителей «Энциклопедии МВД».

Очень характерный образчик воспоминаний о Щёлокове. После развала СССР авторам многих мемуаров уже не так просто убедить читателя, что они приносили какую-то пользу на своих партийных постах. А убедить хочется. И тут очень кстати — их «мужественная борьба» с всемогущим министром, сущность которого они раскусили раньше многих.

В статье «Каким министром был Щёлоков» // Милиция. 2000. № 12.

Оказавшись в колонии, Юрий Михайлович это оценил!

Оскиан Аршакович Галустьян, начинавший службу оперативником, впоследствии занимал руководящие должности в Главном управлении кадров МВД, в УВД на БАМе, был первым заместителем министра внутренних дел Армении. Генерал-майор, доктор юридических наук, автор ряда книг.

Он ненавидел журнал «Америка», вспоминает Владимир Сорокин. Однажды, увидев «Америку» среди другой прессы на своем столе, Виталий Васильевич метнул этот тяжеленный журнал в коллегу Сорокина и чуть того не зашиб. «Я впервые в жизни услышал от руководителя такого уровня мат. Мы не мальчики, но слух резало».

Этот случай рассказал помощник министра по личным вопросам В. П. Бирюков.

«Отец всегда кому-то помогал, — вспоминает Игорь Николаевич Щёлоков. — Когда его о чем-то просили, тут же хватался за телефонную трубку». И. Н. Щёлоков в 1990-е годы, будучи в США, узнал, что с ним хочет встретиться женщина, репатриантка из Советского Союза. Выяснилось следующее. Ей не удавалось получить разрешения на выезд. Тогда она пришла на прием к министру внутренних дел (раз в месяц Щёлоков проводил прием населения). Во время беседы посетительница расплакалась. Это тронуло Николая Анисимовича, и он обещал сделать всё от него зависящее. Разрешение на выезд было ею получено. И вот много лет спустя она пожелала встретиться с сыном Щёлокова, чтобы высказать ему благодарность.

Анатолий Ефимович оставил по себе прекрасную память и как профессионал, и как личность. Нашумел в области такой случай: однажды, раскрывая зверское убийство пяти стариков, Шварцман «похитил» прапорщика Таманской дивизии прямо из расположения части! Для этого ему пришлось обмануть и солдат на пропускном пункте, и самого прапорщика. Доказательств сыщикам не хватало, только — интуиция. Ошибка могла стоить Шварцману даже свободы, не говоря уж о должности. Однако убийца по фамилии Новиков был изобличен. Настоящий зверь. С волей и самообладанием. После вынесения приговора пообещал сыщикам: «Дырку в затылке вы мне не просверлите». В камере вогнал гвоздь себе в сердце — откачали, в другой раз перегрыз себе вены на руке...

Не кто иной, как Ю. М. Чурбанов, также утверждал, что на совести Щёлокова нет сломанных судеб.

С. М. Бунина категорически не хочет, чтобы ее называли правозащитницей, учитывая, какой смысл позднее стали вкладывать в это понятие. Политикой она не занималась. Однако она защищала права тех, кому больше неоткуда было ждать помощи. Значит, по сути, была правозащитницей — в исконном значении этого слова.

Пример более осторожного поведения приводят биографы Ю. В. Андропова: «Когда Горбачева сделали секретарем ЦК по сельскому хозяйству и он переехал в Москву, Андропов не спешил афишировать свое расположение к Михаилу Сергеевичу. Горбачев, став членом Политбюро, обосновался на даче рядом с Андроповым. Оказавшись с Юрием Владимировичем в одном партийном ранге, осмелился позвонить ему в воскресенье:

— Сегодня у нас ставропольский стол. И, как в старое доброе время, приглашаю вас с Татьяной Филипповной на обед.

— Да, хорошее было время, — согласился Андропов. — Но сейчас, Михаил, я должен отказаться от приглашения.

— Почему? — искренне удивился Горбачев.

— Если я к тебе пойду, завтра же начнутся пересуды: кто? где? зачем? что обсуждали? Мы с Татьяной Филипповной еще будем идти к тебе, а Леониду Ильичу уже начнут докладывать. Говорю это, Михаил, прежде всего для тебя».

Однако их мнение формируется, во многом, справками, составляемыми в КГБ и подписанными тем же Ю. В. Андроповым. Публичная позиция Юрия Владимировича весьма часто была мягче той, которую он на самом деле занимал.

Писатель ошибочно излагает эту историю. Семья Ростроповичей прибыла в эвакуацию в Чкаловск (Оренбург), и там ее приютил дядя Светланы Владимировны — Валентин Попов.

«Бодался теленок с дубом». М., 1996. Пятое дополнение (1974–1975), глава «Невидимки».

Запись из своего архива предоставил автору О. А. Галустьян.

В. Полубинский вспоминает: «Мы как-то с ним ездили в командировку в Нальчик. Утром уборщица в гостинице спрашивает меня: „Ваш товарищ нормальный?“ Они привыкли к другому поведению высоких гостей из Москвы. А Сергей Михайлович утром надел спортивную форму и — на пробежку по центру города».

Так в тексте, на самом деле С. М. Крылов застрелился 19 апреля 1979 года.

Игорь Яковлевич 34 года своей карьеры проработал в КГБ и последние восемь лет — в МВД, где возглавлял Главное управление кадров. Доктор юридических наук.

Примерно о том же говорил автору В. И. Илюхин: «Мне кажется, причина злоключений Щёлокова в конце его карьеры — в попытках стать выше, чем КГБ. Ревность между ведомствами тогда была как бы не сильнее, чем сейчас. В близких контактах Щёлокова с Брежневым ничего плохого не было, но они формировали негативное отношение к нему со стороны окружения генерального. Более серьезной причины, кроме ревности, я и тогда не видел, и сейчас, спустя годы, не вижу».

Любопытный факт: у двух руководителей политической полиции СССР сыновья от первых браков имели судимости! Но если брошенный отцом Владимир Андропов, оступившись по малолетству, постепенно выкруливал на нормальную дорогу, то Валерий Цвигун, проживавший в Туле, стал закоренелым уголовником.

Сын Андропова, Игорь, окончив МГИМО, дорос до должности советского посла в Греции уже после смерти отца. Правда, Игорь Владимирович крепко выпивал... Вообще, у руководителей такого уровня бывают ли счастливыми дети?

Чурбанов пишет: «Андропов не питал симпатий к Щёлокову не потому, что ревновал его к Брежневу, это чепуха. Сам Андропов был намного ближе к Леониду Ильичу».

Виктор Иванович Алидин в 1971–1986 годах возглавлял управление КГБ по Москве и Московской области, генерал-полковник.

В одной области был случай: бывшего «торгаша» назначили секретарем обкома. Он тут же отдал распоряжение начальнику УВД: «Соберитесь в актовом зале вместе с агентурой и доверенными лицами, я вас проинструктирую».

Андропов конечно же, боже упаси, не прослушивал телефонных разговоров членов Политбюро, однако, став в 1982 году секретарем ЦК, личных разговоров по служебному телефону не вел.

В. В. Луценко, закончивший службу в органах госбезопасности в звании полковника руководителем антитеррористического подразделения, рассказывает такой эпизод. В самом начале 1980-х годов в Армению приезжал Чурбанов. Власти республики выворачивались наизнанку, чтобы угодить высокому гостю. Издали альбом с золотым тиснением: «Программа визита первого заместителя (и пр., и пр.) в Армению» (тот прибыл всего на пару дней). Перекрывали движение в Ереване. Местные жители были очень недовольны. Луценко принес отчет своему начальнику. «Что я могу сделать?» — развел руками тот. И... положил отчет в сейф. До лучших времен, которые, как известно, вскоре наступили.

Сотрудник сверхсекретного «антикоррупционного» подразделения, созданного министром в 1982 году, Сергей Бутенин, рассказывает, что у его начальника Вилена Апакидзе имелась уникальная книга — «Слово о полку Игореве», изданная в начале 1920-х перед Генуэзской конференцией в нескольких экземплярах. Иллюстрации в ней были выполнены мастерами Палеха, каждая переложена папиросной бумагой. Вилен приобрел книгу за копейки на тбилисской толкучке. А от отца ему досталось изданное Сытиным в 1906 году собрание сочинений Дюма-отца в пятидесяти пяти томах.

Преступление удалось раскрыть в 1981 году. По словам Бутенина, наводчицей оказалась подруга дочери Л., а исполнителями — бандиты из разгромленной к тому времени преступной группировки «Тяп-ляп» из Казани.

Эта неприятная история в свое время вызвала в Армении негодование против доносчика. Мог бы придумать другой повод для интриги. Хотели сделать приятное министру — и подставили... Истинный сын Армении так бы не поступил.

Автор сожалеет, что вынужден задаваться этим вопросом. Есть же презумпция невиновности. Ни одного конкретного обвинения в адрес пятидесятого министра по этой части мы так и не услышим. Ни у него, ни у его родственников впоследствии не найдут ни одного вещдока, изъятого из уголовного дела. Но коль скоро слух запущен и оказался живуч...

После отставки Щёлокова Медведев вернется в транспортную милицию и прослужит в линейных отделениях, которые профессионалы его уровня называли штрафбатами, шесть лет. Вот чем мог оборачиваться контроль со стороны «старших соседей». И не докажешь ничего. Вызволит Дмитрия Николаевича из «ссылки» Александр Иванович Гуров, когда при министре Бакатине будет создавать Управление по борьбе с организованной преступностью.

На какое-то время по оплате труда милиционеры опять догнали чекистов. Но те своего не упускали: стали получать надбавки за секретность, знание языка, особые условия и т. д., и вернулась диспропорция.

О более сложном отношении военных прокуроров к личности бывшего министра внутренних дел — читайте дальше. Далеко не все из них, подобно Катусеву, считали Николая Анисимовича циником.

В Советском Союзе статус хозяйственников был гораздо выше, чем сейчас. Например, Е. С. Залунин организовывал свадьбу Галины Брежневой и Юрия Чурбанова и немало других мероприятий подобного уровня.

Василий Бойко возглавлял ХОЗУ МООП до ноября 1966 года.

Это следует из материалов уголовного дела № 6–83 в отношении В. А. Калинина и группы его подчиненных, которое суд рассмотрел в 1985 году.

И немалые расходы, по словам А. Ф. Катусева. Когда Щёлокову сообщили об этом на допросе в Главной военной прокуратуре в мае 1984 года, он «чрезвычайно удивился». Удивишься тут...

Даже такой впоследствии ярый критик Щёлокова, как главный военный прокурор А. Ф. Катусев, отметит: «Немалая часть злоупотреблений служебным положением происходила от имени Щёлокова, но без его непосредственного участия, за его спиной».

За исключением Юрия Чурбанова, который утверждает, что министра с годами всё чаще одолевали нерабочие мысли, ввиду чего основная руководящая нагрузка ложилась на него.

Леонид Ильич в 1976 году преподнес своему крестнику Игорю Щёлокову на тридцатилетие «мерседес».

Эту реальную историю З. поведал в доверительном разговоре следователю прокуратуры, который через много лет рассказал ее автору этих строк.

Эта исповедь взята из публикации в журнале «Власть» (2006. № 5). Перепади проходил по так называемому «сочинскому делу», завершившемуся в начале 1980-х осуждением большого числа высокопоставленных взяточников и коррупционеров Краснодарского края. Он сделал свои признания в письме на имя генерального прокурора А. Рекункова.

Даже друзья и родственники не могут не соблюдать правила игры. В. Болдин рассказывает со ссылкой на надежные источники: как-то, в последние месяцы своей жизни, Леонид Ильич... заплакал, узнав, что его собираются наградить не Золотой Звездой Героя Советского Союза, поскольку такую награду он получил незадолго до того, а орденом. Пришлось переигрывать.

Эпизод из книги П. Ф. Перевозника «О прошлом — для будущего». М., 2007.

Другое пророчество сделала Светлана Владимировна в 1966 году: «Коля, тебя либо убьют, либо ты сам застрелишься».

В 1980 году Владимир Сорокин приехал на дачу к министру и застал его возвращающимся с катка. Бывший хоккеист Сорокин с уважением это отмечает, поскольку сам он после шестидесяти лет уже не становился на коньки.

Вопрос, в каком ведомстве должно сосредоточиваться следствие по тем или иным делам, сложен и вряд ли будет когда-нибудь решен окончательно. Есть авторитетная научная точка зрения, согласно которой раскрываемость преступлений наилучшая, когда следственный, оперативный и криминалистический аппараты принадлежат к одному ведомству. Кроме того, соединение в прокуратуре функций и следствия, и надзора за ним — нонсенс. Это аргументы в пользу того, что расследованием преступлений (за исключением специфических составов, вроде воинских, дел о шпионаже и некоторых других) должно заниматься МВД. Однако у вопроса есть важный политический подтекст. Следствие — сильнейший инструмент политического влияния. В одни руки его отдавать «страшно». Тем более — в руки чужие. Попытки сосредоточить следствие в одном ведомстве обычно вызывают всплеск политической борьбы.

Строго говоря, тогда отдел по охране метрополитена входил в состав Управления вневедомственной охраны.

Из беседы Калиниченко с тележурналистом Дмитрием Гордоном 7 ноября 2004 года.

Как мы уже знаем, С. С. Бутенин свою карьеру начинал в МУРе, в отделе по раскрытию убийств, а позднее он — старший инспектор по особо важным делам ОРЧ ГУБХСС. Уволен при министре В. В. Федорчуке, восстановлен в органах после обращения в ЦК КПСС. Далее работал в главке по борьбе с организованной преступностью, в налоговой полиции, финансовой разведке. Закончил службу в генеральском звании. Заслуженный юрист РФ.

А уж как сотрудники аппарата КГБ были рады, что они теперь вновь «чекисты, а не федорчукисты»! Узнав, кого назначили новым министром, дежурный приемной МВД Сорокин позвонил знакомому в приемную КГБ. Услышал, что на Лубянке праздник. А украинские чекисты, провожая Федорчука в Москву, как сказали Сорокину, и вовсе рельсы целовали.

Находим в воспоминаниях Е. И. Чазова.

Показания опубликованы в книге К. А. Столярова «Голгофа» (М., 1991).

Руки Щёлокова Федорчуку мерещились везде. Дотянулись они и до Владивостока. В книге «МВД в лицах» (М., 2000) он рассказывает ее автору В. Ф. Некрасову: «Во Владивостоке была вскрыта крупная партия контрабанды стоимостью 300 тысяч рублей по ценам того времени... Затем, *вроде бы*, по команде Щёлокова, стоимость всего этого была снижена сначала до 213 тысяч рублей, а потом все эти ценности как-то совсем затерялись. Были данные о разбазаривании их семьей и близкими Щёлокова».

Публикации о «сочинском деле» нередко будут иллюстрировать фотографиями Щёлокова, хотя он тут с какого боку? В Краснодарском крае бывал относительно редко, отдыхать предпочитал в Грузии.

Газета «2000». 2007. 12 января.

Туляк А. А. Турицын ухитрился сфотографироваться вместе с министром, когда тот посещал Тулу. Кадровики, зная об этом, потребовали отдать снимок, но Турицын не отдал.

Вот статистика по Иркутской области. Как пишет В. Полубинский в статье «Безвременье» («Щит и меч». 1993, № 10), из 28 начальников горрайорганов должностей лишились 27.

Из протокола осмотра места происшествия: «Двуствольное бескурковое ружье 12 калибра с горизонтальным расположением стволов и заводским клеймом на ствольной планке „Гастин-Раннет“ (Париж)».

22 августа 1991 года застрелились министр внутренних дел СССР Б. К. Пуго и его жена. Когда об этом сообщили депутатам российского парламента, в зале раздались аплодисменты... Самоубийство Николая Анисимовича Щёлокова так и было воспринято: расписался в собственном банкротстве. «Доигрался». Ушел от ответственности.

Игорь Николаевич Щёлоков уточняет: «Это обнаружилось примерно через год после того, как мои родители познакомились с Галиной Павловной и Мстиславом Леопольдовичем. Дедушка как-то говорит: „Вы с Ростроповичем знакомы? Так он же во время войны жил у моего брата Валентина!“ Все удивились, но это оказалось истинной правдой. Ростропович поначалу не знал, что девичья фамилия моей мамы — Попова».

Курсивом в этом разделе выделен текст от автора настоящей книги.